

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 9. Сентябрь. 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

В. В. Міяковскій. М. Л. Михайловъ. (Къ пятидесятилѣтію его смерти).	5
В. Евгеньевъ. Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ.	38
С. А. Ефремовъ. Изъ исторіи возрожденія Галичины. III. Весна народовъ.	66
В. Соколовъ. Пьянство на Руси въ эпоху первыхъ Романовыхъ и мѣры борьбы съ нимъ.	105
Н. И. Карѣевъ. Польская революція 1848 г. въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ	119

II. Воспоминанія:

П. Витязевъ. П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ (М. А. Антоновича, Г. А. Лопатина, М. П. Негрескулъ). . . .	131
К. И. Ванченко. Воспоминанія украинскаго актера.	146
В. В. Берви. Воспоминанія	167
Э. И. Берви. Изъ воспоминаній.	174
Гр. Де-ла Гардъ. Картины изъ временъ Вѣнскаго конгресса. . . .	194
И. В. Лебедискій. Изъ жизни Московскаго университета. Варнековская исторія. Съ предисловіемъ Л. О. П а н т е л ѣ е в а. . .	210

III. Матеріалы:

Н. М. Мендельсонъ. Памяти А. В. Потаниной.	219
П. Л. Михайловъ. Письмо о смерти М. Л. Михайлова.	224
М. Л. Михайловъ. Портретъ (неизданное стихотвореніе).	228
П. Л. Лавровъ. Путникъ (неизд. стих.).	229
М. Г. Черняевъ и П. А. Кулаковскій. Письма ихъ И. С. Аксакову о Сербіи въ 1880—1882 г. Съ предисловіемъ В. И. П и ч е т ы. . .	232
А. П. Ермоловъ. Письма къ А. С. Норову.	250
А. З. Попельницкій и И. М. Соловьевъ. Изъ общественныхъ настроеній московскаго студенчества въ 1858 г.	255
К. В. Сивковъ. Полгода изъ жизни провинціального помѣщика конца XVIII в.	271

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 9. Сентябрь. 1915

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бульв., Путинковскій пер., соб. д.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

В. В. Міяковскій. М. Л. Михайловъ. (Къ пятидесятилѣтію его смерти).	5
В. Евгеньевъ. Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ.	38
С. А. Ефремовъ. Изъ исторіи возрожденія Галичины. III. Весна народовъ.	66
В. Соколовъ. Пьянство на Руси въ эпоху первыхъ Романовыхъ и мѣры борьбы съ нимъ.	105
Н. И. Карѣевъ. Польская революція 1848 г. въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ	119

II. Воспоминанія:

П. Витязевъ. П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ (М. А. Антоновича, Г. А. Лопатина, М. П. Негрескулъ).	131
К. И. Ванченко. Воспоминанія украинскаго актера.	146
В. В. Берви. Воспоминанія	167
Э. И. Берви. Изъ воспоминаній.	174
Гр. Де-ла Гардъ. Картины изъ временъ Вѣнскаго конгресса.	194
Я. В. Лебединскій. Изъ жизни Московскаго университета. Варнековская исторія. Съ предисловіемъ Л. О. П а н т е л ѣ е в а.	210

III. Матеріалы:

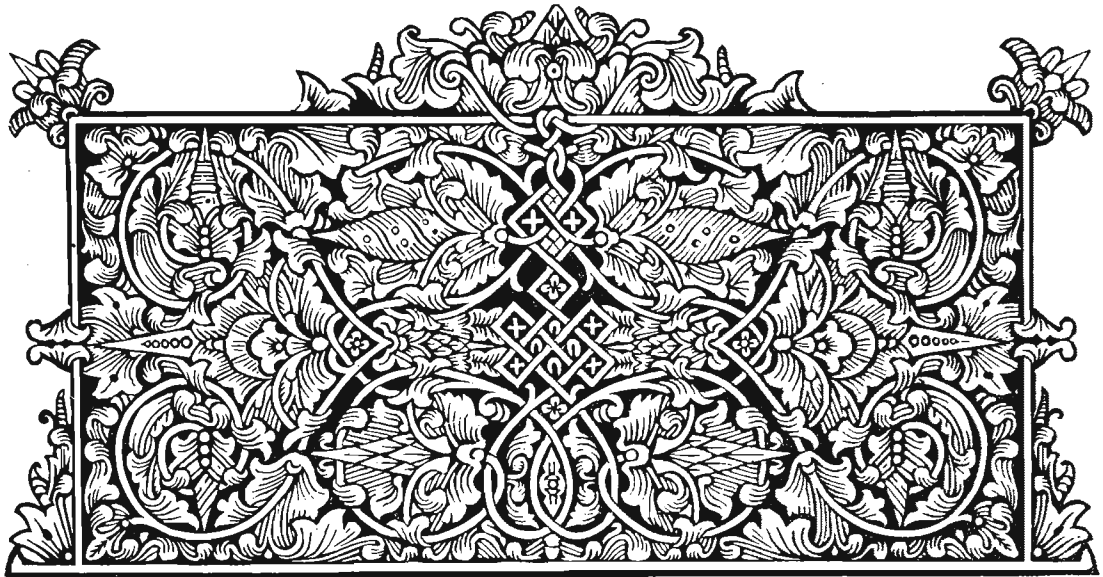
Н. М. Мендельсонъ. Памяти А. В. Потаниной.	219
П. Л. Михайловъ. Письмо о смерти М. Л. Михайлова.	224
М. Л. Михайловъ. Портретъ (неизданное стихотвореніе).	228
П. Л. Лавровъ. Путникъ (неизд. стих.).	229
М. Г. Черняевъ и П. А. Кулаковскій. Письма ихъ И. С. Аксакову о Сербіи въ 1880—1882 г. Съ предисловіемъ В. И. П и ч е т ы.	232
А. П. Ермоловъ. Письма къ А. С. Норову.	250
А. З. Попельницкій и И. М. Соловьевъ. Изъ общественныхъ настроеній московскаго студенчества въ 1858 г.	255
К. В. Сняковъ. Полгода изъ жизни провинціального помѣщика конца XVIII в.	271

IV. Критика и библиографія.

Н. К. Пиксановъ. Пушкинъ, т. VI, подъ редакціей С. А. Венгерова;
В. И. Семевскій. Пушкинъ. Исторія пугачевского бунта. Подъ редакціей Н. Н. Ойрсова. **К. В. Сивковъ.** Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. **С. П. Мельгуновъ.** В. С. Марковъ. Къ исторіи раскола старообрядчества второй половины XIX ст. **С. Г. Сватиковъ.** К. К. Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель. **Н. К. Пиксановъ.** Временникъ Пушкинскаго Дома. **Н. К. Пиксановъ.** С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. **С. Г. Сватиковъ.** Имп. Санктпетербургская Академія Художествъ. **А. М. Васютинскій.** Г. Бемеръ. Иезуиты. **А. М. Васютинскій.** Судьба одной дворянской семьи во время террора. Записки А. des-Ешероль. **Ф. Баллодъ.** Гунгеръ и Ламеръ. Культура древняго Востока въ картинахъ. **Е. Ѳ. Коршъ.** Л. Гуртикъ. Франція. Всеобщая исторія искусствъ. **Изъ текущей литературы.** **М. С. Грушевскій.** Древняя Русь въ новыхъ курсахъ. **С. Клейнеръ.** Средневѣковый странствующій школяръ. **Р. Григорьевъ.** Виновата ли Бельгія въ своей судьбѣ? 278

V. Рисунки.

Портретъ М. Л. Михайлова.

М. Л. Михайловъ.

(Къ пятидесятилѣтію его смерти).

I.

И писатели, какъ книги,—по латинской пословицѣ,—имѣютъ свою судьбу. Однимъ еще при жизни создаютъ вещественные и невещественные памятники. Другихъ забываютъ настолько основательно, что утрачиваютъ изъ памяти ихъ писательскій обликъ, забываютъ то, во что вложили они свою личность—ихъ произведенія, не знаютъ тѣхъ внѣшнихъ событій, среди которыхъ прошла ихъ жизнь.

Такимъ основательно забытымъ писателемъ является Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ, поэтъ, беллетристъ, писатель-этнографъ, публицистъ, критикъ и общественный дѣятель. Пятидесятилѣтіе со дня его смерти истекло 2-го августа этого года. Пятьдесятъ лѣтъ—срокъ, достаточный для того, чтобы имѣть собраніе сочиненій и полную біографію писателя, которымъ увлекались въ 60-хъ годахъ. Правда, въ томъ, что до сихъ поръ нѣтъ ни того, ни другого о Михайловѣ, виновата не читающая публика или измѣнившіеся вкусы, а «непредвидѣнныя обстоятельства», жестокое возмездіе, мстившее писателю за первую прокламацію 60-хъ годовъ много лѣтъ и послѣ его печальной смерти. Изданіе сочиненій, подготовленное къ печати въ 1867 году, было остановлено цензурой и сожжено. До 1906 г., когда впервые стало извѣстно по документамъ судебное дѣло Михайлова 1861 г.,

біографы его въ словаряхъ и другихъ изданіяхъ повторяли одни и тѣ же неprovѣренныя свѣдѣнія. Все это не могло содѣйствовать знакомству съ писателемъ, и о Михайловѣ запомнили только двѣ вещи—его переводы и чужую, не имъ написанную прокламацію. Но и переводы сплошь да рядомъ запомнились сами по себѣ, безъ имени переводчика. Вспоминая «Гренадеровъ» или «Бѣлое покрывало», рѣдко кто вспомнить имя поэта, своимъ удачнымъ переводомъ сдѣлавшаго такими популярными эти двѣ пьесы. А маленькая пѣсенка «Смѣло, друзья, не теряйте», которую такъ часто распѣвали повсюду,—совсѣмъ оторвалась отъ автора и получила наслоенія коллективнаго творчества.

Въ послѣднее время подъ редакціей П. В. Быкова начато изданіе сочиненій Михайлова. Одинъ изъ журналовъ даетъ ихъ въ видѣ бесплатнаго приложенія. Можетъ быть окончаніе срока авторскихъ правъ подарить читателей еще другими изданіями. А воскресить Михайлова нужно. Нужно ввести въ читательскій обиходъ современника Тургенева, Писемскаго, Григоровича, Майкова, Полонскаго. И не только потому, что его произведенія необходимы для близкаго знакомства съ той замѣчательной эпохой, когда одновременно работало такъ много выдающихся писателей. Разказы и романы Михайлова, не говоря уже о его стихахъ, имѣютъ самостоятельную цѣнность, могутъ нравиться и теперь, какъ нравятся намъ бытовыя картинки какого-нибудь современнаго тѣмъ годамъ художника,—не только своимъ историзмомъ, но и мастерствомъ рисунка, и образами, и идеей, и настроеніемъ. И Михайловъ не менѣе, чѣмъ другіе второстепенные беллетристы этой эпохи, изданные и переизданные, заслуживаетъ правъ на вниманіе читателя.

Въ своихъ первыхъ беллетристическихъ вещахъ онъ является поэтомъ провинціальной жизни: два сборника его разказовъ, вышедшихъ еще при жизни писателя, носили общее заглавіе «Въ провинціи».

Тихая, незатѣйливая жизнь, складывающаяся изъ совсѣмъ невидныхъ мелочей, описана въ разказѣ «Скромная доля». Грустная повѣсть «Кружевница», характерная для творчества Михайлова своими скорбными нотами и изображеніемъ страдающей женской личности. Сверкающая блестками юмора большая повѣсть «Адамъ Адамычъ». Повѣсть «Изгоевъ», такая знакомая намъ и по сюжету и по дѣйствующимъ лицамъ: исторія любви учителя-разночинца къ дочери помѣщика. Сатирическія сценки изъ простонароднаго быта—«Кумушки», выдержанныя въ народномъ языкѣ. Таково было содержаніе этихъ первыхъ сборниковъ.

Наиболѣе извѣстнымъ изъ всѣхъ произведеній Михайлова является его романъ «Перелетныя птицы» — изъ жизни провинціальныхъ актеровъ. Здѣсь не только удачное изображеніе быта, а и живыя фигуры антрепренера Наруковича, актера Мирвольскаго и аристократки по воспитанію Ольги, полюбившей двуличнаго Мирвольскаго, повиннаго въ ея гибели. Здѣсь и сложная душевная драма слабовольной и недюжинной Ольги.

Этотъ мотивъ гибели слабаго волей человѣка повторяется и въ романѣ «Марья Ивановна», очень правдиво написанномъ и оставляющемъ сильное впечатлѣніе изображеніемъ умиранія ненужнаго человѣка.

Достоинство всѣхъ произведеній Михайлова—ихъ правдивость и жизненность. Многіе рассказы носятъ автобіографическій налетъ. Разбросанныя повсюду упоминанія Нижняго-Новгорода, ярмарки, Илецка, Уфы, цифры годовъ, проставленныя въ романахъ, и даже имена—заставляютъ внимательнѣе присмотрѣться къ тому или другому произведенію. Хорошій, овѣянный воспоминаніями счастливаго дѣтства, рассказъ «Святки» ведется отъ лица мальчика, имя котораго—Миша; дѣйствіе происходитъ въ селѣ Кириловкѣ, и названіе это не придуманное, настоящее¹⁾; упоминается дядя мальчика, опять-таки съ непридуманнымъ, настоящимъ именемъ²⁾.

Эта жизненная правда, пережитое и прочувствованное въ произведеніяхъ Михайлова дѣлаютъ ихъ особенно цѣнными.

Если сочиненія Михайлова теперь будутъ доступны широкимъ кругамъ читателей, то очередь за полной его біографіей³⁾.

II.

Семейныя преданія изъ временъ крѣпостного права.—Исторія дѣда.—Служебная дѣятельность отца.—Илецкая Защита.—Дѣтство М. Л. Михайлова.

Послѣ первыхъ допросовъ въ III Отдѣленіи Михайловъ далъ очень длинное письменное показаніе, гдѣ объяснялъ и причины, побудившія его издать и распространить извѣстный листокъ «Къ молодому поколѣнію», за который онъ такъ тяжело пострадалъ. Онъ говорилъ здѣсь, что выйти изъ сферы обычной скромной литературной дѣятельности заставила его «горькая

¹⁾ Село, принадлежавшее дѣду Михайлова съ материнской стороны.

²⁾ Кн. Александръ Васильевичъ Ураковъ; въ рассказѣ—воспитанникъ бабушки, Александръ Васильевичъ.

³⁾ Нашъ очеркъ не имѣетъ претензій на полноту, но нѣкоторые отдѣлы біографіи М. Л. Михайлова освѣщены по новымъ, неизданнымъ даннымъ и вносятъ поправки въ трафаретъ его предыдущихъ біографій.

боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силой».

«Покойный отецъ мой», писалъ Михайловъ, «происходилъ изъ крѣпостного состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село, гдѣ онъ родился, было въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разказы о нихъ пугали меня еще съ дѣтства. Гроза прошла не даромъ и надъ моими родными. Дѣдъ мой былъ тоже жертвою несправедливости: онъ умеръ, не вынесъ позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія»¹⁾.

Дѣдъ Михайлова, Михаилъ Максимычъ, былъ крѣпостнымъ помѣщикомъ Аксаковыхъ, и въ «Семейной хроникѣ» изображенъ онъ подъ именемъ Михайлушки (въ главѣ «Михайла Максимовичъ Куролесовъ»). За свой умъ онъ былъ сдѣланъ сначала писцомъ въ конторѣ одного изъ имѣній, а впослѣдствіи былъ даже повѣреннымъ и главнымъ управителемъ имѣній. С. Т. Аксаковъ называетъ Михайлу Максимыча «замѣчательно умнымъ и дѣловымъ человѣкомъ», и этимъ уваженіемъ къ уму и дѣловитости его прониклась и госпожа Михайлушки, Надежда Ивановна Куролесова. Послѣ смерти мужа она предоставила всѣ свои имѣнія въ полное завѣдываніе своего же крѣпостного человѣка и, умирая, отпустила его на волю. Та трагедія, которая была причиной смерти Михайлы Максимыча, рассказана со словъ внука Н. В. Шелгуновымъ. Вольная была сдѣлана не по формѣ, и наслѣдники Надежды Ивановны хотѣли опять закрѣпостить всѣхъ отпущенныхъ на волю, въ томъ числѣ и Михаила Максимовича. За протесты противъ этого его заключили въ острогъ, судили, приговорили къ тѣлесному наказанію, которое и было приведено въ исполненіе²⁾.

Разсказъ свой о Михайлушкѣ, Аксаковъ заключаетъ словами о томъ, что кто-то изъ дѣтей его вышелъ въ чиновники и, наконецъ, въ дворяне. Такое превращеніе изъ крѣпостного въ дворянина и владѣльца въ свою очередь крестьянами случилось съ отцомъ поэта Ларіономъ Михайловичемъ. Это была тоже интересная фигура. Въ официальныхъ документахъ Михайлова-отца, въ графѣ о званіи, онъ былъ записанъ происходящимъ изъ отпущенниковъ. Шестнадцати лѣтъ, въ 1808 г. онъ поступилъ уже на службу копіистомъ въ Симбирское губернское правленіе и, видно, тоже выдѣлился среди чиновной мелкоты своимъ умомъ

¹⁾ *Мих. Лемке*. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. С.-Пб. 1907. Стр. 25.

²⁾ Изъ воспоминаній *Н. В. Шелгунова*.—Сборникъ «50-лѣтіе Литерат. Фонда». С.-Пб. 1910, стр. 382.

и дѣловитостью, такъ какъ черезъ 7 лѣтъ послѣ начала службы онъ уже былъ столоначальникомъ, а еще немного позднѣе получалъ отвѣтственные порученія по питейному дѣлу въ симбирской губерніи. Ларіонъ Михайловичъ, вступивъ въ службу, убѣдился въ томъ, что знанія его слишкомъ не велики, и чтобы приобрѣсти ихъ, уговорилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сослуживцевъ пригласить учителя мѣстной гимназіи для частныхъ занятій. Дѣло наладилось. Былъ приглашенъ М. М. Карніолинъ-Пинскій, и Михайловъ-отецъ всегда съ хорошимъ чувствомъ вспоминалъ объ этомъ времени и съ какимъ-то благоговѣніемъ произносилъ имя своего учителя. Ему онъ приписывалъ «пробужденіе въ себѣ серьезной мысли, любознательности и здравыхъ понятій о значеніи образованія»¹⁾.

Среди другихъ чиновниковъ отецъ Михайлова выдѣлился, очевидно, и особенной честностью, потому что его назначили надзирателемъ за казенными доходами «по случаю чрезвычайнаго упадка питейныхъ сборовъ», явившагося въ результатъ непорядковъ и злоупотребленій. Сначала—въ г. Буинскѣ, потомъ съ тѣмъ же порученіемъ въ Сызрани и въ Уфѣ²⁾. Послѣ этихъ скитаній по различнымъ городамъ онъ съ 1826 г. прочно осѣлъ въ Оренбургѣ, на службѣ губернскимъ казначеемъ, а затѣмъ въ канцеляріи военного губернатора. Здѣсь Михайловъ получилъ дворянское достоинство, здѣсь же онъ и женился на княжнѣ Ураковой, единовѣркѣ, получивъ въ качествѣ приданнаго жены небольшое сельцо Яхонтово, въ 500 десятинъ земли и съ 36 душами крестьянъ. Жена Ларіона Михайловича, мать поэта, Ольга Васильевна, была дочерью генералъ-лейтенанта кн. Василія Егоровича Уракова, и выходъ ея замужъ за «отпущенника» свидѣтельствуется о томъ, что Михайловъ-отецъ къ тому времени былъ уже крупной персоной въ Оренбургѣ. Если довѣриться первому роману Михайлова—«Адамъ Адамычъ», который, по свидѣтельству Шелгунова, отражаетъ въ себѣ многое изъ обстановки дѣтскихъ лѣтъ Михайлова, то надо сказать, что атмосфера Михайловскаго дома проникнута была вполне барскимъ духомъ. Михайловъ-отецъ, такъ недалеко стоящій отъ своего корня—крестьянства, самъ прикупалъ въ имѣніе жены то дворовыхъ людей, то крестьянъ³⁾.

¹⁾ Изъ записокъ М. Л. Михайлова. «Русск. Богат.» 1906, № 7, стр. 41.—Этотъ Карніолинъ-Пинскій впоследствии былъ сенаторомъ и находился въ числѣ судей по дѣлу М. Л. Михайлова.

²⁾ Формулярный списокъ Л. М. Михайлова (по архивнымъ даннымъ).

³⁾ Свѣдѣнія о матери и ея имѣніи извлечены изъ довѣренности, выданной 5 іюля 1856 г. Павломъ Лар. Михайловымъ титулярн. совѣтнику Василию Екимовичу Щиголеву. (По архивн. даннымъ).

Здѣсь, въ Оренбургѣ у Ларіона Михайловича 3-го января 1829 г. родился старшій сынъ Михаилъ—будущій писатель. Здѣсь онъ и провелъ первые годы своего дѣтства, до 6-ти лѣтняго возраста.

Дальнѣйшая служебная дѣятельность Михайлова-отца протекла въ небольшомъ поселкѣ Илецкой Защитѣ, находившейся совсѣмъ у границы тогдашней Россіи. Въ Илецкой Защитѣ были казенные соляные промыслы, жили чиновники да ссыльные. Для защиты отъ набѣговъ кочевниковъ азіатскихъ степей, въ Илецкѣ имѣлась крѣпость и два форпоста. Старикъ—управляющій промысломъ распустилъ своихъ чиновниковъ, и на разные непорядки постоянно получались въ Петербургѣ доносы. Назначеніе Михайлова въ 1835 г. старшимъ совѣтникомъ въ илецкое соляное правленіе, очевидно, имѣло цѣлью подтянуть служащихъ. Михайловъ засталъ здѣсь расхищенное имущество, недочетку соли, недостачи въ денежныхъ суммахъ. Управление промысломъ фактически перешло въ его руки, и Михайловъ сдѣлалъ все, чтобы привести дѣла въ порядокъ, а съ 1841 г. онъ былъ и по имени сдѣланъ управляющимъ солянымъ промысломъ вмѣсто ушедшаго въ отставку больного 72-хъ лѣтняго Струкова. Во всѣхъ донесеніяхъ Михайлова, во всѣхъ новыхъ порядкахъ, которые онъ завелъ въ Илецкой Защитѣ, виденъ тотъ умъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ дѣловитаго Михайлушки. При своемъ вступленіи въ должность управляющаго илецкимъ солянымъ правленіемъ Михайловъ получилъ отъ министра финансовъ назидательную бумагу, въ которой говорилось о «безпорядкахъ и даже злоупотребленіяхъ, возбуждавшихъ на мѣстное начальство доносы». «Я надѣюсь», писалъ въ ней гр. Канкринъ¹⁾, «что вы употребите все стараніе, чтобы подъ начальствомъ вашимъ ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы подобныя дѣйствія и что вы собственнымъ примѣромъ точнаго исполненія возложенной на васъ обязанности и заботливостью о сохраненіи повсюду строгаго порядка и казеннаго интереса будете обращать каждаго изъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ къ надлежащему долгу службы».

Въ этой Илецкой Защитѣ протекли дальнѣйшіе годы дѣтства Михаила Ларіоновича. Кромѣ него, у Михайлова-отца было еще четверо сыновей и одна дочь²⁾. Отецъ позаботился о томъ,

¹⁾ Дѣло о назначеніи Михайлова управляющимъ Илецкимъ Солянымъ Правленіемъ (по неизданнымъ даннымъ).

²⁾ Имена ихъ установлены нами по формулярному списку отца: Андрей, Николай и Петръ, впослѣдствіи горные инженеры, и Павелъ—впослѣдствіи пробиреръ лабораторіи горнаго департамента. Дочь Софья, которой Михайловъ посвятилъ свой разсказъ «Кормилица», была потомъ замужемъ за офицеромъ Г. П. Забусовымъ.

чтобы дать имъ хорошее домашнее образованіе. У Михаила Ларіоновича было трое учителей-гувернеровъ, которыхъ можно было найти въ томъ краю: ссыльный полякъ, нѣмецъ, изображенный Михайловымъ въ его первомъ романѣ, и французъ Шевалье, жившій съ женой и сыномъ въ семьѣ Михайлова¹⁾. За годъ до смерти, Михайловъ-отецъ подалъ министру финансовъ прошеніе о томъ, чтобы его малолѣтнихъ дѣтей: Николая, Петра и Павла зачислили кандидатами въ институтъ горныхъ инженеровъ и чтобы, «по достиженіи ими узаконеннаго возраста (12 л.)», они были приняты на казенный счетъ.

4 мая 1845 г. неожиданно умеръ отецъ, далеко не старикъ, всего 49-ти лѣтъ²⁾. Самому младшему изъ дѣтей шелъ всего седьмой годъ, старшему Михаилу было 16 лѣтъ. Объ участи ихъ, повидимому, позаботились родственники покойной матери, особенно братъ ея, кн. Александръ Васильевичъ Ураковъ, крупный помѣщикъ уфимскаго уѣзда, и всѣ дѣти переселились въ Уфу.

III.

Михайловъ въ Петербургѣ.—Литературные дебюты.—Попытка поступить въ университетъ.—Дружба съ Н. Г. Чернышевскимъ.

Въ Уфѣ Михайловъ прожилъ недолго и уже въ 1846 г., лѣтомъ, отправился въ Петербургъ, въ поискахъ знаній и службы. Какъ разъ въ это время его братья Николай и Петръ, числившіеся кандидатами для поступленія въ институтъ горныхъ инженеровъ, были допущены къ экзамену, который обычно происходилъ въ первыхъ числахъ августа. Съ ними, вѣроятно, и поѣхалъ Михайловъ въ Петербургъ.

Столица манила его и какъ центръ литературной жизни, потому что еще въ далекомъ Оренбургскомъ краю онъ началъ посылать свои произведенія въ петербургскіе журналы, а стихи писалъ съ очень ранняго дѣтства. Поскольку можно прослѣдить по редакціоннымъ отвѣтамъ «Иллюстраціи» Н. В. Кукольника, гдѣ дебютировалъ Михайловъ, первыя присылки его стихотвореній начались въ іюнѣ 1845 года. Нѣмецъ гувернеръ и французъ Шевалье сумѣли привить юношѣ любовь къ литературѣ, сдѣлавшую изъ Михайлова знаменитаго переводчика и исключительнаго знатока западно-европейскихъ писателей. Какъ видно

¹⁾ Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова. (Сборникъ «50-лѣтія Литерат. Фонда», 1910, стр. 382).

²⁾ Мать умерла раньше, еще въ 1841 г.

изъ отвѣтовъ редакціи, Михайловъ началъ переводами¹⁾. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1845 г. редакція получила отъ него переводъ какого-то романа Альфонса Карра, котораго не имѣла возможности напечатать изъ-за большихъ размѣровъ произведенія, не подошедшаго къ тоненькимъ тетрадкамъ «Иллюстраціи»²⁾. И первое напечатанное стихотвореніе Михайлова было тоже переводнымъ: гейневская «Сосна», уже переведенная до этого Лермонтовымъ. Немного позже Михайловъ сообщалъ редактору «Иллюстраціи» Н. В. Кукольнику о подготавливаемой имъ статьѣ о Гейне, на что получилъ напечатанное въ «Иллюстраціи», въ отвѣтахъ, напоминаніе, что статья должна быть невелика по объему. Статья, очевидно, не была прислана вовсе, но въ октябрьскихъ номерахъ «Иллюстраціи» былъ напечатанъ отвѣтъ Михайлову о томъ, что все присланное имъ поступило на очередь. Наконецъ, въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ редакторъ упоминалъ въ отдѣлѣ переписки о «тетради съ нѣкоторымъ вѣсомъ», которая требуетъ времени для ознакомленія съ нею³⁾.

Среди этихъ первыхъ литературныхъ опытовъ, и напечатанныхъ и ненапечатанныхъ, слѣды отъ которыхъ остались только въ редакціонныхъ отвѣтахъ,—преобладали стихотворенія. Ими Михайловъ изобильно снабжаетъ не только «Иллюстрацію», но и «Литературную Газету», редактировавшуюся В. Р. Зотовымъ и являвшуюся литературнымъ прибавленіемъ къ «Русскому Инвалиду». Онъ помѣщаетъ отдѣльныя стихотворенія въ «Библіотекѣ для чтенія» и въ «Сынѣ Отечества». Все это—главнымъ образомъ переводы изъ Гейне, Шиллера, Гёте, Уланда, Ленау, Гюго, Шенье и другихъ французскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Впослѣдствіи Михайловъ былъ очень недоволенъ своими первыми стихотвореніями, передѣлывалъ эти переводы часто даже по нѣскольку разъ. Они грѣшатъ, дѣйствительно, и отступленіями въ размѣрѣ, и бѣдною римой, и длиннотами. Но тогда этотъ дебютъ молодого поэта (Михайлову было всего 16 лѣтъ) сопровождался даже извѣстнымъ успѣхомъ. Н. В. Кукольникъ постоянно расточаетъ ему благодарности и любезности, сообщая, что «присылка стихотвореній очень порадовала» редакцію, что редакція всегда «скоро и съ удовольствіемъ» помѣщаетъ статьи Михайлова. А «Литературная Газета» снабдила рядъ стихотво-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ редакціонныхъ отвѣтовъ, именно помѣщенный въ № 12 «Иллюстраціи», отъ 30 марта 1846 г., интересенъ тѣмъ, что устанавливаетъ дату, ранѣе которой Михайлова не было въ Петербургѣ. Онъ адресованъ «г. М-ву въ Уфу».

²⁾ «Иллюстрація» 1845 г., № 12, отъ 23 іюня. Переписка.

³⁾ Отвѣты редактора «Иллюстраціи» адресованы такъ: г. М. М., г. Мих. Михайлову, г. М-ву въ Уфу, г. Мхву.

реній Михайлова, напечатанныхъ у нея въ 1847 г., такимъ примѣчаніемъ: «Читатели наши, вѣроятно, обратили вниманіе на весьма замѣчательные стихи, подъ которыми встрѣчается эта фамилія. Не зная лично поэта, мы считаемъ долгомъ благодарить его за насъ и за нашихъ читателей за доставленіе его прекрасныхъ стихотвореній».

Изъ прозаическихъ вещей, напечатанныхъ въ эти первые годы петербургской жизни Михайлова, интересны два этюда «Вогоуль» и «Казакъ Трофимъ», рассказывающіе мѣстныя уральскія легенды, первый—объ открытіи горы Благодати, второй—о возникновеніи Илецкой Защиты, гдѣ прошли отроческіе годы писателя. Этотъ интересъ къ народнымъ легендамъ и преданіямъ позже сказался еще сильнѣе, когда Михайловъ принялъ участіе въ такъ называемой литературной этнографической экспедиціи и вновь посѣтилъ Уралъ, собирая преданія Оренбургскаго края.

Къ этимъ годамъ первыхъ литературныхъ успѣховъ относится попытка Михайлова поступить въ петербургскій университетъ. Братья Михайлова успѣшно выдержали вступительный экзаменъ въ институтъ горныхъ инженеровъ и были приняты во второй классъ этого—тогда военного учебного заведенія. Но ихъ экзаменовали только изъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго языковъ и математики, а вступительный экзаменъ въ университетъ, который держалъ Михаилъ Ларіоновичъ, былъ значительно сложнѣе. Экзаменъ былъ назначенъ такъ же, какъ и экзаменъ братьевъ Михайлова, на 2-ое августа. Экзаменующихъ было много, и они были раздѣлены на три комиссіи по алфавитному порядку. Михайловъ экзаменовался во второй¹⁾. Предметы тоже были раздѣлены на 3 отдѣла: 1) русская словесность и языки; 2) законъ Божій, логика, исторія и географія; 3) математика и физика. Всѣ три комиссіи соотвѣтственно этимъ тремъ отдѣламъ экзаменовались въ одно время, но по различнымъ отдѣламъ. Экзамены продолжались нѣсколько дней. Времени, чтобы подготовиться къ этимъ экзаменамъ въ Петербургѣ, очевидно, было слишкомъ мало у Михайлова, а домашнее образованіе, какъ ни хорошо оно было по тогдашнему времени для глухой провинціи, для экзамена въ университетъ оказалось недостаточнымъ, и Михайловъ экзамена не выдержалъ. Поэтому ему пришлось поступить въ университетъ вольнослушателемъ.

¹⁾ Н. Г. Чернышевскій, поступившій одновременно съ Михайловымъ въ университетъ, держалъ экзамены въ третьей комиссіи, такъ что здѣсь они не встрѣтились. Свѣдѣнія объ экзаменѣ мы заимствуемъ изъ писемъ Н. Г. къ отцу; см. *Е. Ляцкий*. Н. Г. Чернышевскій въ годы ученія и на пути въ университетъ. «Совр. Міръ» 1908 г., № 6, стр. 63—64.

На первой же лекціи Михайловъ встрѣтился съ Чернышевскимъ, судьба котораго впослѣдствіи тѣсно сплелась съ судьбою Михайлова. Объ оригинальномъ разговорѣ, который произошелъ на первой лекціи, самъ М. П. не разъ передавалъ своимъ друзьямъ, и рассказъ объ этомъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ воспоминаніяхъ¹⁾.

Общность интересовъ сблизила двухъ однокурсниковъ: они стали друзьями. Въ письмахъ Чернышевскаго домой и въ его дневникахъ много разъ упоминается о Михайловѣ, и они являются единственнымъ источникомъ для знакомства съ этимъ періодомъ жизни поэта.

Впервые Чернышевскій упоминаетъ о Михайловѣ въ письмѣ къ отцу отъ 6 декабря, сообщая, что Михайловъ и еще два товарища посѣтили его въ день ангела. «Мнѣ онъ нравится», добавляетъ Чернышевскій, «чрезвычайно умная голова. Изъ него выйдетъ человѣкъ очень замѣчательный». Въ январѣ Н. Г. сообщаетъ уже о частыхъ посѣщеніяхъ Михайлова. «Мы очень часто бываемъ другъ у друга съ Михайловымъ, но все я еще не такъ друженъ съ нимъ, чтобы говорить отъ души о томъ, что лежитъ на сердцѣ», писалъ Чернышевскій своей теткѣ, А. Е. Пыпиной, 1-го января 1847 г. А сообщая отцу объ этомъ новомъ другѣ, Н. Г. пишетъ, что «рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы Михайловъ не былъ у насъ, или я у него». На вопросы матери о Михайловѣ, Чернышевскій сообщилъ все, что зналъ объ его покойномъ отцѣ, матери, упомянулъ и о небольшой деревнѣ въ Оренбургской губерніи. Еще немного позднѣе, 7-го февраля Чернышевскій опять писалъ отцу о Михайловѣ: «Я не знаю, какъ вамъ хорошенько написать о моихъ отношеніяхъ съ нимъ. Мы очень часто бываемъ другъ у друга. Когда бываемъ, то очень не церемонимся, или, какъ это сказать,—когда говорится, говоримъ, когда нѣтъ—и не стараемся говорить; онъ со мной откровененъ, но у него уже такой характеръ, не то, что у меня. Впрочемъ, и я съ нимъ гораздо болѣе откровененъ, нежели съ другими. Не любить его нельзя, потому что у него слишкомъ доброе сердце. Но все я еще не столько знаю его, чтобы совершенно сказать, что считаю себя его другомъ. Сблизились мы очень скоро. Разумѣется, чѣмъ больше я сталъ узнавать его, тѣмъ болѣе сталъ любить, хотъ и не скажу, чтобы все мнѣ въ немъ нравилось. Но все же я его болѣе всѣхъ другихъ люблю»²⁾.

¹⁾ Знакомство началось съ разспросовъ Михайлова, такъ какъ онъ принялъ Чернышевскаго за второгодника по его поношенному форменному сюртуку. Чернышевскій объяснилъ, что купилъ его на толкучкѣ.

²⁾ Е. Ляцкий. Н. Г. Чернышевскій въ университетѣ. «Современный Міръ». 1908, № 12, стр. 31, 39—40.

Это любопытная характеристика М. Михайлова-юноши; она вскрываетъ ту интимную сторону, которую не всякій подмѣчалъ, которую хорошо знали его друзья Шелгуновы, обрисовавшіе прекрасный духовный обликъ поэта. Мемуарная литература о Михайловѣ грѣшитъ тѣмъ, что всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ о безобразной наружности его, иные излишне подчеркиваютъ отрицательныя черты его натуры и немногіе заглянули глубже такъ, какъ это сдѣлали Чернышевскій, Шелгуновы. Это «доброе сердце» прекрасно характеризуетъ Михайлова, оказавшагося вполнѣ способнымъ и на самопожертвование; а эти разговоры, «пока говорится», такъ же хорошо обрисовываютъ характеръ тѣхъ отношеній, которыя установились между друзьями.

Михайловъ и Чернышевскій вмѣстѣ читаютъ текущіе журналы—«Отечественныя Записки», «Современникъ», вмѣстѣ посѣщаютъ лекціи профессоровъ. Михайловъ продолжаетъ интересоваться западной литературой. Быть можетъ, подъ вліяніемъ кого-либо изъ профессоровъ у него появляется интересъ къ библіографіи: онъ интересуется Пушкинымъ, собирая всѣ статьи о немъ, напечатанные стихи и варианты къ нимъ.

IV.

Михайловъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Литературныя занятія.—Вліяніе В. И. Даля.—Сотрудничество въ «Москвитинѣ».—Увлеченіе театромъ.

Михайловъ самъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ на судѣ, что въ университетѣ онъ пробылъ «очень непродолжительное время». Видно, литературные успѣхи вскружили ему голову, и онъ болѣе отдавался поэзіи, чѣмъ наукѣ.

Матеріальное положеніе Михайлова было не блестяще. Братья въ горномъ институтѣ воспитывались на казенный счетъ, а Михаилу Ларіоновичу, не попавшему въ дѣйствительные студенты, приходилось содержать себя самому. Пока были деньги, оставшіяся послѣ отца—это былъ доходъ съ небольшого материнскаго имѣнія—не вставалъ еще вопросъ о службѣ. Но денегъ хватило не надолго. При петербургской дороговизнѣ, на которую жалуется въ своихъ письмахъ студентъ-Чернышевскій, уже къ концу перваго года приходилось подумать о службѣ. Вѣроятно, Михайловъ не хотѣлъ зависѣть отъ своихъ родныхъ, можетъ быть даже были разговоры и упреки со стороны родныхъ за то, что Михайловъ вмѣсто службы занимается такой бездоходной дѣятельностью, какъ литературная¹⁾. Словомъ, «по разстройству

¹⁾ Въ біографіяхъ Михайлова обычно разсказывается, что эти упреки исходили отъ отца, который будто бы лишилъ Михайлова студента мате-

своихъ денежныхъ дѣлъ», Михайловъ былъ принужденъ покинуть Петербургъ.

Въ это время у Михайлова оказался въ Нижнемъ-Новгородѣ какой-то родственникъ-чиновникъ, который и помогъ ему устроиться тамъ въ солянномъ правленіи. 18 февраля 1848 г. «неслужащій молодой дворянинъ Михаилъ Иларіоновъ сынъ Михайловъ, въ слѣдствіе своего прошенія» былъ принятъ нижегородскимъ правленіемъ «въ штатъ на службу въ число писцовъ 1-го разряда», при чемъ Соляное правленіе «въ видѣ испытанія допустило его къ письменнымъ занятіямъ по развозу соли»¹⁾. Дальнѣйшее движеніе по службѣ, какъ это видно изъ аттестата Михайлова, пошло быстро, но уже весною 1852 г. онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Интересы нижегородской жизни Михайлова были далеки отъ его служебной работы. Литературу онъ не забросилъ и попрежнему много переводить, особенно изъ Гейне, который явно становится его излюбленнымъ писателемъ. Михайловъ продолжаетъ снабжать своими переводами и «Иллюстрацію» и «Литературную Газету».

Но въ нижегородскій періодъ Михайловъ впервые выступаетъ, какъ беллетристъ. Въ его произведеніяхъ этого періода и ближайшихъ годовъ варьируется одинъ и тотъ же мотивъ—сѣрыя будни провинціальной жизни. Это обращеніе къ быту, стремленіе уловить колоритъ, настроеніе и медленный темпъ провинціальной жизни, это пристальное всматриваніе въ жизнь—несомнѣнное пріобрѣтеніе Михайлова въ нижегородскій періодъ. А произведенія, въ которыхъ онъ выступилъ изобразителемъ провинціи, и создали ему славу беллетриста.

Въ этомъ направленіи литературной дѣятельности Михайлова сыгралъ большую роль извѣстный бытописатель В. И. Даль, у котораго, какъ вспоминалъ Пыпинъ, Михайловъ жилъ на квартирѣ. Такимъ же руководителемъ въ литературномъ смыслѣ явился Даль и по отношенію къ другому начинавшему тогда писателю-нижегородцу П. И. Мельникову-Печерскому. По словамъ біографовъ Мельникова, Даль первый указалъ ему на истинное призваніе его—беллетристику. Въ первыхъ разсказахъ Мельникова вліяніе Далья сказывалось въ каждой строкѣ, въ оборотахъ

ріальной поддержки за его писаніе стиховъ. Но отецъ, какъ это документально установлено нами, умеръ еще въ 1845 г., слѣдовательно разговоры о службѣ у Мих. Лар. могли происходить либо со служившимъ уже братомъ Андреемъ, либо съ дядею А. В. Ураковымъ.

¹⁾ Формулярн. списки о службѣ канцелярскихъ служителей Нижегородскаго Солянаго Правленія и доношеніе правленія о принятіи на службу Мих-ва отъ 21 февраля 1848 г., за № 289 (по неизданнымъ даннымъ).

М. П. Михайловъ.
(Портретъ полученъ отъ П. А. Картавова).

рѣчи, въ приводимыхъ пословицахъ и поговоркахъ. Мельниковъ проводилъ всѣ вечера у Даля, просиживая съ нимъ надъ актами археографической комиссіи, надъ лѣтописями и житіями святыхъ, отыскивая въ нихъ по крохамъ старинныя слова и объясняя ихъ остатками, сохранившимися по разнымъ мѣстамъ русской земли ¹⁾. Михайловъ, при своей близости къ В. И. Далю, очевидно жилъ тѣми же интересами. Да и просто, какъ литературный человѣкъ, Михайловъ былъ принятъ, конечно, въ литературныхъ кругахъ Нижняго, а Даль, сотрудникъ столичныхъ журналовъ, и Мельниковъ, редакторъ неофициальной части «Губернскихъ Вѣдомостей», съ ихъ знакомыми и составляли эти литературные круги. Михайловъ съ Далемъ сотрудничали въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ, напр., въ «Иллюстраціи». Михайловъ посвящалъ Даля въ свои литературные планы и совѣтовался съ нимъ относительно своихъ произведеній.

Въ самомъ началѣ нижегородской жизни, продолжая жить еще интересами своего петербургскаго періода, Михайловъ заканчиваетъ одну изъ библиографическихъ работъ и предлагаетъ ее для напечатанія въ «Москвитянинѣ». Уже съ сентября 1849 г. Михайловъ сталъ сотрудникомъ погодинскаго журнала, но эта близость къ крайнему славянофильскому органу длилась только до переѣзда изъ Нижняго въ Петербургъ, когда Михайловъ безповоротнo порвалъ и съ Погодинымъ, и съ «Москвитянинымъ» и перешелъ въ либеральный лагерь. Правда, Михайловъ имѣлъ отношеніе только къ литературному отдѣлу журнала и вообще, вѣроятно, не разбирался въ партійной настроенности органа, называя его въ письмахъ къ Погодину «прекраснымъ журналомъ».

Библиографическая работа, которую Михайловъ предложилъ для напечатанія въ «Москвитянинѣ», была посвящена Пушкину. «Въ № 13-мъ «Москвитянина», писалъ онъ Погодину, прочелъ я собранные гг. Быстровымъ и Полторацкимъ матеріалы для исторіи нашей словесности; такъ какъ русская библиографія принадлежитъ къ любимымъ моимъ занятіямъ, то я желалъ бы знать, могутъ ли найти мѣсто въ вашемъ журналѣ мои труды по этой части. Я могъ бы доставить вамъ на первый разъ чисто библиографическую статью о Пушкинѣ, въ которой приведены мною: 1) варианты его стихотвореній, 2) источники, откуда заимствованы нѣкоторыя изъ нихъ, 3) указаніе, гдѣ помѣщены они были въ первый разъ,—и, наконецъ, 4) пьесы, не вошедшія въ полное изданіе Сочиненій Пушкина въ одиннадцати томахъ» ²⁾. Эта ра-

¹⁾ Сборникъ памяти П. И. Мельникова. «Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи». 1910, т. IX, стр. 23, 25.

²⁾ Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X, стр. 345—346.

бота обнаруживается въ Михайловѣ взгляды и приемы настоящаго историка литературы, понимающаго цѣнность вариантовъ и указаній на источники того или другаго стихотворенія. Въ «Москвитянинѣ» она напечатана не была и, вообще, ея судьба неизвѣстна, какъ и судьба многихъ переводовъ, о которыхъ упоминается въ письмахъ Михайлова.

Изъ другаго письма его къ Погодину мы узнаемъ, что послѣдній черезъ В. И. Даля выразилъ желаніе помѣстить въ «Москвитянинѣ» какую-нибудь вещь Михайлова. На этотъ вызовъ поэтъ отвѣтилъ отправкой «небольшой сцены, принадлежащей къ цѣлому ряду подобныхъ статей», которыя онъ былъ готовъ «съ удовольствіемъ доставлять по мѣрѣ окончательной ихъ отдѣлки». Это были сатирическія сценки подъ заглавіемъ: «Нянюшка», помѣщенные въ іюльской книжкѣ «Москвитянина» 1851 г. Въѣстѣ съ тѣмъ Михайловъ предлагалъ Погодину большую повѣсть «Адамъ Адамычъ», при чемъ и назначалъ себѣ гонораръ по 25 руб. за листъ. Михайловъ ссылаясь на Даля, которому онъ читалъ ее и который могъ высказать о ней свое мнѣніе. Даль въ письмѣ къ Погодину, хотя и призналъ за авторомъ повѣсти «дарованіице», однако добавлялъ: «дарованіе его до того грязно или загрязнилось, что плюнешь поневолѣ». «Съ души претъ, слушая», писалъ онъ послѣ чтенія ему повѣсти Михайловымъ; а когда «Адамъ Адамычъ» былъ напечатанъ въ «Москвитянинѣ», Даль такъ выразилъ свое отношеніе къ этому: «Стыдно ему (Погодину) пачкать свой журналъ такими вещами, какъ «Адамъ Адамычъ», подсказываетъ мнѣ жена. А я ей говорю: на безрыбьи и ракъ рыба, а маленькая рыбка и подавно лучше большаго таракана.¹⁾ И хотя Ап. Григорьевъ писалъ Погодину, что «западники ругали «Адама Адамыча», какъ повѣсть непристойную и даже похабную», и только И. И. Панаевъ расхвалилъ ее въ «Современникѣ», но у насъ есть отзывъ Н. В. Шелгунова, который считалъ эту повѣсть лучшею изъ всего, что написалъ Михайловъ.

Въ слѣдующемъ году случилась и другая исторія съ совѣмъ безобидной вещью «Онъ. (Изъ дневника уѣздной барышни)». Въ ней усмотрѣли опять непристойности, обратившія на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія, и цензоръ Ржевскій, пропустившій этотъ дневникъ, получилъ замѣчаніе ²⁾.

Въ своемъ отзывѣ Даль дѣлалъ общую оцѣнку дарованія Михайлова, называя его «загрязненнымъ». Съ этимъ вполне совпадаютъ тѣ черты, которыя П. Боборыкинъ приписываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Михайлову, намекая на несовѣмъ

¹⁾ Тамъ же. Кн. XI, стр. 406.

²⁾ Тамъ же. Кн. XII, стр. 236.

серьезное поведеніе его въ Н.-Новгородѣ. Боборыкинъ говоритъ, что Михайлова нижегородцы считали авторомъ стиховъ на макарьевскую ярмарку, въ которыхъ воспѣвалась слобода Кунавино, извѣстная своимъ разгуломъ въ лѣтописяхъ Нижняго. Про Михайлова будто бы распѣвали куплеты о его приверженности вину и проч. ¹⁾. Такъ ли это, или не такъ, мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ; во всякомъ случаѣ, все это не оставило глубокаго слѣда ни на личности, ни на творчествѣ писателя. Это была, можетъ быть, тина провинціальной жизни Н.-Новгорода съ его ярмаркой и разгуломъ; но она не засосала въ себя поэта. Впрочемъ, критики преувеличили скабрзность повѣстей Михайлова: въ нихъ не было ничего грязнаго, и если изображались грязныя явленія, то художественность изображенія брала свое. А въ послѣдующихъ разсказахъ Михайлова можно было видѣть всю чистоту его дарованія. Писатель, возвысившійся до такихъ прозрачно-ясныхъ вещей, какъ «Кормилица», «Городъ и деревня» и др., не могъ даже временно черпать вдохновеніе изъ загрязненнаго источника.

Были у Михайлова въ Нижнемъ и другіе интересы и впечатлѣнія. Здѣсь онъ увлекся театромъ. Когда пріѣзжала извѣстная артистка Н. В. Самойлова, онъ привѣтствовалъ ее печатно въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» стихотвореніемъ. Близкое знакомство съ театромъ и театральнымъ бытомъ нужно отнести, именно, къ этому періоду жизни писателя. Своихъ «Перелетныхъ птицъ» онъ писалъ, несомнѣнно, по воспоминаніямъ о нижегородскомъ театрѣ, который особенно процвѣталъ въ лѣтнюю пору знаменитой ярмарки, куда съѣзжалось много всякаго театральнаго народа: и крупныхъ столичныхъ артистовъ, и маленькихъ провинціальныхъ актеровъ, мечтавшихъ поправить свои дѣла бенефисами на макарьевской ярмаркѣ.

V.

Встрѣча съ Чернышевскимъ.—Свиданіе съ Погодинымъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Фельетоны.—Знакомство съ А. Рубинштейномъ.—Литературныя занятія и знакомства.

Въ 1850 г. проѣздомъ черезъ Нижній въ Петербургъ Михайлова разыскалъ Чернышевскій и обновилъ утраченныя дружескія связи. Живая бесѣда друзей касалась литературныхъ вопросовъ, близкихъ имъ обоимъ, и А. Н. Пыпинъ, спутникъ Чернышевскаго,

¹⁾ П. Боборыкинъ. За полвѣка. «Минувшіе Годы», 1908, № 4, стр. 164—165.—Отношеніе Боборыкина къ Михайлову и общая характеристика его явно отрицательныя.

присутствовавшій при свиданіи, вынесъ отъ Михайлова впечатлѣніе, какъ отъ талантливаго и очень образованнаго человѣка.

Мнѣніе это совпало съ тѣмъ, что Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, когда Михайловъ въ 1852 г. уѣхалъ изъ Н.-Новгорода и побывалъ у Погодина въ Москвѣ: «Михайловъ изъ Нижняго. Объ исторіи литературы. Имѣетъ хорошія свѣдѣнія».

Михайловъ покинулъ Нижній, чтобы больше не возвращаться туда. Хотя официально онъ считался уволеннымъ въ отпускъ съ 4 февраля, однако, въ апрѣлѣ онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ ее въ іюлѣ 1852 г.

Въ Москвѣ Михаилъ Ларіоновичъ пробылъ нѣсколько дней. Пребываніе его здѣсь отмѣчено дважды въ дневникѣ Погодина (8 и 12 февраля), при чемъ изъ послѣдней записи видно, что Погодинъ снабдилъ Михайлова рекомендательными письмами въ Петербургъ. Очевидно, уже тогда Михайловъ считалъ все поконченнымъ съ мѣстомъ своей службы. На это рѣшеніе повліяло улучшение матеріальнаго положенія Михайлова ¹⁾, а занятія литературой все время тянули его изъ провинціи въ столицу. Особенное затрудненіе онъ испытывалъ тамъ въ своихъ библіографическихъ работахъ. Очутившись въ Петербургѣ, Михайловъ писалъ 20 мая Погодину, что даже и здѣсь ему приходится оставить много пробѣловъ въ своихъ библіографическихъ трудахъ. «Нѣкоторыхъ книгъ, мнѣ необходимыхъ, вовсе не могъ найти ни въ одной библіотекѣ». А каково было доставать эти книги въ Нижнемъ!

Первые мѣсяцы въ столицѣ прошли въ хлопотахъ по устройству дѣлъ. Въ маѣ мѣсяцѣ мы видимъ Михаила Ларіоновича уже сотрудникомъ «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ послѣдней газетѣ онъ пробылъ недолго и помѣщалъ фельетоны, которые давали нѣкоторый заработокъ. Темы, которыя надо было затронуть въ этомъ еженедѣльномъ четверговомъ фельетонѣ, были самыя разнообразныя: театръ, увеселенія, гулянія, вновь вышедшая книга или журналъ, событія петербургской жизни и проч. Нѣкоторые изъ этихъ статей характерны по тону для недавняго сотрудника «Москвитянина», на примѣръ—та, которая посвящена Жуковскому по поводу его смерти и погребенія. Торжественно-церемоніальнымъ тономъ разсказывается здѣсь о томъ, что Жуковскій «удостоился лестнаго порученія преподавать» особамъ царскаго дома, а затѣмъ «былъ

¹⁾ Къ этому времени, вѣроятно, относится продажа наслѣдственнаго имѣнія. Въ неизданномъ формулярномъ списокѣ Михайлова, составленномъ въ первый годъ его службы въ Н.-Новгородѣ, въ графѣ объ имѣніи отмѣчены 500 десятинъ въ Уфимскомъ уѣздѣ, а въ аттестатѣ объ отставкѣ (1852 г.) въ соответствующемъ мѣстѣ сказано, что недвижимаго имущества не имѣетъ.

избранъ на высокую должность наблюдателя за преподаваніемъ наукъ Е. И. В. Цесаревичу Наслѣднику Престола», при чемъ успѣшно «выполнилъ обязанность эту, возложенную на него довѣріемъ Монарха». Въ другихъ фельетонахъ интересно отмѣтить попытки набрасывать сценки, встрѣченныя на улицахъ, изложеніе малоизвѣстной баллады (Уланда), справки о какомъ-нибудь западно-европейскомъ писателѣ (объ Ю. Кернерѣ). Такимъ же характеромъ отличались и фельетоны въ «Отечественныхъ Запискахъ», печатавшіеся подъ заглавіемъ «Разныя разности».

Зато въ «Современникѣ» Михайловъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ: поэтомъ, беллетристомъ, а впослѣдствіи—корреспондентомъ изъ-за границы и публицистомъ. Это укрѣпленіе въ «Современникѣ» означало и укрѣпленіе въ либеральномъ лагерѣ вообще. Не даромъ П. И. Мельниковъ-Печерскій въ письмѣ къ Погодину иронизировалъ: «Михайловъ сдѣлался фельетонистомъ «Современника» и теперь занятъ важнымъ сочиненіемъ о балаганахъ на Адмиралтейской площади». «Москвитянинъ» терялъ большого сотрудника.

Въ Петербургѣ Михайловъ поселился въ «chambres garnies» на Малой Морской и сейчасъ же возобновилъ знакомство съ Чернышевскимъ и Пыпинымъ. Бывая у него, Пыпинъ слышалъ игру начинавшейся тогда знаменитости, А. Г. Рубинштейна, жившаго въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ. Для одной изъ его первыхъ оперъ Михайловъ написалъ даже либретто¹⁾. Это была комическая опера «Оомка Дурачокъ», входившая въ серію маленькихъ одноактныхъ оперъ, въ которыхъ послѣдовательно предполагалось вывести всѣ народности, населяющія Россію. Сюжетъ «Оомки» былъ взятъ изъ великорусской жизни. Опера была поставлена и на театрѣ, но успѣха не имѣла²⁾.

Съ А. Н. Пыпинымъ Михайловъ сблизился на почвѣ увлеченія старой литературой и библіографіей. Пыпинъ былъ тогда еще оканчивающимъ курсъ студентомъ, но уже много работалъ въ области литературы. Работы въ библіотекахъ, гдѣ онъ собиралъ матеріалъ для своей будущей диссертации, сдѣлали для него близкой библіографическую работу. На этой почвѣ онъ и сошелся съ Михайловымъ, который интересовался въ это время литературой XVIII вѣка, специальной областью изученія Пыпина. Въ фельетонахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» видны слѣды этихъ интересовъ—мимоходомъ сдѣланные экскурсы въ область

¹⁾ Воспоминанія А. Г. Рубинштейна. «Р. Старина». 1889 г., т. LXIV, стр. 547. Ср. А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки, стр. 46.

²⁾ См. неблагопріятный отзывъ въ «Пантеонѣ» 1853 г., т. IX, кн. V. Театральная лѣтопись.

старой литературы: о сатирическихъ журналахъ, о Сумароковѣ и т. д. Въ «Библіотекѣ для чтенія» въ 1854 г. Михайловъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Старыя книги. Путешествіе по старой русской библіотекѣ», сообщая въ живой и легкой бесѣдѣ много фактовъ о библіофильствѣ за границей и у насъ, фактовъ изъ исторіи книги и книжнаго дѣла въ Россіи.

Эти же интересы сближали Михайлова и съ другимъ представителемъ ученой литературы, его землякомъ по Уфѣ, П. П. Печарскимъ, впоследствии академикомъ.

Въ петербургскій періодъ до 1856 года Михайловъ отдается и поэзіи. На почвѣ своей переводческой дѣятельности онъ сближается съ Н. В. Гербелемъ, которому русская литература обязана собраніемъ переводовъ западно-европейскихъ классиковъ. Гербель близко сошелся съ Михайловымъ. Тогда онъ былъ еще уланскимъ офицеромъ, но увлеченный литературой, увидѣвъ въ ней свое призваніе, бросилъ службу и весь отдался издательской и поэтической дѣятельности. На литературной почвѣ Михайловъ сошелся и съ Я. П. Полонскимъ. Ихъ отношенія перешли въ тѣснѣйшую дружбу: нѣкоторое время они даже жили вмѣстѣ, и сохранился рассказъ о тѣхъ трогательныхъ отношеніяхъ, которыя установились между ними и продолжались и тогда, когда друзья разѣхались. Письма Полонскаго къ друзьямъ Михайлова были полны вопросовъ о немъ.

Въ эти годы особенно крѣпнеть беллетристическій талантъ Михайлова. Въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Библіотекѣ для чтенія» и «Пантеонѣ» онъ помѣщаетъ нѣсколько крупныхъ романовъ и рядъ повѣстей и рассказовъ. Романъ и повѣсть—преобладающая форма его творчества за этотъ періодъ: проза оттѣсняетъ поэзію на второй планъ. Къ этимъ годамъ относятся наиболѣе значительныя беллетристическія произведенія Михайлова, количественно и качественно значительныя.

Въ серединѣ 50-хъ годовъ Михайловъ былъ уже желаннымъ сотрудникомъ во всѣхъ большихъ журналахъ. Журнальные обозрѣватели и рецензенты съ похвалами отзывались о его романахъ и повѣстяхъ. Но, несмотря на то, что Михайловъ печатался много и во многихъ журналахъ, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Друзья прозвали его «безденежнымъ литераторомъ». Въ очень немногихъ письмахъ Михайлова, дошедшихъ до насъ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ жалобы на безденежье. И въ письмахъ, которыя приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ, и въ неизданныхъ письмахъ къ Н. В. Гербелю и А. А. Краевскому—все одна и та же тема: денегъ! Съ Краевскимъ у Михай-

лова изъ-за денегъ даже вышла размолвка, улаживать которую взялся И. С. Тургеневъ.

Михайловъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, и эта необходимость писать и писать при непервостепенномъ талантѣ пагубно отражалась на литературной производительности Михайлова.

Фельетоны и рассказы, слѣдовавшіе другъ за другомъ, поиски работы даже въ «Газетѣ Лѣсоводства и Охоты», куда Михайловъ обѣщалъ статьи,—все это размѣнивало на мелочи дарованіе писателя.

VI.

Знакомство съ Шелгуновыми.—Переводы.—Участіе въ литературной экспедиціи 1856 г.—«Уральскіе очерки».—Гейне въ переводѣ Михайлова.

Зимой 1855—56 гг. Михайловъ черезъ Пекарскаго ¹⁾ познакомился съ Шелгуновыми, съ которыми очень сблизился. Публицистъ впоследствии, Н. В. Шелгуновъ былъ тогда капитаномъ корпуса лѣсничихъ, и его интересы и работа сосредоточивались главнымъ образомъ на лѣсоводственномъ дѣлѣ. Это знакомство намѣтило въ литературной дѣятельности Михайлова новыя возможности: онъ впервые выступилъ теперь какъ публицистъ.

Жена Н. В., Людмила Петровна Шелгунова, переживала тогда еще свою молодость. Живая и общительная, она собирала вокругъ себя большое общество друзей и поклонниковъ. За ея стремленіе создать вокругъ себя литературный салонъ злые языки прозвали ее ироническимъ именемъ «русской Рекамье», а въ мемуарной литературѣ и въ пасквиляхъ на литературные круги того времени мы постоянно наталкиваемся на обвиненія въ легкомысліи, переходившемъ границы, и обликъ Шелгуновой по этимъ даннымъ вырисовывается далеко несимпатичными чертами. Во всякомъ случаѣ, въ жизни Михайлова она сыграла исключительную роль. Знакомство съ поэтомъ, происшедшее чрезвычайно оригинально, на маскарадѣ, превратилось въ дружбу и сѣнилось любовью, глубокимъ и сильнымъ чувствомъ, по крайней мѣрѣ, со стороны Михайлова. Эти отношенія къ Л. П. не мѣшали ни его искренней дружбѣ съ Н. В. Шелгуновымъ, ни столь же сердечнымъ и дружескимъ отношеніямъ Н. В. къ женѣ. Л. П. Шелгуновой Михайловъ посвятилъ нѣсколько прочувствованныхъ стихотвореній и свой прекрасный рассказъ «Городъ и деревня».

Эта зима, въ которую Михайловъ сдружился съ Шелгуновыми,

¹⁾ Землякъ Михайлова по Уфѣ, онъ былъ товарищемъ и сожителемъ Н. В. Шелгунова до женитьбы.

была особенно обильна для послѣднихъ литературными знакомствами. Дружининъ, Тургеневъ, Писемскій, Григоровичъ, Полонскій, А. Майковъ, Мей, Щербина, Курочкинъ—вотъ кругъ знакомствъ, завязанныхъ въ это время, и кругъ писателей, съ которыми общался Михайловъ. Эти знакомства, конечно, не оставались безъ слѣда на литературныхъ занятіяхъ Михайлова.

Дружба съ Гербелемъ, знакомство съ Меемъ, Курочкинымъ и другими поэтами-переводчиками вернули Михайлова опять къ переводамъ. Широкіе планы Гербеля издать Гете, Шиллера, Байрона въ переводахъ на русскій языкъ заставили Михайлова пересмотрѣть свои старые переводы, передѣлать ихъ, перевести наново. Михайловъ опять переводитъ много, можетъ быть больше, чѣмъ пишетъ оригинальныхъ произведеній. Переводы эти отнимали время, не оставляя его для творчества.

Такимъ же отвлеченіемъ отъ творчества въ эти годы явилась этнографическая поѣздка на Уралъ, организованная морскимъ министерствомъ. Впрочемъ, въ Михайловѣ сказывался всегда интересъ къ этнографіи, и поѣздка съ такой цѣлью въ родныя мѣста мотивировалась не только хорошимъ денежнымъ вознагражденіемъ, которое выдало министерство цѣлому ряду писателей, разосланныхъ въ разные концы Россіи для собиранія свѣдѣній о бытѣ населенія, живущаго въ тѣсной зависимости отъ воды: рыбаковъ, судовыхъ рабочихъ, бурлаковъ и проч.

Михайловъ вмѣстѣ со своимъ другомъ, поэтомъ Я. П. Полонскимъ, былъ рекомендованъ гр. Д. А. Толстому, директору канцеляріи морского министерства, и назначеніе состоялось осенью 1856 года. Въ январѣ слѣдующаго года Михайловъ извѣщалъ уже изъ Уральска, что готовитъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Очерки Башкиріи». Чтобы ближе познакомиться съ пестрымъ населеніемъ Оренбургскаго края, Михайловъ изучилъ татарскій языкъ, немного извѣстный ему съ дѣтства. Въ результатѣ у него набралось большое количество памятниковъ башкирской народной поэзіи, сказокъ, былинь, пѣсенъ. Онъ хорошо вошелъ въ духовный міръ туземцевъ, узналъ ихъ вѣрованія, обычаи, хорошо присмотрѣлся къ настоящему экономическому положенію. При томъ интересъ къ преданіямъ и легендамъ, который Михайловъ проявлялъ еще раньше, работа эта оказалась ему по душѣ. Въ своихъ извѣщеніяхъ съ мѣста онъ съ увлеченіемъ писалъ о литературныхъ планахъ относительно статей и работъ по матеріаламъ, собраннымъ въ Оренбургскомъ краю. Второй работой должно было быть описаніе этого края «Отъ Уральска до г. Гурьева», т.-е. той полосы, которая тянется вдоль Урала до самаго Каспійскаго моря. Жители ея, ихъ бытъ и промыслы, этнографія и исторія этого края—все

должна была освѣтить эта широко задуманная работа. Знакомство еще въ дѣтскіе годы съ краемъ, связи, которыя были у Михайлова здѣсь, позволили ему очень быстро справиться со своей задачей ознакомленія съ жизнью уральцевъ. Въ мартѣ онъ обѣщалъ доставить рядъ статей изъ второй своей работы, главнымъ образомъ о рыбныхъ промыслахъ уральцевъ. «Въ статьяхъ моихъ будетъ, надѣюсь, кое-что новое», писалъ Михайловъ Н. В. Шелгунову. «Собранныя мною свѣдѣнія составятъ довольно стройную этнографическую картину Башкиріи, доннынѣ никѣмъ обстоятельно не описанную», извѣщалъ онъ морское министерство.

Поѣздка по Оренбургскому краю открыла Михайлову глаза на многое въ російской дѣйствительности. И уже по отношенію къ своей работѣ можно видѣть публицистическую жилку писателя. «Вездѣ стараюсь, по мѣрѣ возможностей, говорить откровенно, безъ прикрасъ о положеніи края», писалъ онъ Шелгунову: «Гадостей нѣсть числа. Образчикъ моихъ разсказовъ увидишь въ апрѣлѣ въ Морскомъ Сборникѣ. Это описаніе багренья. Боюсь, что половина его застрянетъ въ цензурѣ». Статья эта не появилась въ «Сборникѣ». Застряла ли она вся въ цензурѣ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ залежалась въ редакціи, а тамъ подспѣлъ арестъ и ссылка Михайлова, и, конечно, въ официальном сборникѣ не было мѣста статьямъ «государственного преступника». Лишь въ 1859 году была напечатана статья подъ названіемъ «Уральскіе очерки. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856—1857 гг.» («Морской Сборникъ». Т. XLIII № 9, стр. 1—29). Вѣроятно, это и была первая часть работы «Отъ Уральска до г. Гурьева». Здѣсь описывался городъ Уральскъ, его внѣшній видъ, дома, базаръ, соборъ отъ временъ Пугачевщины; рассказывалось преданіе объ Уралѣ, отошедшемъ отъ своего прежняго берега, перечислялись остатки старины. Здѣсь Михайловъ останавливался и на общественной жизни и на семейномъ бытѣ уральцевъ; отмѣчалъ ихъ симпатіи къ старообрядчеству. Наконецъ, приводилъ уральскія пѣсни про набѣги на Хиву, про стычки съ киргизами, про Пугачевщину. Уральскіе очерки были единственной статьей изъ всего богатого матеріала Михайлова. Командировка неожиданно оборвалась. Были затрудненія въ получкѣ денегъ. Мѣсячнаго жалованья въ 100 руб., какъ оказалось на дѣлѣ, не хватало, а выдача денегъ часто задерживалась. Михайловъ просилъ съ Урала о продленіи срока на 3—4 мѣсяца «для успѣшнаго окончанія работъ», но не получилъ согласія. Ходатайство оренбургскаго генераль-губернатора за Михайлова тоже не было удовлетворено. Потомъ начались тернія съ печатаніемъ статей. Онѣ должны были проходить черезъ морской ученый комитетъ. При оцѣнкѣ очерковъ для «Сборника»,

вспоминалъ С. В. Максимовъ—самъ участникъ этой литературной экспедиціи, «комитетъ дѣйствовалъ рѣшительно и самостоятельно, руководствуясь неизвѣстными правилами и личными вкусами председателя. Браковка производилась по-военному, съ удивительной самоувѣренностью» ¹⁾).

Вернувшись въ Петербургъ, Михайловъ поселился съ Шелгуновыми въ одной квартирѣ, у Вознесенскаго моста. Въ томъ же домѣ, этажомъ выше, жилъ молодой оріенталистъ П. И. Пашино, оказавшій Михайлову помощь въ разборкѣ матеріала изъ Оренбургскаго края, на туземныхъ языкахъ. Пашино рассказываетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Михайловѣ ²⁾, что среди матеріаловъ на татарскомъ языкѣ было много пѣсенъ, касавшихся башкирскихъ бунтовъ. Одну изъ этихъ пѣсенъ Пашино перевелъ по просьбѣ Михайлова. Это была пѣсня о Цѣлковскомъ, «отъявленномъ тиранѣ и мучителѣ» ³⁾.

Въ Петербургѣ Михайловъ отдался прежнимъ занятіямъ. Это были переводы Шиллера для изданій Н. Гербеля. Первый и второй томы появились въ 1857 г., а дальнѣйшіе—въ 1858—1860 гг. Рукописи его переводовъ показываютъ, какъ онъ работалъ. Большія беллетристическія вещи Шиллера онъ переводилъ прямо начисто, ровнымъ мелкимъ почеркомъ исписывая страницу за страницей. Только кое-гдѣ потомъ встрѣчалась необходимость въ стилистической поправкѣ, и одно слово или фраза замѣнялись другими ⁴⁾.

Своими переводами Михайловъ снабжаетъ въ эти годы также и журналы. Переводы изъ Гейне, Рюккерта, Томаса Гуда, Эйхендорфа и опять изъ Гейне. Гейне вообще былъ излюбленнымъ поэтомъ Михайлова, начиная съ первыхъ опытовъ, овѣянныхъ скорбнымъ раздумьемъ въ духѣ Гейне, и кончая послѣдними переводами вполне зрѣлаго, признаннаго поэта, когда онъ явно отмѣчаетъ особой симпатіей гейневскую лирику съ ея злой ироніей-насмѣшкой, съ ея граждански приподнятымъ пафосомъ и такими глубоко-грустными мотивами личныхъ чувствъ. Все это было очень близко самому Михайлову. За очеркъ о поэзіи Гейне онъ брался нѣсколько разъ. Михайловъ собралъ свои переводы изъ Гейне и

¹⁾ С. Максимовъ. Литературная экспедиція.—«Р. Мысль». 1890 г., февраль, стр. 17—50.

²⁾ П. И. Пашино. Литературныя воспоминанія. V. Знакомство съ М. Л. Михайловымъ и Н. В. Шелгуновымъ.—«Минута» 1882 г., № 128.

³⁾ С. Ѳ. Цюлковскій—генераль-маіоръ, въ 20-хъ гг. XIX в. начальникъ отрядовъ, сопровождавшихъ русскую миссію или купеческіе караваны въ Бухару; прославился своими звѣрствами въ обращеніи съ солдатами.

⁴⁾ Автографы переводовъ въ рукописн. отдѣленіи Публичн. Библіотекѣ въ бумагахъ Н. В. Гербеля.

издалъ ихъ отдѣльной книжкой ¹⁾. Въ предисловіи къ ней онъ самъ признавалъ вліяніе Гейне и не только на себя, но вліяніе это подмѣчалъ повсюду въ литературѣ. Михайловъ вполнѣ справедливо говоритъ, что поэзія Гейне сдѣлала значительно больше, чѣмъ его публицистическія статьи. Поэзія Гейне незамѣтно просочилась всюду: «отголоски его пѣсенъ слышатся вездѣ въ современной лирикѣ—и у англійскихъ, и у американскихъ, и у французскихъ, и у русскихъ поэтовъ». Михайловъ и на себѣ чувствовалъ это вліяніе. Проникнутый духомъ гейневскихъ пѣсенъ, самъ близкій къ настроенію ихъ, онъ вѣрно улавливалъ этотъ общій духъ, общій колоритъ, составляющій специфическое въ данномъ поэтѣ, и умѣлъ выразить это въ словѣ. Книжка Михайлова была встрѣчена единодушными одобреніями. За М. Л. установился титулъ «переводчика Гейне» и даже теперь, когда желаютъ объяснить точнѣе; о комъ идетъ рѣчь, добавляют эти два слова.

VII.

Поѣздка за границу.—Hôtel Molière.—«Парижскія письма».—Статьи по женскому вопросу.—Знакомство съ Герценомъ.—«Русское Слово».—Отношеніе къ 19 февраля 1861 г.—Вторая поѣздка въ Лондонъ.—Дѣло Михайлова.

Въ маѣ 1858 г. Шелгуновы уѣхали за границу лѣчиться. Михайлова дѣла задержали на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Лѣтомъ съѣхались всѣ въ Парижѣ. Здѣсь былъ и Н. Гербель, и писатель Е. Колбасинъ, на котораго тогда возлагались большія надежды.

Шелгуновы и Михайловъ остановились въ отелѣ Molière, въ rue de la Michaudière. Литературное имя отеля объяснялось тѣмъ, что хозяйка его, г-жа Максимъ, бывшая актриса, служила раньше на сценѣ Théâtre Français, возникшаго изъ основаннаго Мольеромъ театра. Въ отелѣ жилъ другъ ея, m-г Fauvety, редакторъ одного радикальнаго журнальчика. Постоянными посѣтительницами были двѣ горячихъ поборницы женскихъ правъ Jenny L* и Jenny d'Hericourt. Отель жилъ своеобразной жизнью и въ это время былъ цитаделью яркихъ феминистскихъ нападокъ на Прудона, недавно передъ тѣмъ издавшаго книгу, въ которой затронулъ и женскій вопросъ.

Пріѣзжіе русскіе вошли въ этотъ кружокъ. Имъ были близки темы, дебатировавшіяся здѣсь, и ихъ увлекали оживленныя и шумливыя бесѣды. Политическія убѣжденія этой компаніи въ «Мишодьеркѣ», какъ называли Шелгуновы отель,—были ярко

¹⁾ Пѣсни Гейне въ переводѣ М. Л. Михайлова. С.-Пб. 1858 г.

республиканскія, и наиболѣе острой темой дня за время пребыванія Михайлова въ Парижѣ, кромѣ книги Прудона, было насиліе надъ республикой Наполеона III.

Отрицаніе Прудономъ равенства правъ мужчины и женщины и его формула отношенія половъ, какъ 3 : 2, должна была вызвать въ Hôtel Molière искреннее и бурное негодованіе. «Если бы Наполеонъ III сдѣлалъ три государственныхъ переворота въ одну недѣлю», вспоминалъ впоследствии Н. В. Шелгуновъ, «то Hôtel Molière волновался бы менѣе, чѣмъ отъ этого неожиданнаго оскорбленія». Больше всѣхъ волновались двѣ Jennу, отвѣтившія Прудону негодующими возраженіями. Женскій вопросъ въ книгѣ d'Hericourt былъ поставленъ въ такую плоскость: народъ яснѣе многихъ другихъ понимаетъ ту истину, что свобода женщины совпадаетъ со свободой массъ. Эта постановка вопроса въ зависимости отъ борьбы за общую свободу связывала освобожденіе женщины съ общимъ революціоннымъ дѣломъ ¹⁾. Еще раньше въ письмахъ къ Л. П. Шелгуновой авторъ этой книги обращался съ лозунгомъ: «Que les femmes de tous les pays se donnent la main!» О своихъ впечатлѣніяхъ отъ пребыванія во Франціи еще въ 1856 г. Л. П. писала такъ: «Этотъ мѣсяцъ, проведенный въ Парижѣ, совершенно одурманилъ меня. Я дошла до того, что бредила эшафотомъ». На вечерахъ въ отелѣ, гдѣ собиралась вся компанія, пѣлись пѣсни политическаго содержанія, при чемъ на улицу запирались ставни. «Эти горячіе люди, мечтавшіе о свободѣ и равенствѣ, всегда были наэлектризованы и всегда ждали какой-то перемѣны», вспоминалъ Шелгуновъ.

Въ такую раскаленную атмосферу попалъ Михайловъ. Парижъ, гдѣ такъ остро чувствовалась борьба республиканскихъ идей съ современнымъ положеніемъ вещей, гдѣ такъ остро ставились всѣ вопросы, какъ вопросъ женскій, Парижъ—этотъ центръ эмиграціи и русской, и польской, былъ прекрасной школой для революціонизированія радикальнаго настроенія.

Для Михайлова все это было ново, и на первый разъ онъ былъ захваченъ женскимъ вопросомъ, съ увлеченіемъ переживая вмѣстѣ съ отелемъ Molière и другія бродившія въ немъ настроенія.

Михайловъ особенно хорошо познакомился съ хозяевами отеля, такъ какъ и по внѣшности, и по характеру, живому, склонному къ мѣткимъ юмористическимъ замѣчаніямъ, вполне подходилъ къ парижской жизни. А эта близость къ окружающему создавала легкость воспріятія политическихъ идей и настроеній, висѣвшихъ тогда въ воздухѣ. Письма Михайлова изъ-за границы, печатав-

¹⁾ См. статью Н. Котляревскаго о женскомъ вопросѣ въ литературѣ 60-хъ годовъ.—«Вѣстн. Европы» 1914, № 2.

шіяся въ «Современникѣ»¹⁾, посвящены женскому вопросу въ такой именно постановкѣ его, въ какой онъ дебатировался въ отелѣ Molière. Это—возраженія Прудону на его книгу и изложеніе точекъ зрѣнія Jenny d'H* и Jenny L*. Здѣсь же мы находимъ интересную характеристику отдѣльныхъ лицъ изъ компаніи г-жи Максимъ, живыя картинки вечеровъ, происходившихъ въ отелѣ. Вмѣстѣ съ воспоминаніями объ этомъ Л. П. и Н. В. Шелгуновыхъ «Парижскія письма» рисуютъ очень яркую и полную картину переживаній трехъ друзей во время пребыванія въ Парижѣ. Михайловъ жалѣетъ, что не можетъ познакомить русскаго читателя съ пѣснями, которыя распѣвались на вечерахъ въ отелѣ. Онъ характеризуетъ ихъ словами В. Гюго: «Le peuple chante, comme le lion rugit». Михайловъ передаетъ содержаніе одной изъ пѣсенъ «Жакъ и Маріанна»: Жакъ ждетъ возлюбленную, ждетъ—не дождется. Въ немъ начинается кипѣть злоба. Жакъ—весь французскій народъ, его возлюбленная—республика.

Кромѣ этихъ писемъ, посвященныхъ отчасти и женскому вопросу, Михайловъ во Франціи началъ большую статью на эту тему. При работахъ надъ ней, онъ постоянно совѣтовался съ Н. В. Шелгуновымъ, главнымъ образомъ въ экономическихъ вопросахъ и просто для того, чтобы въ увлеченіяхъ настроеніемъ кружка не переходить границъ практически осуществимаго. Шелгуновъ, въ отношеніи убѣжденій, былъ болѣе сложившимся человекомъ, трезвѣе смотрѣлъ на взвинченное настроеніе отеля и оставался значительно болѣе уравновѣшеннымъ, чѣмъ жена и другъ. Несомнѣнно Н. В. Шелгунову Михайловъ обязанъ тѣмъ, что его статья для «Современника» оказалась спокойной, трезвой и научной. Г-жа d'Hericourt договорилась до того, что выставяла, какъ неоспоримую истину, свое мнѣніе о превосходствѣ духовной организаціи женщины. Женщина, по ея словамъ, является единственной хранительницей духовнаго и нравственнаго начала. Женщинѣ, предрекала она, придется взять въ свои руки управленіе всѣмъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Исходя такъ же, какъ и Jenny d'Hericourt, изъ возраженій Прудону, Михайловъ перенесъ, однако, вопросъ на практическую почву. Трезвая постановка вопроса сводилась къ безусловному признанію за женщиной ея личныхъ и общественныхъ правъ. Онъ требуетъ для нихъ образованія²⁾ и правъ политическихъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, такъ какъ политической жизни въ Россіи вообще не было³⁾.

¹⁾ «Современникъ» 1858, т. LXXI, № 9 и 1859, т. LXXIII, № 1.

²⁾ Женщины въ университетѣ. «Современникъ» 1861, т. LXXXVI, № 4.

³⁾ Д. С. Милль объ эмансипаціи женщинъ. «Современникъ» 1860, т. LXXXIV, № 11.

Между общимъ прогрессомъ и эмансипаціей женщинъ у него такая же зависимость, какъ у французскаго автора между свободой народа и свободой женщины: одно обусловливаетъ другое. Пока женщина не будетъ итти наравнѣ съ нами, мы все будемъ отставать отъ движенія и лишать его должной силы; въ ненормальномъ положеніи и воспитаніи женщины лежитъ вина тѣхъ неурядицъ, которыя дѣлаютъ наше время переходнымъ и отодвигаютъ насъ отъ цѣли. Таковы были мысли этихъ статей, начатыхъ во Франціи ¹⁾.

Изъ Парижа Михайловъ отправился въ Трувиль, къ берегу моря, объѣхалъ Нормандію, а затѣмъ опять вернулся въ Парижъ для намѣченной раньше поѣздки съ друзьями въ Лондонъ.

Уѣзжая изъ Парижа 18 февраля н. с. 1859 г., Михайловъ посылаетъ ему прощальный привѣтъ: «Парижъ все-таки славный городъ, и его любишь по преданію и желаешь ему всѣхъ благъ мира, свѣта, свободы, вдобавокъ къ этому ясному безоблачному небу и яркому теплomu солнцу, которое такъ по-лѣтнему грѣло его въ послѣдніе дни передъ моимъ отъѣздомъ».

Лондонъ встрѣтилъ Михайлова очень непривѣтливо: туманы и суетливая жизнь на улицахъ такъ поразили поэта, что ему прежде всего всюду бросается въ глаза эта суета, переполняющая Лондонъ, эти насущныя заботы, какъ будто единственные двигатели всей кипучей жизни. «Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому странному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то еще неиспытаннаго одиночества» ²⁾.

Послѣ пріѣзда въ Лондонъ, Михайловъ немедленно явился къ Герцену. Это было время наибольшаго вліянія Герцена. Лѣтомъ 1857 г. началъ выходить «Колоколъ». Тѣ яркія нападки, обличенія, съ которыми выступилъ Герценъ, та программа, которую выставилъ онъ въ первомъ номерѣ газеты—пугали однихъ, привлекали другихъ. Герценъ началъ получать отъ русскихъ за границей и изъ самой Россіи множество писемъ, питавшихъ обличительные отдѣлы его газеты. Не забываютъ его и посѣтители. Въ Лондонѣ къ Герцену создалось своеобразное паломничество, «какъ ко гробу пророка», по выраженію Л. П. Шелгуновой. «Быть въ Лондонѣ и не видѣть Герцена»—такъ переименовывали другіе поговорку о Римѣ и папѣ. Люди самыхъ разнообразныхъ міровоззрѣній и общественныхъ положеній считали своимъ

¹⁾ Статьи М. Л. Михайлова о женскомъ вопросѣ собраны вмѣстѣ въ книгѣ: «Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ». С.-Пб. 1903. См. также цитированную выше статью Н. Котляревскаго.

²⁾ Лондонскія замѣтки. «Современникъ» 1859, т. LXXV, № 6; LXXVI, № 7 и 8; LXXVII, № 9.

долгомъ посѣтить Герцена. Вспоминая объ этомъ времени, Герценъ самъ говорилъ, что его «Park house» былъ въ модѣ у туристовъ и даже былъ отмѣченъ въ какомъ-то путеводителѣ, какъ достопримѣчательность. Однихъ влекла эта мода, чтобы имѣть возможность потомъ въ Россіи на ушко друзьямъ хвастать своимъ посѣщеніемъ Герцена, другихъ привлекалъ самъ хозяинъ. «Обращеніе его было простое и дружеское», вспоминалъ Шелгуновъ, «съ нимъ было легко и свободно. Это происходило оттого, что Герценъ все понималъ. Въ разговорѣ онъ былъ такой же, какъ и въ статьяхъ, съ тою же наготовѣ шпилькой и такой же умный».

Герценъ, какъ радушный хозяинъ, показывалъ своимъ гостямъ, Шелгунову и Михайлову, Лондонъ. Онъ водилъ ихъ всюду. Посѣтилъ съ ними митингъ воровъ, побывалъ въ ночлежныхъ домахъ.

Посѣщеніе Лондона было хорошимъ коррективомъ для настроенія, которымъ можно было заразиться въ накаленной атмосферѣ республиканскаго кружка въ отелѣ Molière. Какъ тамъ трезвѣе и практичнѣе смотрѣлъ на вещи сдержанный Шелгуновъ, такъ здѣсь Герценъ могъ направить радикальное настроеніе Михайлова на опредѣленную практическую почву. Завѣтныя стремленія мольеровскаго отеля были далеки отъ насущнѣйшихъ нуждъ родной страны, а у Герцена была уже опредѣленная программа, съ которой онъ выступилъ еще въ «Полярной Звѣздѣ», которую повторилъ въ «Колоколѣ» и съ которой, конечно, были знакомы Шелгуновъ и Михайловъ. Но живое общеніе съ Герценомъ могло сильнѣе прояснить горизонты и реальнѣе поставить передъ ними ближайшія задачи. Программа эта сводилась къ требованіямъ—освобожденія слова отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податного состоянія отъ побоевъ. Съ первыхъ №№ «Колокола» требованія этой программы проводились въ рядѣ статей: злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, противодѣйствія реформамъ въ высшихъ кругахъ, безотвѣтственность въ своемъ произволѣ бюрократіи—постоянныя темы этихъ статей. Все это повторяютъ и Шелгуновъ и Михайловъ на родинѣ.

Изъ Лондона Михайловъ вернулся въ Россію. Еще въ Парижѣ онъ былъ привлеченъ къ одному литературному дѣлу—къ дѣлу изданія «Русскаго Слова», и, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ становится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ этого журнала и помощникомъ редактора. Таковымъ сначала былъ Я. П. Полонскій, давнишній другъ Михайлова, а потомъ Хмельницкій, человѣкъ безпомощный въ литературѣ, котораго мѣтко сравнили съ управляющимъ домомъ, заботящимся о хорошихъ жильцахъ да о томъ, чтобы управляемый журналъ превратить въ пяти-

этажный. Такой редакторъ безъ Михайлова не могъ обойтись и очень ухаживалъ за нимъ.

Въ Петербургѣ Михайловъ попадаетъ опять въ водоворотъ литературной жизни. Продолжая сотрудничать въ «Современникѣ», онъ ведетъ библиографическій отдѣлъ въ «Русскомъ Словѣ», переводить и прозой и стихами, пишетъ беллетристическіе очерки и романы, критическіе очерки о поэтахъ европейскихъ и американскихъ, публицистическія статьи по женскому вопросу, наконецъ, сотрудничаетъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ изданій. Въ этой напряженной творческой и журнальной работѣ Михайловъ находитъ время писать статьи для «Энциклопедическаго словаря русскихъ ученыхъ и литераторовъ» (1861 г.), куда привлекъ его въ качествѣ редактора отдѣла словесныхъ наукъ—общій редакторъ изданія П. Л. Лавровъ.

Объ этой порѣ жизни Михайлова, закончившейся его арестомъ и ссылкой, есть любопытное свидѣтельство П. Боборыкина. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ ставитъ Михайлова въ связь съ броженіями въ студенческой средѣ и обрисовываетъ отношеніе писателя къ акту 19 февраля ¹⁾. У Михайлова, дѣйствительно, была такая связь съ передовыми студенческими группами, благодаря Е. П. Михаэлисъ, брату Л. П. Шелгуновой. Студентъ петербургскаго университета Михаэлисъ игралъ очень большую роль въ средѣ своихъ товарищей. П. Боборыкинъ, тогда тоже студентъ, вспоминаетъ объ одномъ посѣщеніи студенческаго кружка на квартирѣ у Михаэлисъ. «Тамъ я нашелъ и М. Л. Михайлова за чаемъ. Они только что читали вслухъ текстъ манифеста, и потомъ всѣ начали его разбирать по косточкамъ. Никого онъ не удовлетворялъ. Сильнѣе и ядовитѣе всѣхъ говорилъ Михайловъ. Онъ прямо называлъ все это ловушкой и обманомъ и не предвидѣлъ для крестьянъ ничего, кромѣ новой формы закрѣпощенія. Тутъ—въ первый разъ—тонъ и содержаніе его протестовъ показывали, что этотъ человекъ уже «сжегъ свои корабли» ²⁾.

Аресту Михайлова предшествовала вторая поѣздка за границу (лѣтомъ 1861 г.), очень непродолжительная и, повидимому, со специальной цѣлью.

Л. П. Шелгунова была больна и ее увезли за границу. Съ нею поѣхали Михайловъ и Шелгуновъ, но Шелгуновы остались въ Германіи для лѣченія на водахъ, а Михайловъ поѣхалъ черезъ Голландію въ Лондонъ. М. Л. привезъ съ собою листокъ, написанный Шелгуновымъ, подъ названіемъ «Къ моло-

¹⁾ Общеизвѣстны стихи, которые прислали студенты Михайлову въ Петропавловской крѣпости. См. въ воспоминаніяхъ Л. Пантелѣева (С.-Пб. 1905) стр. 329—331.

²⁾ «Минувшіе Годы» 1908, № 5—6, стр. 58.

дому поколѣнію». Листокъ этотъ былъ отголоскомъ того, о чемъ говорилъ Герценъ въ своемъ «Колоколѣ». Даже обращеніе къ молодому поколѣнію напоминало призывъ Герцена къ «юному поколѣнію», которому въ первомъ же № «Колокола» онъ «передавалъ свой трудъ, свое свободное слово». Та программа, которую намѣчалъ для молодого поколѣнія Шелгуновъ, напоминала программу «Колокола», приспособленную къ новому времени, послѣ освобожденія крестьянъ. Въ типографіи Герцена и былъ отпечатанъ этотъ листокъ со специальной цѣлью распространенія его въ Россіи. Михайловъ и Шелгуновъ придавали ему значеніе вольнаго голоса, который раздастся среди тѣснимой подцензурной печати. М. Л., привлеченный къ суду за распространеніе и составленіе этого листка, говорилъ, что протестъ противъ цензуры былъ единственной его цѣлью: усиленіе тайной прессы могло повлечь за собою облегченіе стѣсненій печати.

Есть еще указанія на причастность Михайлова къ революціонному движенію 60-хъ годовъ. Въ воспоминаніяхъ В. Шаганова о Н. Г. Чернышевскомъ Михайлову приписаны 3 листка «Великорусса», изданные осенью 1861 г. Другіе, наоборотъ, приписываютъ Михайлову «Отвѣтъ Великоруссу», помѣщенный въ № 107 «Колокола». Но судили Михайлова только за распространеніе и составленіе листка «Къ молодому поколѣнію»¹⁾.

Всю вину Михайловъ взялъ на себя.

Въ процессѣ по дѣлу о листкѣ «Къ молодому поколѣнію» очень неблагоприятную роль сыгралъ Всеволодъ Костомаровъ, племянникъ историка, другъ, а затѣмъ предатель Михайлова. Его наивность или злонамѣренность погубили и Чернышевскаго, судившагося за составленіе другого листка и знавшаго о томъ, что затѣвали Михайловъ и Шелгуновъ. Всеволодъ Костомаровъ былъ рекомендованъ Михайлову поэтомъ Плещеевымъ, а Михайловъ уже и еще разъ Плещеевъ рекомендовали Костомарова Чернышевскому, который зналъ о его близости и дружбѣ съ Михайломъ Ларіоновичемъ. Во всей этой исторіи съ предательствомъ, Чернышевскій былъ склоненъ обвинять Плещеева и Михайлова, увлекшагося и идеализировавшаго такую личность, какъ Костомаровъ. Извѣстно, что и о Плещеевѣ Чернышевскій говорилъ съ пренебреженіемъ

¹⁾ Объ обстоятельствахъ распространенія листка въ Петербургѣ, ареста Михайлова, суда надъ нимъ и ссылки писали много, и фактическая сторона дѣла теперь освѣщена достаточно. (См., напр., работы М. Лемке о процессѣ Михайлова въ «Быломъ» 1906, № 1 и отдѣльно: С.-Пб. 1907). На судѣ и впослѣдствіи существовала увѣренность, что листокъ «Къ молодому поколѣнію» написанъ Михайловымъ. Но категорическое разъясненіе Л. Пантелѣева (Былое 1906, № 2, стр. 286), что листокъ составленъ Шелгуновымъ, заставило и г. Лемке отказаться отъ той точки зрѣнія, на которой онъ стоялъ въ своей статьѣ въ «Быломъ».

за эту его «глупость». Не смогъ простить Н. Г. и Михайлову роковой рекомандаціи, сгубившей самого поэта. Есть рассказъ о томъ, какъ встрѣтился Чернышевскій съ Михайловымъ за годъ до его смерти. Онъ холодно отнесся къ уже больному поэту и не дѣлалъ попытокъ сблизиться съ нимъ.

VIII.

Сочувственныя отношенія къ Михайлову.—Михайловъ въ Сибири.—
Пріѣздъ Шелгуновыхъ.—Дѣло О. Дейхмана и П. Михайлова.—Смерть
М. Л. Михайлова.

Опредѣленіемъ суда, утвержденнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, М. Л. Михайловъ былъ обвиненъ въ составленіи и распространеніи прокламаціи и сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Первоначальный срокъ ссылки на 12 лѣтъ былъ сокращенъ до шести.

Подробный рассказъ о переживаніяхъ во время суда и впечатлѣніяхъ по длинной дорогѣ въ Сибирь оставилъ самъ Михайловъ въ своихъ «Запискахъ», дважды уже напечатанныхъ въ Россіи.

Дѣло Михайлова привлекло всеобщія симпатіи общества къ нему, такъ какъ это былъ первый политическій ссыльный въ 60-е годы, къ тому же извѣстный писатель. Да и общественная жизнь была въ это время возбуждена и общимъ настроеніемъ эпохи реформъ, и заграничной прессой, и студенческими волненіями, съ которыми случайно совпало дѣло Михайлова. Писателя восторженно привѣтствовали, когда его привозили въ Сенатъ; его всюду встрѣчали и провожали на пути. Молва о Михайловѣ катилась по пути въ Сибирь и предупреждала появленіе ссыльнаго, изумляя этимъ и сопровождавшихъ его жандармовъ, и самого виновника всѣхъ этихъ привѣтствій.

Это всеобщее сочувствіе не осталось безъ возмездія, по крайней мѣрѣ, для чиновныхъ-сочувствователей Михайлову, и многіе изъ тобольской администраціи, тюремной, судебной и общей пострадали за радушный пріемъ, оказанный осужденному поэту¹⁾.

Михайловъ былъ отправленъ въ Нерчинскій горный округъ. Въ Иркутскѣ, въ послѣднемъ этапномъ пунктѣ по пути Михайлова, генераль-губернаторъ Восточной Сибири Корсаковъ, черезъ полицеймейстера, пригласилъ его къ себѣ. При этомъ свиданіи выяснилось, что Корсаковъ получилъ отъ петербургскаго гене-

¹⁾ См. объ этомъ дѣлѣ у В. Богучарскаго. Государственные преступленія, т. I С.-Пб. 1906, стр. 130. Еще: Н. Ставрогинъ. М. И. Михайловъ въ Тобольскѣ. «Сибирскіе Вопросы» 1908, № 3—4 и 8.

раль-губернатора кн. Суворова письмо, въ которомъ тотъ писалъ о «дѣланіи всякаго снисхожденія» Михайлову ¹⁾, о чемъ Корсаковъ обѣщалъ написать нерчинскому горному начальнику О. А. Дейхману.

Михайловъ былъ предупрежденъ еще въ Иркутскѣ, что его назначать на Казаковскій золотой промыселъ, гдѣ служилъ его братъ Петръ Ларіоновичъ. Горный начальникъ Дейхманъ, дѣйствительно; назначилъ Михайлова на Казаковскій промыселъ, хотя официально, какъ сообщаетъ самъ писатель въ своихъ «Запискахъ», его приписали куда-то къ другому заводу.

11 марта 1862 г. Михайловъ окончательно водворился въ Казаковъ у брата. Здѣсь писатель былъ совершенно освобожденъ отъ работъ и занимался литературой и обученіемъ дѣтей.

«Любовь и дружба», — Л. П. и Н. В. Шелгуновы, — нашли его и въ ссылкѣ. Они не оставляли своихъ заботъ о ссыльномъ другѣ все время. Они устраивали его литературныя дѣла, поддерживали его матеріально, для чего пустили въ лотерею часть большой библіотеки Михайлова. Съ Людмилой Петровной Михайловъ находился въ постоянной перепискѣ. Въ сибирскихъ городахъ, которые проѣзжалъ Михайловъ, его ждали письма Л. П. Въ своихъ письмахъ къ ней онъ дѣлился впечатлѣніями, планами, поручалъ ей помѣщеніе написанныхъ имъ въ Сибири разсказовъ и стихотвореній.

Н. В. Шелгуновъ особенно тяжело переживалъ дѣло Михайлова, чувствуя долю своей вины въ страданіяхъ друга. Этимъ и объясняется та поѣздка, которую Шелгуновы предприняли въ Сибирь, чтобы навѣстить Михайлова.

Поѣздку эту Шелгуновы совершили въ 1862 г. Въ Нерчинскѣ ихъ ждалъ Петръ Ларіоновичъ Михайловъ. По крутой горной дорогѣ спустились они въ Казаковскій промыселъ. Когда подъѣхали къ дому, на крыльцѣ стоялъ Михайловъ. «Въ домѣ очень небольшомъ», вспоминала Л. Шелгунова, «всѣ мы помѣстились, конечно, стѣснили хозяина, но на это онъ не жаловался, потому что мы внесли большое разнообразіе въ жизнь молодого офицера, жившаго въ уединенномъ пріискѣ» ²⁾.

Но прожить въ Казаковѣ Шелгуновымъ пришлось недолго. Петръ Ларіоновичъ получилъ изъ Иркутска предупрежденіе, что въ Нерчинскій округъ ѣдетъ жандармскій полковникъ Ду-

¹⁾ Письмо это было написано по просьбѣ Н. В. Шелгунова.

²⁾ Объ этомъ времени см. воспоминанія Е. О. Дубровиной, дочери Дейхмана. («Бесѣда» 1905, № 12). Впрочемъ, Дубровина сообщаетъ много невѣрныхъ свѣдѣній.

вингъ. Михайлъ Ларіоновичъ былъ помѣщенъ въ больницу, но неожиданный пріѣздъ Дувинга на заводъ все-таки засталъ его въ саду вмѣстѣ съ Шелгуновыми. Николая Васильевича увезли въ Петербургъ, а Людмилу Петровну, сказавшуюся больной, оставили въ сосѣдней Ундинской слободѣ, подъ присмотромъ жандармовъ. Это было въ шести верстахъ отъ Казакова, и Михайловъ цѣлыми днями жилъ въ слободѣ.

Въ январѣ 1863 г. пришло распоряженіе о переводѣ Л. П. Шелгуновой въ Иркутскъ. Михайловъ былъ переведенъ въ Кадаю, на китайской границѣ, а относительно его брата и нерчинскаго горнаго начальника было возбуждено дѣло за послабленія, «оказанныя государственному преступнику». Генераль-губернаторъ Восточной Сибири, представляя это дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, полагалъ достаточнымъ строгій выговоръ О. А. Дейхману и выговоръ П. Л. Михайлову. Но Корсакову не удалось выгородить людей, въ «преступленіи» которыхъ самъ былъ отчасти виновенъ, ибо самъ просилъ о всякихъ снисхожденіяхъ Михайлову. Министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ настояли на томъ, чтобы виновныхъ въ послабленіи лицъ предать суду. Дейхманъ и П. Михайловъ были смѣщены со своихъ мѣстъ, при чемъ Дейхмана исключили изъ службы въ августѣ 1865 г. Смягчающимъ вину обоихъ обстоятельствомъ было поставлено «впечатлѣніе, сдѣланное на Дейхмана болѣзненностью преступника и полнымъ упадкомъ физическихъ и нравственныхъ силъ», а также вполне понятныя родственныя чувства П. Михайлова ¹⁾.

Пока шло это дѣло, больной писатель доживалъ свои послѣдніе дни. Нравственныя потрясенія, связанныя со всѣми преслѣдованіями, постигшими близкихъ ему людей, довершили дѣло болѣзни, и 2 августа 1865 года въ далекомъ, глухомъ краю онъ умеръ. Тамъ же въ одной верстѣ отъ Кадаи на голомъ одинокомъ утесѣ, рядомъ съ нѣсколькими могилами польскихъ повстанцевъ, былъ и похороненъ Михайловъ. Его могила такъ же забылась, какъ и онъ самъ, и когда другой ссыльный поэтъ, П. Ф. Якубовичъ, въ 90-хъ годахъ посѣтилъ Кадаю, ему указывали мѣсто могилы въ двухъ различныхъ пунктахъ. Деревянный крестъ, поставленный первоначально надъ могилой, былъ снесенъ непогодой и утащенъ мѣстными жителями на дрова. Новый крестъ, поставленный въ пріѣздъ П. Якубовича, обреченъ на ту же участь ²⁾.

¹⁾ По неизданному архивному дѣлу о Дейхманѣ и Михайловѣ. Исключенный изъ службы О. А. Дейхманъ 5 мая 1866 г. былъ по Высоч. повелѣнію объявленъ уволеннымъ отъ службы. Е. О. Дубровина въ своихъ воспоминаніяхъ преувеличила кару, понесенную ею отцомъ за Михайлова, и искажала обстоятельства смерти М. Л.

²⁾ Л. Мельшинъ. На могилѣ М. И. Михайлова. «Степной Край» 1896, № 54.

Кругомъ на сотни верстъ безлѣсныя голыя сопки, придающія послѣднему пейзажу, бывшему передъ глазами умиравшаго поэта, монотонно скорбный видъ. Въ послѣднюю весну сосѣдніе съ деревушкой холмы покрылись, какъ обыкновенно, голубыми коврами незабудокъ, поманила вдаль своимъ крикомъ кукушка, пробудила еще разъ безсильную жажду свободы, о которой постоянно пѣлъ въ своихъ сибирскихъ пѣсняхъ поэтъ, пробудила боль за свое одинокое умираніе въ такомъ далекомъ, забытомъ всѣми уголкѣ.

В. Міяковскій.

Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ.

I.

Цѣль настоящаго очерка заключается въ сильной характеристикѣ редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова. Въ видахъ большей ея полноты и обоснованности, мнѣ пришлось использовать многочисленные печатные источники, относящіеся какъ непосредственно къ Некрасову, такъ и къ исторіи руководимыхъ имъ журналовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при составленіи настоящей статьи, я имѣлъ въ виду подѣлиться съ читателями и тѣмъ неизданнымъ матеріаломъ, заключающимся въ письмахъ Некрасова къ его журнальнымъ сотрудникамъ и въ ихъ письмахъ къ нему, который мало-по-малу скопился въ моихъ рукахъ. Использование этого матеріала представлялось мнѣ тѣмъ болѣе важнымъ, что онъ въ иныхъ случаяхъ проясняетъ и опредѣляетъ нѣкоторыя черты редакторской физіономіи Некрасова, до сихъ поръ недостаточно освѣщенные.

Познакомиться съ обязанностями редактора Некрасову впервые пришлось въ началѣ 40-хъ годовъ. Въ сборникѣ моихъ статей о поэтѣ («Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», М. 1914 г.) приводится текстъ и дается анализъ содержанія писемъ молодого Некрасова къ Фед. Ал. Кони, редактору-издателю «Пантеона». Изъ нихъ съ полною несомнѣнностью слѣдуетъ, что если въ 1841 г. пригодность Некрасова къ роли близкаго и постояннаго сотрудника «Пантеона» являлась еще нѣкоторымъ вопросомъ для Кони, то въ слѣдующемъ 1842 г. Кони довѣрялъ Некрасову уже въ такой мѣрѣ, что во время своихъ отлучекъ изъ Петербурга именно ему, а не кому, либо другому поручалъ отвѣтственныя функціи своего замѣстителя. При замѣстительствѣ подобнаго рода молодому журналисту, само собой разумѣется, приходилось сталкиваться съ вопросами, имѣвшими непосредственное отношеніе къ редактированію журнала.

Въ одномъ изъ тѣхъ же писемъ (отъ 2 апрѣля 1842 г.) упоми-

нается о томъ, что Некрасовъ еженедѣльно ходилъ «на совѣтъ къ Краевскому о составленіи номеровъ «Литературной Газеты». Составленіе номеровъ лежитъ уже внѣ обязанностей рядового сотрудника; оно является едва ли не главною обязанностью редактора, а иногда, какъ это, повидимому, и имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, подлежитъ коллегіальному обсужденію. Сотрудники, привлекаемые къ такому обсужденію, должны быть болѣе или менѣе знакомыми съ общими условіями веденія журнальнаго дѣла. Отсюда неизбѣжный выводъ, что Краевскій, приглашая Некрасова «на совѣтъ о составленіи номеровъ», считался съ нимъ, какъ съ журналистомъ, уже не лишеннымъ нѣкоторой опытности въ томъ, что составляетъ собственно редакторскія функціи...

Безъ знанія этихъ послѣднихъ не могъ обойтись Некрасовъ и въ послѣдующее четырехлѣтіе, въ періодъ отъ 1843 по 1846 г., когда онъ выпустилъ въ свѣтъ четыре альманаха, два изъ которыхъ: «Физиологія Петербурга», и «Петербургскій Сборникъ» могутъ служить яркимъ доказательствомъ какъ обширности литературныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ къ тому времени Некрасовымъ, такъ и его умѣнія подбирать для своихъ изданій матеріалъ, представляющій незаурядную литературную цѣнность и выдающійся общественный интересъ. Въ подтвержденіе достаточно вспомнить, что въ «Физиологіи Петербурга» помѣщены произведенія Бѣлинскаго, Григоровича, Луганскаго (Далѣ), Гребенки, Панаева, въ «Петербургскомъ» же «Сборникѣ», кромѣ поэмы Тургенева «Помѣщикъ», поэмы Майкова «Машенька», статей Бѣлинскаго и Герцена, появился такой шедевръ, какъ «Бѣдные люди» Достоевскаго..

Однако, и журнальная дѣятельность Некрасова въ первой половинѣ 40-хъ годовъ и его издательскія начинанія этого времени являлись не болѣе, какъ подготовительной работой, своего рода прелюдіей къ тому въ высшей степени серьезному и ответственному предпріятію, къ мысли о которомъ онъ пришелъ въ срединѣ 1846 г. Это предпріятіе—аренда въ компаніи съ И. И. Панаевымъ «Современника», журнала, основаннаго А. С. Пушкинымъ и перешедшаго по его смерти къ П. А. Плетневу.

Въ моемъ распоряженіи имѣется подлинникъ договора объ арендѣ «Современника», заключеннаго 23 октября 1846 г. между Плетневымъ и Панаевымъ. Имени Некрасова въ этомъ договорѣ вовсе не упоминается, что не помѣшало ему быть однимъ изъ инициаторовъ дѣла, а впослѣдствіи, съ началомъ изданія журнала, фактическимъ редакторомъ этого послѣдняго.

Редакторомъ de jure, согласно договору 1846 г., числился извѣстный профессоръ С.-Пб. Университета А. В. Никитенко,

бывшій въ то же время и цензоромъ. «Какъ редакція Современника, говорится отъ имени Плетнева въ п. 2-мъ договора, передана мною съ разрѣшенія господина Министра Народнаго Просвѣщенія статскому совѣтнику А. В. Никитенкѣ, то во все продолженіе означеннаго десятилѣтняго срока, я, Плетневъ, не имѣю права вмѣшиваться въ распоряженія редакціею журнала и препятствовать вмѣшательствомъ своимъ дѣйствовать Никитенкѣ и Панаеву самостоятельно, равно какъ не имѣю права употреблять какія-либо мѣры къ присвоенію себѣ права на таковое вмѣшательство». Этотъ пунктъ не былъ единственнымъ, устанавливающимъ полную независимость новой редакціи «Современника» отъ Плетнева. Подобную же цѣль, безспорно, преслѣдовалъ пунктъ 4-й гласившій: «Въ случаѣ, если бы г. Никитенко по какимъ-либо причинамъ отказался отъ званія редактора сего журнала прежде окончанія срока—выборъ новаго редактора зависитъ единственно отъ гг. Панаева и Никитенки, а я, Плетневъ, въ семъ выборѣ голоса не имѣю. Равнымъ образомъ не долженъ я, Плетневъ, присваивать себѣ правъ редактора или вмѣшиваться въ выборъ новаго редактора въ случаѣ смерти г. Никитенки прежде истеченія срока сему условію. Напротивъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ обязуюсь употребить свое содѣйствіе къ утвержденію въ званіи редактора того лица, которое изберетъ г. Панаевъ». Все та же тенденція—во что бы то ни стало оградить самостоятельность новаго издателя, вѣрнѣе новыхъ издателей «Современника»,—сказывается и въ 5-мъ пунктѣ договора: «Буде Панаевъ пожелаетъ передать отъ себя право на изданіе сего журнала какому-либо другому лицу, то я, Плетневъ, воспрепятствовать ему въ сей передачѣ права не имѣю».

Приведенныя цитаты изъ договора между Плетневымъ и Панаевымъ служатъ фактическимъ опроверженіемъ тѣхъ слуховъ, которые распространялись недоброжелателями Панаева и Некрасова и состояли въ утвержденіи, что они подчинили себя Плетневу и Никитинкѣ, а эти послѣдніе-де не позволяютъ дѣйствовать Бѣлинскому и проч., и проч. Что подобныя слухи, на самомъ дѣлѣ, ходили въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо И. И. Панаева къ Н. Х. Кетчеру отъ 1 октября 1846 г. (впервые напечатано въ т. III книги «Бѣлинскій. Письма». С.-Пб. 1914 г.). Съ негодованіемъ опровергая инсинуаціи о подчиненіи Плетневу и устраненіи Бѣлинскаго, объясняя ихъ возникновеніе стараніями агентовъ Краевскаго, нарочито посланныхъ съ этою цѣлью въ Москву, Панаевъ восклицаетъ: «Не нужно повторять, что все это—грязная и самая безстыдная ложь, что я гарантировала себя

условіями съ Никитенкою и Плетневымъ, вслѣдствіе которыхъ свободное дѣйствіе въ журналъ всякаго совершенно обезпечено (иначе чертъ ли бы мнѣ велѣлъ соваться въ это дѣло?)».

Весьма характерно, что въ то время, какъ всѣ усилія Панаева и Некрасова были направлены, къ возможно болѣе полному обезпеченію своей самостоятельности въ вопросахъ редактированія и общаго веденія журнала, Плетневъ стремился, главнымъ образомъ, къ огражденію своихъ матеріальныхъ интересовъ. Въ указанномъ отношеніи весьма интересны пункты 7-й, 8-й и 9-й, которые я и привожу полностью: «7-е, я, Панаевъ, обязуюсь со своей стороны платить г. Плетневу за право издавать въ свою пользу означенный журналъ восемьсотъ пятьдесятъ семь рублей четырнадцать копѣекъ серебромъ въ годъ, предоставляя ему получать сію сумму въ началѣ каждого года въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта изъ суммъ, поступившихъ туда по подпискѣ на журналъ. 8-е, сверхъ того, когда пополнится число подписчиковъ, нужное для покрытія издержекъ изданія, именно тысячу двѣсти, то съ каждого поступающаго затѣмъ подписчика, я, Панаевъ, предоставляю ему, Плетневу, шесть процентовъ съ рубля. Для сего въ концѣ каждого года я обязуюсь предоставить г-ну Плетневу точныя свѣдѣнія, а буде, онъ потребуетъ, то для повѣрки и самыя книги, въ кои вписываются входящіе подписчики и требованія газетной экспедиціи, и немедленно производить съ г. Плетневымъ расчетъ, выплачивая ему по шесть процентовъ со всего числа подписчиковъ за исключеніемъ тысячи двухъ сотъ. (Примѣчаніе. Въ сіе число не входятъ сотрудники журнала и другія лица, коимъ издатель найдетъ нужнымъ выдавать свой журналъ безденежно; проценты выплачиваются съ подписной цѣны на журналъ, не включая денегъ, взимаемыхъ за доставку и пересылку). 10-й. Буде по какимъ либо безпорядкамъ съ моею, Панаева, стороны изданіе журнала пріостановится на такое продолжительное время, что журналу можетъ угрожать опасность прекращенія, то Плетневъ воленъ отъ продолженія сего журнала меня устранить,—а буде отъ неосмотрительности редакціи журналъ подвергнется запрещенію за нарушеніе цензурныхъ постановленій, то я, Панаевъ, въ вознагражденіе такового ущерба обязанъ заплатить г-ну Плетневу восемь тысячъ пятьсотъ семьдесятъ одинъ рубль 43 коп.».

Инцидентъ со слухами о подчиненіи «Современника» новой редакціи Плетневу доставилъ Некрасову и Панаеву нѣсколько непріятныхъ минутъ, но имѣть серьезнаго значенія не могъ, такъ какъ первыя же книжки журнала за 1847 г. должны были убѣдить всѣхъ и каждого, что «Современникъ» идетъ вполне

самостоятельнымъ путемъ, оставаясь вѣрнымъ тому благородному знамени, которое было высоко поднято въ русской литературѣ рукою Бѣлинскаго и его кружка.

Несравненно тяжелѣе далась Некрасову и Панаеву другая исторія—размолвка съ Бѣлинскимъ, происшедшая вслѣдствіе того, что великій критикъ не вошелъ въ число редакторовъ-издателей журнала. Отстраненіе Бѣлинскаго отъ редакціонно-издательскихъ функцій должно было произвести и на него и на его друзей угнетающее впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что какъ Некрасовъ, такъ, въ особенности, Панаевъ, на средства котораго издавался журналъ, и въ личныхъ бесѣдахъ и въ письмахъ къ друзьямъ утверждали, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ, руководившихъ ими при арендованіи «Современника», являлось желаніе упрочить матеріальное положеніе Бѣлинскаго и создать для него *свой* органъ. Съ большою обстоятельностью и жаромъ говорить объ этомъ Панаевъ въ своемъ письмѣ къ Н. Х. Кетчеру отъ 1 октября 1846 г. («Бѣлинскій. Переписка», т. III, С.-Пб. 1914 г.): «Ты, я думаю, не забылъ, Кетчеръ, сколько разъ, въ бытность твою въ Петербургѣ, мы толковали о тяжелыхъ, невыносимыхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Краевскому и мечтали вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ о томъ, какъ бы хорошо было завести свой журналъ. Мечта эта казалась намъ очень привлекательною, но почти неосуществимою. Объ этомъ мечтали и не мы одни. Всѣ наши московскіе пріятели мечтали о томъ же. Всѣ мы (кажется, это такъ) хотѣли дѣйствовать за одно, общими силами, каждый, разумѣется, по мѣрѣ своихъ способностей. Всѣ готовы были какими-нибудь средствами исхитить Бѣлинскаго, говоря высокимъ слогомъ, изъ желѣзныхъ лапъ безсовѣстнаго и безстыднаго спекулятора. Желанія наши были горячи, да средствъ не было.—Наконецъ, теперь нашлись средства и осуществились мечты.—Имѣя въ виду купить журналъ, я прежде всего думалъ о Бѣлинскомъ. Журналъ и Бѣлинскій нераздѣльны въ моихъ понятіяхъ. И для чего же мнѣ было рисковать покупкою журнала, употреблять на это мои послѣднія деньги, если бы я не былъ убѣжденъ въ томъ, что это вмѣстѣ и желаніе Бѣлинскаго, и единственное средство, остающееся ему къ поддержанію его матеріальнаго существованія?

«И я надѣялся, приступая къ этому дѣлу и обдумавъ его, не на одного Бѣлинскаго, я надѣялся на всѣхъ... Я твердо былъ увѣренъ, что всѣ вы примете въ этомъ участіе, такое участіе, какъ бы въ своемъ дѣлѣ... Имѣлъ ли я право питать такія надежды? И могла ли мнѣ иначе прійти мысль о покупкѣ журнала?...

«О томъ, что Бѣлинскій не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію безъ журнала, ты, я думаю, не сомнѣваешься. Мои

выгоды еще неизвѣстны, а Бѣлинскій уже будетъ обезпеченъ съ той минуты, какъ начнетъ журналъ, или, по крайней мѣрѣ, будетъ имѣть опредѣленный, вѣрный доходъ, безъ чего ему существовать невозможно.—Всѣ другого рода труды и предпріятія ненадежны... Изъ всего этого ясно, что только журналъ и одинъ нашъ журналъ есть спасеніе Бѣлинскаго.—Тутъ чистыя деньги, а не надежды на деньги, часто обманчивыя. Бѣлинскому писано объ этомъ, и самъ Бѣлинскій не можетъ не понять этого, ибо все это ясно, какъ Божій день».

Съ перваго взгляда наиболѣе естественнымъ слѣдствіемъ такого отношенія къ Бѣлинскому явилось бы предоставленіе ему если и не первенствующей роли въ «Современникѣ», то, во всякомъ случаѣ, равноправнаго съ Некрасовымъ и Панаевымъ въ немъ положенія. Этого, надо думать, ожидалъ и самъ Бѣлинскій, а потому, когда ожидаемаго не произошло, не могъ онъ не испытать чувства жестокаго разочарованія и обиды противъ Некрасова и Панаева. Подъ впечатлѣніемъ этихъ чувствъ Бѣлинскій написалъ отъ 19 февраля 1847 г. письмо къ Тургеневу, извлеченія изъ котораго, содержащія въ себѣ извѣстныя сужденія о практичности Некрасова и о томъ, что у него будетъ капиталецъ, были опубликованы Тургеневымъ въ 1869 г. («Вѣстникъ Европы», № 5). Тогда же опубликовалъ Тургеневъ и отрывки изъ слѣдующаго письма Бѣлинскаго къ себѣ. Приходится констатировать, что авторъ «Отцовъ и Дѣтей», поддавшись враждебному чувству къ Некрасову, не выказалъ въ данномъ случаѣ должной объективности: напечатанныя имъ строки изъ втораго письма охватываютъ только ту его часть, гдѣ Бѣлинскій оправдываетъ поведеніе Некрасова лишь тѣмъ обоюдоострымъ соображеніемъ, что Некрасовъ, какъ человѣкъ, выросшій въ «грязной положительности», не доросъ до понятія о «вышемъ правѣ», которое исповѣдывалось прочими членами кружка; другая же часть письма Бѣлинскаго, въ которой онъ, полемизируя противъ своего прежняго отзыва, доказываетъ, что Некрасовъ никогда не будетъ капиталистомъ, и что между нимъ и Краевскимъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства (см. «Бѣлинскій. Письма», т. III, стр. 189—170),—Тургеневымъ была оставлена подъ опудомъ... Когда статья Тургенева была прочтена Некрасовымъ, то онъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ было возражать, съ каковою цѣлью и написалъ двѣ черновыхъ замѣтки, опубликованныхъ Скабичевскимъ въ его біографіи поэта. Сущность первой заключается въ констатированіи того, что Некрасовымъ не было потеряно расположеніе Бѣлинскаго и послѣ размолвки по поводу «Современника». Во второй замѣткѣ указываются тѣ объективныя соображенія, которыя и Некрасова

и Панаева привели къ убѣжденію, что вводить въ долю Бѣлинскаго не слѣдуетъ. «Мнѣніе Панаева», говоритъ здѣсь Некрасовъ, «было то же, что и мое, именно, что предоставленіе Бѣлинскому доли было бы бесплодно для него и опасно для дѣла, въ виду неминуемо близкой смерти Бѣлинскаго, которая была рѣшена врачами, что не было тайной ни для кого изъ друзей его: пришлось бы связать себя въ будущемъ, имѣя дѣло не съ нимъ, а съ его наслѣдниками»...

Насколько эти оправданія оправдываютъ—рѣшить довольно таки трудно, но одно обстоятельство, представляющееся, на мой взглядъ, чрезвычайно существеннымъ, должно быть непременно выдвинуто и отгѣнено при разсмотрѣніи всей этой исторіи: несомнѣнно, что съ переходомъ «Современника» въ руки Некрасова и Панаева Бѣлинскій освободился отъ той кабалы, въ которой онъ находился у Краевскаго, получилъ возможность вздохнуть свободно, а главное заняться своимъ здоровьемъ, къ несчастію уже безнадежно разстроеннымъ. Если, такимъ образомъ, сотрудничество въ «Современникѣ» внесло благодѣтельную перемѣну во внѣшнюю сторону жизни Бѣлинскаго, что объясняется, прежде всего, высокимъ жалованьемъ, назначеннымъ ему, которое не могло не улучшить его матеріальнаго положенія, то, съ другой стороны, его литературный авторитетъ въ глазахъ Некрасова и Панаева былъ настолько великъ, что его голосъ нерѣдко имѣлъ рѣшающее значеніе при обсужденіи вопросовъ чисто редакціонныхъ, не говоря уже о томъ, что направленіе его собственной литературной работы опредѣлялось теперь его собственной волею и было свободно отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ воздѣйствій, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ не стѣснялся прибѣгать въ отношеніи него Краевскій. Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, позволю себѣ привести въ подтвержденіе слѣдующую выписку изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 4—8 ноября 1847 г. «Сколько я помню, наши московскіе друзья—враги дали намъ свои имена и труды, сколько по желанію работать соединенно въ одномъ журналѣ, чуждомъ всякихъ постороннихъ вліяній, столько и по желанію дать средства къ существованію нѣкому Бѣлинскому.—Цѣль ихъ, кажется, достигнута. «Современникъ» имѣетъ свои недостатки, дѣйствительно очень важные, но поправимые и происшедшіе отъ положенія моего здоровья. Едва ли можно обвинить его даже въ неумышленно другомъ направленіи, не только въ умысленномъ. И другая цѣль тоже достигнута. Я былъ спасенъ «Современникомъ». Мой альманахъ, имѣя онъ даже большой успѣхъ, помогъ бы мнѣ только временно. Безъ журнала я не могъ существовать. Я почти ничего не сдѣлалъ нынѣшній

годъ для «Современника», а мои 8 тысячъ давно уже забралъ. Поѣздка за границу, лишившая «Современникъ» моего участія на нѣсколько мѣсяцевъ, не лишила меня платы. На будущій годъ я получаю 12 тысячъ—кажется, есть разница въ моемъ положеніи, когда я работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но эта разница не оканчивается однѣми деньгами: я получаю много больше, а дѣлаю много меньше. Я могу дѣлать, что хочу. Вслѣдствіе моего условія съ Некрасовымъ, мой трудъ больше качественный, нежели количественный, мое участіе больше нравственное, нежели дѣятельное. Я уже говорилъ тебѣ, что Дудышкину отданы для разбора сочиненія Кантемира, Хемницера, Муравьева. А вѣдь эти книги—прямо мое дѣло. Но я могу не дѣлать и того, что прямо относится къ роду моей дѣятельности; стало быть, нечего и говорить о томъ, что выходитъ изъ предѣловъ моей дѣятельности. Не Некрасовъ говоритъ мнѣ, что я долженъ дѣлать, а я увѣдомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужнымъ дѣлать. Подобныя условія были бы дороги каждому, а тѣмъ болѣе мнѣ, человѣку больному, не выходящему изъ опаснаго положенія, утомленному, измученному, усталому, повторять вѣчно одно и то же. А у Краевского я писалъ даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадательныхъ книжкахъ, поѣздочныхъ стихахъ швейцаровъ клубовъ (право!), о книгахъ, о клопахъ, наконецъ, о нѣмецкихъ книгахъ, въ которыхъ я не умѣлъ перевести даже заглавія, писалъ объ архитектурѣ, о которой я столько же знаю, сколько объ искусствѣ плести кружева. Онъ меня сдѣлалъ не только чернорабочимъ, водовозною лошадыю, но и шарлатаномъ, который судить о томъ, въ чемъ не смыслить ни малѣйшаго толку. Итакъ, то ли мое новое положеніе, доставленное мнѣ «Современникомъ»?—«Современникъ» вся моя надежда; безъ него я погибъ въ буквальномъ, а не въ переносномъ значеніи этого слова.

Мнѣ кажется, что это заявленіе Бѣлинскаго, написанное съ достаточною категоричностью, въ значительной степени реабилитируетъ редакторовъ-издателей «Современника», такъ какъ послѣ него говорить о нарушеніи ими матеріальныхъ интересовъ критика и о какомъ бы то ни было утѣсненіи его—едва ли возможно. Некрасовъ, такимъ образомъ, не на вѣтеръ бросалъ свои слова, когда осенью 1846 г. письменно завѣрялъ Бѣлинскаго («Бѣлинскій. Письма», т. III, стр. 359), во-первыхъ, въ томъ, «что мы предложимъ вамъ условія ¹⁾ самыя лучшія, какія только въ нашихъ

¹⁾ Самое выраженіе «мы предложимъ Вамъ условія» доказываетъ, что Некрасовъ, начиная дѣло, отнюдь не имѣлъ въ виду, что Бѣлинскій будетъ его равноправнымъ участникомъ, и не скрывалъ этого отъ послѣдняго.

средствахъ», и, во-вторыхъ, въ томъ, что «работой также вы слишкомъ обременены не будете, ибо мы будемъ вамъ помогать по мѣрѣ силъ». Какъ, однако, ни категорично вышеприведенное заявленіе Бѣлинскаго, все-же нельзя не отмѣтить, что оно не является послѣднимъ сужденіемъ его по поводу разсматриваемаго инцидента. Черезъ мѣсяцъ послѣ своего письма къ Боткину Бѣлинскій пишетъ письмо къ Кавелину (отъ 7 декабря 1847 г.), въ которомъ хотя и утверждаетъ, что не видитъ въ Некрасовѣ дурного человѣка, способнаго играть въ журналистикѣ роль Краевского, но «поступокъ» его въ отношеніи себя квалифицируетъ, какъ несправедливый и неделикатный.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этого конфликта, одного изъ самыхъ прискорбныхъ въ лѣтописяхъ русской литературы, приведу мнѣніе А. Я. Панаевой, человѣка, несомнѣнно находившагося въ курсѣ событій, хотя и не такого, на безпристрастіе котораго можно было бы вполне полагаться. Сообщивъ объ отказѣ цензурнаго комитета утвердить Панаева и Некрасова редакторами новаго журнала ¹⁾, Панаева продолжаетъ (см. ея книгу «Русскіе писатели и артисты», стр. 176.): «о редакторствѣ Бѣлинскаго нечего было и думать, потому что «Сѣверная Пчела» уже нѣсколько лѣтъ печатно твердила о зловредномъ направленіи его статей; безпрестанно писались, куда слѣдуетъ, доносы, съ указаніемъ на статьи, въ которыхъ онъ будто бы проповѣдуетъ безбожіе, безнравственность и глумится надъ патріархальными чувствами русскихъ и т. д.».

Правильно или неправильно винилъ Бѣлинскій Некрасова въ «несправедливости и неделикатности», одно можно считать безспорнымъ: размолвка, происшедшая между ними, едва не погубила журнала. Продолжавшееся сотрудничество въ «Отеч. Запискахъ» московскихъ друзей Бѣлинскаго, вызванное ихъ недовѣрчивымъ отношеніемъ къ Некрасову, выбивало изъ рукъ «Современника» единственное оружіе, съ помощью котораго онъ могъ одержать верхъ надъ столь опаснымъ конкурентомъ, какъ богатый и вліятельный органъ Краевского. Бѣлинскій хорошо сознавалъ это ²⁾, а сознавая—не могъ со свойственной ему пылкостью не обрушиться въ цѣломъ рядѣ писемъ на образъ дѣйствій москвичей.

¹⁾ Косвеннымъ доказательствомъ того, что съ редакторствомъ Никитенки Панаевъ и Некрасовъ примирились какъ съ неизбежнымъ зломъ, является слѣд. фраза изъ письма Некрасова къ Бѣлинскому (осень 1846 г.): «отвѣтственнымъ редакторомъ будетъ Никитенко, ибо иначе сдѣлать было нельзя».

²⁾ Въ извѣстномъ уже читателю письмѣ къ Кавелину отъ 7 дек. онъ прямо говоритъ: «все начало «Современника» какое-то неблагоприятное: что-то нетвердое и шаткое видѣлось въ самыхъ успѣхахъ его, чуялось, что не таковы бы еще были его успѣхи, если бъ раздѣленіе и охлажденіе не проникли туда, гдѣ все зависѣло отъ единодушія и общаго одушевленія».

Некрасовъ, въ свою очередь, понималъ, какое важное значеніе для успѣха журнала имѣетъ исключительное сотрудничество въ «Современникѣ» кружка московскихъ западниковъ. Онъ даже предпринялъ лѣтомъ 1847 г. специальную поѣздку въ Москву, которую и описалъ въ письмѣ отъ 24 іюня Бѣлинскому, Тургеневу и Анненкову («Бѣлинскій. Письма», т. III, стр. 373),—чтобы предостеречь москвичей отъ сношеній съ Краевскимъ. Результатомъ этой поѣздки Некрасовъ остался очень доволенъ, но вскорѣ выяснилось, что радость его была преждевременной. Осенью 1847 г. съ полной опредѣленностью выяснилось, что московскій кружокъ и не думаетъ порывать съ «Отеч. Записками». Въ письмѣ Кетчеру отъ 4 ноября 1847 г. (ibid., стр. 380—382) Некрасовъ говоритъ о своемъ огорченіи по поводу этого и о проистекающихъ отсюда затрудненіяхъ для «Современника». Прежде всего, по мнѣнію Некрасова, участіе москвичей въ «Отеч. Запискахъ» лишаетъ «Современникъ» всякаго перевѣса надъ журналомъ Краевского тѣмъ болѣе, что Бѣлинскій «въ нынѣшнемъ», т.-е. въ 1847 г., далъ для «Современника» очень мало статей, и публика «не имѣетъ основанія думать, что въ слѣдующемъ году Бѣлинскій будетъ дѣятельнѣе». При такихъ условіяхъ рассчитывать на значительное увеличеніе числа подписчиковъ,—невозможно, а между тѣмъ матеріальное положеніе журнала болѣе чѣмъ не блестящее. «Мы, пишетъ Некрасовъ, въ нынѣшнемъ году слишкомъ 25 тысячъ въ убыткѣ (въ декабрѣ, послѣ 12-й книжки, я окончу годовой счетъ и, пожалуй, пришлю тебѣ копію для подтвержденія этого). Надѣясь на слѣдующій годъ, мы тратили безъ оглядки: мы дали 400 листовъ вмѣсто 250, мы дали оригинальныхъ листовъ двумя третями больше, чѣмъ «Отечественныя Записки». Сообрази эту разницу: переводный листъ относится къ оригинальному, какъ 50 руб. асс. къ 175. Наконецъ, мы платили съ листа больше, и значительно. Конечно, все это мы дѣлали добровольно, но если бы мы знали, что намъ должно надѣяться только на себя, необходимость заставила бы насъ дѣйствовать иначе. Конечно, можетъ быть, мы не должны были простирать такъ далеко своихъ надеждъ, но за ошибку мы платимся слишкомъ сильно.

«Даже свистунъ Панаевъ и тотъ приунылъ и ходитъ живымъ упрекомъ мнѣ, и можешь представить, какъ пріятно мое положеніе: никто тутъ не виноватъ, потому что я затѣялъ дѣло и втянулъ Панаева, я за все брался и ручался,—конечно, я виноватъ,—и еще болѣе тѣмъ виноватъ, что въ моихъ рукахъ все-таки было настолько средствъ, чтобы вести дѣло безъ убытковъ, только не претендуя на первенство между журналами. Но я не сообразилъ и не предвидѣлъ.

«Я знаю, что наши пріятели худа намъ не желаютъ, а желаютъ добра, но увѣряю тебя, что въ настоящемъ случаѣ они сдѣлали гораздо больше вреда намъ, чѣмъ пользы Краевскому.

«Пожалуйста, этого письма никому не показывай; я не имѣю причины претендовать ни на кого; они въ своемъ правѣ,—тѣмъ болѣе, что не отказываются работать и у насъ, за что все-таки я не могу не благодарить ихъ».

Дѣйствительность показала, что всѣ эти опасенія были въ значительной мѣрѣ преувеличены: «Современнику» въ первый годъ своего изданія при новой редакціи удалось блеснуть такими литературными шедеврами, что успѣхъ его въ публикѣ былъ очень великъ, и въ слѣдующемъ 1848 г. подписка на него возросла болѣе чѣмъ на 1000 экземпляровъ (она достигла 3100). Тѣмъ не менѣе совокупность вышеприведенныхъ обстоятельствъ не могла не дѣйствовать угнетающе на Некрасова. Этимъ, быть можетъ, и объясняется его сравнительно вялое и апатичное отношеніе къ своимъ редакторскимъ обязанностямъ, которое констатировалъ Бѣлинскій въ началѣ 1847 г. въ своемъ мартовскомъ (отъ 1 марта) письмѣ къ Тургеневу. «Вмѣсто того, чтобы ожить и проснуться отъ «Современника», пишетъ здѣсь Бѣлинскій о Некрасовѣ, онъ еще больше замеръ и заснулъ, и апатія его дошла до нестерпимой отвратительности. Счеты ведетъ, съ типографіей возится, корректуру держитъ—но и все тутъ. Переписка въ запусеніи. Сказалъ мнѣ, что завтра пошлетъ письмо къ Боткину (весьма нужное), а послалъ его черезъ 3 недѣли. Я его уличилъ, а онъ мнѣ, зѣвая, отвѣтилъ, что не считалъ письма важнымъ. А между тѣмъ, письмо было такого рода, что могло произвести нужный результатъ, только полученное прежде моихъ писемъ. Библіографія состоитъ только изъ моихъ и Кавелина статей, отъ этого она страшно однообразна и весьма серьезна: ни то, ни другое нашей публикѣ нравиться не можетъ. Говорю Некрасову: напишите на 3 глупыхъ романа рецензіи; не будетъ у васъ ироніи и юмора—что дѣлать—за то будетъ журнальная и фельетонная легкость, а это важно, публика наша это любитъ, да и библіографія сдѣлается разнобразнѣе.—Хорошо, говоритъ, напишу.—4-го дня спрашиваю: написали?—Нѣтъ, ничего дѣлать не хочется...—Послушайте, говорю я, да вы, кромѣ веденія счетовъ типографіи, да корректуры, ничего знать не хотите.—Да, я такъ и рѣшился ограничиться этимъ.—Стало быть, вы не желаете успѣха журналу?—Онъ поглядѣлъ на меня съ удивленнымъ видомъ.—Какъ?—Да такъ: вы отнимаете у «Современника», въ своемъ лицѣ, талантливаго сотрудника. Вашими рецензіями дорожилъ и Краевскій, хотъ этого и не показывалъ, вы писывали превосходныя рецензіи

въ такомъ родѣ, въ которомъ я писать не могу и не умѣю. Вы, сударь, спите, отъ «Современника» толку не будетъ, вы его губите.—Онъ во всемъ согласится, но толку отъ этого никакого не будетъ...

«Современникъ»—журналъ безъ редактора, безъ главы. Первый годъ, благодаря случайному огромному запасу статей для моего альманаха, первый годъ сгоряча пройдетъ какъ-нибудь еще недурно; но о второмъ страшно мнѣ и подумать. Некрасовъ—золотой, неоцѣненный сотрудникъ для журнала; но распорядитель сквернѣйшій, хуже котораго развѣ только Панаевъ».

Далеко не все въ этихъ отзывахъ справедливо, но сомнѣваться въ вѣрности сообщаемыхъ Бѣлинскимъ фактовъ во всякомъ случаѣ не приходится. А эти факты, какъ нельзя болѣе ярко, свидѣтельствуютъ о томъ, что внутреннія тренія, ознаменовавшія первый годъ существованія возрожденнаго «Современника», сильно повліяли на настроеніе Некрасова. Въ особенности тяжела была послѣднему размолвка съ Бѣлинскимъ, человѣкомъ, котораго онъ искренно любилъ и которому весьма многимъ былъ обязанъ. Съ другой стороны, вялость и апатія Некрасова могли быть отчасти и естественной реакціей утомительныхъ хлопотъ, связанныхъ съ началомъ дѣла. Хлопоты эти Панаевъ въ письмѣ къ Кетчеру отъ 26 сентября 1846 г. («Бѣлинскій. Письма», т. III, стр. 360—362) изображаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «съ самаго пріѣзда Некрасова въ Петербургъ... метались мы, отыскивая журналъ... мы толкались въ двери всѣхъ—журналовъ» и т. д. При этомъ нельзя не отмѣтить, что состояніе здоровья Некрасова въ это время, несмотря на его молодой возрастъ, было далеко не удовлетворительнымъ, что, въ свою очередь, не могло не отражаться и на его настроеніи и на отношеніи къ дѣлу.

II.

Какъ бы то ни было, къ срединѣ 1847 г. Некрасовъ, очевидно, уже превозмогъ себя и проявилъ достаточно энергіи въ веденіи журнала. На это указываетъ уже отмѣченная мной его поѣздка въ Москву, во время которой онъ передѣлалъ довольно много дѣлъ. Онъ вошелъ здѣсь въ сношеніе съ цѣлымъ рядомъ литераторовъ, заручившись отъ нихъ обѣщаніями относительно статей для «Современника». «Редакцію этихъ статей, писалъ Некрасовъ Бѣлинскому отъ 24 іюня 1847 г. (*ibid.*, стр. 373), понуканіе къ скорѣйшему ихъ выполненію взялъ на себя Боткинъ; и на будущее время обязанность его будетъ состоять въ томъ, чтобы пріискивать въ Москвѣ сотрудниковъ и заказывать для насъ

составныя статьи изъ новыхъ книгъ иностранныхъ». Что подобный уговоръ между Некрасовымъ и Боткинымъ на самомъ дѣлѣ существовалъ, это видно изъ слѣдующаго письма Боткина къ Некрасову и Панаеву, случайно сохранившагося въ бумагахъ сестры поэта и еще не появившагося въ печати:

«22 августа 1847.

Вчера получилъ ваше письмо. Бабста едва ли скоро увижу. Между нами будь сказано, вамъ будутъ съ нимъ частыя хлопоты: самолюбіе у этого господина очень большое. Пишите лучше къ нему сами. Статью о Мальтусѣ я не успѣлъ прочесть, но слышалъ отъ людей знающихъ, что она недурно составлена: большая часть ея переведена изъ книги Прудона *Contradictions économiques ou philosophie de la misère*, и выписки сдѣланы удачно. Только тамъ вкралась смѣшная ошибка: въ выпискѣ сказано, что Мальтусъ воспитывался въ Іезуитской коллегіи. Но въ Англіи никогда не было никакой Іезуитской коллегіи, а Мальтусъ воспитывался въ коллегіи Іисуса. Что касается до Англійской литературы, то теперь Корша и нечего просить: онъ не кончилъ еще своей статьи о Венеціи. Надо, чтобы сначала онъ кончилъ ее, тогда я предложу ему и Англійскую литературу. Что же до «движенія въ нынѣшнемъ году нѣмец. литературы», то объ этомъ здѣсь и думать нечего, потому что никто изъ нашихъ не занимался движеніемъ этой литературы. Для этого надо было слѣдить за нѣмецкой журналистикой, а кто жъ теперь возьметъ на себя этотъ скучнѣйшій трудъ. При томъ должно замѣтить, что беллетристика въ Германіи очень упала, ее смѣнила политика; философія никого больше не интересуетъ, что же касается до дѣльныхъ историческихъ сочиненій,—то вѣдь о нихъ будетъ же говорить Грановскій. Но общій взглядъ на ея движеніе нынѣшняго года, разумѣется, всего удобнѣе было составить Тургеневу, который постоянно жилъ въ живомъ центрѣ Германіи,—и поэтому работа была бы для него самую легкую...

Панаевъ!

Ты вѣрно будешь писать въ «Смѣсь» что-нибудь о процессѣ д'Еквиле. Я, тому года полтора, во время процесса Бовалона писалъ письмо къ Языкову, гдѣ рассказывалъ разныя подробности этого процесса. Перебирая у себя въ бумагахъ—нашелъ я это письмо, и вздумалъ послать его къ тебѣ,—можетъ быть оно тебѣ пригодится при составленіи статейки о д'Еквиле. А процессъ-то этотъ ужасно интересенъ, но опять его интересъ начинается отъ самаго начала дуэли.

Вы пишите, Некрасовъ, что пришлете мнѣ корректуру «первыхъ

писемъ». Но вѣдь эти письма были вдвойнѣ обезображены и цензурой и корректурой. Нельзя ли ихъ набрать такъ, какъ они у меня написаны? Вѣдь Никитенко обѣщалъ же пропустить теперь все—пусть лучше онъ ихъ вновь процензируетъ. Если это можно, увѣдомьте меня поскорѣй,—я пришлю вамъ оригиналъ.—Вчера получилъ письмо отъ Анненкова,—пишетъ, что рѣшительно Бѣлинскій поправляется;—и кажется въ октябрѣ будетъ уже въ Петербургѣ.

Скажите мой сердечный поклонъ Фролову. Пока прощайте. Вашъ богомолецъ В. Б.»

Это письмо, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о томъ контактѣ, который, несмотря на сотрудничество москвичей въ «Отеч. Запискахъ», существовалъ между ними и редакціей «Современника». Все содержаніе его обнаруживаетъ, что оно писалось не рядовымъ сотрудникомъ журнала, а довѣреннымъ лицомъ редакціи, совѣтъ и указанія котораго цѣнились, и которое, съ своей стороны, было заинтересовано въ успѣхѣ дѣла. Отмѣчу кстати, что отзывъ Боткина о Бабстѣ, какъ о человѣкѣ очень самолюбивомъ, скоро оправдался на дѣлѣ. Въ томъ же 1847 г. Бабстъ, разсерженный измѣненіями и поправками въ его статьяxъ, обратился къ Некрасову съ претензіей, совѣтуя «со статьями серьезнаго содержанія обращаться поосторожнѣе». Некрасовъ отвѣтилъ Бабсту довольно рѣзко (см. сб. «Памяти Бѣлинскаго» М. 1899). Всѣ измѣненія и поправки, таковъ смыслъ его отвѣта, объясняются не его «произволомъ и малоуміемъ», а требованіями цензуры, въ подтвержденіе чего Бабсту могутъ быть показаны корректуры «со слѣдами на нихъ красныхъ чернилъ»; отсюда слѣдуетъ, что совѣты Бабста «попали не по тому адресу». Въ тонѣ Некрасовскаго письма чувствуется извѣстная нервность, вызванная, думается, не столько неумѣстной претенціозностью Бабста, сколько тяжелыми впечатлѣніями отъ постоянныхъ цензурныхъ мытарствъ, о которыхъ ему напомнилъ Бабстъ. Эти мытарства, особенно усилившіяся съ февраля 1848 г., когда, по выраженію Некрасова (см. его записку по поводу Тургеневскихъ выдержекъ изъ писемъ Бѣлинскаго), почва «подъ ногами каждаго причастнаго къ литературѣ» сдѣлалась крайне шаткой, не только дѣйствовали угнетающе на психику, но и расшатывали здоровье. Не даромъ умиравшій Бѣлинскій говаривалъ Некрасову, что въ отношеніи здоровья онъ не лучше его...

Бѣлинскій, какъ извѣстно, удачно выбралъ моментъ для своей смерти. Подъ впечатлѣніемъ западно-европейскихъ событій реакціонность правительства шла crescendo, и главнымъ козломъ отпущенія была избрана литература. О положеніи ея въ 1848-мъ

и послѣдующихъ годахъ достаточно подробно говорится и въ специальныхъ изданіяхъ (напр. въ книгѣ «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». С.-Пб. 1862 г.), и въ цѣломъ рядѣ историко-литературныхъ изслѣдованій, каковы работы Скабичевскаго, Лемке, Богучарскаго и др. Что дѣлали и какъ себя чувствовали въ эту мрачную эпоху редакторы-издатели «Современника», объ этомъ съ достаточной подробностью трактуютъ воспоминанія различныхъ лицъ, изъ которыхъ наиболѣе богатый запасъ фактовъ содержится въ книгѣ Панаевой-Головачовой и въ недавно напечатанной очень интересной статьѣ Колбасина («Современникъ», 1911 г. августъ); трактуютъ объ этомъ и письма самого Некрасова къ литературнымъ дѣятелямъ того времени, въ особенности письма его къ Тургеневу (см. книгу Пыпина «Некрасовъ». С.-Пб. 1905 г.).

Долголѣтняя дружба, соединявшая Некрасова съ Тургеневымъ, сдѣлала переписку этихъ писателей необыкновенно искренней, а временами даже интимно задушевной. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ нея, живописующихъ положеніе «Современника» въ періодъ отъ 1848 по 1855 г. Въ одномъ изъ осеннихъ писемъ 1848 г. (отъ 12 сентября) Некрасовъ сообщаетъ, что и онъ и Панаевъ «трепещутъ за наступающую подписку, ибо многія книжки журнала съ ряду были плохи»; здѣсь же упоминается о томъ, что онъ, Некрасовъ, пустился въ легкую беллетристику и произвелъ, вмѣстѣ съ однимъ сотрудникомъ, «романъ въ 8-мь частей и 60 печатныхъ листовъ»... Въ декабрьскомъ письмѣ того же года (отъ 17 декабря) Некрасовъ констатируетъ упадокъ подписки и проситъ Тургенева не удивляться, «видя, какъ плохъ сталъ журналъ сравнительно съ прошлыми годами». Далѣе слѣдуетъ весьма прозрачный намекъ, объясняющій, въ чемъ тутъ дѣло: «А отчего плохъ? узнаете, какъ сюда пріѣдете. Мы печатали, что могли. Если увидите мой романъ, не судите его строго: онъ писанъ съ тѣмъ и такъ, чтобы было что печатать въ журналѣ—вотъ единственная причина, породившая его на свѣтъ». Въ мартовскомъ письмѣ 1849 г. (отъ 27 марта) указывается, что журналъ потерялъ цѣлыхъ 700 подписчиковъ; въ сентябрьскомъ письмѣ (отъ 14 сентября)—мольба дать что-нибудь для «Современника»: «будьте другъ, сжальтесь надъ «Современникомъ»... Въ началѣ 1850 г. (отъ 9 января) Некрасовъ горько жалуется на массу работы, вызываемой необходимостью, хочешь не хочешь, приспосабливаться къ требованіямъ цензуры: «чтобы составить 1-ую книжку прочелъ до 800 писанныхъ листовъ разныхъ статей, прочелъ 60 корректурныхъ листовъ (изъ коихъ пошло въ дѣло только 35), два раза передѣлывалъ одинъ романъ (не мой)... передѣлывалъ

еще нѣсколько статей въ корректурахъ... и т. п. Въ сентябрьскомъ письмѣ 1851 г. (отъ 15 сентября) снова стоны объ отсутствіи матеріала: «вѣрите ли на XI книжку у насъ нѣтъ ни строки, ничего—ибо даже уже и «Мертвое Озеро» изсякло». Подобное положеніе дѣлъ, въ связи съ личными злоключеніями, вырываетъ изъ устъ Некрасова такое признаніе: «я золь, у меня въ груди кипитъ чортъ знаетъ что такое» (1852, ноябрь). Въ сентябрьскомъ письмѣ 1853 г. (отъ 26 сентября) слышатся оптимистическія ноты въ связи съ тѣмъ, что счастливый случай помогъ «Современнику» получить, въ лицѣ В. Н. Бекетова, сравнительно благожелательнаго цензора. Въ августовскомъ письмѣ 1855 г. (отъ 18 августа) обычный вопль «матеріала нѣтъ» и слезная мольба къ Тургеневу «во имя тѣхъ 2849 человѣкъ, которые еще подписываются на журналъ, явиться его спасителемъ»...

Характерно, что и въ письмахъ Некрасова къ Григоровичу (онѣ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной библіотеки), относящихся къ тому же періоду, мы встрѣчаемся съ однородными мотивами. Такъ въ письмѣ отъ 6 сентября 1851 г. Некрасовъ пишетъ:

«Любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ!

Вы знаете, какъ бѣдны мы хорошимъ оригиналомъ, знаете, какое теперь подходитъ время, и это давало мнѣ полное право надѣяться, что къ осени буду я имѣть вашу повѣсть. Жалѣю, что Вы были больны, и за васъ и за себя; вѣрите ли, любезный другъ, что кромѣ вашей повѣсти я ни на что не могъ рассчитывать на 10 книжку. Но вы даже не пишите, къ какому сроку именно теперь будетъ готова ваша повѣсть, что мнѣ необходимо знать. Я не упрощаю васъ, не сержусь, вполне понимаю и извиняю, и только необходимость заставляетъ меня быть настойчивымъ и просить васъ: 1-ое, ради Бога, поскорѣе и навѣрное напишите большую повѣсть обѣщанную и, 2-е, покуда для 11-й книжки пришлите хоть маленькую; вамъ стоитъ посидѣть недѣлю, и вы очень обяжете меня и выкупите этимъ свое промедленіе, которое для насъ огорчительно. Будьте здоровы. Весь вашъ *Н. Некрасовъ*».

Приблизительно о томъ же трактуетъ письмо Некрасова къ Григоровичу отъ 22 ноября 1852 г. Осенью же 1855 г. Некрасову пришлось обратиться къ Григоровичу съ настоящей мольбой (письмо отъ 18 августа):

«Любезный другъ Дмитрій Васильевичъ!

Пожалуйста, голубчикъ, выручайте «Современникъ»—онъ въ сію минуту въ плачевномъ положеніи; всѣ надежды на X № на

васъ.—Вы были правы въ томъ, что говорили о политическихъ извѣстіяхъ; по этому поводу 8-ая книжка «Современника» задержана до 18-го числа; равно и на счетъ Писемскаго: этотъ господинъ, порядившись съ нами за 2000, счелъ себя въ правѣ даже не предупредить насъ, что ему даютъ болѣе, и продалъ романъ Краевскому за три. Чтобы оцѣнить этотъ поступокъ, предложите себѣ вопросъ: взяли бы вы съ меня за романъ, который пишете Краевскому, въ полтора раза болѣе? Нѣтъ, я даже и предложенія подобнаго не рѣшилъ бы сдѣлать. Любезный другъ, какъ литераторъ, вы находитесь въ положеніи независимомъ, и я надѣюсь, что вамъ нѣтъ никакой причины желать зла «Современнику». Поддержите же насъ. Повѣсть ваша намъ до зарѣзу необходима... Пожалуйста, повѣсть! Будьте другъ! Весь вашъ Н. Некрасовъ».

Отсутствіе матеріала, о которомъ твердятъ письма Некрасова какъ къ Тургеневу, такъ и къ Григоровичу, безспорно, являлось слѣдствіемъ реакціоннаго засилья и вызванныхъ имъ цензурныхъ репрессій, благодаря которымъ литературная профессія становилась въ высшей степени убыточной и неблагоприятной.

Нѣтъ надобности распространяться, что, находясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ подобной передѣлкѣ, Некрасовъ изъ всѣхъ качествъ, характеризующихъ искусство редактированія, долженъ былъ, главнымъ образомъ, культивировать умѣніе добывать матеріалъ и ладить съ цензурой. Чтобы достичь этого, приходилось пускаться во всѣ тяжкія, начиная отъ застрашиваній и угрозъ и кончая различными видами угодничества, вплоть до закармливанія цензоровъ отличными обѣдами, въ чемъ нельзя не усмотрѣть одной изъ формъ довольно таки откровеннаго подкупа. Однако, и это не всегда помогало: часто бывало такъ, что придирки цензуры, подобно грозѣ, налетали наканунѣ самаго выхода номера. «Въ подобныхъ случаяхъ», рассказываетъ Колбасинъ, «Некрасовъ не могъ сдерживать своей ярости». Въ огнѣ подобнаго рода передрагъ, характеръ Некрасова, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ, «дѣлался упорнымъ и терялъ свою гибкость». Болѣе того, «поглощенный своей журнальной борьбой, находясь постоянно въ мрачномъ и нервно-раздраженномъ состояніи духа, терзаемый домашними воспоминаніями и общимъ положеніемъ дѣлъ, онъ пренебрегалъ мелочами жизни, не имѣвшими непосредственнаго отношенія къ тому, что было полезно для его дѣла... Отсюда сплетни, ядовитые пересуды. Когда разные поэтики и авторы повѣстей и статей, не узнавшіе въ печати своихъ произведеній, нападали словесно и письменно на журналиста Некрасова, онъ угрюмо и сурово отмалчивался. Ему приходилось подвергаться новой пыткѣ со стороны своихъ маленькихъ само-

любимыхъ собратій. Хоръ этихъ пигмеевъ былъ, въ сущности, страшнѣе цензуры, они рвали въ клочки доброе имя Некрасова, разнося слухи, что гуманистическій поэтъ нарочно сокращаетъ статьи, чтобы меньше платить за нихъ»...

Отсюда видно, что условія редакторской дѣятельности, въ которыя былъ поставленъ Некрасовъ силою внѣшнихъ обстоятельствъ, не только вліяли на настроеніе и искажали характеръ поэта, но и вредили его репутаціи, создавая благопріятную почву для сплетенъ и другихъ проявленій, употребляю прекрасное выраженіе Салтыкова-Щедрина, людского «злопыхательства». И тѣмъ тяжелѣе давались Некрасову гнетущія впечатлѣнія этихъ лѣтъ, что онъ, въ значительной степени, чувствовалъ себя одинокимъ въ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ руководства такимъ журналомъ, какъ «Современникъ». Бѣлинскій, нерѣдко являвшійся въ отношеніи Некрасова авторитетнымъ учителемъ, чей блестящій талантъ и чья горячая преданность интересамъ журнала дѣлали его участіе въ немъ поистинѣ неоцѣнимымъ, «сошелъ подъ вѣчны своды». Тургеневъ бывалъ въ Россіи лишь наѣздами, и Некрасовъ могъ отводить душу лишь въ письменной съ нимъ бесѣдѣ; остальные члены западническаго кружка, столь тѣснаго при жизни великаго критика, хотя и сотрудничали, правда, не всѣ, въ «Современникѣ», но они никогда не были особенно близкими Некрасову. Да и отношенія съ нѣкоторыми изъ нихъ у Некрасова испортились довольно рано. Небезынтересны, напримѣръ, обстоятельства, при которыхъ совершился разрывъ между Некрасовымъ и В. П. Боткинымъ. Исторія его, возстановленная мною на основаніи неизданнаго, въ большей своей части, архива Краевского (хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ), въ общихъ чертахъ такова. Въ письмѣ отъ 15 февраля 1853 г. Боткинъ предложилъ Краевскому написать для его журнала рядъ статей о Шекспирѣ, не упоминая ни однимъ словомъ о томъ, что заказъ на эти статьи былъ сдѣланъ уже ему «Современникомъ». Краевскій, ожесточенно конкурировавшій съ журналомъ Некрасова, обѣими руками ухватился за предложеніе Боткина, который въ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ пользовался репутаціей авторитетнаго писателя по вопросамъ литературы и искусства. Было рѣшено, такимъ образомъ, что боткинскія статьи о Шекспирѣ пойдутъ въ «Отеч. Запискахъ». Слухи о состоявшейся сдѣлкѣ дошли до Некрасова, и онъ поспѣшилъ запросить Боткина о степени ихъ достовѣрности. Вотъ его письмо къ Боткину, писанное въ сентябрѣ 1853 г.:

«Любезный Василій Петровичъ, я проѣздомъ черезъ Москву узналъ, что статью свою о Шекспирѣ намѣренъ ты отдать въ «Отеч.

Зап.». Я никакъ не хотѣлъ этому вѣрить, но въ настоящее время сообразивъ, что ты могъ забыть обстоятельства, при которыхъ ты принялся за эту работу,—я рѣшился напомнить тебѣ эти обстоятельства, и увѣренъ, что послѣ этого, каковы бы ни были прежде твои намѣренія, ты самъ увидишь, что невозможно помѣстить статьи твоей о Шекспирѣ нигдѣ кромѣ «Современника»: 1) статья эта заказана тебѣ редакціею «Современника» и слѣд., 2) самая мысль составить для русскаго журнала статьи о Шекспирѣ принадлежитъ редакціи «Современника»; 3) ты получилъ отъ редакціи «Современника» матеріалы для этой статьи; 4) редакція «Современника», на основаніи всего этого, объявила троекратно въ «Моск. Вѣд.», что твои статьи о Шекспирѣ будутъ печататься въ ея журналѣ.

«Согласись, любезный другъ, что какъ бы ни измѣнились твои мысли и намѣренія, дѣло зашло уже такъ далеко, что помѣщеніе статьи о Шекспирѣ въ *другомъ* журналѣ если не невозможно, то сопряжено съ такими обстоятельствами, которыхъ какъ для тебя, такъ и для насъ несравненно благоразумнѣе избѣгнуть. Этого требуетъ наше старинное уваженіе другъ къ другу и литературное приличіе.

«Все, что ты могъ сдѣлать, это вовсе не печатать статьи о Шекспирѣ, но если ужъ ты написалъ ее и хочешь печатать, то, конечно, она должна быть помѣщена въ «Современникѣ». Говорю это прямо и смѣло, ибо увѣренъ, что внутреннее чувство правды скажетъ тебѣ то же самое. Я убѣжденъ, что если ты имѣлъ вышесказанное намѣреніе, то единственно потому, что забылъ нѣкоторыя обстоятельства, при которыхъ началъ свой трудъ. Напомнивъ тебѣ эти обстоятельства, я предоставляю рѣшеніе дѣла твоей совѣсти.

Будь здоровъ

Твой *Н. Некрасовъ*.

Сентябрь, 1853 г. СПбургъ.

Боткинъ, получивъ это письмо, вложилъ его въ свое письмо отъ 1—4 октября и отправилъ къ Краевскому. Въ своемъ же письмѣ онъ сообщалъ Краевскому объ обремененіи своемъ послѣ смерти отца всевозможными торговыми дѣлами, и о вытекающей отсюда необходимости распрощаться съ литературными занятіями; послѣ этого, такъ сказать, «вступленія» Боткинъ обращался къ главному предмету своего посланія. «Скажу вамъ вотъ что:», писалъ онъ, «на дняхъ я получилъ письмо отъ Некрасова, которое считаю не лишнимъ приложить здѣсь. Дѣло идетъ о моихъ, поистинѣ, горькихъ мнѣ статьяхъ о Шекспирѣ, и которыми мнѣ рѣшительно нѣтъ времени заниматься. Не желая входить въ непріятныя объясненія съ Некрасовымъ, я считаю за лучшее для себя послать

имъ первую и единственную статью, которую вы видѣли, и тѣмъ мирно покончить мои литературныя отношенія съ ними. У васъ же прошу прощенія въ нарушеніи мною обѣщанія,—но, по совѣсти, я не могу поступить иначе, и каковы бы ни были мои теперешнія отношенія къ «Современнику»,—но я не могу сказать, что Некрасовъ неправъ. Впрочемъ, говоря откровенно, одну статью не стоитъ печатать: она имѣетъ значеніе только при продолженіи и при томъ же немедленномъ. Мнѣ кажется, что «Современникъ» страшно бѣденъ матеріалами, когда рѣшается напечатать даже одну статью, но тутъ мое дѣло сторона: они не могутъ меня упрекнуть въ нечестныхъ отношеніяхъ къ нимъ, имени моего не будетъ, и я умываю руки. Не знаю, одобрите ли вы мой поступокъ,—но во всякомъ случаѣ не сердитесь на меня.

4 октября. Письмо мое, готовое отправиться къ вамъ, залежалось—а вчера получаю ваше отъ 30 сентября. Вы думаете, что я могу продолжать Шекспира—нѣтъ, батюшка, Андрей Александровичъ, не только Шекспиръ,—самъ Зевсъ не въ силахъ оттянуть меня отъ разныхъ дѣлъ и хлопотъ...

«Простите же меня, любезный другъ, за нарушеніе даннаго обѣщанія,—но, по совѣсти, я не могу поступить иначе. Я знаю, что это даже повредитъ мнѣ въ моихъ отношеніяхъ къ Фролову и Грановскому,—но мнѣ должно было или бросить ее совсѣмъ,—или все-таки по принятому обязательству отдать ее въ «Современникъ», хотя и безъ имени. Денегъ же бросить не хочется—и потому я поступаю такъ, какъ вамъ писалъ»...

Эта переписка представляется мнѣ весьма характерной для обоихъ корреспондентовъ. Къ комментаріяхъ она не нуждается, такъ какъ Боткинъ, сознаваясь въ томъ, что «Некрасовъ не неправъ», и будучи вынужденъ нарушить свое обѣщаніе, данное Краевскому, съ достаточной ясностью обрисовалъ свою роль въ происшедшемъ инцидентѣ.

Наиболѣе вѣрнымъ и неизмѣннымъ спутникомъ Некрасова въ его плаваніи по бурному морю россійской журналистики изъ числа членовъ стараго кружка былъ, собственно говоря, одинъ Ив. Ив. Панаевъ. Было бы болѣе чѣмъ несправедливо отрицать, что этотъ писатель принесъ «Современнику» значительную пользу, и не только въ періодъ изданія журнала, который былъ арендованъ у Плетнева и издавался въ первое время почти исключительно на его деньги, но и впослѣдствіи, когда обширныя литературныя связи и внѣшняя обаятельность Панаева нерѣдко способствовали привлеченію въ журналъ новыхъ сотрудниковъ и интереснаго литературнаго матеріала. Объ этомъ, на примѣръ, можетъ свидѣтельствовать хотя бы слѣдующее, еще не появлявшееся въ печати письмо Панаева къ Некрасову, отъ 13 іюля 1850 г., изъ Москвы:

«Любезный Некрасовъ!

Различныя обстоятельства задержали меня до сихъ поръ въ Москвѣ—и главное прїѣздъ князя Юсупова, у котораго въ *Архангельскѣ* я провелъ болѣе недѣли. Мнѣ страшно досадно, что письма Еудохіе отсылались, вѣроятно, въ деревню, гдѣ я буду не прежде 23-го числа.—Посылаю при семъ письмо къ ней,—адресъ на немъ ты напишешь (потому что я не знаю адреса) и *тотчасъ отошлешь къ ней*. Пожалуйста не задерживай...

«Статья объ Измайловѣ Галахова будетъ готова къ 7 августа, а такъ какъ онъ обѣщалъ «Современнику» въ семь году двѣ статьи, то для другой онъ выберетъ одного изъ классиковъ, изд. Смирдина,—или если статьи о Княжнинѣ, печат. въ Б. для Ч., издадутъ особой книжкой, критику этой книжки.

«Гр. Салиасъ написала повѣсть «*Капризъ*», которую она пришлетъ въ августѣ мѣсяцѣ. Кромѣ того, она обѣщала мнѣ повѣсть къ январю. Эта женщина удивительно простая и милая и, обращаясь съ нею деликатно, изъ нея все на свѣтъ можно дѣлать. Она обѣщала мнѣ ничего нигдѣ не печатать, кромѣ «Современника».

«Кромѣ того, мнѣ обѣщали статьи: 1) Кудрявцевъ, 2) Забѣлинъ, съ которымъ я очень сошелся и статьи котораго по русской исторіи—просто кладъ. Между прочимъ, онъ мнѣ читалъ отрывокъ изъ своего новаго сочиненія о домашнемъ бытѣ русскихъ царей—въ высшей степени интересный,—и 3) Соловьевъ (у котораго я былъ на дачѣ). Онъ пришлетъ еще статью для «Современника» въ августѣ.

«Кланяйся всѣмъ нашимъ. «Современникъ» № 7 я получилъ, но еще не проглядывалъ его. Толщина мнѣ нравится, и хорошо, что съ Теккереемъ мы далеко ушли впередъ противъ «О. З.».

«И. С. Тургеневъ написалъ новый рассказъ Охотника для «Современника», но я еще не читалъ его.

«Боткинъ тебѣ кланяется. Никогда я такъ весело не проводилъ время въ Москвѣ, какъ въ нынѣшній прїѣздъ. Кн. Юсупова я познакомилъ съ Боткинымъ, Кетчеромъ и проч. Они всѣ отъ него въ восторгѣ. Мы часто обѣдали у него и пили старинныя вина изъ его погреба,—вина драгоцѣнныя, и, между прочимъ, портувейнъ, подаренный его дѣдушкѣ Петромъ III.

До свиданія.

Твой Панаевъ».

Въ этомъ письмѣ Панаевъ рисуется во весь ростъ со всѣми своими достоинствами и недостатками.

III.

Заря эпохи великихъ реформъ была зарею и новой жизни для «Современника». Съ конца 1853 г. къ числу его сотрудниковъ примкнулъ Чернышевскій, который довольно быстро занялъ въ журналѣ положеніе одного изъ фактическихъ его редакторовъ. Это, разумѣется, сдѣлалось возможнымъ только потому, что въ новомъ сотрудникѣ Некрасовъ сумѣлъ распознать крупную интеллектуальную силу, идейно единомысленную ему. Отсылая интересующихся подробностями того, какъ сложились личныя отношенія Некрасова, Чернышевскаго, а впоследствии и Добролюбова, въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, какъ велась ихъ совмѣстная работа по руководительству журналомъ въ эту пору, къ обстоятельнымъ статьямъ Ляцкого «Н. Г. Чернышевскій въ редакціи «Современника» («Современный Міръ», 1911 г., №№ 9, 10 и 11), ограничусь указаніемъ, что если когда Некрасовъ и имѣлъ основаніе испытывать чувство полнаго нравственнаго удовлетворенія отъ общественной роли своего журнала, такъ именно въ этотъ періодъ времени, когда «Современникъ», сдѣлавшись выразителемъ думъ наиболѣе передовой, наиболѣе демократически настроенной, наиболѣе способной претворять слово въ дѣло части русской интеллигенціи безспорно, приобрѣлъ значеніе одного изъ важныхъ факторовъ тогдашней общественности. Но какъ не бываетъ худа безъ добра, такъ и добро очень часто сопровождается худомъ. То же самое произошло и въ данномъ случаѣ: по мѣрѣ того, какъ возрастало вліяніе Чернышевскаго и Добролюбова на направленіе «Современника» и, сообразно съ этимъ усиливался радикализмъ проповѣдуемаго имъ политическаго и социальнаго сгедо, все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе начинала сказываться разнъ между ними и поколѣніемъ «отцовъ». Это послѣднее въ концѣ 50-хъ годовъ и тѣмъ болѣе въ 60-хъ годахъ уже не являло собой того зрѣлища сплоченности и единодушія, которое оно являло въ 40-ые, если не считать, конечно, распри западниковъ и славянофиловъ. Психика нѣкоторыхъ изъ прежнихъ единомышленниковъ Бѣлинскаго начала мало-по-малу подчиняться сословнымъ вождѣніямъ; другіе, хотя и остались вѣрны либеральному знамени, но органически неспособны были пойти дальше «постепеновщины». Вдобавокъ «отцы», въ рядахъ которыхъ находились нѣскольکو корифеевъ тогдашней литературы, не только не были расположены къ уступчивости, но, скорѣе, наоборотъ, считали себя въ правѣ претендовать на уступки со стороны молодого поколѣнія. Вотъ та общественно-психологическая почва, на которой разыгрался конфликтъ между старыми и моло-

дыми сотрудниками «Современника». Хотя въ прежнее время и дѣлались попытки доказать, что этотъ конфликтъ былъ вызванъ отнюдь «не разностью мнѣній» (см. «Воспоминанія» Анненкова), но теперь можно считать вполне установленнымъ, что рѣшающую роль въ немъ сыграла именно эта послѣдняя; несмотря на нѣкоторые личные поводы къ неудовольствію, въ данномъ случаѣ разошлись не повздорившіе между собой пріятели, а люди, сознавшіе себя представителями различныхъ общественныхъ группъ съ далеко несходной идеологіей. Такое именно впечатлѣніе выношишь изъ чтенія воспоминаній объ этомъ разрывѣ, принадлежащихъ перу совершенно различныхъ по своимъ взглядамъ и міросозерцанію лицъ. Изъ числа этихъ воспоминаній назову воспоминанія Чернышевскаго, приведенныя въ упомянутыхъ статьяхъ Ляцкого, Антоновича («Журналъ для всѣхъ» № 1, 1902 г. и № 2, 1903 г.), Пыпина (см. его книгу «Некрасовъ»), И. И. Панаева («Современникъ» № 11, 1861 г.) и, наконецъ, Колбасина («Современникъ», № 8, 1911 г.). Кромѣ печатныхъ источниковъ, интересующее насъ событіе освѣщено еще въ нѣкоторыхъ еще не опубликованныхъ рукописныхъ матеріалахъ. Такъ среди бумагъ, оставшихся послѣ Гр. Зах. Елисеева, мнѣ пришлось видѣть незаконченную и неотдѣланную статью о земствѣ, въ которую авторъ счелъ нужнымъ вставить обстоятельную исторію либеральныхъ теченій въ 60-ые годы, главнымъ образомъ со стороны ихъ проявленія въ литературно-журнальной сферѣ. Здѣсь, между прочимъ, находится и обширный разсказъ о разрывѣ «отцовъ» и «дѣтей». Съ нѣкоторыми выдержками изъ него небезинтересно познакомиться. «Еще до эмансипаціи, говоритъ Елисеевъ, въ томъ центральномъ резервуарѣ, изъ котораго либерализмъ двумя рукавами лился на всю Россію, озаряя новымъ свѣтомъ всѣ, даже самыя отдаленныя захолустья нашего отечества, оказалась маленькая трещина. Возникло нѣкоторое несогласіе между двумя главными провозвѣстниками и столпами русскаго либерализма: «Русскимъ Вѣстникомъ» въ Москвѣ и «Современникомъ» въ Петербургѣ... Изъ споровъ, которые вель «Современникъ» съ «Русскимъ Вѣстникомъ», стало выясняться, что начала, которыя признаютъ «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ», такъ различны, что развитія изъ нихъ доктрины въ приложеніи къ жизни будутъ въ большей части случаевъ не сходиться между собой и исключать воззрѣніе одна другой. Но «Современникъ» не вдавался въ подробное развитіе своихъ доктринъ вообще и тѣмъ болѣе въ приложеніи къ жизни. Онъ старался прочно утвердить истинность проповѣдуемыхъ имъ началъ предварительно на почвѣ чисто теоретической, указывая только при случаѣ

тѣ вопіющія противорѣчія, которыя возмущаютъ стройный ходъ жизни, въ основаніи которой лежатъ начала, противоположныя имъ проповѣдуемымъ. Потому теоретическая трещина новоявленнаго русскаго либерализма могла бы надолго еще оставаться трещиной безъ всякой помѣхи жизни, какъ это и было во время эмансипаціи, по крайней мѣрѣ, безъ особой помѣхи. Но личныя страсти, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ни для кого непредвидѣнно, ускоряютъ развязку. Такъ случилось и здѣсь..

Поводомъ для проявленія этихъ личныхъ страстей явилась статья Добролюбова о романѣ Тургенева «Наканунъ». Въ ней, какъ извѣстно, проводилась мысль, что время Рудиныхъ и Лаврецкихъ прошло, такъ какъ теперь нужны люди не слова, а дѣла, способные поднять окружающую дѣйствительность до уровня тѣхъ разумныхъ требованій, которыя уже живо сознавались обществомъ. Тургеневъ, какъ бы специализировавшійся на художественномъ воспроизведеніи типовъ лишнихъ людей и еще ни разу не пытавшійся создавать образы новыхъ дѣятелей, усмотрѣлъ въ этомъ косвенный упрекъ себѣ. Когда его требованіе не печатать статью Добролюбова было отвергнуто Некрасовымъ, онъ вышелъ изъ состава сотрудниковъ «Современника». Мало того, «кипятся, по словамъ Елисеева, отъ злости и досады, Тургеневъ хотѣлъ дать чувствительный щелчокъ такому молокососу, какимъ былъ въ его глазахъ Добролюбовъ, молокососу, который хотѣлъ сдѣлаться менторомъ его, стараго мастера въ дѣлѣ созданія словесныхъ художественныхъ произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріютившему у себя этого молокососа «Современнику»... Тургеневу пришла на умъ злостная мысль сдѣлать маскарадъ, заставивъ дѣйствовать передъ публикой вмѣстѣ и людей старыхъ и тѣхъ, которыхъ якобы Добролюбовъ называетъ людьми новыми. Для чего подъ видомъ новыхъ людей вывести тѣхъ же людей старыхъ, т.-е. имѣющихъ одинаковыя съ ними мысли, чувствованія и тенденціи, но находящихся еще въ школьномъ возрастѣ. Подходящихъ для подобной цѣли балбесовъ можно набрать сколько угодно среди всякой учащейся молодежи—была бы только охота. Для предположенной Тургеневымъ цѣли подобный маскарадъ былъ тѣмъ болѣе съ руки, что «Современникъ» вообще стоялъ горой за молодое поколѣніе и на него возлагалъ всѣ надежды въ будущемъ... Тургеневъ взялъ въ представители новыхъ людей нѣсколько лицъ, преимущественно, изъ учащихся молодого поколѣнія, и пошлыхъ, и пустыхъ, и глуповатыхъ... Свою новую повѣсть Тургеневъ назвалъ «Отцы и Дѣти». Представляя ее читателямъ, онъ какъ бы говорилъ имъ: вотъ тѣ новые люди, которыхъ приготовляетъ «Современникъ» изъ учащейся молодежи.

Само собой разумѣется, со взглядомъ на знаменитый романъ Тургенева, развиваемымъ въ приведенной цитатѣ Елисеева, согласиться никоимъ образомъ невозможно. Современными изслѣдователями съ достаточной убѣдительностью доказано, что у Тургенева и въ мысляхъ не было писать пасквиль на молодое поколѣніе. Тѣмъ не менѣе точка зрѣнія Елисеева все же представляетъ большой интересъ, такъ какъ она является отголоскомъ общераспространеннаго въ 60-ые годы мнѣнія. Пусть, на самомъ дѣлѣ, «Отцы и Дѣти» не пасквиль, но нельзя отрицать того, что они очень многими были поняты именно какъ пасквиль, направленный противъ молодого поколѣнія. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ непониманія публикой авторскаго замысла, но разъ фактъ налицо, съ нимъ приходится считаться и дѣлать изъ него извѣстные выводы. Что дѣло обстояло именно такъ, это видно изъ послѣдующаго изложенія Елисеева. «Такъ вотъ какихъ новыхъ людей, читаемъ у него, готовить намъ «Современникъ» изъ нашего учащагося юношества», говорило большинство публики. Слово «нигилистъ» сдѣлалось почти озареніемъ для всѣхъ. Точно завѣса у всѣхъ спала съ глазъ, и всѣмъ стало ясно, какая такая преступность заключается въ «Современникѣ». Доселѣ многіе только смутно предполагали, что есть что-то недоброе въ «Современникѣ» по темнымъ слухамъ, исходящимъ отъ его недоброжелателей, но точно никто не могъ сказать, въ чемъ это недоброе состоитъ, и даже есть ли оно дѣйствительно. Теперь вина «Современника» для всѣхъ стала ясна. Онъ занимается приготовленіемъ изъ учащейся молодежи для общества балбесовъ, ни во что не вѣрующихъ, по жизни распущенныхъ, ни къ чему не пригодныхъ, пожалуй-даже мазуриковъ.

«Напрасно «Современникъ» посвятилъ длинную статью разсмотрѣнію повѣсти Тургенева, гдѣ обстоятельно доказывалось, что картинка, нарисованная Тургеневымъ, есть чистый подлогъ, что въ дѣйствительности серьезно учащаяся молодежь не имѣетъ въ себѣ ничего похожаго на это изображеніе. Статья эта не имѣла никакого дѣйствія. «Конечно будетъ защищать дѣло рукъ своихъ», говорили, вѣроятно, о «Современникѣ» и тѣ, кто имѣлъ терпѣніе прочесть статью до конца. Нравственная репутація учащейся молодежи въ общественномъ мнѣніи вдругъ страшно упала, такъ какъ молодые люди почти поголовно, огуломъ были зачислены въ нигилисты. И когда весной 1862 г. случился страшный пожаръ, уничтожившій Апраксинъ и Щукинъ дворы, молва не усомнилась признать виновниками этого пожара нигилистовъ. Они, дескать, жгутъ города. Газеты и журналы, передавая это голословное обви-

неніе молвы, не сочли себя обязанными рѣшительно и категорически отразить эту безсмысленную клевету.—Такимъ образомъ *tacito modo* пожаръ точно и дѣйствительно былъ признанъ дѣломъ нигилистовъ, и вмѣстѣ съ этимъ закрытъ былъ на восемь мѣсяцевъ «Современникъ», а бывший руководитель его немедленно заключенъ въ крѣпость. Всѣмъ этимъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ подтверждалось то, что «Современникъ» занимался приготовленіемъ изъ учащейся молодежи нигилистовъ—людей, способныхъ на все, на самыя преступныя дѣла, какъ поджоги и т. п.

«Вотъ какое страшное, если не прямое обвиненіе, то подозрѣніе въ нашемъ обществѣ могло возникнуть изъ такой пустой вещи, какъ красиво написанная легкомысленнымъ человѣкомъ повѣстка, и какою оно тяжестью обрушилось и на ни въ чемъ неповинный журналъ, и на ни въ чемъ неповинныхъ работавшихъ въ немъ сотрудниковъ, и тѣмъ болѣе на ни въ чемъ неповинную учащуюся молодежь, и, наконецъ, также на неповинную ни въ чемъ либеральную партію».

Трудно согласиться съ заключительнымъ выводомъ Елисеева, чрезмѣрно расширяющимъ вліяніе Тургеневскаго романа, который является въ его глазахъ одной изъ причинъ общественной и правительственной реакціи, замѣтно поднявшихъ голову задолго до начала польскаго возстанія 1863 г., хотя, съ другой стороны, отрицать всякую причинную связь между ними было бы едва ли справедливо. Факты доказываютъ, что Тургеневъ, конечно, совершенно безсознательно выступилъ какъ бы застрѣльщикомъ въ походѣ противъ нигилистовъ, хотя объективный смыслъ его романа отнюдь не заключалъ въ себѣ ничего враждебнаго молодому поколѣнію; но въ томъ-то была и бѣда, что этотъ объективный смыслъ былъ затемненъ для очень многихъ цѣлымъ рядомъ субъективныхъ и временныхъ мотивовъ.

Исторія съ «Отцами и Дѣтьми»—это уже очень видный и замѣтный этапъ въ борьбѣ двухъ поколѣній; конфликтъ же, происшедшій въ средѣ сотрудниковъ «Современника», не носилъ столь демонстративно-явнаго характера, хотя, несомнѣнно, и являлся ея прелюдией. Во всякомъ случаѣ всѣ тѣ, для кого дороги идеалы политическаго и соціальнаго радикализма, главными апостолами котораго въ Россіи середины XIX вѣка, безспорно, являлись Чернышевскій и Добролюбовъ, никогда не должны забывать при этомъ огромной заслуги Некрасова передъ русской общественностью, такъ какъ своимъ рѣшительнымъ переходомъ на сторону «дѣтей» онъ далъ фактическую возможность Чернышевскому и Добролюбову выступить съ ихъ проповѣдью. Не угадай Некрасовъ въ авторѣ забракованной министерствомъ нар. пр. диссертациі и

юномъ студентѣ педагогическаго института литературныхъ дарованій первой степени, не предпочти онъ ихъ впослѣдствіи своимъ прежнимъ друзьямъ, съ которыми его связывали и долготѣнія отношенія и рядъ интимныхъ воспоминаній, едва ли критико-публистическая дѣятельность Чернышевскаго и Добролюбова могла достигнуть такого блестящаго развитія, едва ли они, будучи лишены столь видной и популярной каеедры, каковою является «Современникъ», были бы въ состояніи пріобрѣсти такое вліяніе на передовые умы. И что всего цѣннѣе, переходъ Некрасова на сторону молодого поколѣнія совершился вполне сознательно и былъ, прежде всего, результатомъ того, что его общественное міровоззрѣніе въ основахъ своихъ было тождественно именно съ міровоззрѣніемъ Чернышевскаго и Добролюбова, а отнюдь не либераловъ—постепеновцевъ 40-хъ годовъ. Это можетъ быть доказано и фактами изъ его біографіи и анализомъ гражданскихъ мотивовъ его поэтическаго творчества за это время. Многіе изъ этихъ фактовъ, а также и упомянутый анализъ читатель найдетъ во второй части моей книги о Некрасовѣ, а потому, не углубляясь болѣе въ этотъ вопросъ, воспользуюсь случаемъ, чтобы указать лишній разъ на вздорность слуховъ, распространявшихся врагами поэта, по которымъ переходъ Некрасова въ лагерь дѣтей былъ вызванъ глубоко-эгоистическими соображеніями: редакторъ-издатель «Современника» разсчиталъ де, что, потакая модному въ тѣ времена нигилистическому повѣтрію, онъ увеличитъ доходность своего журнала и получитъ, такимъ образомъ, средства для продолженія той жизни въ свое удовольствіе, къ которой успѣлъ-де пристраститься. Дѣйствительно, въ жизни Некрасова былъ періодъ, когда, какъ онъ выражается въ одномъ изъ писемъ къ Тургеневу (отъ 15 сентября 1851 г.), «Современникъ» составлялъ «единственную, хотя и слабую и весьма непрочную, но тѣмъ не менѣе единственную опору его существованія». Къ счастью, этотъ періодъ продолжался сравнительно недолго; къ концу 1853 г., благодаря карточнымъ выигрышамъ, обусловленнымъ той выдержкой, съ которой Некрасовъ, по общимъ отзывамъ, велъ игру, положеніе дѣлъ настолько измѣнилось, что уже не «Современникъ» для Некрасова, а скорѣе Некрасовъ для «Современника» являлся опорой въ матеріальномъ отношеніи. Объ этомъ можно судить, хотя бы по воспоминаніямъ Чернышевскаго, который разсказываетъ въ нихъ, между прочимъ, о слѣдующей бесѣдѣ своей съ Некрасовымъ, относящейся какъ разъ къ осени 1853 г. «Самъ я, говорилъ Некрасовъ Чернышевскому, не въ тягость кассѣ журнала. Когда у меня нѣтъ своихъ денегъ, я беру деньги изъ нея или занимаю, дѣлая заемъ иногда,

какъ заемъ журнала, у книгопродавцевъ, въ магазинахъ которыхъ его конторы; въ особенности, у Базунова; вообще я расходую и деньги подписки и займы журнала, какъ хочу, на свои надобности. Но у меня бываютъ временами свои деньги: я изъ нихъ употребляю на расходы журнала, сколько считаю возможнымъ, а свои заимствованія изъ его кассы уплачиваю всегда всѣ. Не скажу вамъ, что вовсе не беру никакой доли изъ его доходовъ въ вознагражденіе себѣ за редакціонный трудъ. Но думаю, что это меньше, чѣмъ тѣ деньги, которыя расходую на журнальныя надобности изъ моихъ собственныхъ денегъ. Видите ли, я играю въ карты: веду большую игру. Въ коммерческія игры я играю очень хорошо, такъ что вообще остаюсь въ выигрышѣ. И пока играю только въ коммерческія игры, у меня увеличиваются деньги. Въ это время я и употребляю много на надобности журнала»...

Нужно ли говорить, что впослѣдствіи, когда Чернышевскій сталъ своимъ человѣкомъ въ редакціи «Современника» и получилъ возможность подробно ознакомиться съ положеніемъ его дѣлъ, онъ воочію убѣдился въ справедливости всего того, что ему пришлось услышать отъ Некрасова? О полномъ безкорыстіи этого послѣдняго, какъ редактора-издателя «Современника», свидѣтельствуютъ также данныя архива конторы «Современника», недавно разработанныя и систематизированныя мною. Такимъ образомъ, мотивомъ, обусловившимъ переходъ Некрасова на сторону молодого поколѣнія, а слѣдовательно и разрывъ его какъ съ Тургеневымъ, такъ и съ писателями боткинско-дружининскаго, если можно такъ выразиться, типа, являлись отнюдь не личныя дрязги и тѣмъ болѣе не соображенія эгоистически-утилитарнаго порядка, а исключительно сознаніе, что «нигилисты» и «мальчишки» несравненно ближе ему въ идейномъ отношеніи, чѣмъ представители 40-хъ годовъ, являвшіеся въ огромномъ большинствѣ случаевъ сибаритами по жизни, романтиками по настроенію и умѣренными либералами по политическимъ взглядамъ. Колбасинъ былъ вполне правъ, объясняя шагъ Некрасова тѣмъ, что «по своей прогрессивной натурѣ онъ могъ не держаться рутины и обветшалыхъ традицій... Тактичный въ сношеніяхъ съ людьми, Николай Алексѣевичъ искренно и всецѣло отдавался новой идеѣ и, послѣ того, никогда не пятился назадъ».

В. Евгеньевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи возрожденія Галичины¹⁾.

III.

Весна народовъ.

Въ жизни государствъ и народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, бываютъ свои критическіе моменты. Обычный строй жизни нарушается, колеблется «незыблемый» порядокъ, рушатся привычныя, вѣками сложившіяся отношенія и на ихъ развалинахъ возникаютъ новыя, часто, повидимому, не стоящія даже въ опредѣленной связи съ предыдущимъ ходомъ развитія. Наступаетъ внезапный и рѣзкій въ глазахъ заинтересованныхъ наблюдателей, въ особенности современниковъ, переломъ, который открываетъ собой новую страницу въ исторіи, переворачиваемую невидимой рукой. И лишь на извѣстномъ разстояніи, въ сглаживающей неровности и шероховатости текущаго момента перспективѣ мы замѣчаемъ нити, связывающія данный моментъ съ предыдущимъ, устанавливаемъ неразрывную цѣпь событій, развертывавшихся по закону причинности, и приходимъ къ выводу, что и въ данномъ случаѣ не было какого то внезапнаго, изолированнаго скачка, а тѣмъ болѣе разрыва живой цѣпи развитія, а былъ лишь наиболѣе ярко обозначившійся переломъ событій, критическій моментъ высшаго напряженія, основаніемъ своимъ уходящій однако въ прошлое и въ свою очередь дающій начало будущему—хорошо, если безболѣзненному... Но послѣднее рѣдко встрѣчается. Переломъ въ общественной жизни указываетъ лишь на тенденцію, направленіе дальнѣйшаго хода, но самый темпъ его опредѣляется не краткосрочнымъ и скоропреходящимъ критическимъ моментомъ, а иными причинами, болѣе всего предыдущимъ состояніемъ общества. Какъ часто, поэтому, вслѣдъ за моментами радостнаго подъема мы видимъ длинныя полосы унылой реакціи, которая стремится вычеркнуть даже изъ воспоминаній современниковъ свѣтлый промежутокъ и черезъ него связать себя съ вождельнымъ status quo ante bellum. Оно и понятно. Бушующая стихія уходитъ въ прежніе берега, сила привычекъ, традицій, обычнаго

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 2 и 4.

соотношенія вновь вступаетъ въ свои права, устанавливается равновѣсіе и начинается та повседневная борьба, которая лишь на моментъ была опрокинута бурнымъ вмѣшательствомъ вулканическихъ силъ человѣческой природы и отношеній. Конечно, и эти послѣднія силы оставляютъ свою долю вліянія въ повседневной борьбѣ,—вотъ почему почти никогда реакція не удается вполне нейтрализовать ихъ и достигнуть исходнаго пункта. Критическій моментъ перелома все-таки намѣчаетъ дальнѣйшее направленіе, измѣнить которое внѣ человѣческихъ, въ томъ числѣ и реакціонныхъ, силъ.

Такимъ критическимъ моментомъ въ исторіи Австріи вообще, въ частности для Галичины, былъ 1848 годъ. Начавшись февральской революціей въ Парижѣ, бурный шквалъ народныхъ возстаній пронесся по всей Европѣ, разбившись лишь у западныхъ границъ Николаевской Россіи... Но до предѣловъ Галичины онъ достигъ хотя и ослабленнымъ, но во всякомъ случаѣ еще достаточно могучимъ, чтобы поколебать сложившіеся порядки и освободить силы, находившіяся до того въ связанномъ состояніи. И эти освобожденные силы начали дѣйствовать—по различнымъ направленіямъ.

«Весна народовъ», какъ называютъ иногда 1848 годъ, «была весьма бурной и безпокойной»,—характеризуетъ это время украинскій писатель, много поработавшій надъ изученіемъ интересующаго насъ момента.—«Тогда, продолжаетъ онъ, не только показались всходы того, что было посѣяно въ предшествовавшее время тяжелаго гнета, но съ лихорадочной поспѣшностью сѣялось много такихъ зеренъ, какія могли взойти лишь впоследствии. Въ Австріи, которая до марта 1848 г. дремала, какъ замерзшій прудъ, подъ корой бюрократическаго германизма, вдругъ забурлили волны національныхъ и соціальныхъ противорѣчій; тамъ, гдѣ до этого времени слышалось только бормотаніе доносовъ, распоряженій и патентовъ или строгія напominанія о «beschränkten Unterthanenverstand», въ крайнемъ случаѣ скромные вопросы либераловъ: «Darf ich so frei sein, frei zu sein?»—теперь раздались звучные лозунги: конституція, свобода печати, національная гвардія, историческія права народностей, а за ними послѣдовали и другіе: долой крѣпостное право, долой іезуитовъ, долой сословныя и національныя привилегіи, автономія, федерализмъ и социализмъ! Все это смѣшивалось и переплеталось,—отъ призывовъ къ общечеловѣческой любви и братству переходя въ ближайшій же моментъ къ проявленіямъ дикой расовой и классовой ненависти, отъ шумныхъ заявленій освободѣ и равноправію къ нападенію дѣйствіемъ на инакомыслящихъ, къ тай-

нымъ доносамъ и публичному забрасыванію грязью. Привезенныя съ запада либеральныя и радикальныя идеи причудливыми изломами и карикатурами располагались на нашей ухабистой почвѣ, и смѣшиваясь съ домашними традиціями крѣпостной эпохи, вызывали необычныя явленія, часто комическія, но еще чаще трагическія, во всякомъ случаѣ любопытныя, какъ и вообще проявленія человѣческой природы, вырвавшейся изъ тѣсныхъ рамокъ отжившаго строя и обратившейся на поиски новаго русла, новаго равновѣсія общественныхъ элементовъ¹⁾. Въ этихъ словахъ имѣемъ довольно точную характеристику настроеній бурнаго года, насколько его событія вообще отразились въ Галичинѣ съ ея отсталостью въ области общественныхъ отношеній.

Событія наступили, повидимому, совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кто долженъ былъ «стоять на стражѣ», учитывая возможность ихъ, и въ случаѣ оплошности терялъ очень много. Извѣстно, что всесильный тогда вершитель судебъ не одной только Австріи, князь Меттернихъ, встрѣтилъ новый 1848 годъ весьма опредѣленными предсказаніями. «Еще никогда,— писалъ онъ въ своемъ дневникѣ въ первыхъ числахъ января,— годъ не начинался среди такой тишины и спокойствія. Никогда еще общественный порядокъ не стоялъ такъ твердо и крѣпко, какъ въ настоящее время». Но видимая тишина оказалась обманчивой, а Меттернихъ плохимъ пророкомъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ «общественный порядокъ», даже въ абсолютистической Австріи, рушился, а самъ Меттернихъ, переодѣтый въ нищенское платье, долженъ былъ бѣжать изъ беззаботной Вѣны и спастись на свободной почвѣ Англіи. Гостепріимная страна, дававшая пріютъ не одному политическому изгнаннику, не отказала въ немъ и тому, кто въ изобиліи доставлялъ ей этихъ изгнанниковъ...

На разстояніи намъ легко теперь опредѣлить, въ чемъ состояла ошибка неудачнаго предсказателя. Теперь мы видимъ даже своего рода буревѣстниковъ, рѣзавшихъ въ насыщенной атмосферѣ приближавшейся грозы, которые ускользали отъ взглядовъ современниковъ. Несмотря на то, что реакція въ Австріи, и въ особенности въ Галичинѣ, дошла въ 40-хъ годахъ до крайнихъ предѣловъ, что всякій живой порывъ, всякая не одобренная цензурой мысль были скованы желѣзными цѣпами или заживо похоронены въ крѣпостяхъ—мы видѣли, что они все-таки суще-

¹⁾ *Ів. Франко*—Лукачъ Кобилиця. Епізодъ із історії Гуцульщини в першій половині XIX в. «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка», т. 49, стр. 1—2.

ствовали и ждали только удобнаго момента, чтобы прорваться наружу. Не говоря уже о крайне возбудимомъ элементѣ края въ лицѣ поляковъ, которые съ самаго неудачнаго движенія 1830—31 гг. не переставали готовиться къ новому возстанію, избравъ мѣстомъ своихъ дѣйствій главнымъ образомъ Галичину,—даже внутри украинскаго населенія, не обладавшаго ни революціоннымъ опытомъ, ни значительными культурными пріобрѣтеніями, замѣтно было глухое недовольство. О массахъ, подвергавшихся всѣмъ послѣдствіямъ подневольнаго труда и бюрократическаго гнета, нѣтъ нужды распространяться: онѣ, конечно, не могли быть довольными, хотя въ большинствѣ случаевъ и не умѣли точно указать истинныхъ виновниковъ своего тяжелаго положенія. Но даже украинская интеллигенція того времени, забитая двойнымъ гнетомъ—австрійской бюрократіи и собственныхъ духовныхъ властей,—очутилась въ положеніи стороны, привычный лойялизмъ которой подвергался серьезному испытанію. Часть ея ушла въ польскія политическія конспираціи, черпавшія матеріалъ для себя главнымъ образомъ среди учащейся молодежи. Другая, оставшаяся на родной почвѣ, хотя таила протестъ внутри себя, но также видимо искала выхода изъ создавшихся условий. Громовая статья Головацкаго (*«Zustände der Russinen in Galizien»*), о которой я упоминалъ прошлый разъ, при всемъ видимомъ лойялизмѣ ея по отношенію къ Австріи, наводила тѣмъ не менѣе на весьма опредѣленные выводы. Возставая противъ тираніи консисторіи и «святоюрскихъ» владыкъ, она была въ слабое мѣсто самой государственности, не только допускавшей эту тиранію, но и явно ей покровительствующей. Обходнымъ путемъ этотъ протестъ направлялся все противъ той же Меттерниховской системы, которая стремилась централизованнымъ механизмомъ раздавить и уничтожить все, что сохраняло еще образъ и подобіе человѣка. Но для настроенія общества въ высшей степени характерно, что такіе обходные пути могли прельщать лишь незначительное меньшинство среди украинскаго общества. Большинство, и наиболѣе при томъ активныхъ элементовъ, предпочитали идти прямымъ путемъ, за отсутствіемъ своихъ примыкая къ польскимъ конспираціямъ, выдвигавшимъ болѣе радикальныя требованія и въ рѣшительныхъ формахъ, не стѣснявшихъ хотя бы внѣшней лойяльностью. Молодежь, которая во времена Пашкевича, выдвинула собственные національныя задачи, теперь, предъ взрывомъ 1848 года, почти поголовно уходитъ въ польскія организации. «U nas wszystko brzmi po polsku—Polska, a nie Ruś»—пишетъ въ началѣ 1848 г. Зубрицкій. Такихъ результатовъ достигъ двойной гнетъ, двойной терроръ,

нависшій надъ первыми проблесками національнаго движенія украинцевъ въ Галичинѣ. Очевидно, гнѣтъ становился уже нестерпимымъ. На этой почвѣ разыгрались событія 1846 г., которыя ясно показали, насколько политическая атмосфера была пресыщена, можно сказать, взрывчатыми веществами, но съ другой стороны вскрыли и тѣ соціальныя противорѣчія, которымъ суждено было сыграть такую рѣшающую роль во время неожиданно якобы наступившей «весны народовъ».

«Едва ли во всей новѣйшей исторіи человѣчества,—пишетъ о 1846 г. г. Франко,—найдется событіе столь потрясающее и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же поучительное, открывающее такую бездну человѣческихъ страстей и одновременно съ такой неумолимой необходимостью вытекающее изъ окружающихъ тяжелыхъ условій, какъ это неудачное польское возстаніе въ Галичинѣ, залитое кровью возставшихъ, пролитой руками польскаго же народа» ¹⁾. «Мазурская рѣзня» или «тарновская гайдамачина» явилась, по словамъ современнаго польскаго публициста, результатомъ «предпріятія, которому въ отношеніи безумія во всей исторіи не найдется равнаго» ²⁾. Подготовлявшееся годами революціонной пропаганды, возстаніе въ Галичинѣ было назначено на февраль 1846 г.; движеніемъ руководили вожди парижскихъ эмигрантовъ («Централизація демократическаго общества»), совершенно оторванные отъ мѣстной почвы, не имѣвшіе понятія о мѣстныхъ отношеніяхъ. Выставляя цѣлью движенія возстановленіе Польши, руководители, правда, рассчитывали не столько на собственныя силы, сколько на народъ, которому было обѣщано уничтоженіе барщинныхъ повинностей, но эти послѣдніе расчеты очевидно были обречены на неудачу. Трудно было допустить, чтобы народъ, угнетаемый и эксплуатируемый шляхтой, пошелъ въ ногу со своими угнетателями лишь вслѣдствіе нѣсколькихъ, не совсѣмъ ясно даже формулированныхъ, обѣщаній. Съ другой стороны, врагъ, противъ котораго призывали народъ бороться, т.-е. австрійское правительство, являлся въ глазахъ народа вовсе не врагомъ. Во всякомъ случаѣ этотъ «врагъ» казался менѣе опаснымъ, чѣмъ новый союзникъ, такъ какъ если «хлопъ» и находилъ временами гдѣ-либо фактическую поддержку противъ несправедливыхъ притязаній шляхты, то только среди нѣмецкой бюрократіи, въ видахъ собственной выгоды стремившейся къ ограниченію помѣщичьяго произвола. Надежды на успѣхъ возстанія среди народа основывались, такимъ образомъ, на пескѣ.

¹⁾ *Ив. Франко*—Польське повстане въ Галичині 1846 р., «Зоря», 1884 г., стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 153.

Но произошло нѣчто гораздо худшее. Народъ не только не пошелъ съ повстанцами, но выступилъ противъ своихъ освободителей. По разсказамъ современниковъ, среди *польскаго* (мазурскаго) населенія западной Галичины распространились вдругъ слухи: «Около пасхи наступитъ Польша: придутъ *поляки* и будутъ рѣзать хлоповъ» ¹⁾, и подъ вліяніемъ темнаго страха предъ какими-то невѣдомыми «поляками» польское населеніе принимаетъ мѣры къ самооборонѣ. И когда «поляки» дѣйствительно появились съ распростертыми объятіями,—крестьянство встрѣтило ихъ съ косами и колями. Въ ночь съ 18 на 19 февраля въ окрестностяхъ Тарнова разыгрался прологъ страшной драмы; въ вооруженномъ сопротивленіи повстанцевъ крестьянамъ, послѣдніе видѣли только подтвержденіе слуховъ о рѣзнѣ, затѣваемой «поляками». Нѣскольکو дней затѣмъ продолжалось страшное избіеніе въ сущности беззащитныхъ людей, когда въ одинъ только Тарновъ было доставлено 146 труповъ и 543 арестованныхъ, между которыми также попадались избитые до полусмерти. Избіеніе сопровождалось разгромомъ крупныхъ имѣній, грабежомъ помѣщичьихъ усадебъ и насиліями надъ каждымъ, кто былъ одѣтъ не въ крестьянскую одежду. По словамъ польскихъ источниковъ, среди крестьянъ были пущены слухи о томъ, что правительство платитъ за cadaго доставленнаго живымъ повстанца 5, а за убитаго 10 гульденовъ, и этой цѣной крови объясняется высокій процентъ убитыхъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ восточной, украинской, части Галичины усмиреніе возстанія вовсе не носило кроваваго характера. Даже въ пограничныхъ мѣстностяхъ деревни съ украинскимъ населеніемъ остались спокойными и не принимали никакого участія въ кровавыхъ выступленіяхъ польскаго крестьянства, а иногда даже оказывали сопротивленіе группамъ «мазуровъ», нападавшихъ на помѣщичьи усадьбы въ предѣлахъ украинскихъ поселеній ²⁾.

Это обстоятельство проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины и обстоятельства «кровавыхъ заговѣнъ» 1846 г. Польское общество возложило всю отвѣтственность за прискорбныя событія на австрійскую бюрократію, утверждая, что рѣзня была заранѣе подготовлена администраціей, что послѣдняя прямо и косвенно подстрекала крестьянъ противъ шляхты и поощряла насилія, не останавливаясь даже предъ такимъ цинизмомъ, какъ оплачиваніе труповъ. Эти обвиненія въ свое время нашли широкій отзвукъ въ Европѣ, вплоть до выступленій въ парламентахъ англійскомъ и французскомъ (рѣчи Монталамбера и В. Гюго). Съ другой стороны австрійская бюрократія своимъ поведеніемъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

²⁾ Тамъ же, стр. 140.

какъ будто подтверждала высказываемыя подозрѣнія. Въмѣсто того, чтобы опубликовать данныя судебныхъ процессовъ, оно отмалчивалось въ продолженіе почти двухъ десятилѣтій и лишь затѣмъ появилась явно инспирированная правительствомъ книга чиновника, барона Морица Сала (M. Sala—«Geschichte des polnischen Aufstandes im Jahre 1846»), въ которой вся вина за кровавыя событія перелагалась на коммунистовъ и социалистовъ, возбудившихъ народъ своей неразборчивой агитаціей, и на самое же польскую шляхту, которая своими утѣсненіями довела народъ до отчаянія, проявившагося бунтарскими вспышками при первомъ же поводѣ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что правительство проявило на первыхъ порахъ такую растерянность и неподготовленность, что генералы австрійскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ повстанцевъ, храбро бѣжали предъ призракомъ врага и повстанцы вначалѣ заняли города Подгуже и Величку съ самыми незначительными силами. Уже это указываетъ на отсутствіе планомѣрности въ дѣйствіяхъ правительства и полное незнакомство его съ размѣрами и ресурсами движенія. Съ другой стороны, при желаніи использовать крестьянъ и провокаторскими пріемами двинуть ихъ противъ повстанцевъ, правительство должно было прежде всего остановиться на мысли использовать національныя и вѣроисповѣдныя противорѣчія. Между тѣмъ именно украинскія мѣстности остались спокойными, и противъ «поляковъ» выступили исключительно польскіе же крестьяне. Нужно думать поэтому, что не провокаціонная агитація правительственныхъ чиновниковъ—въ отдѣльныхъ случаяхъ она, конечно, могла имѣть и дѣйствительно имѣла мѣсто ¹⁾—сыграла главную роль въ трагическомъ окончаніи польскаго возстанія, потушеннаго польскими же руками. Дѣйствительною причиною были социальныя противорѣчія, воспитавшія у «хлопа» столь сильную ненависть къ шляхтѣ, что на почвѣ этой ненависти оказались возможными всякіе нелѣпые слухи о «полякахъ», подготавливающихъ рѣзню крестьянства, довѣріе къ этимъ слухамъ и соотвѣтственные поступки. Во всякомъ случаѣ агитація правительственныхъ чиновниковъ, насколько она была, падала на почву, глубоко вспаханную социальными неурядицами, проникнутую нескрываемой враждебностью между владѣльческимъ и подвластнымъ сословіями и потому особенно воспріимчивую къ подобной агитаціи. Безъ этой розни,

¹⁾ Łoziński B.—Szkice z historyi Galicyi w XIX w. Kraków, 1913. Здѣсь на стр. 335 приведено письмо львовскаго старосты Мильбахера къ одному изъ чиновниковъ, предписывающее противъ «бунтовщиковъ» двинуть крестьянъ, вооруженныхъ косами.

обратившейся въ своего рода традицію и соціальной пропастью раздѣлившей различные классы одного народа, никакая агитація, очевидно, не могла бы привести къ указаннымъ послѣдствіямъ ¹⁾.

Событія 1846 г. въ связи съ страшнымъ голодомъ того же года, свирѣпствовавшимъ въ западной Галичинѣ («на Мазурщинѣ») ²⁾, явились первымъ предостереженіемъ и обществу, и правительству или, по колоритному выраженію г. Франка, пушечнымъ выстрѣломъ, прозвучавшимъ среди гробовой, казалось, тишины и глубокаго спокойствія. Всѣ всполошились, такъ какъ очевидно стало, что «незыблемый порядокъ», основанный на крѣпостномъ трудѣ, не является болѣе надежной гарантіей противъ катастрофы, что разразившіяся внезапно кровавыя событія могутъ сдѣлаться прелюдией къ чему то еще болѣе серьезному. Возникаетъ цѣлый рядъ проектовъ для устраненія разверзнувшейся пропасти; и правительство, и владѣльческій классъ, представленный въ областномъ сеймѣ (такъ называемое «Представительство Сословій») наперерывъ другъ предъ другомъ ломаютъ головы, сисясь придумать мѣры, которыя сохранили бы всѣ выгоды помѣщичьяго класса и въ то же время внесли успокоеніе въ среду крестьянства. Конечно, этой соціальной квадратуры круга не удавалось разрѣшить и болѣе крѣпкимъ головамъ, а потому всѣ проекты сводились въ сущности къ одному положенію—какъ къ прежнимъ бичамъ прибавить новые скоропіоны. «Наука, преподанная шляхтѣ кровавыми заговѣнами, — говоритъ изслѣдователь, — оказалась недѣйствительной. Съ тѣмъ же мѣднымъ лбомъ, какъ и раньше, шляхта и теперь твердила о своей готовности идти на жертвы ради благосостоянія крестьянъ, но въ дѣй-

¹⁾ О событіяхъ 1846 г. существуетъ довольно обширная литература,—см. *Ів. Франко*—Польське повстанє в Галичині 1846 р. «Зоря», 1884 г., №-ра 1—19; *его же*—Панщина і її скасування в 1848 р., глава VI (тамъ же указана и литература, стр. 70); *Гладилович Ю.*—Спомини руського священика про різню 1846 р. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 12. *Ів. Франко*—Батько й дочка, «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 93 и др. Взгляды новѣйшей польской исторіографіи особенно полно представлены рядомъ очерковъ *Б. Лозинскаго* въ упоминавшейся уже книгѣ «Szkice z historii Galicyi», стр. 190—397; см. также—*Ostaszewski-Barański*—Krwawy rok. Złoczów, безъ указанія года.

²⁾ Ужасы голодной смерти, наступившіе зимой этого вообще ужаснаго года, осложнились еще однимъ явленіемъ, о которомъ могу говорить только словами современниковъ. «Употребленіе въ пищу людей, въ особенности дѣтей,—разсказываетъ одна свидѣтельница кошмарныхъ событій,—стало обычнымъ явленіемъ. Я бы никогда не повѣрила тому, если бы эти каннибальскіе поступки не происходили почти на глазахъ моихъ, какъ свидѣльницы того времени. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько случаевъ, иллюстрирующихъ сейчасъ сказанное. См. «Wspomnienia Polki» въ «Dzienniku literackim», 1863 г., № 35, стр. 275 (цитата у *Франка*—«Зоря», 1887 г., стр. 271), а также «Зоря Галицка», 1849 г., № 40; ср. разсказъ *Франка* «Місія», Львів, 1906, стр. 6—8, съ примѣчаніемъ автора, удостоверяющимъ историческую подлинность сообщаемого.

ствительности не дѣлала имъ ровно никакихъ уступокъ и въ добавокъ готовилась предъ освобожденіемъ лишить ихъ земли, пропитанной крестьянскимъ потомъ и слезами, и въ сущности ничего болѣе настоятельнаго не предлагала, кромѣ строжайшихъ мѣръ воздѣйствія противъ непокорныхъ крестьянъ и всѣхъ, кто такъ или иначе осмѣливался производить подрывъ ея ненасытному господству»¹⁾. Даже правительство стало втупикъ предъ столь прямолинейнымъ рѣшеніемъ вопроса, имѣя при этомъ въ виду прямые заявленія крестьянъ о томъ, что «для цисаря (императора) мы готовы работать, но для пановъ—никогда, хотя бы пришлось сложить свои головы»²⁾. Но въ то время, какъ правительственные контръ-проекты, половинчатые и нерѣшительные, мытарствовали изъ канцеляріи въ канцелярію, наступилъ 1848 г., и всѣ предположенія оказались запоздалыми, всѣ карты смѣшанными, а проекты и контръ-проекты сметенными нахлынувшей съ запада революціонной войной.

Но въ изложенныхъ событіяхъ, смыслъ которыхъ прежде всего въ ихъ социальномъ значеніи, заключалось и еще одно противорѣчіе, если не вполне отчетливо созннанное современниками, то инстинктивно ими ощущавшееся въ восточной, украинской, части Галичины. Первое рѣшительное столкновение между польскимъ «дворомъ» и украинскимъ «селомъ», между помѣщиками и крестьянствомъ—должно было поставить предъ украинской по происхожденію интеллигенціей, почти сплошь состоявшей въ то время изъ значительно полонизированнаго сельскаго духовенства, грозный и настоятельный вопросъ—на чью сторону стать, къ кому примкнуть въ назрѣвавшемъ остромъ конфликтѣ? Простыя, безхитростныя записки священника Гладилевича довольно ярко изображаютъ колебанія одного изъ такихъ интеллигентовъ, очутившихся между двумя враждующими лагерями,—и характерно, что сознаніе долга привело его къ народу, несмотря на личныя симпатіи, питаемая авторомъ къ членамъ помѣщичьей семьи, и прямую опасность, угрожавшую ему среди пасомыхъ³⁾. Еще болѣе характернымъ показателемъ является общее настроеніе украинской интеллигенціи, поскольку оно выражается въ современныхъ документахъ. Несмотря на то, что правительственный гнетъ не только не ослабѣлъ, но даже увеличился, общій темпъ національной жизни украинцевъ несомнѣнно повышается. Одинъ

¹⁾ *Франко Ів.*—Панщина і її скасування, стр. 74. Подробное изложеніе и критику всевозможныхъ «эмансипаціонныхъ» проектовъ 40-хъ годовъ см. у *Ів. Заневича*—Знесене панщини в Галичині. Львів, 1896.

²⁾ *Франко*—Панщина..., стр. 71.

³⁾ *Гладилевичъ Ю.*—Спомини руського священника, «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 12, стр. 10—17.

изъ пріятелей Я. Головацкаго сообщаетъ ему въ мартѣ 1846 г. что во Львовѣ предположено учредить «Матицю Руську», просвѣтительное общество съ собственнымъ, первымъ въ Галичинѣ, печатнымъ органомъ и издательствомъ популярныхъ произведеній ¹⁾; происходитъ нѣкоторое оживленіе въ литературныхъ кругахъ, появляются такія изданія, какъ «Вінок русинам на обжинки», разрабатываются планы литературныхъ и научныхъ работъ и т. п. ²⁾, чтобы, по выраженію Головацкаго, «заткнуть глотку нашимъ врагамъ и лишить ихъ повода къ выдумкамъ, что мы ничего не производимъ въ литературѣ» ³⁾. Повышается вообще интересъ къ украинскимъ изданіямъ, выходящимъ въ Россіи, отъ которыхъ «загрѣваются сердца братій нашихъ» ⁴⁾. Даже старый перебѣжчикъ, Погодинецъ Зубрицкій, смотрѣвшій еще недавно на родной журналъ какъ на излишнія «сласти»(!) ⁵⁾, поддается общему настроенію и соглашается редактировать журналъ «на нашомъ діалектѣ». «Вотъ новая забота!—жалуется онъ на своемъ утрированномъ русскомъ языкѣ Головацкому,—новый трудъ мнѣ, старому человѣку, надъ могилою, который едва двѣ или три строки писалъ на Малорусскомъ нарѣчїи!—но обстоятельства есть такъ важныя, и о которыхъ подробно писать нельзя (sic), что я рѣшился въ общую народную (sic) пользу пожертвовать своимъ спокойствіемъ, своимъ даже здоровьемъ, ибо никто во Львовѣ не хотѣлъ отважиться на это предпріятіе» ⁶⁾. «Давнишнее мое завѣтное желаніе,—отвѣчаетъ на это извѣстіе Головацкій,—къ осуществленію котораго я стремился для пользы дорогого, но несчастнаго народа и народной словесности, наконецъ, хоть и неожиданно, исполнилось» ⁷⁾. Словомъ, внутри общества, еще не совсѣмъ порвавшаго съ національной жизнью и интересами, происходитъ какой-то сдвигъ, который въ ближайшее время направить общественное движеніе по вполнѣ определенному руслу. Правда, сознаніе еще подавлено мыслью, формулированной однимъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ Головацкаго: «въ тяжелое время мы живемъ», ибо «недавно я слышалъ отъ одного нашего священника пренебрежительный отзывъ о нашихъ украинскихъ книгахъ, и такихъ большинство» ⁸⁾. Но уже недалеко то время, когда и беззаботное большинство, еще пока

¹⁾ *Студинський* проф.—Кореспонденція Я. Головацкаго в літах 1835—49, стр. 183—184.

²⁾ Тамъ же, стр. 187—188, 193, 201, 209, 216, 220, 224—225 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 201.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 203.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 192.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 222.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 223—224.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 200.

не самоопредѣлившееся, должно будетъ также рѣшить для себя вопросъ дальнѣйшаго существованія и «на старість» ¹⁾ приняться за изученіе того языка, который достаивало до тѣхъ поръ лишь пренебрежительныхъ отзывовъ.

Таковы были тѣ предзнаменованія чего-то надвигающагося, какихъ-то перемѣнъ, которыя возбуждали смутныя ожиданія, неясныя, но волнующія надежды. Въ чемъ будутъ состоять эти перемѣны и какимъ путемъ придутъ онѣ, никто не отдавалъ себѣ отчета. Одно было ясно всѣмъ, отъ убогой крестьянской халупы до пышныхъ палатъ ясновельможнаго магната—что такъ дальше жить невозможно. 1848-й годъ, «весна народовъ», придалъ смутнымъ ожиданіямъ и надеждамъ вполне реальныя очертанія.

Общія событія памятнаго года я напомнимъ здѣсь лишь вкратцѣ. 23 февраля появились баррикады на улицахъ Парижа, и революціонная волна неудержимо покатила къ востоку, сметая все встрѣчавшееся на пути. 13 марта въ огнѣ была уже Вѣна, а черезъ недѣлю, 19—21 марта, власть капитулировала и въ крупныхъ центрахъ Галичины—Краковѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ. Повсемѣстно была объявлена свобода печати и собраній, появилась національная гвардія, пало право на подневольный трудъ, конституція (25 апрѣля) торжественно обѣщала равенство всѣхъ предъ закономъ и участіе народныхъ избранниковъ въ управленіи государственными дѣлами. Радость и торжество побѣды охватили въ первое время всѣ классы общества, достигая и до народныхъ низовъ. Боевое настроеніе нарастало, борьба продолжалась, принимая въ не нѣмецкихъ частяхъ государства—Венгріи, Чехіи, Галичинѣ, итальянскихъ провинціяхъ—характеръ національной борьбы противъ централизованной системы германизации и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ переходя въ открытое возстаніе. Предупредить послѣднее не были въ состояніи даже созывъ и работы перваго австрійскаго парламента, начавшаго занятія 22 іюля. Началось усмиреніе военной силой. Взятіе Праги и Вѣны Виндишгрецомъ и бомбардировка Львова Гаммерштейномъ подали сигналъ къ открытому выступленію реакціи, которая, все усиливаясь, приступила къ ликвидаціи освободительнаго движенія. Усмиреніе при помощи русскихъ войскъ венгерскаго возстанія 1849 г. и побѣдоносная война въ Италіи упрочили международное положеніе Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реакціонный курсъ внутри государства, и въ 1851 г. часто измѣнявшаяся конституція была отмѣнена съ возвратомъ къ абсолютизму, отстоявшему свои позиціи еще на цѣлое десятилѣтіе. Такова голая схема событій,

¹⁾ Тамъ же, стр. 277.

но въ нее самымъ ходомъ ихъ было вложено чрезвычайно богатое содержаніе, въ особенности, быть можетъ, сильно обнаружившееся въ наиболѣе отсталой части Австрійской имперіи, въ Галичинѣ ¹⁾).

Въ первый моментъ движеніемъ овладѣлъ здѣсь исключительно польскій элементъ края; украинцевъ, какъ таковыхъ, совершенно не было замѣтно среди дѣятелей и участниковъ революціоннаго періода. И это вполне понятно. Поляки имѣли въ своей средѣ еще раньше сплоченную, организованную группу людей, привычныхъ къ общественной дѣятельности, и ихъ-то прежде всего и вынесла на поверхность волна революціи. Кромѣ того движеніе происходило собственно въ городахъ, носившихъ по внѣшности польскій характеръ, тогда какъ украинская деревня пока загадочно молчала. Наконецъ, принимавшіе участіе въ движеніи украинцы въ первый моментъ были захвачены исключительно политической стороной движенія, возможностью проявить свободный порывъ чувствъ и шли за большинствомъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., извѣстный впослѣдствіи москвофилъ Наумовичъ, появились въ традиціонныхъ конфедераткахъ, не выдѣляя себя такимъ образомъ изъ польской массы и не выступая съ національными притязаніями. Такимъ настроеніемъ были проникнуты даже многіе изъ сознательныхъ украинцевъ. «Когда грянулъ на насъ громъ изъ Франціи,—пишетъ, напр., къ Я. Головацкому его младшій братъ,—когда зашумѣла буря изъ Италіи, когда засіяло для насъ яркое солнце оттуда, откуда мы даже и не предполагали—изъ самой, по твоимъ словамъ, легкомысленной Вѣны—то непривычное къ такимъ звукамъ мое чувство почти совершенно завладѣло разсудкомъ. Еще и теперь я живу исключительно счастьемъ рода человѣческаго и братьевъ-поляковъ, а если раздумать, что изъ этого получится и для насъ, русинъ, то совершенно невозможно сохранить спокойствіе». И только дальше авторъ письма задаетъ Головацкому рядъ вопросовъ, ожидая отъ него разъясненій относительно «твоихъ воззрѣній на молодую Польшу, твоего мнѣнія о полякахъ,—чтобы узнать, насколько ты имъ довѣряешь и чего намъ можно ожидать

¹⁾ Общій обзоръ событій 1848 г. и указанія на литературу читатель найдетъ въ соотвѣтственныхъ главахъ извѣстнаго труда *Сеньюбоса*—Политическая исторія современной Европы, С.-Пб., 1901. Специально о Галичинѣ см.: Русины въ 1848 г. «Основа», 1862 г., кн. IV; *Ф. И. С.*—Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи, ч. 1. Львовъ, 1896 (богатая съ фактической стороны, но крайне тенденціозная и неряшливая работа); *Франко Ів.*—Задумні дні у Львові 1848 р. въ сборникѣ «В наймах у сусідів», т. I, Львів, 1914; *Левицький Ю.*—1 и 2 падолиста 1848 р. у Львові. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 25; *Франко Ів.*—Причинки до історії 1848 р., тамъ же, т. 88; *Кревецький Ів.*—До психології 1848 р., тамъ же, т. 90 и др.

отъ нихъ» ¹⁾. Правда, нотки сомнѣній и тревоги проглядываютъ у кой-кого уже при первыхъ проявленіяхъ новой жизни. Извѣщая Головацкаго 27 марта 1848 г. о «Pressfreiheit» въ Вѣнѣ и о возможности, поэтому, избѣжать львовской, очевидно, еще дѣйствовавшей въ то время цензуры, извѣстный меценатъ Верещинскій прибавляетъ: «у насъ всѣ потеряли голову—одни отъ печали, другіе отъ величайшей радости; мнѣ же кажется, что всѣ они безумствуютъ безъ достаточнаго основанія: не все то правда, о чемъ говорятъ и не будетъ такъ, какъ думаютъ» ²⁾. Спустя мѣсяць, другой извѣстный дѣятель того времени Бирецкій, уже прямо жалуется на поведеніе земляковъ, при чемъ обозначаются и вообще настроенія въ украинскихъ кругахъ. «Милостивый царь,—писалъ Бирецкій,—даровалъ свободы всѣмъ своимъ народамъ, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежимъ и мы, а между тѣмъ именно мы не стремимся извлечь изъ этого дара пользу для себя. Всѣ народы взапуски проявляютъ заботу о своей національности, всѣ добиваются своихъ правъ и только одинъ русинъ робко смотритъ, размышляя, что изъ этого выйдетъ, а можетъ быть, во всемъ полагаясь на Бога,—но не случится ли съ нимъ такъ, какъ съ разслабленнымъ при овчей купели? А послѣднее весьма вѣроятно, ибо, когда при такой медлительности мы придемъ въ себя—другіе за это время уже рѣшатъ нашу судьбу» ³⁾.

Такъ сказывались десятилѣтія правительственной опеки и террора духовной власти, породившихъ апатію, неувѣренность въ своихъ силахъ и полное неумѣніе разобраться въ измѣнившихся обстоятельствахъ. Это колеблющееся настроеніе, недостатокъ гражданскаго воспитанія, отчасти даже политическую незрѣлость старались использовать съ двухъ сторонъ, рѣшая, какъ предвидѣлъ Бирецкій, судьбу украинскаго народа чужими руками, которыя стремились, конечно, извлечь выгоду исключительно для себя, пожертвовавъ при этомъ интересами украинцевъ. Австрійское правительство раньше всего учло классовый составъ украинскаго народа, какъ крестьянскаго, земледѣльческаго сословія, руководимаго при томъ такимъ по существу консервативнымъ элементомъ, какъ духовенство,—и постаралось именно здѣсь найти опору въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ, носившимъ, какъ было указано, по внѣшности польскій характеръ. Достигнуть этого было вовсе не трудно при томъ недовѣріи

¹⁾ *Студинскій проф.* — Корреспонденція Я. Головацкаго въ літахъ 1835—1849, стр. 235—236.

²⁾ Тамъ же, стр. 226.

³⁾ Тамъ же, стр. 238.

къ полякамъ, какое вообще господствовало въ народѣ и духовенствѣ, и традиціонномъ лойялизмѣ, свойственномъ неразвитымъ политически группамъ населенія. Правительство постаралось прежде всего сдѣлать ловкій ходъ въ вопросѣ объ отмѣнѣ «панщины», принудительной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Въ то время, когда польскіе демократы и представлявшая ихъ новооснованная «Rada narodowa» напрасно и безуспѣшно добились отъ шляхты добровольнаго отказа отъ своихъ сословныхъ привилегій, прежде всего, конечно, отъ «права» на подневольный крестьянскій трудъ,—правительство предупредило этотъ шагъ и однимъ ударомъ покончило съ ненавистной народу «панщиной». Указомъ имп. Фердинанда отъ 17 апрѣля, оповѣщеннымъ народу при особо торжественной обстановкѣ пасхальнаго богослуженія («на сам Велик день»), какъ этотъ трудъ, такъ и всѣ прочія повинности и обязанности крестьянъ предъ помѣщиками въ Галичинѣ, были просто отмѣнены съ 15 мая навсегда. Актъ этотъ вызвалъ сильное возмущеніе во всемъ польскомъ обществѣ, начиная крѣпостниками и оканчивая радикальными патріотами. Въ то время, какъ первые усматривали въ немъ покушеніе на принципъ «священной собственности», на кровное достояніе и права благороднаго сословія, демократы называли поступокъ правительства провокаціоннымъ, видя въ немъ лишь демагогическій пріемъ съ цѣлью пріобрѣсти симпатіи массъ, чтобы опереться на нихъ въ борьбѣ съ демократическими требованіями ¹⁾. Последнее соображеніе было, конечно, вѣрнымъ въ томъ смыслѣ, что правительство дѣйствительно пріобрѣтало могущественнаго союзника, котораго смѣло можно противопоставить польскимъ стремленіямъ къ возстановленію независимой Польши. Последній лозунгъ, и безъ того совершенно непопулярный въ народѣ, скомпрометированный какъ всѣми предыдущими отношеніями, такъ и новѣйшими шляхетскими угрозами по адресу непокорныхъ крестьянъ—«спустить шкуру, когда настанетъ Польша» ²⁾,—этотъ лозунгъ утратилъ всякую тѣнь реальной опасности съ того

¹⁾ «Измѣна, позорная измѣна!»—пишетъ въ частномъ письмѣ одинъ польскій патріотъ при извѣстіи объ отмѣнѣ крѣпостныхъ отношеній правительствомъ, сообщая далѣе о депутаціи протеста противъ «этого измѣнительнаго и наиболѣе нелегальнаго (!) акта». См. Франко Ів.—Причинки до історіі 1848 р. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 88, стр. 106—107.

²⁾ Уже послѣ отмѣны крѣпостныхъ отношеній не было недостатка въ помѣщикахъ, которые не упускали случая «odliczyć po 50 konstytyucyjnych (!) kijów» крестьянамъ, отказавшимся итти на барщину («Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 49, стр. 14). «Bito przed konstytucją po cesarsku 25, to po konstytucyjnému surpą po 50»,—пишетъ Головацкому одинъ изъ его друзей, полякъ, возмущаясь такимъ поведеніемъ «starych Matuzalewów» (Студинскій проф.—Кореспонденція Я. Головацького... стр. 267). Можно представить, какъ дѣйствовали эти издѣвательства на массы!

момента, какъ «цисаръ дарував панщину», т.-е. когда крестьянинъ могъ на практикѣ провести параллель между шляхетскими угрозами и благодѣяніемъ правительства ¹⁾). Для интеллигентныхъ украинцевъ, расположенныхъ къ правительству уже этимъ освободительнымъ актомъ по отношенію къ украинскому крестьянству (вспомнимъ отзывъ о «милостивомъ царѣ» у Бирецкаго), были сдѣланы кромѣ того и другія уступки въ чисто національномъ отношеніи. Правительство и мѣстный представитель его, галицкій губернаторъ гр. Стадіонъ, вспомнили о высказанныхъ нѣкогда Копитаромъ соображеніяхъ и теперь открыто заявляли о своемъ расположеніи къ украинцамъ, видимо за ними ухаживали. Правда, вначалѣ обѣ стороны повидимому стѣснялись довѣрять другъ другу. Говорятъ, что при первомъ представленіи украинской депутаціи, состоявшей изъ духовныхъ особъ, гр. Стадіонъ якобы задалъ имъ слѣдующій вопросъ: «Что вы за народъ?»—«Wir sind Ruthenen, wir sind aber keine Russen», т.-е. «мы украинцы («русины»), но не русскіе»—отвѣтили участники депутаціи, памятуя, по всей вѣроятности, о подозрѣніяхъ австрійскаго правительства на счетъ близости населенія восточной Галичины къ Россіи ²⁾). Такой отвѣтъ, можно думать, совершенно удовлетворилъ и успокоилъ гр. Стадіона, и съ этого времени начинается то «покровительство» австрійской бюрократіи галицкимъ русинамъ, которое подало полякамъ поводъ для насмѣшекъ, что «русинъ выдумалъ» въ пику полякамъ гр. Стадіонъ въ 1848 г.,—при чемъ нѣкоторые прибавляютъ, что къ этому остроумному «изобрѣтенію» причастенъ и польскій же аристократъ, гр. Голуховскій³⁾. Хотя пресловутое покровительство почти не проявлялось въ чемъ-либо реальномъ, тѣмъ не менѣе на неизбалованныхъ вниманіемъ и въ душѣ слишкомъ лойяльныхъ «вождей» украинскаго народа въ Галичинѣ благосклонность «самого» правительства произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Имъ льстили знаки вниманія со стороны высокихъ особъ и неограниченное довѣріе, имъ оказываемое, и даже титулъ «тирольцевъ востока» («die Tiroler des Ostens»), «вѣрнѣйшаго народа» («das treueste Volk») они приняли и носили съ гордостью, какъ офиціальное признаніе своей національности и связанныхъ съ такимъ признаніемъ правъ. Какъ дѣти, они радовались весьма въ сущности невиннымъ и, главное, ни къ чему не обязывавшимъ знакамъ вниманія и въ нихъ видѣли признакъ своей силы и значенія. Петръ Головацкій, участвовавшій впо-

¹⁾ Франко—Панщина..., стр. 81—97.

²⁾ Драгомановъ М. П.—Политическія сочиненія, т. I. Москва, 1908, стр. 286. См. также—«Стенографическій отчетъ изъ судебной разправы по дѣлу Ольги Грабаръ и товарищей», Львовъ, 1882, стр. 253—254.

³⁾ Łaziński B.—Agenor hrabia Goluchowski. We Lwowie, 1901, стр. 130.

слѣдствіи въ депутаціи, посланной къ императору для засвидѣтельствованія вѣрноподданныхъ чувствъ украинскаго населенія Галичины, выражаетъ эту радость въ черезчуръ наивныхъ, но тѣмъ болѣе характерныхъ формахъ. «Вездѣ,—пишетъ онъ о приѣмѣ депутаціи въ Кромерижѣ (Кремницѣ),—люди съ уваженіемъ смотрятъ на русинъ, помня объ ихъ національной силѣ и значеніи, хотя не прямо сказывающихся(!), однако несомнѣнно играющихъ роль въ равнодѣйствующей государственнаго строя. Объ этомъ, кромѣ прочаго, свидѣтельствуется освѣдомленность царя и князей о существованіи украинскаго («рускаго») народа и о вещахъ, его касающихся, которыя раньше имъ и во снѣ не снились. Теперь вспоминаетъ великій князь, отецъ императора, съ большимъ чувствомъ о заслугахъ украинскихъ воиновъ, признаетъ, что украинскій народъ является прочной опорой царскаго престола... что русины спасли царя и его семью въ тяжелый моментъ, когда пришлось бѣжать изъ Вѣны (это открыто призналъ предъ депутаціей того народа!), что царь и семья его среди русинъ чувствуютъ себя въ безопасности»¹⁾... Современная пресса и частная переписка дѣятелей того времени полны подобными же выраженіями наивнаго восторга по поводу вниманія сильныхъ міра сего и надеждами использовать это вниманіе для будущаго развитія украинской національности²⁾. Эти повышенныя надежды питались пока исключительно личными отличіями нѣкоторыхъ изъ русинъ и назначеніемъ ихъ на бюрократическія должности (напр. Гр. Шашкевичъ былъ назначенъ совѣтникомъ при министерствѣ, Вислободцкій чиновникомъ комиссіи по составленію законовъ и т. п.), но даже эта бюрократизація для политиковъ того времени представлялась лишь признакомъ ихъ равноправія съ другими народами и потому еще однимъ аргументомъ за союзъ съ правительствомъ, которое «на основѣ... народной рѣвноправности(!) святой храмъ блаженства народовъ строити хоче»³⁾. Раздавались, правда, и голоса скептиковъ, указывавшихъ на опасности и въ крайнемъ случаѣ бесполезность этого союза. Такъ, напр., извѣстный писатель того времени Могильницкій въ одномъ изъ писемъ къ Головацкому бросаетъ очень рѣзкое замѣчаніе, что люди, ведущіе политику, «сами себя и всѣхъ русинъ только уподлили предъ лицомъ нѣмецкихъ бюрократовъ, чтобы послужить имъ за удобное и невольническое

¹⁾ *Студинський проф.*—Кореспонденція Я. Головацького в літах 1835—1849, стр. 337—338.

²⁾ См. напр. «Зоря Галицка» 1849 г., № 5 (о назначеніи Шашкевича), № 81 и т. д., а также книгу проф. Студинскаго, стр. 278, 282, 319, 320, 349, 373, 385 и др.

³⁾ «Зоря Галицка», 1849 г., № 5.

орудіе ихъ эгоистической политики»; и авторъ скорбитъ далѣе о томъ, что на «объявленныя намъ конституціонныя свободы посягаютъ волки и медвѣди, а наши начальники стараются защитить насъ отъ зайцевъ и лисицъ» ¹⁾. Бирецкій въ томъ же 1848 г. жалуется, что прошенія и жалобы, подаваемые въ правительственныя учрежденія на украинскомъ языкѣ, приказываютъ переводить на польскій или нѣмецкій языкъ, «а мы продолжаемъ радоваться обѣщаніямъ, остающимся на бумагѣ» ²⁾. Одинъ изъ братьевъ Головацкаго пишетъ, что обѣщаніямъ правительства онъ не придаетъ никакой цѣны: «я имъ совершенно не довѣряю» ³⁾. Кобринскій въ началѣ 1849 г. сознается: «духъ падаетъ: съ черно-желтымъ цвѣтомъ недалеко зайдемъ» ⁴⁾. Характерно, что эти и подобныя заявленія, возможные въ то время только въ частныхъ письмахъ ⁵⁾, принадлежать почти исключительно людямъ, не игравшимъ въ политической жизни края значительной роли; на официальныхъ руководителей политики «русского народа» они и не оказывали какого-либо замѣтнаго вліянія. Наоборотъ, многимъ, игравшимъ тогда первую скрипку въ общественной жизни, казалось, что «конституціонныхъ свободъ у насъ—дай Богъ перенести—и такъ больше, чѣмъ слѣдуетъ» ⁶⁾, какъ язвительно замѣчаетъ П. Головацкій. Противъ лицъ, официально выступавшихъ отъ имени украинскаго народа въ Галичинѣ, раздаются даже прямыя обвиненія, конечно, опять-таки негласно. Въ цитированномъ уже письмѣ Н. Бирецкій пишетъ, что «крылошане и намѣстники наши (высшее духовенство) столько же заботятся о русской народности, сколько песь о пятой ногѣ: имъ только дай денегъ побольше и почестей, то они и отца родного продадутъ» ⁷⁾. Въ общемъ несомнѣнно правъ былъ Могильницкій, когда сравнивалъ положеніе украинскаго общества при неожиданномъ наступленіи конституціонной жизни съ положеніемъ чловека, «который изъ темной ямы или подвала вдругъ попадаетъ на свѣтъ яркаго солнца: въ самый полдень у него еще долго темные круги ходятъ въ глазахъ, такъ что если бы онъ и рѣшился на какой-либо отважный поступокъ, то окончилось бы это лишь

¹⁾ *Студинскій проф.*—Корреспонденція Я. Головацкого в лѣтахъ 1835—1849, стр. 263, 264.

²⁾ Тамъ же, стр. 284.

³⁾ Тамъ же, стр. 336.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 344.

⁵⁾ Въ «Зорѣ Галицкой» находимъ единственное упоминаніе объ оппозиціонныхъ настроеніяхъ среди украинцевъ, но и то въ замаскированной формѣ опроверженія слуховъ объ арестѣ и высылкѣ Борискевича (товарища предсѣдателя «Головной Рады русской») за публичную критику октроированной конституціи,—см. «Зоря Галицка», 1849 г., № 23.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 381.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 284.

тѣмъ, что лбомъ на косякъ нарѣзался бы. Такъ и мы въ замѣшательствѣ не знаемъ въ сущности, за что взяться» ¹⁾).

«Не знаемъ, за что взяться»—таково признаніе одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ современниковъ, съ тревогой и опасеніемъ взирающаго на неизвѣстное будущее. Трудно изобразить болѣе ярко ту растерянность, беспомощность и неподготовленность къ конституціонной жизни, которыя толкнули украинцевъ, современниковъ и участниковъ великой «весны народовъ», въ объятія австрійскаго правительства. Нужно думать, что эта растерянность скоро прошла бы, и дѣлатели политики встрѣтили бы оппозицію въ своей собственной средѣ, доказательствомъ чему служатъ вышеприведенные голоса скептиковъ, подозрительно относившихся къ завязавшемуся союзу. Но отрезвленію украинскаго общества препятствовали національныя отношенія въ Галичинѣ, сложившіяся за долго до 1848 г. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что на союзъ съ правительствомъ понуждали украинцевъ и поляки своимъ безтактнымъ поведеніемъ въ разрѣшеніи національной проблемы въ Галичинѣ.

Уже изъ предыдущихъ очерковъ ясно, что возрожденіе галицкихъ украинцевъ коренилось въ естественныхъ основаніяхъ народнаго бытія и проявило себя съ исторической необходимостью, какъ эпизодъ изъ всеобщаго возрожденія славянскихъ народовъ подъ вліяніемъ новыхъ демократическихъ вѣяній, расчищавшихъ дорогу къ аренѣ публичной жизни народнымъ массамъ, демосу. Заглушенное совмѣстными усиліями правительства, польской шляхты и собственнаго высшаго духовенства на время реакціи, это движеніе должно было съ гибкостью пружины развернуться, какъ только ослабѣло внѣшнее давленіе. Въ 1848 г. это и произошло, и слѣдовало ожидать, что національное движеніе украинцевъ, къ которому велъ естественный ходъ жизни, неминуемо проявитъ себя какими-либо крупными оказательствами. Какъ же отнеслись къ этому естественному явленію поляки?

Мы уже знаемъ, что даже демократическіе элементы польскаго общества ставили въ то время, какъ очередную задачу, восстановленіе независимой Польши въ «старыхъ границахъ», т.-е. въ предѣлахъ до 1772 г.; ради этой задачи они шли на неисчислимые жертвы, ставили на карту жизнь и благосостояніе, проливали кровь и упорно боролись за свой идеалъ національной жизни. Грандіозность поставленной задачи затмевала предъ ихъ глазами реальные интересы народа, правильнѣе—народовъ, входившихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 264.

въ составъ бывшей Польши. Украинскаго народа они въ сущности не замѣчали, считая его лишь провинціальнымъ отдѣлкомъ («powiatowszczyzna») единого польскаго народа. Крикъ возмущенія пронесся по рядамъ польской демократіи, когда она вдругъ воочію встрѣтилась съ попыткой національнаго возрожденія украинцевъ. Последнее казалось имъ не только ненужнымъ, но и вреднымъ дѣломъ, покушеніемъ на цѣлостность Польши, вносящимъ разладъ въ единую польскую націю, раздваивающимъ ее и ослабляющимъ ея силы въ предстоящей грандіозной борьбѣ за восстановленіе польскаго государства. И первыя же попытки украинцевъ заявить о своихъ національныхъ правахъ натолкнулись на рѣшительное противодѣйствіе поляковъ. Объ отрицательномъ отношеніи ихъ къ національно-культурнымъ начинаніямъ Пашкевича и товарищей мы уже знаемъ. Но во сколько разъ эта враждебность должна была усилиться, когда украинцы выступили съ политически-національными требованіями, а это именно и произошло въ 1848 г. Въ адресѣ, представленномъ правительству еще въ мартѣ 1848 г. съ требованіями объ удовлетвореніи нуждъ края, объ украинцахъ не было произнесено ни слова, и это умолчаніе было вполнѣ сознательнымъ. Мало того, когда во львовской духовной семинаріи при собираніи подписей подъ польскимъ адресомъ было внесено предложеніе помѣстить въ адресѣ и требованіе гарантій для развитія украинской народности и языка, то это было встрѣчено въ польскомъ обществѣ крайне враждебно. Одинъ изъ вождей польскаго движенія, извѣстный историкъ Августъ Бѣлевскій прямо заявилъ, что «признать русинъ отдѣльной національностью—значить, приставить бритву къ польскому горлу»¹⁾. Когда между украинцами возникла мысль о созданіи собственной національной организаціи («Рада»), то на организаціонное собраніе явилось также много поляковъ, убѣждавшихъ русинъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ началѣ засѣданія поднялся шумъ и крики съ польской стороны: «Не нужны двѣ «Рады» во Львовѣ: одинъ край и одинъ народъ—русины составляютъ часть польскаго народа, ихъ языкъ лишь нарѣчіе польскаго»²⁾. Въ польской прессѣ и на собраніяхъ, въ памфлетахъ и брошюрахъ посыпались на «сепаратистовъ» всевозможныя обвиненія, вплоть до подозрѣній въ подкупѣ «московскими рублями» и подстрекательствъ народа противъ поляковъ; ихъ предсѣдовали насмѣшливыми кличками, въ родѣ

¹⁾ Ф. И. С.—Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи, ч. I. Львовъ, 1896, стр. 260.

²⁾ Заклинскій А.—Записки. Львовъ, 1890 г., стр. 38.

«шварцгельберы», «святоюрцы»¹⁾ и т. п. Лишь небольшой кружокъ лицъ, группировавшихся вокругъ «Gazety Powszechnej», высказывалъ болѣе трезвые взгляды на украинскій вопросъ, но эти отдѣльные голоса тонули въ согласномъ хорѣ противниковъ. Междоусобная борьба начата была польскимъ обществомъ на фронтѣ, угрожаемомъ общимъ врагомъ въ лицѣ централистическаго правительства, и это обстоятельство несомнѣнно оказало огромное вліяніе на украинское общество, заставило его искать союзника въ лицѣ того же правительства. Это было тѣмъ естественнѣе, что и правительство—на время, конечно—перемѣнило фронтъ по отношенію къ украинцамъ, такъ какъ чувствовало всю опасность своего положенія въ Галичинѣ. Для него легче было сдать нѣкоторыя позиціи, и такъ въ сущности безвозвратно уже утерянныя въ смыслѣ германизации, но зато создать сильному противнику врага здѣсь же на мѣстѣ. Украинцамъ, не подготовленнымъ къ политической жизни, не обладавшимъ сильными въ социальномъ смыслѣ классами и притомъ состоявшимъ изъ лойяльнаго крестьянства и столь же лойяльнаго духовенства, также естественно было въ правительствѣ искать опоры противъ надвигавшагося врага, посягавшаго на самое существованіе ихъ, какъ отдѣльной націи. Опора была найдена. Казалось она тѣмъ надежнѣе, что была представлена «либеральнымъ» правительствомъ, «даровавшимъ» всевозможныя свободы и гарантировавшимъ ихъ неприкосновенность торжественно объявленной конституціей. Произошелъ взаимный обмѣнъ услугъ. Съ одной стороны, Стадіонъ «выдумалъ» русинъ, признавъ, наконецъ, за ними то право, въ которомъ имъ всегда отказывали. Съ другой, благодарные за это открытіе русины заплатили безграничной преданностью и приверженностью. Союзъ былъ заключенъ, но такъ какъ въ основаніи его лежали все-таки недоразумѣніе и расчетъ, то оказался онъ весьма шаткимъ, кратковременнымъ и непрочнымъ, хотя обѣ стороны еще нѣкоторое время продолжали дѣлать видъ, что сохраняютъ его въ полной силѣ и не думаютъ о разрывѣ.

Таковы были тѣ условія, при которыхъ состоялось довольно шумное выступленіе украинцевъ на политическую авансцену «Ракузской» монархіи. Остается намъ еще разсмотрѣть объемъ пріобрѣтеній, принесенныхъ нашимъ закордоннымъ землякамъ «весной народовъ», и выяснить, насколько значителенъ былъ

¹⁾ «Шварцгельберъ»—черножелтый, отъ австрійскихъ національных цвѣтовъ, чернаго и желтаго. «Святоюрцы»—клерикалы, отъ собора св. Юрія, резиденціи уніатскаго митрополита.

тотъ активъ, который впервые улыбнулся непризнаваемой до тѣхъ поръ «націи хлоповъ и поповъ».

Первое политическое выступленіе галицкихъ украинцевъ состоялось 19 апрѣля въ видѣ упоминавшейся уже депутаціи къ гр. Стадіону съ крылошаниномъ Куземскимъ во главѣ. Депутатія, кромѣ извѣстнаго уже намъ заявленія о своей національности, представила черезъ губернатора правительству петицію, состоящую изъ ряда положеній касательно національныхъ нуждъ украинскаго народа въ Австріи. Положенія сводились къ тому, чтобы языкъ украинскаго населенія былъ введенъ въ школы, начиная съ народныхъ и оканчивая университетомъ, чтобы на томъ же языкѣ опубликовывались всѣ правительственные акты и распоряженія, касающіеся мѣстной жизни, и чтобы чиновники употребляли украинскій языкъ въ сношеніяхъ съ народомъ, чтобы было обращено особенное вниманіе на національное воспитаніе духовенства, чтобы униатское духовенство было уравнено въ правахъ съ католическимъ и чтобы украинцы были сравнены въ гражданскихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ и имѣли право занимать всѣ должности. Эти болѣе чѣмъ скромныя пожеланія заканчивались выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы поставляемся въ дѣтское отношеніе, и молимъ ваше величество, яко отца нашего отечества, прилежнѣйше, сія къ благоденствію вашихъ вѣрнѣйшихъ дѣтей съ духомъ часа нашедшія конечныя требованія всемилостиво исполнити» ¹⁾. Первый дебютъ украинцевъ едва ли можно считать удачнымъ. Собственно въ приведенныхъ положеніяхъ довольно подробно разработанъ лишь вопросъ о языкѣ, но, какъ показываетъ приведенная заключительная фраза адреса, депутація даже въ этомъ вопросѣ практически хромала, повидимому не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, какой именно языкъ она считаетъ народнымъ. Остальныя пожеланія или проникнуты чисто сословнымъ духомъ (права духовенства) или представляютъ общую фразу, на которую легко было отвѣтить своего рода канцелярской отпиской. Отчасти, какъ увидимъ ниже, правительство и такъ поступило, сославшись на общія конституціонныя начала о полномъ уравнианіи всѣхъ гражданъ, сословій и національностей, и удовлетворивъ конкретныя требованія относительно языка преподаванія лишь въ части, касающейся народной школы.

Какъ бы то ни было, но если принять во вниманіе предшествующія условія, то и эти проблематическія пріобрѣтенія казались

¹⁾ «Зоря Галицка», 1848 г., № 2. Ср.—Русины въ 1848 г.,—«Основа», 1862 г., кн. IV, стр. 10.

политикамъ того времени крупнымъ успѣхомъ и несомнѣннымъ шагомъ впередъ, хотя бы въ смыслѣ принципіального признанія украинской или, по современной терминологіи, «руской» національности въ Австріи. Въ дальнѣйшемъ предстояло использовать это признаніе путемъ созданія, прежде всего, извѣстнаго національнаго представительства. 2 мая собралось около 300 украинцевъ въ помѣщеніи консисторіи и при протестующихъ возгласахъ присутствовавшихъ здѣсь же поляковъ рѣшено основать «Головну Раду руску»—политическую организацію, которая вела бы національную политику украинцевъ, направляя ее, выступая отъ имени націи и организовывая національныя силы. Предсѣдателемъ этого перваго собранія былъ избранъ упоминавшійся уже Куземскій, а руководителемъ «Головной Рады русской» епископъ Яхимовичъ ¹⁾. 10 мая новообразованная организація обратилась къ украинскому населенію съ манифестомъ, въ которомъ опредѣляла свое положеніе и задачи. «Мы, русины галицкіе,—писала «Головна Рада руска» въ своемъ манифестѣ,—принадлежимъ къ великому народу украинскому («належимо до великого руского народу»), говорящему однимъ языкомъ и насчитывающему 15 милліоновъ, изъ которыхъ 2¹/₂ милліона обитаетъ въ Галицкой землѣ. Этотъ народъ былъ нѣкогда независимъ, не уступалъ въ славѣ самымъ богатымъ народамъ Европы, имѣлъ свою письменность, свои учрежденія, своихъ князей,—однимъ словомъ, благоденствовалъ среди богатства и могущества». Упомянувъ затѣмъ объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ упадку народной жизни, и о надеждахъ на будущее, которыя даетъ всѣмъ народамъ новый конституціонный строй, манифестъ продолжаетъ: «Неужели, братья, мы, сыны столь великой украинской семьи, одни только останемся въ этомъ ужасномъ омертвѣніи?.. Нѣтъ! Проснулся уже и нашъ «левъ рускій» и предвѣщаетъ намъ лучшую будущность... Встаньте же, братья, пробудитесь отъ долгаго сна,—пора настала! Встаньте, но не для раздоровъ и распри, а въ единодушій и согласіи двинемся, чтобы возродить нашу народность и обезпечить данныя намъ свободы. Воспользуемся благопріятнымъ случаемъ, чтобы не покрыть себя позоромъ передъ всѣмъ міромъ и не заслужить укоризны отъ грядущихъ поколѣній. Въ любви и согласіи будемъ жить съ другими народами. Будемъ тѣмъ, чѣмъ можемъ и должны быть. Будемте народомъ (*«Будьмо народомъ!»*).

Такова была декларативная сторона этого историческаго документа, прозвучавшаго настоящимъ призывомъ къ воскресенію.

¹⁾ *Огоновський проф.*—Исторія литературы русской, ч. II, в. 1, стр. 18—19.

Что касается практическихъ требованій, то они формулированы въ видѣ слѣдующихъ положеній, представляющихъ первую въ Галичинѣ національно-политическую программу: «а) первой задачей нашей будетъ—охранять вѣру и уравнивать исповѣданіе наше и права церкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ исповѣданій; б) всесторонне развивать и поднимать нашу народность: разработкой нашего языка, введеніемъ его въ школы какъ низшія, такъ и высшія, изданіемъ періодическихъ органовъ, сношеніями съ нашими и иныхъ славянскихъ народовъ писателями, распространеніемъ хорошихъ и полезныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ, возможными усиліями ввести и поставить наравнѣ съ другими языками нашъ языкъ въ общественныхъ учрежденіяхъ и т. д.; в) будемъ заботиться о нашихъ гражданскихъ правахъ, изучать нужды нашего народа и стремиться къ улучшенію нашей жизни конституціоннымъ путемъ, а наши права неусыпно и крѣпко охранять отъ всякихъ нападений и покушеній»¹⁾.

Какъ видимъ, манифестъ «Головной Рады русской» представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ упомянутымъ выше первымъ адресомъ къ правительству, особенно въ своей декларативной части. Несмотря на крайне односторонній составъ, «Головна Рада» сумѣла найти и приличный обстоятельствамъ языкъ, и достаточно такта, чтобы правильно намѣтить какъ исходный пунктъ, такъ и конечную цѣль движенія, избѣгая въ то же время обострять отношенія съ поляками и даже призывая къ согласію съ ними. Съ этой стороны занимающій насъ документъ стоитъ неизмѣримо выше аналогичныхъ польскихъ заявленій того времени, какъ, впрочемъ, и послѣдующихъ выступленій самой «Головной Рады». Точно такъ же крайне удачно выбранъ лозунгъ—«будьмо народомъ», такъ какъ помимо своей моральной цѣнности, какъ свидѣтельство о стремленіи къ возрожденію, онъ давалъ возможность дѣлового объединенія различныхъ элементовъ народа на почвѣ практической работы. Значительно ниже декларативной стоитъ программная часть манифеста, въ которой первенствующее мѣсто занимаютъ чисто конфессіональныя и сословныя требованія духовенства, при чемъ ни однимъ словомъ не упомянуты экономическія нужды народа, въ частности аграрный вопросъ. Это было Ахиллесовой пятой «Головной Рады» и не замедлило сказаться въ ея дальнѣйшей дѣятельности. Но пока несомнѣнной заслугой авторовъ манифеста было уже категорическое и открытое заявленіе о своей принадлежности къ

¹⁾ «Зоря Галицка», 1848 г., № 1. Манифестъ цѣликомъ перепечатанъ недавно г. Франкомъ въ статьѣ «Свято третього мая»,—см. «Рада», 1914 г., № 107.

украинскому народу, которое ставило національную проблему въ Галичинѣ на болѣе широкомъ основаніи и побуждало къ опредѣленнымъ выводамъ.

Изложенную сейчасъ программу дѣятельности на почвѣ общихъ конституціонныхъ учрежденій новаго строя «Головна Рада» старалась, хотя и не всегда послѣдовательно, проводить въ жизнь за все время своего существованія вплоть до 1851 г., когда она должна была покончить самоубійствомъ вслѣдствіе полной побѣды реакціи и запрещенія касаться политическихъ вопросовъ, въ особенности злободневнаго характера. Вслѣдствіе того, что «Головна Рада» являлась своего рода официальнымъ представительствомъ украинцевъ въ Австріи, включая и Буковину съ Угорщиной, дѣятельность ея приобрѣла, если хотите, универсальный характеръ, касаясь не только политической, но и культурно-національной, научной, религіозной и другихъ сторонъ жизни. Развернуть эту дѣятельность помогли ей ея провинціальныя отдѣленія, такъ называемыя «окружныя рады», которыя вскорѣ образовались во всѣхъ почти городахъ восточной Галичины и поддерживали связь съ центральной организаціей во Львовѣ ¹⁾. Органомъ «Головной Рады» была газета—«Зоря Галицка», первое не только въ Галичинѣ, но и вообще періодическое изданіе на украинскомъ языкѣ, которая начала выходить подъ редакціей Павенцкаго съ 15 мая 1848 г., какъ «Письмо современное для справъ народныхъ, политическихъ и церковныхъ, словесности и господарства сельскаго галицко-угорско-и-буковинско-русского народа». Отмѣчу мимоходомъ, что еще въ 1846 г. явилась было мысль объ изданіи органа на украинскомъ языкѣ ²⁾ накануне революціи, а именно 7 марта 1848 г. Ставропигійскій Институтъ, единственное въ дореволюціонный періодъ общество въ Галичинѣ съ національнымъ украинскимъ оттѣнкомъ, получилъ разрѣшеніе издавать журналъ «Пчола Галицка», да и то программа его была ограничена исключительно литературными, историческими и сельско-хозяйственными вопросами съ воспрещеніемъ касаться политики. Разрѣшеніе это запоздало, такъ какъ событія принесли вскорѣ уничтоженіе цензуры и свободу печати—и вмѣсто литературной «Пчолы» начала выходить политическая «Зоря Галицка» ³⁾. Послѣдняя выходила сначала разъ, а затѣмъ два раза

¹⁾ Къ концу года «окружныя рады» существовали уже въ Бережанахъ, Станиславовѣ, Жовквѣ, Стрыѣ, Коломыѣ, Тарнополѣ, Перемышлѣ, Городкѣ, Дрогобычѣ, Бучачѣ, и др. городахъ. См. «Зоря Галицка», 1849 г. № 6.

²⁾ «Молодая Русь»,—«Зоря Галицка», 1850 г., № 88.

³⁾ «Зоря Галицка», 1850 г., № 64. Интересныя подробности о возникновеніи украинской прессы въ Галичинѣ и литературныхъ планахъ того времени см. у М. Возняка—З зарання української преси в Галичині, «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 111.

въ недѣлю листами небольшого формата, печаталась славянскимъ шрифтомъ («кириллицей») и имѣла девизъ: «Русине! познай себе, буде зъ тебе». Наполнялся этотъ органъ статьями и извѣстіями политическаго характера, популярнымъ изложеніемъ основъ конституціоннаго строя, публицистикой и стихотвореніями на злобы дня, при чемъ особенное вниманіе удѣлялось вопросамъ языка, который предстояло впервые примѣнять въ политической публицистикѣ.

«Головна Рада руска» уже первыми своими заявленіями возбудила извѣстное недовольство не только среди поляковъ, но и среди горсти интеллигентныхъ украинцевъ, не принадлежавшихъ къ духовному сословію и не безъ основанія боявшихся слишкомъ рѣзкаго клерикализма руководителей «Головной Рады». Въ качествѣ конкурентнаго органа 23 мая появляется, при содѣйствіи поляковъ и потому съ сильной полонофильской окраской, новая политическая организація—«Рускій Собѣръ» (чит. собірсобраніе), выступившая вскорѣ съ собственнымъ манифестомъ, который въ сущности мало чѣмъ отличался отъ манифеста «Головной Рады», уступая послѣднему только въ общемъ тонѣ и сильнѣе подчеркивая «согласіе и единство съ народомъ нашего общаго отечества», т.-е. съ поляками ¹⁾. Органомъ «Руского Собора» была газета «Дневникъ Рускій», выходившая подъ редакціей стараго члена «русской тройцы», Вагилевича. Впрочемъ, новая организація оказалась совершенно непопулярной въ Галичинѣ и вскорѣ исчезла, а ея органъ не спасло даже популярное имя товарища М. Шашкевича: газета выходила всего около двухъ мѣсяцевъ и прекратилась на 9-мъ номерѣ. «Головна Рада руска» и «Зоря Галицка» остались безъ соперниковъ и первая успѣла развить на первыхъ порахъ довольно интенсивную политическую и культурную дѣятельность. Изъ политическихъ ея дѣйствій на первомъ мѣстѣ необходимо поставить—участіе въ выборахъ въ первый общеимперскій парламентъ и работа въ немъ, агитація по вопросу о раздѣленіи Галичины по національному принципу на двѣ автономныя области, участіе въ первомъ славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ, учрежденіе національной гвардіи и батальона горныхъ стрѣлковъ для защиты Галичины отъ венгерскихъ повстанцевъ, сношенія съ Угорщиной, затѣмъ всевозможныя ходатайства, петиціи, депутаціи и т. п.

Первые выборы въ парламентъ происходили въ Галичинѣ подъ знакомъ національной борьбы украинцевъ съ поляками, при чемъ

¹⁾ Огоновскій проф.—Исторія лит. русской, ч. II, в. 1, стр. 24.

первые шли обѣ руку съ правительствомъ ¹⁾. Конечно, въ неразсѣявшейся еще атмосферѣ недавняго безправія, крѣпостного произвола и всеобщій неподготовленности не могло быть и рѣчи о правильной избирательной кампаніи и планомѣрной борьбѣ. Избраніе того или иного кандидата часто обусловливалось чистѣйшими случайностями. Но все-таки участіе массового избирателя смѣшалось всѣ шашки профессиональных политиковъ, такъ какъ со стороны народныхъ массъ была замѣтна тенденція избирать депутатовъ преимущественно изъ своей среды, т.-е., крестьянъ или лицъ, ведущихъ крестьянскій образъ жизни. На 63 депутата, избранныхъ въ восточной Галичинѣ, русинъ было 27 (изъ нихъ два полонофила), остальные поляки (изъ нихъ 5 украинофиловъ),— слѣдовательно около половины галицкихъ депутатовъ могли поддерживать въ парламентѣ украинскія требованія. Интересенъ составъ избранныхъ по сословіямъ. На 27 депутатовъ приходилось 15 «господарівъ» (крестьянъ), 9 духовныхъ, 2 чиновника и 1 помѣщикъ ²⁾. Еще рѣзче отмѣченная тенденція проявилась на Буковинѣ, гдѣ изъ 8 избранныхъ было 7 «господарівъ» ³⁾. «Оказывается,—писала «Зоря Галицка», напечатать списокъ избранныхъ,—что въ то время, какъ другіе народы избирали наиболѣе интеллигентныхъ изъ своей среды, нашъ украинскій народъ не особенно поддерживалъ на выборахъ интеллигентныхъ украинцевъ и своихъ народныхъ священниковъ, которые столько должны вытерпѣть и испытываютъ столько непріятностей, заботясь о дѣлахъ своего украинскаго народа. Вѣдь больше избрано даже поляковъ (чѣмъ священниковъ). Ибо люди своимъ священникамъ не довѣряли, не подчинялись ихъ указаніямъ и даже сердились на нихъ, не участвовали въ выборахъ или же не соглашались на избраніе назначеннаго кандидата! Конечно, крестьяне при этомъ руководствовались добрыми намѣреніями, но зато мало имѣемъ искреннихъ и интеллигентныхъ украинцевъ въ парламентѣ. Дай Боже,—заканчиваетъ газета,—кто дождется, въ будущемъ хорошихъ украинскихъ избранниковъ» ⁴⁾. Въ этомъ сдержанномъ осужденіи уже кроется недовольство крестьянской тактикой и растерянность предъ неожиданными результатами избирательной кампаніи, во время которой «окружными радами» велась агит-

¹⁾ *Кривецький Ів.*—З виборчого руху в 1848 р. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 70, стр. 74—75.

²⁾ «Зоря Галицка», 1849 г., №-ра 2 и 3. Ср. цитированную сейчасъ работу *Ів. Кривецького*, въ которой, на стр. 75, даны приблизительно тѣ же цифры.

³⁾ *Франко Ів.*—Лукян Кобиляця. Епізод із історії Гуцульщини. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 49, стр. 15. Ср. *Смаль-Стоцький проф.*—Буковинська Русь. Чернівці, 1897, стр. 168.

⁴⁾ «Зоря Галицка», 1849 г., № 3.

тація главнымъ образомъ за интеллигентовъ ¹⁾. Въ частныхъ документахъ, не предназначенныхъ къ печати, недовольство переходило часто въ возмущеніе, плохо понятное въ людяхъ съ демократическими лозунгами на устахъ. «Одно наше горе,—пишетъ депутатъ-священникъ своему пріятелю,—что мало здѣсь нашей интеллигенціи—почти исключительно мужичье («сама мужичня»)» ²⁾. «Выслала тогда Галичина 36 глупыхъ мужиковъ»,—по-польски записываетъ въ своемъ дневникѣ выставившій свою кандидатуру и побѣжденный крестьяниномъ ³⁾ священникъ-патріотъ и, переходя на непривычную «руску мову», осыпаетъ своихъ пасомыхъ весьма недвусмысленными эпитетами: «такой мудъ мудѣомъ (!)—Хамъ хамомъ, тяжко зъ Гадюги (sic) зробити чело-вѣка, такой Русинъ свенею (sic!)», ибо онъ «есть ултра Демократъ и здае ся бути напоіеній засадами Соцѣалѣзму и Комунѣзму» ⁴⁾. Уже это обстоятельство разрушало въ сущности официальную идиллію духовенства о гармоніи интересовъ и о томъ національномъ единеніи, о которомъ говорила безъ устали «Головна Рада» и ея органы. Но еще болѣе сказалось такое положеніе въ парламентской дѣятельности украинской группы въ первомъ австрійскомъ представительствѣ. Поставленный среди продолжающихся внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій и ожесточенной борьбы, принужденный спастись отъ народа изъ Вѣны въ Кромержжъ, раздираемый внутри противоположными тяготѣніями, парламентъ вообще не имѣлъ подходящихъ условій для плодотворной дѣятельности, и потому работоспособность его была весьма незначительна. Но вожди украинской группы на первое время оказались въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, обеспечивавшихъ имъ если не парламентскую дѣятельность, то возможность пріобрѣсти и закрѣпить вліяніе въ странѣ. Несмотря на нѣкоторое, вполне понятное при данныхъ условіяхъ, недовѣріе народа къ своей интеллигенции, крестьянскіе депутаты въ Вѣнѣ держались именно за нее, и при томъ не только крестьяне-украинцы, но и поляки(мазуры). «Наши русины,—сообщаетъ Головацкому одинъ изъ священниковъ-депутатовъ о партійной группировкѣ въ парламентѣ,—раздѣлились, ибо одинъ священникъ и одинъ шляхтичъ идутъ съ поляками. Точно такъ же раздѣлились и поляки: шляхта отдѣльно и мазуры отдѣльно. Всѣ русины-крестьяне, а также всѣ

¹⁾ См. напр. Л. Трещакоський — Петро і Павло, розмова в лісі. «Зоря Галицка», 1849 г., №-ра 1, 5 и 6.

²⁾ Студинський проф.—Кореспонденція Я. Головацького в літах 1835—1849 г., стр. 269.

³⁾ Кревецький Ів.—З виборчого руху в 1848 р. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 70, стр. 79.

⁴⁾ Крушельницький А.—З дневника гр.-к. пароха 1848—1850 рр. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 52, стр. 6, 19 и др.

мазуры держатся съ нами»¹⁾. И это вполне понятно, ибо если существовало у крестьянъ недовѣріе по отношенію къ своему духовенству, то еще большее недовѣріе, прямо-таки вражда, было къ польской шляхтѣ, еще недавно пользовавшейся даровымъ крестьянскимъ трудомъ и теперь за отмѣну его требовавшей громаднѣйшаго выкупа. Какъ же использовали свое выгодное положеніе эти вожди? Они не только не сумѣли оцѣнить его, но совершенно испортили своимъ двусмысленнымъ, боязливымъ, вялымъ поведеніемъ, уклонившись отъ голосованія въ наиболѣе существенномъ для народа аграрномъ вопросѣ²⁾. Единственное сильное, рѣзкое и мужественное слово, которое было произнесено въ продолженіе мѣсяца аграрныхъ дебатовъ въ парламентѣ, раздалось изъ устъ «мудя»—крестьянина-украинца Капустяка³⁾. Въ наиболѣе важномъ дѣлѣ крестьяне были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ и, конечно, проиграли, расплачиваясь до послѣдняго времени непосильными выкупными платежами, проигрывшемъ сервитутныхъ процессовъ (за «ліси і пасовиська») и полнымъ экономическимъ оскудѣніемъ за недалководность своихъ «руководителей» въ 1848 г. И въ остальныхъ политическихъ вопросахъ дня послѣдніе не могли отважиться на свою собственную поли-

¹⁾ *Студинскій проф.*—Кореспонденція..., стр. 272.

²⁾ *Терлецький О.*—Галицько-руське письменство 1848—1865 р. «Л.-Н. Вістникъ», 1903 г., кн. VI, стр. 165.

³⁾ «Я обращаюсь,—закончилъ Капустякъ свою страстную, полную негодованія рѣчь о претензіяхъ помѣщиковъ,—къ высокому парламенту и спрашиваю, за что мы должны платить помѣщикамъ? Вѣдь «даръ» ихъ пришелъ слишкомъ поздно... Здѣсь, среди насъ, имѣется сотня свидѣтелей того, что насъ считали не людьми, не подчиненными, не крестьянами Галичины и Силезіи, а закрѣпощенными машинами, рабами, самой низкой породой существъ. За 300 шаговъ отъ помѣщичьяго дворца мы должны были снимать шапки, и если бѣдный мужикъ имѣлъ нужду къ помѣщику, онъ долженъ былъ предварительно дать взятку приближенному еврею, такъ какъ послѣдній имѣлъ доступъ къ помѣщику, а крестьянинъ его не имѣлъ. Если бѣдный мужикъ хотѣлъ взойти на ступеньки помѣщичьяго дома, ему говорили: «останься во дворѣ, ибо осквернишь собой дворецъ: отъ мужика воняетъ, и помѣщикъ не можетъ выносить твоего запаха въ своихъ апартаментахъ»... И за такое издѣвательство мы должны еще платить выкупъ? Я полагаю—нѣтъ! Плети и нагайки, которыя обвивались вокругъ нашихъ головъ и нашего измученнаго тѣла—пусть онѣ послужатъ вознагражденіемъ помѣщикамъ». «Ни одна рѣчь,—свидѣтельствуешь современникъ,—въ теченіе продолжительныхъ преній надъ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и по вопросу о выкупныхъ платежахъ, не произвела такого могучаго впечатлѣнія, какъ эти слова простого галицкаго крестьянина. Отъ перваго и до послѣдняго слова здѣсь не было ни одной лишней фразы, а только правда и мужественный гнѣвъ; возмущеніе и ненависть миллионовъ прорывались въ каждомъ словѣ». *Франко—Панщина і ІІ скасуванне*, стр. 93—95; *Ефремовъ С.*—Изъ исторіи крестьянскаго представительства, «Русское Богатство», 1905 г., кн. VII, стр. 180—182.

Отмѣчу кстати, что крестьяне вообще очень интересовались ходомъ дѣлъ въ парламентѣ. Въ современныхъ документахъ встрѣчаются просьбы съ мѣстъ къ «депутованымъ» сообщать—«що ся тамъ ве Вѣдню (въ Вѣнѣ) дѣе, бо та рѣчь найпотребнѣйша намъ Русинамъ знати». См. «Жите і Слово», 1897 г., кн. V—VI, стр. 423—424.

тику, каждый разъ слишкомъ прислушиваясь къ голосу правительственныхъ круговъ и сообразуясь съ ихъ видами и желаніями. Въмѣсто того, чтобы прямо и рѣзко ставить волнующіе вопросы на конституціонной почвѣ и съ парламентской трибуны, они прибѣгали къ адресамъ и петиціямъ, которыя принимались съ неизмѣнной благосклонностью къ «тирольцамъ востока», но неизмѣнно же оставались безъ всякаго движенія. Наиболѣе, быть можетъ, ярко сказалось это странное взаимоотношеніе въ чрезвычайно важномъ для національныхъ отношеній Галичины вопросѣ о раздѣлѣ края на двѣ автономныя провинціи,—вопросѣ, относительно котораго «Головна Рада руска» развила огромную энергію, но въ концѣ-концовъ безуспѣшно.

Вопросъ о раздѣлѣ Галичины на части украинскую и польскую возникъ еще въ 1846 г., послѣ аннексіи Краковской республики, вылившись въ проектъ учрежденія двухъ губернскихъ управленій—во Львовѣ и Краковѣ ¹⁾. Со стороны украинцевъ впервые вопросъ былъ поднятъ на извѣстномъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ маѣ 1848 г. и съ этого времени уже не сходилъ съ горизонта политической мысли до того момента, когда его разрубила рука усилившейся бюрократіи совершенно неожиданнымъ способомъ. Уже въ іюнѣ 1848 г. въ инструкціяхъ «Головной Рады» ея провинціальнымъ отдѣленіемъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли отдѣлить «країну руску од мазовецької»? Учитывая общее настроеніе, 9 іюня «Головна Рада» посылаетъ въ Вѣну петицію, въ которой проситъ о раздѣлѣ, мотивируя его «своеобразностью украинскаго народа, выражающейся въ письменности, языкѣ и литературѣ, вѣроисповѣданіи и обычаяхъ, народномъ духѣ, привязанности къ возлюбленному цесарскому дому и специальныхъ нуждахъ народа» ²⁾. Съ подобными же петиціями, болѣе подробно мотивированными и при посредствѣ депутацій, обращается «Головна Рада» еще нѣсколько разъ, настойчиво обращая вниманіе правительства на ненормальное положеніе Галичины, представляющей механическое соединеніе двухъ народовъ, въ которомъ всѣ невыгоды достаются на долю слабѣйшаго. «Раздѣлъ Галичины является для украинцевъ вопросомъ жизни,—заявляла «Головна Рада» въ меморіалѣ, поданномъ 28 октября 1848 г.,—ибо только такимъ образомъ можно разъ навсегда положить конецъ польскимъ претензіямъ въ украинскомъ краѣ и отнять у нихъ всякую надежду на возстановленіе старой польской государственности

¹⁾ *Кревецкій Ів.*—Справа поділу Галичини в рр. 1846—1848. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 93, стр. 59—62. См. также—«Л.-Н. Вістникъ», 1910 г., кн. X и XI.

²⁾ Тамъ же, «Записки Н. Т-ва ім. Ш.», т. 93, стр. 68, т. 97, стр. 107.

при помощи украинцевъ. Только такимъ образомъ можно избавить край отъ царящаго въ немъ терроризма и сдѣлать для украинцевъ возможнымъ свободное развитіе ихъ національности¹⁾. Не ограничиваясь подачей петицій, «Головна Рада» развила также энергическую агитацію въ странѣ, гдѣ требованіе раздѣла оказалось настолько популярнымъ, что уже въ началѣ 1849 г. было собрано за него свыше 200000 подписей²⁾. Не остались безучастны къ этому вопросу и поляки, выступившіе съ возраженіями и контръ-петиціями, представлявшими Галичину какъ одинъ край, населенный однимъ народомъ, который не желаетъ раздѣленія. Страсти разгорѣлись до того, что сторонникамъ раздѣла враги приписывали тайныя мысли о возстановленіи крѣпостныхъ порядковъ, повышеніи податей или даже присоединеніи Галичины къ Германіи или Россіи, и этими темными слухами смущали и тревожили крестьянъ³⁾. Вопросъ перенесенъ былъ въ парламентъ, при чемъ обѣ стороны агитировали здѣсь посредствомъ записокъ, брошюръ и другихъ документовъ⁴⁾. Всѣ галицкіе украинцы въ парламентѣ высказывались за раздѣлъ Галичины и къ нимъ присоединились крестьяне-буковинцы, требуя сохраненія связи съ Галичиной, съ которой Буковина до того времени составляла одно цѣлое⁵⁾. Одно время вопросъ, повидимому, былъ близокъ къ положительному рѣшенію, но съ усиленіемъ реакціи, вліяніе пріобрѣтала польская знать, уже успѣвшая примириться съ бюрократіей, и въ 1850 г. совѣтъ министровъ высказался противъ раздѣла Галичины на двѣ автономныя провинціи, согласившись

¹⁾ Тамъ же, стр. 114.

²⁾ «Зоря Галицка», 1849, №-ра 8 и 15. Насколько собраніе подписей было въ то время труднымъ дѣломъ, видно изъ того, что многіе крестьяне отказывали въ подписяхъ, опасаясь, что это приведетъ къ возстановленію крѣпостной зависимости, или къ какой-то «измѣнѣ» и тому подобнымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Страхъ крестьянъ предъ всякой письменностью привелъ къ тому, что въ данномъ случаѣ выработалась даже особая формула, въ видѣ слѣдующаго напр. «протокула»: «Чи хочете поділу Галиції, щоби вы мали забезпечену руську народність, ваші руські школи, руські уряди, Руську Губернію?—Хочемо. «Чи підпишетеся на тоє?»—Не підпишемо, бо підпису боїмося,—щоби Паньщина не вернулася,—або щоби то зрада не могла бити—etc.». Ю. Кмит—З сільських відносин у Галичині в середині XIX в. «Записки Н. Т-ва ім. Ш.-ченка», т. 97, стр. 110.

³⁾ Тамъ же, т. 93, стр. 72.

⁴⁾ Кромѣ украинцевъ, за раздѣлъ Галичины стояли чехи, лидеры которыхъ (Палацкій, Ригеръ и др.) произнесли интересныя рѣчи въ защиту украинцевъ противъ польскихъ депутатовъ, Земляковскаго и Смольки. См. Кривецький—Справа поділу Галичини, «Записки Н. Т-ва ім. Ш.-ченка», т. 95, стр. 57—74.

⁵⁾ *Смаль-Стоцький проф.*—Буковинська Русь, стр. 167—171. Одновременно автономіи съ отдѣльнымъ краевымъ сеймомъ добивались и угорскіе русины, отрядившіе въ 1849 г. специальную депутацію въ Вѣну для освѣдомленія о своихъ нуждахъ. «Зоря Галицка», 1849 г. № 86.

лишь на раздѣлъ края на три административные округа (краковскій, львовскій и станиславовскій), правда съ довольно широкимъ объемомъ правъ въ области самоуправленія, представленнаго тремя «окружными сеймами» ¹⁾. Впрочемъ, проектъ 29 сентября 1850 г. не вошелъ въ жизнь, будучи, какъ и вообще весь конституціонный строй Австріи, отмѣненъ актомъ 31 декабря 1851 г., и до сихъ поръ раздѣлъ Галичины по національному принципу составляет *prim desiderium* всѣхъ галицкихъ украинцевъ ²⁾. Зато отдѣльное административное устройство получила въ 1850 г. Буковина, хотя это очевидно шло въ разрѣзъ съ интересами и пожеланіями украинскаго населенія этой провинціи.

Сейчасъ изложенный кардинальный вопросъ національнаго бытія галицкихъ украинцевъ составлялъ собственно главную задачу ихъ во время славянскаго конгресса въ Прагѣ. Цѣлью пражскаго съѣзда было опредѣленіе политическаго положенія австрійскихъ славянъ въ виду централистическихъ тенденцій нѣмцевъ и мадьяръ, изъ которыхъ первые тянули въ сторону общегерманской имперіи, а вторые заявляли претензіи на гегемонію среди славянъ Венгріи. Но на съѣздѣ обнаружился и «споръ славянъ между собою», при чемъ вниманіе съѣзда главнымъ образомъ привлекло положеніе раздѣленныхъ между тремя государствами поляковъ и непризнаваемыхъ за отдѣльную націю поляками же украинцевъ. «Головна Рада руска», отправляя къ 31 мая въ Прагу своихъ делегатовъ (Борисикевича, Гинилевича и Заклинскаго), мотивируетъ это необходимостью выступить предъ остальными славянами «яко нарід»: «нашъ народъ украинскій мало извѣстенъ другимъ славянскимъ народамъ и до сихъ поръ чужестранцами несправедливо считается то частью польскаго, то частью великорусскаго народа». Собственная депутація должна

¹⁾ «Зоря Галицка», 1850 г. № 85, 87, 96 и отдѣльное приложеніе къ № 88-му; перепечатано у *Кревецького*—Справа поділу Галичини, «Записки Н. Т-ва ім. Ш.», т. 97, стр. 132—154

²⁾ Интересна мотивировка, которую представилъ противъ раздѣла Галичины въ 1849 г. галицкій губернаторъ гр. Голуховскій. Усиленіе и національное развитіе украинскаго элемента въ Австріи, которое явилось бы результатомъ раздѣла и соединенія всѣхъ австрійскихъ украинцевъ въ одно цѣлое, неминуемо должно было, по мнѣнію гр. Голуховскаго, привести къ тяготѣнію ихъ въ сторону «родственныхъ народовъ, обитающихъ подъ російскимъ скипетромъ съ цѣлью созданія общаго могущественнаго государственнаго организма». «Коротко говоря,—заключаетъ гр. Голуховскій,—могла бы возникнуть такая же борьба за Украину («Ruś»—собственно Rutenie, поясняетъ авторъ), какая уже много лѣтъ съ перерывами, но съ желѣзнымъ упорствомъ ведется за возрожденіе свободной и независимой Польши». (См. *Łoziński B.*—*Agencja hrabia Gołuchowski*, стр. 150). Такимъ образомъ пресловутый «сепаратизмъ» и боязнь, если хотите, «самостійной Украины»—еще разъ сыграли свою роль съ австрійской стороны. А русскіе націоналисты повторяютъ теперь аргументы польскаго графа, обращая только остріе ихъ въ обратную сторону.

была не допустить, чтобы «мы были представлены иначе, чѣмъ того требуетъ правда» ¹⁾. Предусмотрительность оказалась далеко не лишней, такъ какъ на сѣздъ прибыли и галицкіе поляки, которые выдавали себя за представителей также и украинскаго народа. Между двумя делегаціями установились весьма натянутыя отношенія; обостренные споры закончились тѣмъ, что обѣ делегаціи слились въ одну украинскую комиссію. Несмотря на противодѣйствіе поляковъ, комиссія все-таки приняла и одобрила проектъ раздѣла Галичины, чѣмъ навлекла сильный гнѣвъ и возмущеніе со стороны поляковъ, не принимавшихъ участіе въ данной комиссіи. Впрочемъ, на общемъ собраніи сѣзда вопросъ не былъ поставленъ, такъ какъ въ Прагѣ произошло въ это время возстаніе 12 іюня, окончившееся бомбардировкой города австрійскими войсками подъ начальствомъ кн. Виндишгреца и разгономъ славянскаго конгресса ²⁾.

Одновременно и параллельно съ агитаціей за раздѣлъ Галичины и отчасти даже, какъ средство къ этому, шла организація украинскихъ «національныхъ гвардій», имѣвшихъ цѣлью «стать на защиту святой народности нашей и нашихъ конституціонныхъ правъ» ³⁾, какъ гласило воззваніе объ этомъ предметѣ «Головной Радѣ русской». Разрѣшеніе образовывать національныя гвардіи послѣдовало еще 14 марта 1848 г., но украинцы приступили къ ихъ созданію только осенью, когда по городамъ Галичины уже существовали польскія гвардіи. Шаги въ этомъ направленіи украинцевъ были встрѣчены съ польской стороны опять-таки какъ новая попытка внести раздѣлъ въ среду «единого» польскаго народа. «Рускій Соборъ» даже расклеилъ по улицамъ Львова особое предостереженіе, въ которомъ обвинялъ украинцевъ въ томъ, что созданіемъ отдѣльныхъ гвардій они подстрекаютъ народъ къ разбоямъ и рѣзнѣ ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе національныя украинскія гвардіи, преимущественно изъ крестьянъ, были все-таки организованы (въ Стрыѣ, Жовквѣ, Бережанахъ, Тарнополѣ, Яворовѣ и др.); онѣ имѣли особую организацію, собственную

¹⁾ «Зоря Галицка», 1848 г. № 9. Ср. *Созанський Ів.*—До історії участі галицьких Русинів у словянським конгресі. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 72.

²⁾ *Кревецький Ів.*—Справа поділу Галичини. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 94, стр. 64—67. Отмѣчу кстати, что бывшій въ числѣ членовъ пражскаго сѣзда Бакунинъ, повидимому, не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ значеніе выдвинутаго галицкими украинцами вопроса о раздѣлѣ Галичины, оцѣнивая послѣдній какъ нѣчто въ родѣ попытки къ новому раздѣлу Польши. См. «Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву», изд. Драгоманова. Женева, 1896, стр. 379.

³⁾ «Зоря Галицка», 1848 г., № 23.

⁴⁾ *Кревецький Ів.*—Проби організування руських національних гвардій у Галичині 1848—1849 г. У Львові, 1913 г., стр. 23—24.

форму съ отличіями изъ національныхъ цвѣтовъ, знамена, команду на народномъ языкѣ (изданъ былъ даже особый «уставъ»). Просуществовали онѣ, впрочемъ, не долго, такъ какъ 10 января 1849 г. Галичина была объявлена на военномъ положеніи, и національныя гвардіи распущены. Большее значеніе имѣла организація крестьянской самообороны на венгерской границѣ во время венгерскаго возстанія 1849 г. въ цѣляхъ самозащиты, такъ какъ регулярнаго войска въ Галичинѣ тогда почти не было. Въ пограничныхъ округахъ эта организація охватила значительныя силы (одинъ Станиславовскій округъ выставилъ 17810 чел.), участвовавшія въ военныхъ дѣйствіяхъ и, по отзывамъ командовавшихъ офицеровъ, оказавшія дѣйствительную помощь въ дѣлѣ охраны границъ¹⁾. Отдѣльно былъ сформированъ батальонъ украинскихъ горныхъ стрѣлковъ (изъ 1410 чел.), участвовавшій въ венгерскомъ походѣ и просуществовавшій, какъ самостоятельная организація до 1850 г. Характерно, что когда «Головна Рада руска» обратилась за разрѣшеніемъ продолжать формированіе новыхъ батальоновъ, то правительство, въ силу отзыва новаго губернатора Галичины, гр. Голуховскаго, отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ. «Не отрицая,—писалъ Голуховскій,—лояльности украинцевъ, считаю шагомъ черезчуръ смѣлымъ и даже опаснымъ для государства разрѣшеніе увеличивать безъ нужды организацію, движимую національными и, въ послѣднемъ счетѣ, сепаратистическими стремленіями,—организацію, которая оказалась бы на положеніи вооруженнаго представительства народа»²⁾. Такимъ языкомъ заговорило правительство къ своимъ «тирольцамъ востока» уже въ 1849 г.! Очевидно, надобность въ нихъ уже къ этому времени миновала, а съ другой стороны намѣчалось и примиреніе правительства съ польской шляхтой, которое въ непродолжительномъ времени должно было привести къ открытому «пожертвованію русинами въ пользу поляковъ»...

1848 годъ былъ моментомъ, когда галицкіе украинцы впервые выступили—или, по крайней мѣрѣ, попытались сдѣлать это—какъ народъ, сознающій свою національность и добивающійся осуществленія національныхъ правъ. Понятно, поэтому, то вниманіе, которое они удѣляли вопросамъ языка, литературы, просвѣщенія и вообще всевозможнымъ культурнымъ мѣропріятіямъ, имѣвшимъ цѣлью пробужденіе и развитіе національнаго самосознанія среди массъ. Въ этомъ отношеніи официальные руководители украинскаго народа намѣтили было совершенно правильную дорогу,

¹⁾ *Кревецький Ів.*—Руська самооборона на галицько-угорськимъ пограниччю 1848—1849 г. У Львові, 1912 г., стр. 24.

²⁾ *Łozinski Br.*—Agenor hrabia Gołuchowski, стр. 154.

пытаюсь опереться на массы въ своихъ требованіяхъ національнаго равноправія. Отстаивая «святе право родной нам русьской мови», «Головна Рада» въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ воззваній къ массамъ ставитъ это право «подъ защиту всего украинскаго народа», призывая его «во всѣхъ «Радахъ», городахъ и деревняхъ объявить протестами свою несокрушимую волю, что никогда не отречемся отъ украинскаго языка ни въ школахъ, ни въ судахъ и что въ нашей украинской странѣ мы требуемъ такого же уваженія къ нашему украинскому языку, какимъ на Мазурщинѣ пользуется языкъ польскій»¹⁾. Но прежде чѣмъ предъявлять такія требованія къ народу, необходимо было самой же интеллигенціи въ значительной степени перевоспитать себя, приучить къ выраженію мыслей на родномъ языкѣ, создать рядъ учреждений, посвященныхъ разработкѣ родной культуры. И въ 1848 г. въ этомъ направленіи началась дѣйствительно массовая работа, интересная даже не столько съ точки зрѣнія непосредственныхъ практическихъ результатовъ, сколько какъ показатель того психологическаго сдвига, который произошелъ въ сознаніи средняго обывателя. Пересматривая не разъ уже цитированную чрезвычайно цѣнную въ бытовомъ отношеніи переписку разныхъ лицъ съ Яковомъ Головацкимъ, мы воочію убѣждаемся, какъ глубоко затронулъ этотъ сдвигъ привычныя основанія, на которыхъ покоилось сознаніе именно такого средняго, массового обывателя. Съ 1848 г. письма на польскомъ языкѣ, раньше довольно обычныя между украинцами, становятся крайне рѣдкимъ, почти исключительнымъ явленіемъ, да и то авторы ихъ извиняются, какъ напр. вѣкій Дасевичъ, непривычкой къ новой орфографіи²⁾. Мы видимъ, какъ мысль корреспондентовъ бьется въ стремленіи найти самовыраженіе въ непривычныхъ формахъ, испытываетъ затрудненія и тѣмъ не менѣе выходитъ изъ нихъ въ общемъ довольно удачно. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ появленіемъ органовъ прессы (послѣ «Зори Галицкой» — «Новины», «Пчола», затѣмъ офиціальныя «Галичорускій Вѣстникъ», «Вѣстникъ для русинѣвъ австрійской державы» и др.), оживляются литературныя интересы и планы. Возникаетъ

¹⁾ «Зоря Галицка», 1848 г., №23. Къ сожалѣнію, уваженіе къ родному слову «Головна Рада» иногда возбуждала довольно таки наивными и сомнительными средствами. Въ воззваніи къ угрорусамъ отъ 20 іюля 1849 г. читаемъ напр.: «Тогди вступивши на престол молоденький, хороший, добрый царь, а звѣдавши о нас і о недолі нашій, рече пріязно: Русинам моім подобает бути знова Русинами, язык руский красний, а я з Русинами по-руски розмовляти хочу (і), а хто не буде з нами по-руски добре бесідити, не будет нічим в землі, і не восприймає достоинства (і)». «Зоря Галицка», 1849 г., № 59.

²⁾ Студинський проф. — Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835—1849 г., стр. 290 и 334. Тамъ же (стр. 277) просьба Гуркевича: «не смієтеся зъ неука котріи зачинає на старість по руски писати».

и сразу же приобрѣтаетъ большую популярность народный театръ, пользующійся репертуаромъ отчасти заграничныхъ украинскихъ, отчасти мѣстныхъ драматурговъ, поставляющихъ въ изобиліи оригинальныя и переводныя пьесы ¹⁾. Начинается движеніе въ пользу основанія народныхъ читаленъ, библіотекъ и воскресныхъ школъ ²⁾. Народный языкъ признанъ равноправнымъ государственному и введенъ въ народныя школы, съ общаніемъ, помѣрѣ подготовки преподавательскаго персонала, вводитъ его и въ гимназіяхъ,—при чемъ, какъ предметъ обученія, онъ объявленъ былъ обязательнымъ во всѣхъ среднихъ школахъ на украинской территоріи. Въ университетѣ учреждена кафедра языка и литературы, занятая Я. Головацкимъ, за которымъ стояло славное прошлое одного изъ піонеровъ національнаго возрожденія; кромѣ того, на богословскомъ факультетѣ по-украински же введено преподаваніе катихитики, догматики и пастырскаго богословія, а также Закона Божія въ среднихъ школахъ. Законы и распоряженія властей публикуются на украинскомъ языкѣ, для чего былъ основанъ въ Вѣнѣ спеціальныи органъ. Все это поднимаетъ интересъ къ вопросамъ языка и способствуетъ появленію цѣлаго ряда грамматикъ ³⁾, тонъ которыхъ даетъ извѣстная «Розправа о язицѣ южнорускѣмъ и его нарѣчіяхъ» Головацкаго. Съ другой стороны, это же должно было привести къ попыткамъ извѣстнаго рода планомѣрныхъ предпріятій въ культурной дѣятельности. Въ октябрѣ 1848 г. состоялся во Львовѣ «Собѣръ ученыхъ рускихъ», собственно съѣздъ интеллигенціи для выработки опредѣленной линіи поведенія въ культурно-національной дѣятельности. Съѣздъ привлекъ довольно значительное число участниковъ и, несмотря на общую неподготовленность и архаическій характеръ нѣкоторыхъ предложеній, оставилъ замѣтный слѣдъ въ современной жизни, вызвавъ огромный подъемъ и энтузіазмъ главнымъ образомъ патріотическими рѣчами Головацкаго, Устияновича, Моха и др. ⁴⁾. На съѣздѣ же былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи для изданія и распространенія произведеній литературы просвѣтительнаго общества, которое въ скоромъ

¹⁾ *Возняк М.*—Українські драматичні вистави в Галичині в першій половині ХІХ ст. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 87 и 88. Современныя мысли о народномъ театрѣ см. «Зоря Галицка», 1852 г., № 3.

²⁾ «Зоря Галицка», 1849 г. № 76 и 77; ср. *Павлик М.*—Про русько-українські народні читальні. Львів, 1887, стр. 41—51.

³⁾ *Возняк М.*—Студії над галицько-українськими граматиками ХІХ в. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», тт. 94, 95, 98.

⁴⁾ *Огоновський проф.*—Історія літератури рускої, ч. II, в. 1, стр. 60—71. *Возняк М.*—До історії української наукової і просвітної організації в Галичині 1848 р. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 110.

времени и открылось подъ именемъ «Галицко-руска Матиця» ¹⁾. Кромѣ того, по иниціативѣ Трещаковскаго, былъ учрежденъ во Львовѣ на мѣстѣ университета, разрушеннаго во время бомбардировки города, «Народный Дѣмъ», въ которомъ должны были помѣщаться всѣ національныя учрежденія украинцевъ, національный клубъ, библіотека, книжный магазинъ, интернатъ для учащихся и т. д. ²⁾. Къ сожалѣнію, этимъ новымъ учрежденіямъ пришлось дѣйствовать уже въ условіяхъ политической реакціи и общественной апатіи и они отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть. Мало того—въ это время и дни самой «Головной Рады русской» были уже сочтены. Очевидно, новый курсъ правительственной политики уже не нуждался даже въ самой лойяльной политической дѣятельности общества, и это дано было понять «тирольцамъ востока». На засѣданіи «Головной Рады» 30 іюня 1851 г. предсѣдатель Куземскій сдѣлалъ историческій обзоръ ея дѣятельности, который закончилъ предложеніемъ прекратить дальнѣйшее существованіе, какъ совершенно при данныхъ условіяхъ бесполезное. Послѣ робкаго вопроса одного изъ присутствовавшихъ членовъ: «не будетъ ли болѣе соотвѣтствовать достоинству—подождать, пока само правительство насъ закроетъ?» произошелъ обмѣнъ мнѣній, который привелъ къ самоупраздненію послѣдней политической организаціи галицкихъ украинцевъ ³⁾. Союзъ, заключенный неумѣлыми руками «святоюрцевъ», уже ни къ чему никого не обязывалъ. Галичина окончательно вступила въ полосу апатіи, унынія, застоя и безвѣрія, которая на долгое время сокрушила ея живыя силы и оставила свои слѣды вплоть до настоящаго момента... Умолкли хотя наивные, но полные бодрости и надеждъ голоса и потянулись долгіе, скучные, сѣрые дни, наполняемые отчаянными сраженіями по вопросамъ далекимъ отъ жизни, вопросамъ чисто формальнаго значенія. Старая схоластика въ подновленныхъ формахъ побѣдила по всей линіи.

Переходя къ оцѣнкѣ украинскихъ пріобрѣтеній за время краткосрочной «весны народовъ», необходимо отмѣтить, что даже современники, помимо всякихъ условныхъ соображеній, не склонны были расцѣнивать ихъ слишкомъ высоко, особенно въ минуты откровенности. Конечно, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, шагъ впередъ былъ сдѣланъ огромный, и недаромъ

¹⁾ *Огоновський*, стр. 71—79. Уставъ «Г-р. Матиці» см. у *Студинського*—*Корреспонденція...*, стр. 273—276.

²⁾ Тамъ же, стр. 35—36. «Зоря Галицка», 1849 г. № 49, 53, 60, 63, 72, 101, 103; 1850 г. № 97; 1851 г. № 84 и т. д. Общій обзоръ культурной дѣятельности этого времени данъ *М. Вознякомъ* въ цитированной уже книгѣ—«*Просвітні змагання...*», стр. 25—49.

³⁾ «Зоря Галицка», 1851 г., № 53; ср. «Зоря Галицка», 1850 г. № 65.

современники говорятъ очень часто о «воскресеніи руского Лазаря зъ-пѣдъ гробового камня» ¹⁾. Но все же скептицизмъ и недовѣріе къ союзнику въ лицѣ правительства, съ которыми мы встрѣчались въ частныхъ заявленіяхъ, выражались иногда и открыто. Уже въ 1849 г. изъ устъ лойяльнѣйшаго предсѣдателя «Головной Рады» вырывается характерная жалоба. «Мы,—говорилъ Куземскій,—не имѣемъ среди правительства нашихъ представителей, которые были бы въ состояніи оказать намъ содѣйствіе. Мы не ставимъ новыхъ притязаній, мы добиваемся стараго, осуществленія тѣхъ требованій, о которыхъ міръ и даже само министерство отзывались, какъ о наиболѣе умѣренныхъ. И вотъ едва прошелъ годъ, а уже всѣ говорятъ, что мы черезчуръ требовательны. Въ чемъ? что мы получили? что намъ, какъ русинамъ, дали, кромѣ этихъ развалинъ?» ²⁾—спрашиваетъ Куземскій, намекая на подаренные «русинамъ міста Львова» остатки разрушеннаго университетскаго зданія. И на этотъ вопросъ современники не могли дать успокоительнаго отвѣта. Практическіе результаты, если оставить въ сторонѣ соблазнительныя перспективы и обѣщанія, оказались на самомъ дѣлѣ минимальными и въ значительной степени по винѣ самого же общества.

Установилось общее мнѣніе, что галицкіе дѣятели 1848 г. оказались неподготовленными къ новой жизни и къ конституціоннымъ формамъ государственнаго устройства, что они вели сословную политику униатскаго клира и не заботились о народныхъ интересахъ, что они скомпрометировали себя союзомъ съ правительствомъ и реакціей, что они не совсѣмъ ясно представляли себѣ даже свое національное бытіе, и за шумихой фразы не разбирали сущности дѣла. И это мнѣніе въ общемъ несомнѣнно справедливо. Но также несомнѣнно и то, что оно страдаетъ извѣстной односторонностью и забвеніемъ исторической перспективы а филиппики новѣйшихъ обличителей «старого рутенства» ³⁾, если и свидѣлствуютъ о высотѣ гражданскихъ чувствъ авторовъ, то оставляютъ желать многого въ смыслѣ историческаго пониманія прошлаго. Нѣтъ болѣе легкаго, но въ то же время и болѣе безплоднаго и бесполезнаго занятія, какъ полемизировать съ отжившимъ, если эта полемика не даетъ ничего, кромѣ голаго обвинительнаго акта. Руководители украинскаго движенія въ 1848 г. выказали полную несостоятельность—это правда. Но вопросъ—одни ли они оказались не на высотѣ требованій момента

¹⁾ «Зоря Галицка», 1850 г., № 81.

²⁾ «Зоря Галицка», 1849 г., № 97.

³⁾ Будиновський В.—Панщина, II початок і скасування. Чернівці, 1898 г., стр. 99—135.

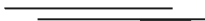
да и могли ли они быть иными—этотъ вопросъ ставитъ ихъ на надлежащее мѣсто. Вѣдь равно несостоятельными и неподготовленными оказались всѣ народы Австріи, вѣдь всѣ они, кромѣ мадьяръ, итальянцевъ и отчасти поляковъ, запятнали себя союзомъ съ реакціоннымъ правительствомъ и собственными руками подкапывали основы гражданской свободы, наивно думая, что охраняютъ ее. Что касается въ частности украинцевъ, то иными они, разумѣется, и не могли быть. Лишенные сознательной интеллигенціи, представлявшіе темную, еще вчера крѣпостную массу, руководимую духовенствомъ, лишь наканунѣ клявшимися во имя «общаго польскаго отечества», беспомощные въ силу вѣкового культурнаго оскудѣнія и застоя предъ угрозой могущественной полонизаціи—они должны были броситься въ объятія опытныхъ вѣнскихъ политиковъ. Это была ошибка, за которую расплачиваются поколѣнія вплоть до нашихъ дней,—но при данныхъ условіяхъ ошибка неизбежная. Выбора въ сущности у нихъ не было.

Но и въ самыхъ ошибкахъ 1848 г. кроются нѣкоторыя положительныя черты. Прежде всего тамъ былъ огромный психологическій сдвигъ, цѣлый переворотъ въ настроеніи и, если хотите, въ міровоззрѣніи этого «русского Лазаря»: насталъ моментъ, когда онъ могъ поднять голову и получилъ, наконецъ—пусть призрачную—возможность рѣшать собственными силами свою судьбу. Былъ далѣе несомнѣнно искренній порывъ, охватившій значительное число лицъ, была воля къ возрожденію и человѣческому существованію, были зачатки сознанія національнаго достоинства, было неясное, скорѣе инстинктивное, чѣмъ осознанное народолюбіе. Потому, быть можетъ, и любили такъ дѣятели 1848 г. крѣпкую фразу и красивую, немного театральную позу, что они дѣйствовали порывомъ, а не разсудкомъ, и даже не дѣйствовали, а лишь играли роль на подмосткахъ мірового театра. Настоящее дѣйствіе—спокойная, творческая работа—должно было притти впослѣдствіи, по миновеніи душевныхъ дней угара отъ неожиданно наступившаго вихря событій. Но дѣйствовать не пришлось: вмѣсто того пришла реакція, которая всякую дѣятельность задавила въ самомъ зародышѣ. Украинцамъ въ особенности реакція нанесла сильное пораженіе, ибо малодушныхъ изъ нихъ и извѣрившихся она отравила горечью отъ сознанія испытаннаго обмана и разочарованія, заразила отчаяніемъ, которое вообще служить плохимъ совѣтникомъ, бросила въ объятія реакціоннаго панславизма и обрусительныхъ тенденцій. Таковы были непосредственные плоды кратковременнаго союза галицкихъ украинцевъ съ австрійскимъ правительствомъ.

Но не всѣ оказались малодушными. И когда пришло время

дѣйствовать, психологическій сдвигъ съ мертвой точки безвременья, совершившійся въ 1848 г., и провозглашенный тогда лозунгъ «будьмо народомъ!» сказались рѣзкимъ усиленіемъ активныхъ элементовъ, большей стойкостью ихъ и упорствомъ въ достиженіи намѣченной цѣли. «Весна народовъ» обманула надежды, ея теплота оказалась призрачной,—но позднѣйшіе дѣятели все-таки отъ 1848 г. считаютъ исторію своей дѣятельности прерванною темной полосой 50-хъ годовъ.

С. Ефремовъ.

Пьянство на Руси въ эпоху первыхъ Романовыхъ и тѣры борьбы съ нимъ.

(По документамъ Разряднаго приказа).

Въ XVII вѣкѣ Московское Государство находилось въ такихъ неблагопріятно сложившихся внѣшнихъ историческихъ условіяхъ, при которыхъ народное пьянство приняло характеръ соціального бѣдствія. Особенное вліяніе въ этомъ отношеніи оказали «московская разруха», упорная многолѣтняя борьба на южныхъ, западныхъ и сѣверо-западныхъ рубежахъ Московскаго Государства и многочисленныя внутреннія неурядицы. Къ этимъ внѣшнимъ причинамъ развитія пьянства на Руси необходимо прибавить и «кабацкое самоторжіе», установившееся съ половины XVI вѣка. Сущность его сводилась къ тому, что торговля хлѣбнымъ—зеленымъ виномъ, пивомъ и медомъ дѣлается монополіей царской казны. Такимъ образомъ, со временъ царя Іоанна Васильевича, сначала въ Московскомъ Государствѣ, а въ дальнѣйшемъ и въ Россійской Имперіи вплоть до нашихъ историческихъ дней основой государственнаго хозяйства является кабацкій доходъ. Мѣнялась внѣшняя историческая обстановка, формы взиманія «кабацкихъ денегъ» становились все совершеннѣе, но сущность оставалась неизмѣнной. Государство, сознавая еще со временъ царя Алексѣя Михайловича весь вредъ и ужасъ повальнаго народнаго пьянства, все же продолжало почти въ теченіе четырехъ вѣковъ жить и развиваться на счетъ «напойныхъ денегъ», отдѣлываясь отъ рѣшенія этого большого вопроса жалкими паліативами. Теперь, когда въ этомъ отношеніи на нашихъ глазахъ совершается знаменательный переломъ небезынтересно будетъ, отряхнувъ архивную пыль, заглянуть въ ту эпоху, въ которую впервые сложился и окрѣпъ нашъ пьяный бюджетъ.

Кабацкіе доходы—напойныя деньги собирались въ Московскомъ Государствѣ, какъ и другіе налоги и пошлины, по преимуществу «вѣрными», присяжными головами и «цѣловальниками», избиравшимися міромъ. Вѣрные головы собирали государеву

казну безвозмездно, самостоятельно заготавливая продажное вино. На нихъ лежала тяжкая отвѣтственность за недоборъ противъ оклада, устанавливавшася приказомъ Новыя Четверти, да еще съ прибылью противъ прошлаго года. Въ случаѣ недобора отвѣчалъ всѣмъ имуществомъ голова, а при его несостоятельности—избравшій его міръ, связанный круговою порукой.

Необходимымъ спутникомъ взысканій являлся обыкновенно правержъ. Наряду съ этой системой существовалъ на Руси издавна и откупъ. Откупщикъ, «давая по себѣ крѣпкія поруки», обязывался представить въ Москву окладъ съ прибылью, при чемъ то, что ему удавалось выручить сверхъ этой суммы составляло его доходъ. Обыкновенно и въ этомъ случаѣ рѣдко дѣло обходилось безъ правержа, развѣ откупщикъ былъ «вѣдомый плутъ и воръ». Какъ вѣрныя головы, такъ и откупщики были обязаны черезъ годъ службы отчетомъ въ Москвѣ въ приказѣ Новыя Четверти и Большого Прихода. Откупщики и вѣрныя головы обыкновенно вербовались изъ посадскихъ людей, пушкарей, казаковъ, рѣже изъ крестьянъ. Наряду съ казенными — царскими кабаками существовали на Руси кабаки, жаловавшіеся, какъ привилегія, боярамъ, помѣщикамъ, вотчинникамъ и монастырямъ. Бояре получали кабаки въ кормленіе; даже вошло въ обычай «жаловать тамгою и кабакомъ». Такъ, напримѣръ, царю Алексѣю Михайловичу въ 1651 г. билъ челомъ кн. Иванъ Лобановъ-Ростовскій ¹⁾. Въ своей челобитной онъ писалъ: «крестьянишкамъ моимъ ѣздить въ городъ далече; пожалуй меня холопа своего вели, государь, мнѣ въ моихъ вотчинкахъ устроить торжишко и кабачишко». Московское правительство ревниво слѣдило за своей монополіей и жестоко преслѣдовало корчемство. Такъ Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ въ Новгородъ «корчмы выимати у всякихъ людей и чтобъ опричь государевыхъ кабаковъ никто питья на продажу не держалъ». Позднѣе, при Алексѣѣ Михайловичѣ, московское правительство обратило серьезное вниманіе на развитіе корчемства въ монастыряхъ. Въ 1660 г. Алексѣй Михайловичъ писалъ въ Новгородъ: «а буде монастыри учнутъ торговать виномъ, то по сыску чинить наказаніе». На соборахъ 1667 и 1669 гг. запрещеніе держать корчмы въ монастыряхъ было подтверждено.

Доходъ отъ «кабацкаго самоторжія» къ первой четверти XVII вѣка приобрѣлъ доминирующее значеніе въ финансовой политикѣ Московскаго Государства. На совѣщаніяхъ въ 1620 г. съ московскими гостями по поводу домогательствъ англійскихъ купцовъ съ Джономъ Мериномъ во главѣ о дорогѣ Волгою въ

¹⁾ А. М. Ю. Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 142, л. 258 — 259.

Персію «государь и святѣйшій патріархъ» сами признавали, что «въ Московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудность и государевой казны нѣтъ нисколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ, государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ»¹⁾. Несмотря на такое значеніе «напойныхъ денегъ», московское правительство все же не могло совершенно игнорировать обратную сторону дѣйствовавшей финансовой системы—безобразную картину народнаго пьянства, роста преступности и упадка дисциплины въ войскѣ. Чуткій и талантливый наблюдатель русской жизни въ половинѣ XVII вѣка, «сербинъ» Юрій Крижаничъ, сосланный въ 1661 г. въ Сибирь въ Тобольскъ, писалъ въ своей книгѣ «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»: «объ пьянству нашемъ что треба говорить. Да ты бы весь широкій свѣтъ кругомъ обошелъ, нигдѣ бы не нашелъ такого мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко здѣсь на Руси».

Еще со временъ Михаила Ѳеодоровича провинціальнымъ административнымъ органамъ—воеводамъ, по своему почину, по необходимости приходилось стараться сокращать развитіе пьянства и его послѣдствій, не подрывая, однако, самой финансовой системы, краеугольнымъ камнемъ которой являлись кабацкіе доходы. Такъ, въ 1624 г. тобольскій воевода кн. Юрій Яншеевичъ Сулешовъ, извѣстный административный дѣятель Сибири, оставившій глубокіе слѣды въ управленіи этой далекой окраины, посланный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ Сибирь, главнымъ образомъ: «во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ искати во всемъ государевой прибыли», доносилъ, что онъ принужденъ былъ уничтожить въ Тобольскѣ кабакъ и въ Тарѣ зерновой откупъ, такъ какъ служилые люди пропивали и проигрывали въ зерно свои «животишки» и оружіе, и отъ той зерни и пьянства «чинились татѣба и воровство великія» и «сами себѣ изъ самопаловъ убивали и давидись»²⁾. Среди «закладной пропойной рухляди» встрѣчалось, кромѣ ружья и платья, все сколько-нибудь цѣнное: «кресты, персни и серьги»³⁾. Аналогичную картину пьянства и упадка воинской дисциплины среди стрѣльцовъ въ такомъ важномъ въ военномъ отношеніи пунктѣ на Литовскомъ рубежѣ, какъ Брянскъ, констатировалъ брянскій, воевода кн. Василій Ромодановскій, въ своемъ донесеніи въ Разрядъ въ февралѣ 1633 года⁴⁾. «141-го февраля въ 10 день», писалъ Ромодановскій, «велѣлъ я холопъ

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. «Общ. Пользы», кн. II стр. 1175.

²⁾ Русскій Біографическій Словарь, см. біографію кн. Ю. Я. Сулешова.

³⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 164, л. 195.

⁴⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 99, л. 98 и сл.

твой собрать Московскихъ и Брянскихъ стрѣльцовъ къ съѣзжей избѣ къ смотру и стрѣльцы пришли къ съѣзжей избѣ къ смотру пїани въ другомъ часу дня (въ 7 часовъ 35 минутъ утра по современному времяисчисленію) и шумѣли». Стрѣлецкій голова и сотники были вызваны воеводой въ съѣзжую избу и тамъ допрошены относительно такого явнаго безпорядка. Голова и сотники на допросѣ сказали: «пришедъ изъ походу, стрѣльцы во Брянску на кабацѣхъ пропились, да онѣ же на караулѣ на денномъ и на ночь приходятъ пїани и унять имъ ихъ не мочна». Далѣе въ своемъ донесеніи кн. Ромодановскій писалъ о «кабацѣхъ Брянскихъ», что «откупщики кабаки во многихъ мѣстѣхъ держатъ и воровство большое ото многихъ кабаковъ чинится. Служилые люди платѣе и всякую служивую рухлядь пропиваютъ, а кабацкіе откупщики у стрѣльцовъ въ закладъ емлютъ. А которые стрѣльцы были въ посылкахъ въ городѣхъ, которые были въ отдачѣ на время за Литвою и добылись, тѣ пришедъ изъ походу, пьютъ безъ престанно да и тѣхъ стрѣльцовъ, которые были во Брянску, волочатъ на кабаки жъ съ собою и по посаду отъ пїанства, татьбы и зерни по дворомъ драка и насильства чинятца». Опасаясь, «чтобъ въ приходѣ литовскихъ людей надъ городомъ и надъ посадомъ дурна какова и порухи не учинилось отъ пропойства служилыхъ и жилецкихъ людей», Ромодановскій предлагалъ принять нѣкоторыя мѣры противъ пїанства среди ратныхъ людей. Онъ предлагалъ «печатать» кабаки «по вѣстямъ, къ денежной раздачи, на масляной и въ праздники годовые» и сократить въ острогѣ и на посадѣ количество кабаковъ. Но эти мѣры въ Москвѣ показались слишкомъ радикальными. Въ отвѣтъ на его отписку въ Разрядъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ 22-го февраля того же года указалъ: «чтобъ ратнымъ людямъ у поила на кабацѣхъ ружьябъ и платѣе не пропивать и воромъ наказанье чинить и пїанымъ на караулѣхъ и на сторожахъ не быть». Этимъ и ограничились. 4 мая того же года кн. Ромодановскій опять доносилъ изъ Брянска по поводу случившагося на кабацѣ убійства, что въ Брянскѣ отъ многихъ кабаковъ «чинятца всякая воровство, татьба и грабежъ, и убійство и многіе служилые и жилецкіе люди отъ поила, и отъ дракъ, и отъ убійства помираютъ и приходятъ на караулъ въ городъ пїани» ¹⁾. Далѣе въ отпискѣ кн. Ромодановскій писалъ, что «велѣно намъ жить во Брянску съ великимъ береженьемъ отъ литовскихъ людей приходовъ а больше всего беречися нашимъ (sic) временемъ, чтобъ литовскіе люди и черкасы украдомъ не пришли и дурна какова не учинили, а служилые и жилецкіе люди больши ночнымъ временемъ

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 99, л. 320—321.

въ городѣ и за городомъ на многихъ кабакахъ пьютъ и зернью играютъ» и настоятельно просилъ «по челобитью всего города», чтобъ «государь ихъ пожаловалъ велѣлъ кабаки свестъ». Но въ Москвѣ не шли на встрѣчу кн. Ромодановскому въ осуществленіе проектированныхъ имъ мѣръ и писали «заказъ учинить» ратнымъ людямъ, чтобъ они «на кабаки не ходили и ратную збрую не пропивали, а которые учнутъ ходить и пропиватца наказанье чинить и въ тюрьму сажать».

Пьянство ратныхъ людей въ Брянскѣ не было какимъ-либо единичнымъ явленіемъ. Донесенія въ томъ же родѣ поступали и отъ другихъ воеводъ. Такъ въ 1638 г. боярину Ивану Борисовичу Черкасскому алексинскій воевода Иванъ Полтевъ билъ челомъ на стрѣльца Ивана Анцыгина въ томъ, что онъ, напившись, «хотѣлъ кабакъ разломать» и посланнаго унять его деньщика убилъ, а воеводу «всякою неподобною лаею лаелъ». Изъ Елифани ему же доносилъ воевода на стрѣлецкаго сотника Ивана Маркова въ томъ, что онъ «пьетъ воруетъ и по вѣстемъ въ городъ и на караулъ и къ стрѣльцамъ не ходитъ и въ государевыхъ дѣлахъ ни въ какихъ его не слушаетъ»¹⁾.

Правительство Михаила Ѳедоровича слабо реагировало на поступающія съ мѣстъ донесенія о безобразномъ пьянствѣ и на предложенныя мѣстной администраціей болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры борьбы съ пьянствомъ не шло, будучи въ финансовомъ отношеніи въ полной зависимости отъ притока напойныхъ денегъ. Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича отношеніе московскаго правительства къ народному пьянству сначала не измѣняется. Съ мѣстъ продолжаютъ поступать донесенія въ родѣ слѣдующихъ, рисующихъ обычную картину повальнаго пьянства среди ратныхъ людей. Такъ, напримѣръ, мещовскій воевода Михайла Дурной въ своемъ донесеніи въ Разрядъ въ ноябрѣ 1650 г. яркими красками описывалъ пьянство среди мещовскихъ казаковъ. «Многіе, государь, казаки», писалъ Дурной, «на кабаки ружье и платья пропиваютъ и зернью играютъ». Пытался воевода оказать давленіе на откупщика—«мещовскаго казака атаманова сына Ивашка Самойлова», усиленно спаивавшаго, «для своей бездѣльной корысти», казаковъ. «Почалъ тому Ивашкѣ», пишетъ Дурной, «говорить для чего у казаковъ ружье и платья на пропой емились». Но Ивашка Самойловъ чувствовалъ себя въ своемъ правѣ, «ставился силенъ» и, приходя въ городъ «со многими казаки», воеводу «лаелъ». Снимая съ себя отвѣтственность, воевода въ концѣ отписки писалъ: «тѣхъ, государь, казаковъ,

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 107, л. 377, 371.

которые пропили ружье свое и платья на кабацкѣ въ твою государеву службу не будетъ и въ томъ бы отъ тебя, государя, мнѣ, холопу, твоему, въ опалѣ не быть и въ конецъ не пагинуть». Въ высшей степени характерна также челобитная ливенцевъ дѣтей боярскихъ, бывшихъ челомъ всѣмъ городомъ въ 1651 г. о восстановленіи ихъ старинной привилегіи: «вино курить и пиво варить безъ явочно и безошлино» ¹⁾. Любопытна особенно мотивировка ихъ просьбы; «а мы холопи твои», писали ливенцы «люди адинакія (sic.), а мѣста наши украинныя и безпрестанна мы бываемъ на твоихъ государевыхъ службахъ и воды пьемъ изъ розныхъ степныхъ рѣкъ и отъ розныхъ водъ намъ, холопомъ твоимъ, чинятца скорби и безъ питья намъ холопомъ твоимъ быть нельзя». Заканчивая свою челобитную они писали: «вели, государь, намъ вино курить и къ Господскимъ праздникомъ хто Богу должанъ пивка сварить безъявочно и безошлино, чтобъ намъ отъ скорбей въ конецъ не погинуть».

Получая такія извѣстія съ мѣстъ, московское правительство начинало все болѣе и болѣе задумываться надъ кабацкимъ «нестроеніемъ», сознавая всю недостаточность и случайность посылавшихся изъ Москвы воеводамъ указовъ о запрещеніи пьянства среди ратныхъ людей, уже достаточно примелькавшихся, формальныхъ, не обеспеченныхъ даже однообразнымъ и повсемѣстнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь провинціальной администраціей. Въ началѣ 1652 г., не безъ моральнаго вліянія патріарха Никона, видѣвшаго въ пьянствѣ одну изъ главныхъ причинъ «душевреждения», царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ широкую реформу кабацкаго дѣла. Сущность реформы 1652 г. сводилась къ тому, чтобы, не подрывая притока «напойныхъ денегъ» въ казну, сократить безобразное разорительное пьянство съ сопутствующими ему ростомъ преступности и упадкомъ воинской дисциплины.

Въ февралѣ 1652 г. были посланы грамоты по городамъ, которыми объявлялось, что съ новаго года—1 сентября 1652 года «въ городахъ кабакамъ не быть, а быть по одному кружечному двору». Въ связи съ этой мѣрой вѣрнымъ головамъ и откупщикамъ предписывалось не запасать большого количества питей. При этомъ запрещалась торговля виномъ Великимъ постомъ и на Свѣтлой недѣлѣ, а воеводамъ предписывалось запечатать на это время кабаки. При этомъ въ нѣкоторыхъ городахъ, вѣроятно въ центрахъ сосредоточенія ратныхъ людей, было воспрещено отпускать вино въ долгъ и подъ закладъ подъ наказаніемъ ссылки въ дальніе города и въ Сибирь и отписанія животовъ на государя.

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 142, лл. 286, 218—221.

Въ августѣ 1652 г. былъ созванъ «соборъ о кабацѣхъ», на которомъ предстояло выяснитъ детали реформы, уже въ принципѣ принятой и осуществленной въ своихъ основныхъ чертахъ. Составъ участниковъ собора, какъ видно изъ грамоты, посланной на Угличъ 16 августа 1652 г. съ изложеніемъ постановленій собора, былъ обычнымъ для XVII вѣка. Въ грамотѣ говорилось, что 11 августа государь «совѣтоваль съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ бояры и съ окольничъ и со всѣми думными людьми о кабацѣхъ» ¹⁾.

Среди участниковъ собора необходимо особо отмѣтить присутствіе Никона, только въ іюлѣ избраннаго патріархомъ. Никонъ, будучи еще новгородскимъ митрополитомъ, заявилъ себя рѣзкимъ борцомъ съ народнымъ пьянствомъ. Въ 1651 г. онъ обратился съ просьбой къ царю о запечатаніи Великимъ постомъ и на Святой въ Новгородѣ кабаковъ. Нѣсколько позднѣе, по его личной просьбѣ, царь Алексѣй Михайловичъ замѣнилъ въ Новгородѣ кабаки кружечнымъ дворомъ. Въ своихъ благихъ начинаніяхъ Никонъ, съ присущей ему прямолинейностью, даже ходатайствовалъ передъ царемъ о сложеніи недоборовъ съ кабацкихъ откупщиковъ, не считаясь съ финансовыми нуждами Московскаго государства.

Изъ постановленій собора особенно важнымъ является постановленіе объ ограниченіи времени торговли виномъ. «Питье всякое» было велѣно, «продавать въ указные дни, а въ Великій постъ и о Свѣтлой недѣли, а въ Оспожинъ постъ въ Филипповъ и въ Петровъ въ среды и въ пятницы и въ Господскія праздники и въ воскресные дни во весь годъ продавать никакова питья не указано» ²⁾. Кромѣ того было воспрещено торговать виномъ ночью. Количество вина, продаваемого одному лицу, было ограничено одной чаркой и «подъ закладъ давать не велѣно». На кружечныхъ дворахъ было запрещено «питухомъ» сидѣть и зернью и въ карты играть и допускать «скомороховъ со всякими бѣсовскими играми и харями». Иноческій чинъ и священники на кружечные дворы не допускались. Въ небольшихъ селахъ велѣно было кабаки совсѣмъ свести. Ожидая отъ этихъ мѣръ значительнаго пониженія потребленія питей и соотвѣтственно уменьшенія притока «напойныхъ денегъ» въ казну, было указано вино продавать по сильно возвышенной «указной» цѣнѣ. Въ виду техническихъ неудобствъ въ установленіи фиксированной цѣны на пиво и медъ,

¹⁾ Акты собран. Археографич. Экспедиціей. Спб. 1836 г. Т. IV, 58.

²⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 162, л. 29.

продажа ихъ была совершенно запрещена. Не довольствуясь этой мѣрой и желая еще болѣе обезпечить себя отъ пониженія притока кабацкихъ денегъ, московское правительство рѣшилось положить конецъ частнымъ кабакамъ. Немного позднѣе указомъ 9 сентября ¹⁾ царь Алексѣй Михайловичъ уничтожилъ принадлежавшіе боярамъ и приказнымъ людямъ кабаки въ вотчинахъ и по городамъ. Такимъ образомъ, торговля виномъ была окончательно сосредоточена въ городахъ и крупныхъ торговыхъ селахъ на кружечныхъ дворахъ и притомъ исключительно въ рукахъ правительства.

Всматриваясь въ эти мѣры, мы должны прежде всего отмѣтить основное противорѣчіе, заложенное въ самой постановкѣ вопроса о кабацкой реформѣ, въ корнѣ ее подрывающее. Московское правительство, осуществляя реформу, ставило себѣ двѣ взаимно противоположныя цѣли: во что бы то ни стало сохранить повышающійся годъ отъ году притокъ напойныхъ денегъ и сократить народное пьянство. Поэтому въ заключеніи грамоты, посланной на Угличъ о кабацкой реформѣ, выше нами уже цитированной, была прибавлена любопытная оговорка относительно оклада напойныхъ денегъ—«собрать передъ прежнимъ съ прибылью»! Достигнуть этой цѣли московское правительство надѣялось, главнымъ образомъ, путемъ уничтоженія частныхъ кабаковъ и повышеніемъ цѣны вина. Что же касается мѣръ этой реформы, направленныхъ противъ самого пьянства, то мѣры, утвержденныя «соборомъ о кабацкихъ», не были чѣмъ-либо новымъ для Москвы. Выше мы приводили рядъ документовъ отъ 30-хъ годовъ, въ которыхъ провинціальныя воеводы рекомендовали почти дословно тѣ же мѣры, и Никонъ осуществилъ ихъ отчасти въ Новгородѣ и даже шелъ дальше, проектируя сложеніе съ откупщиковъ отвѣтственности за недоборы.

Благодаря этому основному противорѣчію, реформа не имѣла успѣха, и конкретное ея примѣненіе свелось къ постепенной отмѣнѣ только что принятыхъ положеній. Уже на слѣдующій 1653 годъ было отмѣнено частично ограниченіе относительно времени продажи питей, а въ 1659 послѣдовала полная отмѣна ограниченій этого рода; удержано было только постановленіе о печатаніи кружечныхъ дворовъ на первой и на Страстной недѣлѣ Великаго поста. Въ томъ же 1653 г. возстанавливается продажа пива и меда и снова вводится распивочная продажа питей. Такое полное крушеніе кабацкой реформы объяснялось также и тѣмъ, что московское правительство не обладало сред-

¹⁾ Полное собраніе законовъ, т. I, № 82.

ствами къ проведенію ея въ жизнь. Прежде всего провинціальная администрація, склонная къ злоупотребленіямъ, потакала откупщикамъ, и вѣрные головы оказали реформѣ рѣзкую оппозицію. Реформа 1652 г. своими запретительными мѣрами, особенно сокращеніемъ времени торговли на кружечныхъ дворахъ, почти на треть года, вызвала сильное развитіе корчемства и тайной продажи питей на кружечныхъ дворахъ въ «неуказное» время, доходъ съ которой, конечно, въ Москву не попадалъ, а установить дѣйствительный контроль за винной продажей правительство было не въ состояніи. Послѣдствіемъ этого явилось сокращеніе притока напойныхъ денегъ, съ чѣмъ, конечно, не мирилось правительство. Явилась необходимость поэтому усилить отвѣтственность за недоборъ съ вѣрныхъ головъ и избиравшаго ихъ міра, которая становилась все болѣе тягостной для населенія. Такимъ образомъ реформа вызвала всеобщее недовольство, кромѣ «явныхъ плутовъ и воровъ откупщиковъ». Въ Москву изъ провинціи стали массами поступать челобитныя вѣрныхъ головъ съ жалобами на ограниченія въ торговлѣ виномъ. Обыкновенно они били челомъ государю, что «на твоємъ государевѣ дворѣ питуховъ мало и пить стало некому» и потому «большіе оклады, какъ были кабаки, съ насъ холопей и сиротъ твоихъ вели снять и оклады въ городѣхъ учинить противъ сборовъ съ кружечныхъ дворовъ со 161-го (1653) году, чтобъ намъ холопомъ твоимъ въ конецъ не погинути»¹⁾. Но такимъ челобитьямъ въ Москвѣ не потакали и писали въ отвѣтъ на нихъ воеводамъ: «чтобъ надъ тѣмъ вѣрнымъ головою и надъ цѣловальниками смотрѣть и берегли бъ того накрѣпко, чтобъ они собирали великаго государя денежную казну съ великимъ радѣньемъ неоплошно, чтобъ великаго государя казна въ зборѣ была у нихъ по окладу сполна, въ зборѣ и прибыль, и чтобъ они государеву казну не крали ни съ кѣмъ и на сю явленную челобитную не надѣялись и не обнадеживались»²⁾. Къ тому же внѣшнія и внутреннія дѣла Московскаго государства: война съ Польшей, бунтъ по поводу порчи монеты,—все это требовало громадныхъ средствъ, а финансовая техника взиманія была такъ примитивна и платежныя силы населенія были такъ подорваны, что кабацкія деньги оставались почти единственнымъ ресурсомъ, который крайне необходимо было развивать и отказаться отъ котораго значило отказаться отъ осуществленія самыхъ насущныхъ и очередныхъ задачъ внѣшней и внутренней политики.

Благодаря выше отмѣченному противорѣчію въ проведеніи

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 162, л. 29.

²⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 326, л. 113—118.

правительственныхъ мѣръ борьбы съ народнымъ пьянствомъ съ финансовой политикой, московское правительство не достигло совершенно и второй изъ поставленныхъ реформой 1652 года цѣлей—сокращенія пьянства. Въ донесеніяхъ съ мѣстъ воеводы совершенно не отмѣчаютъ пониженія пьянства, даже наоборотъ. Такъ въ 1653 г. изъ Недрыгайлова, порубежнаго, украиннаго города доносилъ воевода въ Разрядъ на недрыгайловцевъ, дѣтей боярскихъ Тимоѳея Коженовскаго и Михайлу Сунбулова. «Они», писалъ воевода, «у меня, холопа твоего, не спросясь, за рубежъ ѣздить для пойла. Меня, холопа твоего достоль не слушаютъ по вѣстямъ и сторожамъ не ѣздить, твоей государевой службы не служатъ, и, на нихъ смотря, многіе люди пропиваютца, за рубежъ, государь, безъ вѣдома ѣздить и пропиваютъ ружье и платье»¹⁾. То же было и на Москвѣ. 26 мая 1654 г. бояринъ кн. Мих. Петр. Пронскій съ товарищи писалъ царю, бывшему въ походѣ²⁾. «Вѣдомо намъ», писали они, «учинилось, что многіе всякихъ чиновъ люди межъ Петровскихъ воротъ и Трубы по валу кругами сидятъ и зернью и карты играютъ и вино пьютъ». Были посланы для задержанія этихъ людей стрѣльцы, при чемъ съ поличнымъ было задержано «двунадцать человекъ, да съ ними принесли калиску (sic), въ чемъ бываетъ вино, да четыре чарки, двои карты да зипунишко».

Особенно пьянство было развито въ войскахъ среди казаковъ, стрѣльцовъ и вообще ратныхъ людей въ походахъ. Въ этомъ отношеніи очень характернымъ является донесеніе изъ Кіева кн. Куракина въ Разрядъ, въ ноябрѣ 1655 г., во время первой войны Алексѣя Михайловича съ Польшей³⁾. «Солдаты», писалъ кн. Куракинъ, «емлютъ твои государевы кормовые деньги многія и на кабакахъ пропиваютъ, а мы холопи твои ихъ солдатъ отъ тово унимаемъ всякими мѣрами и въ тюрьму сажаемъ и наказанье чинимъ жестокое и унять ихъ, государь, никакими мѣры ихъ немочно. А кабаки, государь, около города поблизку у Софѣйскихъ воротъ кабакъ кіевскаго митрополита Селивестра, у Михайловскихъ воротъ кабакъ михайловскаго архимарита Ѳеодосія, да за Кіевскими, государь, ворота на посадѣ кабаки гетманской, и писаревъ, и посадскій, а въ городѣ, государь, хотѣли тѣ жъ митрополичій и архимаричій откупщики продажное вино держать и мы холопи твои велѣли ихъ выслать вонъ и питья продавать въ городѣ не велѣли, а за городамъ откупщикамъ заказу учинить не смѣемъ». «Говорили мы», пишетъ

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 147, л. 148—149.

²⁾ Столпъ Сѣскаго стола Разряда № 157, л. 50—51.

³⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 162, л. 29.

далѣ Куракинъ, «откупщикамъ въ разговорѣ, чтобъ они твоихъ, государевыхъ ратныхъ людей на кабаки не пускали, а они нашихъ рѣчей не слушаютъ. И чаемъ того, чьи тѣ кабаки, и тѣмъ будетъ злобно, и челобитье о томъ тебѣ, государь, будетъ». До сихъ поръ кн. Куракинъ, констатируя пьянство среди ратныхъ людей, сообщаетъ о принятыхъ имъ мѣрахъ борьбы съ нимъ. Онъ не останавливается передъ закрытіемъ кабаковъ въ городѣ и за городомъ, не считаясь даже съ неудовольствіемъ малороссійской старшины и духовенства, которымъ принадлежали кіевскіе кабаки, добрыми отношеніями, съ которыми Москва тогда очень дорожила. Но въ концѣ отписки онъ рѣзко мѣняетъ точку зрѣнія и проводитъ взглядъ чисто московскій: «чтобъ твоей государевъ казнѣ—тѣмъ кормовымъ деньгамъ, хотя малой поворотъ былъ—завестъ бы изъ тѣхъ же кормовыхъ денегъ для ратныхъ людей кабакъ въ городѣ!»

Упадокъ дисциплины среди солдатъ принималъ самыя опасныя формы буйства и непослушанія. Не считаясь съ запретительными мѣрами кабацкой реформы 1652 г., солдаты зачастую являлись открытыми конкурентами вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ, продавая свое вино и пьяныя браги въ «неуказное время». О выемкѣ корчмы у солдатъ нечего было и думать, такъ какъ малѣйшее поползновеніе въ этомъ отношеніи могло вызвать открытый бунтъ. Озорство солдатъ въ этомъ отношеніи находило полное сочувствіе и покровительство среди воинскихъ начальныхъ людей, на которыхъ зачастую жалуются вѣрные головы и цѣловальники. Такъ напримѣръ съ Лукъ Великихъ билъ челомъ государю голова кружечнаго двора съ товарищи на голову луцкихъ стрѣльцовъ Сергѣя Стеншина въ томъ, что онъ «поставилъ на кружечномъ дворѣ у воротъ караулъ стрѣльцовъ и питуховъ на твой, великаго государя, кружечный дворъ пускать не велѣлъ и отъ того имъ чинится недоборъ»¹⁾.

Вообще начальные люди не могли быть примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Мы имѣемъ цѣлый рядъ отписокъ провинціальныхъ воеводъ съ жалобами на начальныхъ людей въ пьянствѣ и непослушаніи. Приведемъ, напримѣръ, отписку изъ Бѣлева отъ 1675 г. Леонтія Желтухина, посланнаго туда «пересмотрѣть стрѣльцовъ». Въ своей отпискѣ Желтухинъ жаловался на казачьяго голову Степана Болотова въ томъ, что онъ «изъ Бѣлева ѣздитъ своего приказу по казакомъ», которыхъ онъ распустилъ «для своей безвѣстной корысти» изъ Бѣлева по деревнямъ и селамъ, «по деревнямъ пьеть и бражничаютъ по многія дни, а твои,

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 329, л. 163.

великаго государя, всякія скорыя дѣла посылками мотчаютца»¹⁾. Въ томъ же родѣ доносилъ и кн. Григорій Ромодановскій изъ Курска въ Разрядъ на полковника Острогожскаго полка въ томъ, что онъ «живетъ шатко, чинитца непослушанъ и, напився пьянъ, съ челядью своею по посаду грацкихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей бьетъ безвинно; да онъ же, взявъ насильствомъ жонку вдову Настьку, держаль у себя на дворѣ и блудное насильство ей чинилъ»²⁾.

Въ донесеніяхъ воеводъ эта картина всеобщаго пьянства еще расцвѣчивается мрачными красками разврата, азарта, убійствъ, насилій и озвѣренія почти до потери человѣческаго образа и подобія. Такъ, въ донесеніи въ Разрядъ мешовскій воевода въ августѣ 1666 г. писалъ³⁾. «17 августа во второмъ часу дня (5 ч. 35 минутъ утра по современному времяисчисленію) пришелъ въ съѣзжую избу стрѣлецкій голова Гаврило Лукинъ пьянъ и на караулѣ стрѣльцовъ перебилъ и колодниковъ къ себѣ поималъ, а иные колодники въ то время разбѣжались, да онъ же Гаврило, взявъ караульщика къ себѣ на дворъ и снявъ съ него рубашку, билъ батоги до умертвія невѣдомо за что». Въ тотъ же день нѣсколько позднѣе онъ же «пришедъ подъ окно съѣзжей избы, вынявъ ножъ, хотѣлъ меня, холопа твоего, въ окно ножемъ зарѣзать и кинулся къ окну съ ножемъ при многихъ людяхъ».

Проникало пьянство и въ монастыри. Такъ въ сентябрѣ 1668 г. карачевскому воеводѣ въ приказной избѣ подаль «извѣстную» челобитную «черной діаконъ Иванъ на Карачевскаго вознесенскаго монастыря Тихонова пустыни на игумена Аѳанасія»⁴⁾. «Игуменъ живетъ не какъ прочія власти во обителяхъ,—писалъ іеродіаконъ Иванъ,—пьетъ и бражничаеть; старцевъ и крестьянъ побиваетъ своими руками, увѣчитъ, въ чѣпъ и желѣза безъ вины сажаетъ и монастырскую казну тащитъ и пропиваетъ, съ кабака покупаючи, пьетъ безъ перестани въ твоёмъ, великаго государя, богомольѣ и напився пьянъ, крестьянокъ сильничаеть».

Свирѣпствовало пьянство и среди подьячихъ. Мы имѣемъ цѣлый рядъ донесеній воеводъ въ Разрядъ на пьянство подьячихъ. Приведемъ для примѣра нѣсколько. Такъ изъ Мценска писалъ воевода въ ноябрѣ 1667 года⁵⁾: «подьячіе Окашка Лепендинъ да Микифорка Паншинъ—пьянчики съ кабака не сходятъ безпрестанно пьютъ». Въ іюлѣ 1675 г. изъ Гремячаго воевода

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 260, л. 34.

²⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 316, л. 581.

³⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 216, л. 120—125.

⁴⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 224, л. 99.

⁵⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 216, л. 130.

билъ челомъ на подъячаго¹⁾ Карпа Кобузева въ томъ, что онъ «въ съѣзжую избу мало ходитъ, на кабакъ безпрестанно, пьетъ и бражничаютъ и, напивъ пьянъ, людей побиваетъ, а въ съѣзжую избу приходитъ напився пьянъ».

Въ общемъ, по свидѣтельству Олеарія, пьянство въ Россіи въ связи съ мѣрами, предпринятыми Алексѣемъ Михайловичемъ, нисколько не уменьшилось; послѣ реформы 1652 г. онъ насчитывалъ въ Россіи около 1000 кружечныхъ дворовъ²⁾.

Заканчивая обзоръ мѣропріятій въ царствованіе Алексѣя Михайловича, нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ Ордынъ-Нащокинымъ, въ бытность его въ 1665—66 г.г. воеводой въ Псковѣ, относительно торговли виномъ. Эти мѣры не стоятъ въ общей связи съ мѣрами, принимавшимися въ остальной Россіи, такъ какъ Псковъ, по своему порубежному положенію и развитому торговому обороту, находился въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ остальная Россія. Благодаря тому, что иноземцы привозили много «нѣмецкихъ питей» и горѣлова вина, на кружечномъ дворѣ въ Псковѣ бывали обыкновенно большіе недоборы, такъ какъ населеніе свободно могло достать вино и помимо вѣрнаго головы и цѣловальниковъ. Вѣрные головы въ свою очередь, стараясь поправить свои дѣла, усиленно занимались выемкой этого «заповѣднаго товара», отчего населенію причинялось много обидъ, а казнѣ не было отъ нихъ никакой прибыли. Поэтому Нащокинъ выступилъ съ смѣлой мѣрой: онъ уничтожилъ кабаки и ввелъ свободную торговлю виномъ, обложивъ ее налогомъ въ казну по двѣ деньги съ рубля. Если же кто станетъ торговать напитками больше, чѣмъ другими товарами, то тѣ были обложены по гривнѣ съ рубля. Результаты этихъ мѣръ, по свидѣтельству самого Нащокина, были въ высшей степени благопріятны. Онъ писалъ царю, что «хлѣбъ во Псковѣ учалъ быть дешевле, а всякимъ людямъ отъ вымоковъ и разоренья свободнѣе, а что кабацкія избы, гдѣ всякое безчиніе и смрадъ былъ, а нынѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ устроены обиталища убогимъ, а тѣ избы всякаго благочинія исполнены»³⁾. Но Нащокинъ не могъ долго оставаться въ Псковѣ. На мѣсто его былъ назначенъ давнишній его противникъ кн. Ив. Андр. Хованскій, человѣкъ старой закваски, не любившій новшества. Хованскій писалъ царю относительно новаго порядка сборовъ «напойныхъ денегъ». «Во Псковѣ», писалъ

¹⁾ Столпъ Сѣвскаго стола Разряда № 286, л. 151.

²⁾ А. Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію. М. 1870 г., гл. IV и XII.

³⁾ Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи. Казань 1914 г. изд 2.

онъ, «заведены вновь шинки, въ нихъ пьютъ безвременно, и оттого всякому дурно». Въ Москвѣ, не безъ вліянія «приказной мзды», съ которою всегда воевалъ Ордынъ Нащокинъ, согласились съ Хованскимъ и послали въ Псковъ указъ: «Шинки оставить, а быть по прежнему кабакамъ по старымъ мѣстамъ и отдать на откупъ; а если откупщиковъ не будетъ, то собирать на вѣру лучшимъ людямъ». Такъ окончилась и эта интересная попытка внести въ этотъ больной вопросъ московской жизни новыя творческія начала.

Выше мы намѣтили широкую картину народного пьянства на Руси въ первую половину XVII вѣка. Лучшіе люди эпохи и само московское правительство сознавали весь вредъ народного пьянства, но были *безсильны* облегчить этотъ тяжкій социальный недугъ. Мы видѣли, что попытка Алексѣя Михайловича бороться съ пьянствомъ не увѣнчалась успѣхомъ. Попытки же отдѣльныхъ лицъ: патріарха Никона, боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордынъ-Нащокина, хотя и встрѣчали самое горячее сочувствіе въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, однако имѣли лишь мимолетное мѣстное значеніе. Ихъ преемники неизмѣнно и безслѣдно эти попытки ликвидировали. Борьба была неудачна потому, что причины пьянства лежали гораздо глубже, въ толщѣ народного быта, съ которыми реформаторы совершенно не считались, и были въ неразрывной связи съ общими историческими условіями—съ отсутствіемъ опредѣленной финансовой программы и средствами ея проведенія въ жизнь.

В. Соколовъ.

Польская революція 1848 г. въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ.

Великая война, происходящая въ настоящее время, сообщаетъ особый интересъ нѣкоторымъ историческимъ темамъ, которыя при другихъ обстоятельствахъ не привлекали бы къ себѣ большого вниманія. Къ числу этихъ темъ относится, напр., все, что касается польско-прусскихъ отношеній, какъ на протяженіи всей ихъ исторіи, такъ и въ извѣстные періоды времени. Однимъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи этихъ отношеній является польское возстаніе 1848 въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, составляющемъ одну изъ восточныхъ окраинъ Прусскаго королевства,—эпизодъ, о которомъ не такъ давно (1912) вышелъ въ свѣтъ большой (болѣе 400 стр.) трудъ г. Ганса Шмидта подъ заглавіемъ «Die polnische Revolution des Jahres 1848 im Grossherzogtum Posen», очень обстоятельно освѣщающій это историческое событіе.

Я не буду здѣсь разсматривать самую книгу, а воспользуюсь только ея данными для краткаго очерка познанскихъ событій 1848 г. и ихъ значенія какъ для польской, такъ и для германской (не одной прусской) исторіи, начиная съ середины прошлаго вѣка ¹⁾.

Великое Герцогство Познанское, часть прежней Великой Польши, было выкроено вѣнскимъ конгрессомъ изъ созданнаго Наполеономъ Великаго Герцогства Варшавскаго и отдано въ державное обладаніе Прусскаго королевства, уже раньше вла-

¹⁾ За характеристикой книги отсылаю къ имѣющему еще появиться въ печати отзыву моему о ней въ сборникѣ отчетовъ Академіи Наукъ о преміяхъ и наградахъ за 1911 г. Трудъ г. Шмидта, представленный въ Академію Наукъ въ русскомъ (рукописномъ) переводѣ еще до своего напечатанія, было поручено рецензировать мнѣ, и отзывъ мой долженъ составить болѣе трехъ печатныхъ листовъ. Отмѣчу здѣсь, что въ книгѣ г. Шмидта, написанной на основаніи хорошаго знакомства съ источниками (частью архивными) и съ литературой, какъ нѣмецкой, такъ и польской, авторомъ, въ общемъ, соблюдено должное безпристрастіе, и что значительная часть содержанія книги посвящена обзору военныхъ дѣйствій при усмиреніи возстанія, которыхъ я не разсматриваю совсѣмъ въ настоящей статьѣ.

дѣвшаго этой территоріей. Собственно говоря, вѣискій конгрессъ обязывалъ смотрѣть на поляковъ, какъ на единое національное цѣлое, и дѣлалъ Польшу въ торговомъ отношеніи какъ бы единымъ государствомъ въ составѣ трехъ державъ, между собою ее подѣлявшихъ,—условіе, которое плохо, однако, соблюдалось такъ какъ каждая изъ этихъ державъ стремилась къ обособленію доставшейся ей польской территоріи отъ другихъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Прусское правительство послѣ 1815 г. очень хотѣло тѣснѣе соединить новую провинцію съ остальной монархіей, проводя и здѣсь свою систему административной централизаціи и распространяя на великое герцогство реформы, предпріятыя въ 1807 г. въ старыхъ частяхъ монархіи. Любопытно, однако, что центральное правительство подѣ мѣстными жителями новой провинціи разумѣло, главнымъ образомъ, только поляковъ, почти совсѣмъ игнорируя тамошнихъ нѣмцевъ, въ свою очередь, повидимому, не очень-то бывшихъ расположенными къ прусскому правительству. Чтобы лучше закрѣпить новую провинцію за собою, это правительство не прочь было дѣлать разныя уступки полякамъ. Оно даже признало права польскаго языка въ управленіи, судѣ и школахъ, хотя фактически все чиновничество было нѣмецкое, потому что въ польскомъ обществѣ было мало людей, пригодныхъ для государственной службы по заведенному Пруссіей порядку, и чиновничество это доставляло фактическое преобладаніе нѣмецкому языку. Только позднѣе, особенно съ тридцатыхъ годовъ, прусская власть стала сознательно и преднамѣренно тѣснить поляковъ, устраняя ихъ отъ занятія разныхъ должностей въ краѣ. Въ этомъ отношеніи особенно важно время управленія провинціей Флоттвелемъ, инициаторомъ «тайнаго закона» 1833 г. въ данномъ направленіи, пока вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV Флоттвель не былъ смѣщенъ, а его преемникъ, гр. Арнимъ, не получилъ предписанія возстановить права польскаго языка и по возможности не итти наперекоръ желаніямъ польскаго общества. Впрочемъ, это былъ только кратковременный перерывъ, и система Флоттвеля послѣ отставки Арнима возобновилась. Начавшаяся еще задолго борьба съ полонизмомъ, однако, велась исключительно бюрократическими средствами, существованіе же познанскихъ нѣмцевъ попрежнему игнорировалось правительствомъ, которое не видѣло въ нихъ возможныхъ союзниковъ въ своей антипольской политикѣ.

Борьба прусскаго правительства съ полонизмомъ вызывалась не націоналистическими, а чисто политическими соображеніями. Ему важнымъ казалось не искорененіе польскаго элемента въ

провинціи, на которую оно и смотрѣло, какъ на польскую землю, а противодѣйствіе мечтамъ поляковъ о возстановленіи Польши и попыткамъ осуществить эти мечты. Между Берлиномъ и мѣстными, т. е. познанскими, нѣмцами не было еще той общности интересовъ, которая образовалась впоследствии и привела къ ожесточенной національной борьбѣ между двумя элементами въ населеніи области. Познанскіе нѣмцы еще не чувствовали себя не только частью всего «нѣмечества», но даже и пруссаками: они были, прежде всего, познанцами, у которыхъ было немало общихъ провинціальныхъ интересовъ съ польскою частью населенія области. Однимъ словомъ, Берлинъ былъ самъ по себѣ, познанскіе нѣмцы—сами по себѣ.

Подобное же раздвоеніе было и на польской сторонѣ. Мѣстное польское общество было само по себѣ, и сама по себѣ была польская эмиграція, которая послѣ подавленія возстанія въ Царствѣ Польскомъ въ 1831 г. работала, главнымъ образомъ, во Франціи надъ освобожденіемъ Польши. Прямыхъ приверженцевъ программы польскихъ эмигрантовъ, среди которыхъ возобладало демократическое направленіе, было очень мало. Польская шляхта была слишкомъ далека отъ демократическихъ стремленій, а крестьянская масса давно уже привыкла относиться съ недовѣріемъ къ тому, что дѣлали паны. Это не значитъ, однако, чтобы паны были вполне лояльными по отношенію къ прусской власти и чтобы ими не дѣлалось попытокъ имѣть на своей сторонѣ и простой народъ, когда антипольская политика Флоттвеля стала вносить раздраженіе въ ихъ среду. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что этимъ создавалась почва, довольно благоприятная для эмигрантской агитаціи въ Познанской области. Извѣстный успѣхъ этой агитаціи выразился въ революціонной вспышкѣ 1846 г., въ которой принимали участіе и шляхта, и мѣщанство, и крестьянство, но въ такомъ, съ другой стороны, незначительномъ количествѣ, что правительству не стоило никакого труда справиться съ возстаніемъ. Для польской эмиграціи подавленіе возстанія 1846 г. было страшнымъ пораженіемъ, но мѣры, которыми правительство старалось истребить духъ недовольства среди поляковъ, повсемѣстные обыски и аресты, отдававшіе населенію во власть полицейскихъ и солдатчины, только усилили недовольство среди поляковъ всѣхъ сословій и подготовили польское возстаніе 1848 г., бывшее всенароднымъ, но исходнымъ пунктомъ своимъ вовсе не имѣвшее стремленія къ возстановленію независимой Польши. Конечно, однако, для эмигрантовъ это было на руку, хотя, въ концѣ-концовъ, ихъ стремленія и стремленія познанскихъ поляковъ все-таки не совпадали.

Таковы были передъ 1848 г. взаимныя отношенія тѣхъ силъ, которыя участвовали въ борьбѣ 1848 г. Между обѣими частями населенія великаго герцогства — польскою и нѣмецкою—еще не было того антагонизма, который развился позднѣе. Къ прусскому правительству обѣ части населенія области относились оппозиціонно, но скорѣе по причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго ни съ возстановленіемъ Польши, ни съ объединеніемъ Германіи. Само прусское правительство мало интересовалось нѣмецкимъ населеніемъ Познанской области, во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ цѣлясь почти исключительно въ поляковъ, какъ тогда, когда имъ дѣлало поблажки, такъ и тогда, когда ихъ тѣснило. Болѣе всего его страшилъ призракъ возстановленія независимой Польши, надъ которымъ работала эмиграція, но на самомъ дѣлѣ эта идея не находила достаточнаго количества адептовъ среди мѣстнаго польскаго общества.

За предѣлами великаго герцогства нѣмцы вообще и въ частности пруссаки относились къ польской націи благосклонно. Мартовская революція, какъ извѣстно, освободила изъ Моабитской тюрьмы въ Берлинѣ сидѣвшихъ тамъ польскихъ повстанцевъ 1846 г., среди которыхъ выдѣлялся вождь этой неудачной попытки, Мѣрославскій. Берлинское населеніе не скрывало своего сочувствія къ «польскимъ мученикамъ», въ которыхъ видѣло предвозвѣстниковъ своей собственной свободы. Въ числѣ пожеланій, высказывавшихся королю депутаціями отъ населенія столицы, было и освобожденіе польскихъ узниковъ. Если бы правительство не поспѣшило объявить амнистію, народная толпа насильно освободила бы Мѣрославскаго и его товарищей изъ тюрьмы. Когда они были выпущены, населеніе Берлина устраивало имъ настоящія оваціи. Нѣмцевъ и поляковъ въ эти дни объединяло непріязненное чувство къ Россіи, требованіе войны съ которою сдѣлалось даже однимъ изъ лозунговъ движенія. Любопытно, что берлинскіе поляки сначала воздерживались отъ дѣятельнаго участія въ мартовскомъ движеніи, боясь повредить моабитскимъ узникамъ; увѣреніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ публицистовъ и историковъ, будто берлинская революція была дѣломъ не самихъ нѣмцевъ, относится къ числу легендъ официального патріотизма.

Тотчасъ по освобожденіи своемъ изъ заключенія Мѣрославскій развилъ самую энергичную дѣятельность. Онъ старался внушить прусскому правительству мысль о необходимости войны съ Россіей для возстановленія Польши, которая была бы оплотомъ противъ «московского деспотизма», но съ этой стороны онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія. Это, однако, нисколько

не помѣшало ему организовать въ Берлинѣ революціонный комитетъ и послать въ Познань, главный городъ великаго герцогства, курьеровъ съ порученіемъ возстановить планъ возстанія 1846 г., дабы начать освободительный походъ познанскихъ и галиційскихъ поляковъ на русскую Польшу, хотя общее настроеніе въ великомъ герцогствѣ далеко не соответствовало подобнымъ замысламъ.

Февральская революція произвела сильное возбужденіе въ польскомъ населеніи великаго герцогства Познанскаго. Послѣ первыхъ о ней извѣстій польская шляхта потянулась въ главный городъ провинціи, чтобы рѣшить сообща, какъ использовать моментъ. Поляки очень боялись, какъ бы Пруссія и Россія не начали войны съ Франціей, на которую они возлагали всѣ свои надежды, но когда въ серединѣ марта и въ Берлинѣ произошла революція, они стали мечтать о войнѣ съ Россіей въ союзѣ съ освободившимися отъ деспотизма нѣмцами. Сигналъ къ движенію въ Познанской провинціи былъ поданъ поляками, и нѣкоторое время революція здѣсь имѣла исключительно польскій обликъ. Вожди польскаго движенія, съ которыми соединилось мѣстное духовенство, съ одной стороны, всячески старались завѣрить тамошнихъ нѣмцевъ, что не имѣютъ въ виду причинять имъ какой бы то ни было вредъ, а съ другой, заявляли прусскому королю свои вѣрноподданническія чувства. Въ Берлинѣ была снаряжена депутація, въ которой преобладали аристократическіе и клерикальные элементы: она должна была вѣрноподданнѣйше просить о разныхъ уступкахъ, но депутаты подмѣнили общее желаніе областной автономіи петиціей только о разныхъ реформахъ. Вскорѣ затѣмъ пріѣхавшая въ Берлинѣ депутація отъ познанскихъ нѣмцевъ просила гораздо большаго. Къ замысламъ Мѣрославскаго польская депутація относилась прямо враждебно.

Первые дни познанской революціи были временемъ большой солидарности между обѣими частями населенія области. Политика Флоттвеля не пользовалась сочувствіемъ познанскихъ нѣмцевъ, которымъ не нравился ея бюрократическій характеръ. Наоборотъ, оппозиціонный духъ польской шляхты приходился имъ по сердцу, и когда во второй половинѣ марта въ провинцію стали прибывать многіе польскіе эмигранты, ихъ здѣсь встрѣчали очень хорошо не одни поляки, но и нѣмцы съ евреями. Польско-нѣмецкія отношенія въ Познани измѣнились только послѣ того, какъ зашла рѣчь о возстановленіи Польши, когда возникло опасеніе, что Пруссія оставитъ область на произволъ судьбы и когда изъ настоящей Германіи раздался призывъ къ

объединенію всѣхъ нѣмцевъ. Все это скоро наступило, но пока познанскіе поляки и нѣмцы дѣйствовали солидарно и закрѣпляли свою солидарность сценами братанія на улицахъ съ обмѣномъ національныхъ кокардъ.

Въ главномъ городѣ провинціи образовалось два національныхъ комитета—польскій и нѣмецкій, и оба вели переговоры съ Берлиномъ, гдѣ медлили съ отвѣтами, выигрывая время, и ограничивались неопредѣленными обѣщаніями. Мало-по-малу между обоими комитетами начались тренія изъ-за желанія польскаго комитета сохранить за собою руководящую роль не только въ городѣ, но и во всемъ краѣ. Прусское правительство, къ которому обращались оба комитета, весьма много содѣйствовало расхожденію польскихъ и нѣмецкихъ интересовъ въ краѣ проведеніемъ въ немъ «демаркаціи», т.-е. разграниченія между болѣе нѣмецкою (западною) и болѣе польскою (восточною) частями области. Нѣмцы были довольны этой демаркаціей и начинали все больше и больше подпадать подъ вліяніе прусскихъ властей, поляки же хотѣли сохранить за собою все великое герцогство безъ всякой демаркаціи.

Изъ главнаго города провинціи движеніе быстро распространилось по второстепеннымъ городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ съ помѣщичьими усадьбами. Но движеніе это получало разный характеръ въ зависимости отъ того, овладѣвали ли имъ на мѣстахъ познанскій комитетъ, организовавшій тамъ и сямъ свои филиальныя отдѣленія, или же эмиссары Мѣрославскаго. Между послѣднимъ, съ его революціонными замыслами, и познанскимъ польскимъ комитетомъ съ самаго же начала возникла обоюдная непріязненность. Польское возстаніе, подготовленное неудовольствіемъ по случаю репрессій 1846 г., вспыхнуло очень дружно вездѣ, гдѣ преобладалъ въ населеніи польскій элементъ, при чемъ случаи нападенія крестьянъ на помѣщичьи усадьбы были очень рѣдки. Хотя вожди движенія всѣми мѣрами хлопотали о томъ, чтобы нѣмецкое населеніе не подвергалось никакимъ непріятностямъ, въ послѣднемъ стали возникать опасенія относительно намѣреній поляковъ. Многія нѣмецкія семейства стали уѣзжать изъ Познани подъ вліяніемъ слуховъ о томъ, будто поляки думаютъ истребить или изгнать всѣхъ познанскихъ нѣмцевъ. Когда въ концѣ марта въ главный городъ провинціи прибылъ Мѣрославскій, мѣстные нѣмцы не принимали участія въ устроенной ему здѣсь встрѣчѣ. Въ началѣ апрѣля нѣмцы уже смотрѣли въ другую сторону, особенно когда обѣщаніе польскаго комитета надѣлать крестьянъ землею изъ національныхъ имуществъ (каковыхъ вовсе не существовало) было понято нѣмцами, какъ

угроза ихъ землевладѣнію, хотя посулъ этотъ, оказавшій сильное вліяніе на народную массу, напугалъ также и польскихъ помѣщиковъ.

Прусскія власти въ Познани, не получая никакихъ инструкцій изъ Берлина,—гдѣ долгое время колебались, какой политики держаться,—тотчасъ же рѣшились дѣйствовать на свой страхъ, какъ только обнаружилось, что нѣмцы и евреи не идутъ за поляками. 3 апрѣля генераль Коломбъ объявилъ городъ Познань на военномъ положеніи, и по требованію мѣстныхъ нѣмцевъ, руководимыхъ демагогами, военное начальство согласилось на вооруженіе нѣмецкаго населенія изъ королевскаго арсенала. И среди гражданскихъ чиновниковъ нашлись люди съ рѣзкимъ антипольскимъ настроеніемъ. Между тѣмъ польское движеніе перешло въ настоящее возстаніе. Стоило только прусскому военному отряду уйти изъ какой-нибудь мѣстности, какъ тамъ тотчасъ же формировалась польская вооруженная сила, часто изъ простыхъ крестьянъ, вооруженныхъ косами, а случалось и такъ, что какъ-разъ приближеніе прусскихъ солдатъ заставляло жителей возставать. Образовалось и цѣлое войско, на первыхъ порахъ изъ десяти тысячъ человѣкъ, которое дѣйствовало, главнымъ образомъ, вдоль русской границы, что соответствовало завѣтной мечтѣ Мѣрославскаго. Нѣмецкое чиновничество отовсюду бѣжало или кое-какъ пряталось, но простые обыватели нѣмцы рѣшились противодѣйствовать полякамъ по собственному почину. Если въ великомъ герцогствѣ произошло нѣмецкое возстаніе съ антипольскимъ характеромъ, то вовсе не по приказу прусскихъ властей или по зову нѣмецкихъ патріотовъ, объединившихъ въ это время Германію, а потому, что боялись перехода власти къ полякамъ. «Мы—нѣмцы и хотимъ оставаться нѣмцами», таковъ былъ лозунгъ этого движенія, которое мало-по-малу поставило своею цѣлью добиться включенія Познанской области въ Германскій союзъ (въ который, какъ извѣстно, Пруссія своими восточными окраинами не входила до самаго конца его существованія). Къ серединѣ апрѣля нѣмцы тоже организовались, и между представителями обѣихъ національностей начались стычки въ то самое время, какъ центральное правительство все еще продолжало игнорировать нѣмецкій элементъ въ великомъ герцогствѣ и готово было итти на уступки національнымъ требованіямъ поляковъ.

Что въ Берлинѣ настроеніе не было антипольскимъ, это явствуетъ изъ того, что въ Познань былъ посланъ королевскій комиссаръ въ лицѣ очень хорошо расположеннаго къ польской націи Виллизена и что ему дана была инструкция мирнымъ обра-

зомъ уладить польскій вопросъ, хотя, правда, въ эту инструкцію потомъ были внесены кое-какія измѣненія подъ вліяніемъ нѣмецкихъ просьбъ изъ великаго герцогства. Виллизенъ искренно хотѣлъ сыграть роль посредника въ начинавшейся польско-нѣмецкой распрѣ, чѣмъ возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ нѣмецкомъ населеніи, не удовлетворивъ, впрочемъ, и поляковъ. Прусское правительство не снабдило его чрезвычайными полномочіями, которыя дали бы ему возможность дѣйствовать независимо отъ Коломба, съ другой же стороны, онъ не хотѣлъ считаться ни съ польскимъ, ни съ нѣмецкимъ комитетомъ Познани. Съ поляками онъ все-таки, однако, велъ переговоры, во время которыхъ обѣщалъ образованіе въ великомъ герцогствѣ польскаго національнаго корпуса съ командою на польскомъ языкѣ, но въ Берлинѣ на это не дали согласія. Въ особенности же причиною неудачи примирительной миссіи Виллизена былъ образъ дѣйствій Мѣрославскаго.

Многіе въ польскомъ обществѣ обвиняли Мѣрославскаго за неудачу возстанія 1846 г., приписывали ея причину его легкомыслію и недостатку воли. Въ польскомъ комитетѣ къ нему относились недовѣрчиво, да и самъ онъ, не сочувствуя умѣренности комитета, сначала его игнорировалъ и сталъ посѣщать его засѣданія только тогда, когда началъ опасаться успѣха переговоровъ комитета съ Виллизеномъ. Офицерскій корпусъ повстанческой военной силы былъ на сторонѣ комитета, но простой народъ, изъ котораго состояла вся эта сила, настоялъ на томъ, чтобы во главѣ войска былъ поставленъ Мѣрославскій. Виллизенъ готовъ былъ вести переговоры и съ Мѣрославскимъ, итти даже на новыя уступки, и между ними состоялось нѣкоторое соглашеніе, но противъ Виллизена вооружились прусскіе офицеры и солдаты: королевскій комиссаръ сталъ прямо подвергаться личнымъ оскорбленіямъ на улицахъ, получать анонимныя письма съ угрозами и т. п., пока дѣло не кончилось тѣмъ, что, возвращаясь въ Познань изъ одной служебной поѣздки, онъ не былъ впущенъ въ городъ мѣстными властями «ради сохраненія въ городѣ общественной тишины и порядка». Виллизену осталось одно — переночевать внѣ города и на другой день уѣхать въ Берлинъ.

Въ сущности, посредническая миссія Виллизена была одинаково отклонена и польскимъ, и нѣмецкимъ населеніемъ провинціи. Если среди нѣмцевъ ходили слухи о намѣреніи поляковъ изгнать ихъ, лишить ихъ земли и т. п., то и въ польской массѣ готовы были вѣрить, будто нѣмцы хотятъ отнять у нея ея святую вѣру; очень большое участіе, какое было принято

въ польскомъ движеніи католическимъ духовенствомъ, придавало ему вѣроисповѣдный характеръ. Многіе нѣмцы были увѣрены, будто и все-то возстаніе было дѣломъ фанатическихъ ксендзовъ.

Весьма важнымъ вопросомъ, обострившимъ польско-нѣмецкія отношенія въ Познанской области, былъ вопросъ о включеніи ея въ составъ Германскаго союза. Познанскій провинціальный сеймъ, въ которомъ большая сила принадлежала полякамъ, отнесся къ такому измѣненію положенія провинціи отрицательно, но въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ петицій изъ этой области, взяло верхъ мнѣніе, что, по крайней мѣрѣ, одну ея часть съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ слѣдовало включить въ Германскій союзъ. Поляки и слышать объ этомъ не хотѣли, какъ не допускали и выборовъ въ провинціи во Франкфуртскій общегерманскій парламентъ, согласившись, впрочемъ, на выборы въ прусское національное собраніе, да и то лишь въ надеждѣ добиться тамъ автономіи великаго герцогства. Когда начались выборы въ это собраніе, ведшіеся съ обѣихъ сторонъ всякими правдами и неправдами, главную роль въ нѣмецкомъ лагерѣ играли прусскіе чиновники, въ польскомъ—католическое духовенство. Поляки въ собраніи получили 14 мѣстъ, нѣмцы—9, что соотвѣтствовало численности обѣихъ національностей (840 т. поляковъ и 370 т. нѣмцевъ).

За все это время въ Берлинѣ продолжали дѣйствовать представители обоихъ познанскихъ комитетовъ, одни—защищая польское дѣло, другіе—отстаивая нѣмецкіе интересы. Въ населеніи прусской столицы либеральные круги были за поляковъ и выражали сочувствіе примирительной политикѣ Виллизена, консерваторы были противъ поляковъ, и на ихъ сторону скоро стали переходить и многіе изъ либераловъ по мѣрѣ того, какъ нѣмецкое движеніе все болѣе и болѣе проникалось національнымъ духомъ. Правительство тоже все больше склонялось на нѣмецкую сторону, и 26 апрѣля королевскій эдиктъ торжественно возвѣстилъ объ отдѣленіи нѣмецкихъ округовъ великаго герцогства отъ польскихъ, съ указаніемъ на возможность въ будущемъ присоединенія ихъ къ Германскому союзу, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ польской части этой провинціи національную организацію, которая раньше имѣлась въ виду для всей области. Вскорѣ послѣ этой неудачи для поляковъ ихъ познанскій комитетъ распался.

Вооруженное возстаніе тоже кончилось неудачно. Тѣ самые люди, которые прежде надѣялись осуществить свой политическій планъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Берлиномъ,

въ концѣ концовъ, сами бросились въ революцію. Сначала они думали добиться смѣщенія Мѣрославскаго и образовать временное правительство, но потомъ были вынуждены и его принять въ число членовъ послѣдняго, хотя и скрѣпя сердце. На первыхъ порахъ польскія дѣла на войнѣ, принявшей чисто партизанскій характеръ, въ общемъ шли довольно хорошо, а при Милославѣ прусскому войску было даже нанесено серьезное поражение, но поляки имъ не воспользовались. Множество польскихъ офицеровъ оставило послѣ этого свое войско и разѣхалось по домамъ: это были тѣ общественные элементы, которые и раньше стремились къ улаженію дѣлъ съ правительствомъ путемъ переговоровъ, а теперь смотрѣли на войну лишь какъ на способъ сдѣлать правительство болѣе сговорчивымъ. Впрочемъ, среди ушедшихъ были и такіе, которые хотѣли только освободиться отъ диктатуры Мѣрославскаго. Мало того, противъ этого вождя среди офицеровъ составилъ заговоръ, а когда обнаружилось, что большинство команднаго состава стало склоняться къ прекращенію борьбы и къ возобновленію переговоровъ, Мѣрославскому ничего болѣе не оставалось, какъ сложить съ себя власть. Незадолго передъ этимъ, въ маѣ, битва при Соколовѣ была послѣднимъ успѣхомъ поляковъ, послѣ чего прусскіе солдаты начали окружать польскихъ инсургентовъ какъ бы желѣзнымъ кольцомъ.

Вмѣсто Виллизена, королевскимъ комиссаромъ въ это время былъ въ Познани рекомендованный имъ самимъ генералъ Пфюль, рѣзко дѣйствовавшій противъ поляковъ. 23 мая появилась его прокламація къ польскому народу, въ которой вся вина возлагалась на шляхту и на ксендзовъ, обманувшихъ-де народъ своими лживыми обѣщаніями насчетъ земли. Возстаніе въ этотъ моментъ было уже усмирено путемъ энергичнаго уничтоженія мелкихъ повстанческихъ бандъ. Но этимъ, разумѣется, не былъ еще рѣшенъ вопросъ о будущемъ устройствѣ великаго герцогства, продолжавшій волновать его населеніе. По мѣрѣ того, какъ польское возстаніе падало и познанскіе нѣмцы все больше оказывали давленія на правительство, въ Берлинѣ все меньше считались съ поляками. Одно время прусское правительство думало даже уступить полякамъ только одну треть всей территоріи провинціи, хотя число польскихъ жителей превосходило въ ней въ $2\frac{1}{3}$ раза число нѣмецкихъ. Въ концѣ концовъ, однако, изъ этой демаркаціи ничего не вышло, потому что сами нѣмцы стали бояться, какъ бы польская часть великаго герцогства не сдѣлалась добычею Россіи, что для Пруссіи было бы невыгоднымъ съ стратегической точки зрѣнія. Поляки, равнымъ образомъ, страшились такой перспективы, и когда для нихъ выяснилось,

что никакой войны съ Россіей не будетъ, они поспѣшили признать въ прусскомъ королѣ законнаго государя Познанской области. Да и прусское національное собраніе съ самаго же начала стало на точку зрѣнія единства великаго герцогства, и поляки добивались лишь того, чтобы ему дано было особое устройство, во исполненіе постановленій вѣнскаго конгресса. Въ октябрѣ 1848 г. прусское національное собраніе,—большинствомъ всего одного голоса правда (173 противъ 172),—приняло рѣшеніе въ смыслѣ польскихъ требованій. Познанскіе поляки отпраздновали это иллюминаціей, мѣстные же нѣмцы чуть не подняли возстанія, стали на улицахъ избивать поляковъ, объявили бойкотъ всему польскому и вообще вступили на путь крайняго націонализма, даже малѣйшихъ признаковъ котораго не было до 1848 г. Съ своей стороны, съ 1848 г. и познанскіе поляки начали говорить, что полякъ долженъ покупать только у поляка, давать работу только поляку и т. п.

Измѣнилось отношеніе нѣмцевъ къ полякамъ и за предѣлами Познанской области. Сочувствіе къ польской націи давало извѣстную окраску общегерманскому освободительному движенію 1848 г. Франкфуртскій предварительный парламентъ, среди членовъ котораго мало кто зналъ о познанскихъ нѣмцахъ, заявилъ о необходимости возстановленія Польши. Въ послѣдовавшей затѣмъ настоящей парламентъ познанскіе нѣмцы послали 11 депутатовъ, но поляки уклонились отъ выборовъ, ограничившись посылкою во Франкфуртъ делегаціи для протеста противъ всякихъ рѣшеній, которыми нарушились бы права великаго герцогства. 22 мая 1848 г., когда польское возстаніе было уже подавлено, франкфуртскій парламентъ очень хорошо принялъ эту депутацію, но всего черезъ мѣсяцъ далъ согласіе на проведеніе въ великомъ герцогствѣ демаркаціонной линіи и на включеніе нѣмецкой его части въ будущую объединенную Германію. Въ преніяхъ, предшествовавшихъ этому постановленію, указывалось на то, что спорный край завоеванъ для нѣмецкой народности не столько силой оружія, сколько культурною дѣятельностью нѣмецкихъ колонистовъ, что было бы несправедливо оттолкнуть отъ себя тамошнихъ соплеменниковъ, что единая и сильная Германія не нуждается въ польскомъ оплотѣ противъ Россіи, что свободная Польша была бы вѣчной угрозой для германскаго отечества и т. п. Въ защиту польской точки зрѣнія раздался только одинъ голосъ, да и то поляка, который не замедлилъ сложить съ себя свои депутатскія полномочія. Польскіе делегаты также покинули Франкфуртъ.

Послѣ пораженія революціи 1848 г. и вся Германія, и Пруссія,

и Познанская область вернулись въ прежнее положеніе. Измѣнилось только то, что и познанскіе нѣмцы сознали себя членами единой германской націи, и сама эта нація узнала о существованіи многочисленныхъ соплеменниковъ въ области, которую привыкли считать населенною поляками. Въ этой области до поры до времени мирно уживались двѣ національности, каждая изъ которыхъ смотрѣла на себя, прежде всего, какъ на обывателей родного края. Событія 1848 г. вскрыли антагонизмъ между ними, таившійся въ различіи ихъ происхожденія. На этой почвѣ и возникла на восточной окраинѣ Германіи та борьба между нѣмечествомъ (Deutschum) и польшизною, которая приняла такія острыя формы въ эпоху такъ-называемаго гакатизма. На познанскихъ нѣмцевъ и Пруссія, ими до 1848 г. пренебрегавшая, и вся Германія, до 1848 г. едва ихъ знавшая, стали смотрѣть, какъ на форпостъ германизма на восточной окраинѣ имперіи, выполняющій миссію искорененія опасныхъ инородцевъ.

Н. Каръевъ.

П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ.

Прошло уже 15 лѣтъ со дня смерти Лаврова, а между тѣмъ до сихъ поръ у насъ нѣтъ его подробной біографіи. Есть цѣлые періоды въ жизни этого крупнаго человѣка, о которыхъ мы имѣемъ крайне отрывочныя свѣдѣнія. Еще меньше данныхъ для характеристики Лаврова, какъ личности. А между тѣмъ властное время дѣлаетъ свое дѣло—одинъ за другимъ сходятъ со сцены современники Лаврова. Поэтому все труднѣе и труднѣе собирать матеріалъ для освѣщенія нѣкоторыхъ сторонъ жизни Лаврова, особенно изъ болѣе ранняго періода, относящагося къ его ссылкѣ и первымъ шагамъ за границей. Желая нѣсколько заполнить существующіе пробѣлы въ жизнеописаніи Лаврова, я рѣшилъ посѣтить нѣкоторыхъ изъ его современниковъ и записать имѣющіяся у нихъ воспоминанія. Съ этой цѣлью я обратился къ М. А. Антоновичу, Г. А. Лопатину, М. П. Негрескулъ и М. П. Сажину. Все, что мнѣ удалось узнать отъ нихъ во время нашихъ встрѣчъ и бесѣдъ, я и отдаю на судъ читателей.

Воспоминанія М. А. Антоновича касаются наиболѣе ранняго періода жизни П. Лаврова, относящагося къ началу 60-хъ гг.

І. Изъ разсказовъ М. А. Антоновича.

«Съ Петромъ Лавровичемъ,—разсказываетъ М. Антоновичъ,—мы были литературные противники и съ ожесточенностью скрещивали наши мечи. Время, какъ извѣстно, было боевое и рево-

люціонное. Ну и слова и приемы критики были также боевые. Не надо еще забывать, что я былъ однимъ изъ представителей самаго боевого теченія того времени—матеріализма, на которомъ лежала вся тяжесть борьбы со всякими предразсудками и застывшими формами дореформенной жизни. Всѣхъ, кто не былъ согласенъ съ нами, мы были склонны брать въ подозрѣніе и подвергали сильной критикѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и П. Л. Лавровъ подвергся рѣзкой критикѣ съ моей стороны. Рѣзкость эта вполне понятна въ историческихъ условіяхъ того времени. Да и философія Петра Лавровича въ то время въ моихъ глазахъ носила явные слѣды идеалистической отрыжки. Во всякомъ случаѣ, съ какой бы яростью и непримиримостью я ни нападалъ на Лаврова, я дѣлалъ это вполне искренно, руководясь лучшими побужденіями и настроеніями своего времени. Впрочемъ, здѣсь надо вообще замѣтить, что особенной враждебности къ Лаврову въ тѣхъ литературныхъ кругахъ, въ которыхъ я вращался, не было. Врагомъ его, конечно, не считали. На него смотрѣли, какъ на «заблуждающагося человѣка», не успѣвшаго еще высвободиться отъ умѣренно-либеральныхъ переживаній. Его считали человѣкомъ умнымъ, образованнымъ и широко начитаннымъ. Съ этой стороны и тогда ему отдавали дань уваженія.

Мое личное знакомство съ П. Л. Лавровымъ относится къ концу 1861 г. Случилось это на квартирѣ Н. Г. Чернышевскаго, гдѣ я случайно встрѣтился съ Петромъ Лавровичемъ. Надо сказать, что Лавровъ былъ довольно хорошо знакомъ съ Чернышевскимъ, и если не былъ его другомъ, то во всякомъ случаѣ числился въ рядахъ довольно близкихъ знакомыхъ, для которыхъ квартира Николая Гавриловича была всегда радушно открыта. Н. Г. Чернышевскій, знакомя насъ другъ съ другомъ, въ шутливой формѣ напомнилъ намъ нашу литературную полемику. Помню еще, что при первой встрѣчѣ съ Лавровымъ, послѣ нашей бесѣды, Петръ Лавровичъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ на прощаніе: «Мы были противниками, но мы, кажется, не противники». Послѣ ухода Лаврова Николай Гавриловичъ не упустилъ случая подтрунить надо мной въ шутливой формѣ. «Вотъ видите,—сказалъ онъ о Петрѣ Лавровичѣ,—онъ почти нашъ пріятель. А вы вообразили о немъ Богъ знаетъ что, считая его чуть ли не нашимъ врагомъ».

Насколько я припоминаю, Н. Г. Чернышевскій очень хорошо относился къ Лаврову, и онъ пользовался его глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Болѣе того, Чернышевскій смотрѣлъ даже на Лаврова, какъ на человѣка своего лагеря въ широкомъ смыслѣ слова, несмотря на извѣстное расхожденіе во взглядахъ. Въ подтвержденіе этого можно привести одинъ небольшой случай, сви-

дѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть. У Чернышевскаго вышелъ крупный инцидентъ со зрителемъ петербургскаго Владимирскаго городского училища. Этотъ послѣдній помѣстилъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» довольно рѣзкую статью противъ Чернышевскаго, въ которой возводилъ на него цѣлый рядъ несправедливыхъ обвиненій въ связи съ его отношеніемъ къ петербургскому студенчеству. Желая выяснить истину и, что называется, «припереть своего обвинителя къ стѣнкѣ», Чернышевскій предложилъ ему объясниться при свидѣтеляхъ, при чемъ каждая сторона должна была привести по одному свидѣтелю. Зритель училища выбралъ своимъ свидѣтелемъ какого-то адвоката крайне правыхъ убѣжденій. Что же касается Николая Гавриловича, то его выборъ палъ на Лаврова. Характерно, что въ этомъ случаѣ Чернышевскій даже обошелъ меня, считая Петра Лавровича болѣе подходящимъ и надежнымъ человѣкомъ. Въ этомъ особенно сказалось довѣріе Чернышевскаго къ Лаврову, и не только къ его личности, но и къ твердости его убѣжденій. Вѣдь не надо забывать, что объясненіе это могло перейти на страницы печати, и тогда отъ свидѣтеля потребовалось бы смѣло и открыто возстановить все происшедшее и выступить на защиту Чернышевскаго. Конечно, свидѣтель въ данномъ случаѣ долженъ былъ раздѣлять взгляды Николая Гавриловича въ спорномъ вопросѣ. Отсюда видно, что Чернышевскій въ этомъ отношеніи вполнѣ полагался на Лаврова и считалъ его защиту вполнѣ обезпеченной, въ случаѣ надобности. Мало того, голосъ Лаврова онъ считалъ даже болѣе вѣскимъ, нежели мой. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовался Лавровъ въ литературѣ, а во-вторыхъ, моею молодостью.

Къ сожалѣнію, Лаврову не пришлось принять участія въ объясненіи Чернышевскаго со зрителемъ. Въ назначенный день Петръ Лавровичъ заѣхалъ къ Чернышевскому крайне обеспокоенный и взволнованный и заявилъ ему, что какъ разъ въ это время онъ страшно занятъ въ артиллерійской академіи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ оттуда вырваться. Николай Гавриловичъ былъ крайне огорченъ и опечаленъ этимъ обстоятельствомъ. Волей-неволей ему пришлось вмѣсто Лаврова захватить на объясненіе меня. Впрочемъ, все объясненіе, происходившее въ зданіи училища, было довольно коротко и кончилось полной побѣдой Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ далъ самыя подробныя разъясненія по спорному вопросу, и послѣ нихъ зритель взялъ свои слова обратно и, несмотря на протесты адвоката, даже далъ въ этомъ письменное удостовѣреніе. Чернышевскій послѣ этого, пожавъ руку зрителю, тотчасъ уѣхалъ, оставивъ меня улаживать съ адвокатомъ дальнѣйшія формальности...

У Чернышевскаго я встрѣчалъ Лаврова раза три или четыре. Припомнить тогдашнія бесѣды сейчасъ невозможно. Въ большинствѣ случаевъ разговоръ шелъ о какомъ-нибудь литературномъ случаѣ, о какомъ-нибудь лицѣ, при чемъ со свойственной Николаю Гавриловичу любовью къ шуткамъ онъ обращался всегда въ веселую оживленную бесѣду, гдѣ было много остроумія и смѣха. Серьезныхъ споровъ или обсужденій какихъ-нибудь теоретическихъ вопросовъ я что-то не припоминаю. Однажды, возвращаясь съ Лавровымъ отъ Чернышевскаго, мы по пути завели съ нимъ разговоръ объ «Энциклопедическомъ Словарѣ», который тогда редактировалъ Петръ Лавровичъ. По словамъ Лаврова, задача словаря сводилась къ распространенію серьезныхъ, положительныхъ знаній и свѣдѣній и къ борьбѣ со всякими лженаучными предразсудками и суевѣріями. «А не хотите ли писать статьи по историко-религіознымъ вопросамъ?»—обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Лавровичъ.—«Отчего же съ удовольствіемъ»,—откликнулся я.—«Вотъ бы вы написали что-нибудь объ евангеліяхъ»,—предложилъ онъ мнѣ. Я согласился и началъ излагать ему свой взглядъ на этотъ предметъ «Ну такъ что жъ,—отвѣтилъ мнѣ Лавровъ,—я вполне согласенъ съ вами». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ, которая возникла у насъ о религіи, выяснилось, что мы съ нимъ полные единомышленники. Въ этомъ я еще больше убѣдился при послѣдующихъ посѣщеніяхъ Лаврова во время моего сотрудничества въ словарь.

Надо сказать, что уже тогда во взглядахъ Лаврова довольно рѣзко и опредѣленно выступала одна черта—отрицательное отношеніе ко всякимъ религіознымъ построеніямъ, которое выливалось у него въ непримиримую вражду. Онъ считалъ, что религіозныя проблемы, какъ прямо противоположныя даннымъ положительной наукѣ, представляютъ самую опасную почву для различныхъ крайне вредныхъ предразсудковъ. Вотъ эта-то черта въ воззрѣніяхъ Лаврова и была мнѣ особенно симпатична, и на этой почвѣ и произошло наше первое сближеніе и дружба. Я даже думаю, что именно это обстоятельство и было главной причиной того, что Лавровъ пригласилъ меня въ свои сотрудники въ словарь. Я, какъ ярый матеріалистъ, былъ полонъ религіозныхъ отрицаній и началъ безвѣрія и не скупился на самыя крайнія рѣзкости въ этомъ отношеніи. Петръ Лавровичъ это прекрасно понималъ, и именно моя борьба со всякими предразсудками, и въ частности съ религіозными, и была ему симпатична. Вотъ почему, приглашая меня въ словарь, онъ поручилъ мнѣ давать статьи по вопросамъ исторіи религій. На почвѣ нашей общей работы въ словарь я довольно близко сошелся съ Лавровымъ и часто бывалъ у него.

Словомъ, изъ прежнихъ литературныхъ противниковъ мы превратились въ друзей, при чемъ наша прежняя полемика отнюдь не сказывалась въ нашихъ отношеніяхъ...

Мнѣ хочется отмѣтить еще одну черту въ личности Лаврова, которая уже тогда у него выступала довольно явственно. Въ немъ чувствовалось стремленіе къ общественной дѣятельности. Видно было, что одна чисто теоретическая работа его не удовлетворяетъ и онъ ищетъ проявленія тѣхъ общественныхъ тенденцій, которыя были заложены въ его личности. Это особенно ярко сказалось въ той роли, которую Лавровъ игралъ при организаціи перваго въ Россіи «Общества женскаго труда». Вмѣстѣ съ А. Н. Энгельгардтъ онъ не мало потратилъ энергіи и труда на организацію этого дѣла, изъ котораго, къ сожалѣнію, ничего не вышло. Петръ Лавровичъ втянулъ въ это дѣло и меня, убѣдивъ вступить въ число членовъ новаго общества. Помню, что на квартирѣ Лаврова собирались нѣсколько разъ предварительныя совѣщанія, на которыхъ онъ игралъ главенствующую роль, давая тонъ и инициативу всему дѣлу. Мнѣ даже сейчасъ представляется Петръ Лавровичъ въ военной формѣ, сидящій на стулѣ и внимательно выслушивающій мнѣнія говорящихъ или самъ вставляющій рядъ дѣловыхъ замѣчаній. На первомъ общемъ собраніи названнаго общества, которое происходило на квартирѣ А. П. Философовой въ зданіи военнаго суда, обнаружили большія несогласія. Здѣсь довольно рѣзко столкнулись два теченія: демократическое, идущее снизу, и аристократическое, связанное съ привилегированными слоями общества. Одна изъ членовъ коммуны Слѣпцова, г-жа Цѣнина, считавшая себя убѣжденной «нигилисткой», предложила въ предсѣдательницы общества наборщицу Нагорную. Я съ своей стороны поддержалъ это предложеніе. Разумѣется, оно вызвало рѣзкія возраженія. Что касается Лаврова, то онъ не выступалъ открыто въ защиту этого предложенія и вообще принциповъ демократизма. Онъ старался какъ бы примирить обѣ стороны. Но при исполненіи этой миссіи у него все-таки пробивались симпатіи скорѣе въ сторону демократизма, что не могли не почувствовать А. П. Философова и Ростовцева. Вслѣдствіе этого старанія Лаврова спасти нарождающееся общество отъ развала не привели ни къ чему, и оно не осуществилось...

Касаясь положенія Лаврова въ русской общественности въ 60-е годы, надо сказать, что, вообще, онъ въ то время не представлялъ собой особенно выдающейся личности. Литературные круги его, конечно, знали. Что же касается тогдашней молодежи, то среди нея онъ не былъ настолько популяренъ, чтобы она одобряла

или не одобряла каждый его шагъ. Она знала о немъ очень мало понаслышкѣ, какъ о философѣ, и, вообще, имъ не интересовалась. Интересъ ея былъ направленъ въ сторону Чернышевскаго, а затѣмъ отчасти къ Писареву. Лавровъ, какъ чистый философъ, да еще не исповѣдующій матеріализма, не могъ рассчитывать тогда на извѣстность и популярность, ибо отношеніе тогда къ философіи у молодежи было очень своеобразное. Оно цѣликомъ ограничивалось матеріализмомъ, и все, что лежало внѣ его, вызывало усмѣшку или презрѣніе. Правда, что лекціи Лаврова о современномъ значеніи философіи, читанныя имъ публично въ Пассаждѣ въ 1860 г., вызвали не мало шума. Я самъ былъ на нихъ, и лекціи эти меня не могли удовлетворить своею примитивностью. Лавровъ, хотя и не былъ ораторомъ, но говорилъ все-таки плавно, доступно и былъ понятенъ для аудиторіи. Если же эти лекціи и посѣщались молодежью, то отнюдь не изъ-за интереса къ философіи Лаврова. Объясняется это тѣмъ, что публичныя лекціи были въ то время новинкою, какъ, вообще, всякія общественныя собранія. И нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что они привлекали къ себѣ публику... Характерно здѣсь еще отмѣтить, что полемика Лаврова со мной и Писаревымъ не вызвала тогда большого шума среди молодежи. Ее, конечно, прочли внимательно, но отнеслись къ ней совершенно спокойно и сдержанно. Имя Лаврова было извѣстно молодежи изъ статей Чернышевскаго, Писарева и отчасти моихъ. Но имя это ихъ не чуть не волновало и являлось для ея тогдашней психологіи какъ бы чужимъ, не близкимъ. Лавровъ, какъ философъ, не затрогивалъ ее настолько, чтобы она могла его ругать или хвалить. Безразличіе—вотъ лучшее опредѣленіе отношенія къ нему молодежи того времени. Имя Лаврова въ 60-хъ гг. было довольно популярно, такъ какъ оно часто попадалось въ тогдашней литературѣ, но это не было имя «властиителя думъ» молодого поколѣнія вродѣ Чернышевскаго...

Арестъ Лаврова произвелъ большой эффектъ въ русскомъ обществѣ. Это было всеобщее удивленіе и недоумѣніе, начиная съ лѣвыхъ и кончая либеральными кругами общества. Полковникъ, профессоръ артиллерійской академіи и вдругъ арестованъ! Всѣ считали этотъ арестъ неосновательнымъ, вызваннымъ какимъ-нибудь пустымъ поводомъ. Либеральные круги открыто возмущались, лѣвые элементы съ удивленіемъ пожимали плечами. Для молодежи арестъ Лаврова былъ попросту сенсационнымъ случаемъ, а не близкимъ ея сердцу событіемъ, которое ее могло бы взволновать. Въ ея средѣ арестъ этотъ ничѣмъ не отразился. Ссылка Лаврова еще больше всѣхъ удивила и возмутила, какъ слишкомъ суровое и строгое наказаніе, совершенно незаслуженное такимъ человѣкомъ, какъ П. Л. Лавровъ».

II. Изъ рассказовъ Г. А. Лопатина.

Воспоминанія, которыми подѣлился со мной Г. А. Лопатинъ, коснулись исключительно подробностей побѣга Лаврова изъ Вологодской губ., гдѣ онъ находился въ ссылкѣ.

«Въ началѣ 1870 г.,—разсказываетъ Лопатинъ,—мнѣ пришлось пріѣхать въ Петербургъ съ Кавказа, откуда я бѣжалъ. Здѣсь я встрѣтился съ дочерью П. Л. Лаврова—М. П. Негрескулъ, мужъ которой въ это время сидѣлъ въ крѣпости по Нечаевскому дѣлу. Отъ М. П. Негрескулъ, а также отъ Автонома Негрескула (братъ мужа дочери Лаврова) я узналъ, что Петръ Лавровичъ страшно рвется изъ ссылки за границу. Оказалось, что уже цѣлый годъ, какъ онъ собирается бѣжать, но не можетъ осуществить своего намѣренія. Все это заставляло Лаврова страшно тяготиться своей ссылкой и нервничать. Его родственники и друзья въ Петербургѣ какъ-то тянули это дѣло. Затѣвали какіе-то сложные планы, неосуществимые практически. Въ довершеніе всего въ нужную минуту не оказывалось ни денегъ, ни заграничнаго паспорта. Последнее обстоятельство особенно усложняло побѣгъ Лаврова.

Узнавъ о желаніи Петра Лавровича бѣжать изъ ссылки, я немедленно предложилъ его родственникамъ свои услуги по организаціи побѣга и вызвался тотчасъ съѣздить къ Лаврову въ г. Кадниковъ, гдѣ онъ тогда жилъ, чтобы «успокоить его и обнадѣжить скорымъ отъѣздомъ». На дѣлѣ же я рѣшилъ, вмѣсто «обнадеживанія и успокоенія», сразу увезти Петра Лавровича. Долженъ здѣсь замѣтить, что никакія организаціи или революціонные кружки не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ побѣгу Лаврова.

Черезъ нѣсколько дней я уже былъ въ Вологдѣ, гдѣ, за неимѣніемъ знакомыхъ, остановился на какомъ-то постояломъ дворѣ. На слѣдующій день къ вечеру я нанялъ лошадей и поѣхалъ къ Лаврову въ Кадниковъ. Ъхалъ я въ формѣ отставного военнаго. На мнѣ была черкеска и дворянская фуражка. По паспорту въ то время я числился отставнымъ штабсъ-капитаномъ Скирмунтомъ.

Пріѣхавъ въ Кадниковъ на постоянный дворъ и оставивъ тамъ лошадей, я отправился на квартиру Лаврова. Едва я вошелъ въ переднюю, какъ Лавровъ, увидѣвъ передъ собой военнаго, тотчасъ загородилъ мнѣ дорогу въ квартиру и довольно холодно освѣдомился о цѣли моего пріѣзда. Я сказалъ, что пріѣхалъ провѣдать его по порученію дочери. Лавровъ моментально измѣнился въ обращеніи и любезно пригласилъ меня къ себѣ. Не успѣли мы еще обмѣняться первыми фразами, и едва я только началъ открыв-

вать цѣль своего прїѣзда, какъ къ Лаврову пришли гости изъ мѣстныхъ жителей, и нашъ разговоръ былъ прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Пришлось занимать гостей разговорами о заграничѣ, Петербургѣ и т. п. Въ довершеніи всего гости довольно настойчиво стали приглашать меня зайти къ нимъ. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ неловкаго положенія, пришлось дать обѣщаніе заѣхать на обратномъ пути. За все время пребыванія гостей Петръ Лавровичъ нѣсколько нервничалъ, проявлялъ признаки нетерпѣнія, но все-таки до самаго конца продолжалъ быть любезнымъ хозяиномъ.

Какъ только гости удалились, я объяснилъ Лаврову, что прїѣхалъ съ цѣлью увезти его изъ ссылки. «Согласенъ ѣхать хоть сію минуту», заявилъ мнѣ въ отвѣтъ Лавровъ. Послѣ небольшихъ переговоровъ было рѣшено, что я прїѣду за нимъ черезъ день вечеромъ. За это время Лавровъ долженъ былъ приготовиться къ побѣгу. Мать его, Елизавета Карловна, которая жила съ нимъ въ Кадниковѣ, должна была къ часу моего прїѣзда куда-нибудь отослать прислугу, а затѣмъ скрывать отъ нея исчезновеніе сына. Сдѣлать это было очень легко. Дѣло въ томъ, что Петръ Лавровичъ иногда страдалъ мигренью. Въ это время онъ становился крайне раздражительнымъ. Въ эти дни, чтобы не вызывать излишняго раздраженія у сына, Елизавета Карловна не впускала къ нему прислугу, и сама ухаживала за нимъ, подавая ему все необходимое. Рѣшено было воспользо-ваться этимъ обстоятельствомъ и послѣ нашего отъѣзда объявить Петра Лавровича заболѣвшимъ мигренью. Кромѣ того на старушку еще возлагалась обязанность послѣ побѣга въ теченіе нѣсколькихъ дней зажигать вечерами огонь въ комнатѣ Петра Лавровича, чтобы не вызвать подозрѣнія у жандармовъ, которые вечерами иногда прогуливались около квартиры Лаврова. Помимо этого, старушку научили черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга заявить о пропажѣ сына. Вообще, надо замѣтить, что мать Лаврова, несмотря на свой преклонный возрастъ, была женщина съ большимъ характеромъ и самообладаніемъ, и вологодская администрація и не думала еѣ подозрѣвать въ участіи въ побѣгѣ. Она рѣшительно ничѣмъ не выдала себя послѣ того, какъ было обнаружено исчезновеніе ея сына.

Одно только обстоятельство нѣсколько озабочивало Лаврова. Дѣло въ томъ, что въ это время Лавровъ началъ издавать отдѣльной книжкой свои «Историческія письма», и рукописи его въ цѣляхъ конспираціи переписывались въ Вологдѣ мѣстными семинаристами. Петръ Лавровичъ далъ мнѣ адресъ этихъ семи-

наристовъ и усиленно просилъ забрать всѣ рукописи. Вернувшись въ Вологду, я отправился немедленно къ семинаристамъ и, не предупредивъ ихъ въ чемъ дѣло, сразу заявилъ, что мнѣ необходимы рукописи Лаврова. Надо было видѣть испугъ бѣдныхъ юношей! Увидавъ предъ собой военнаго, они вообразили Богъ знаетъ что и въ отвѣтъ на мое заявленіе лепетали дрожащимъ голосомъ что-то непонятное. Только тогда я сообразилъ свою оплошность и, расхохотавшись, постарался успокоить перепуганныхъ семинаристовъ.

Въ назначенный день я опять пріѣхалъ изъ Вологды въ Кадниковъ и остановился попрежнему на постояломъ дворѣ. До самаго вечера я провалялся, въ качествѣ больного, въ постели и никуда не выходилъ. Какъ только стемнѣло, я прошелъ къ Лаврову и вывелъ его изъ квартиры. Затѣмъ вернулся на постоянный дворъ и, выѣхавъ на своихъ лошадяхъ, дорогой посадилъ Лаврова въ свои сани, и мы покинули Кадниковъ. Едва мы выѣхали за городъ, какъ я вспомнилъ, что мы забыли захватить съ собою провизію и пирожки, приготовленные специально для нашего отъѣзда заботливыми и любящими руками Елизаветы Карловны. Я заявилъ объ этомъ Петру Лавровичу и выразилъ желаніе сбѣгать въ городъ и принести позабытый свертокъ. «Что вы, Германъ Александровичъ! Стоить изъ-за такихъ пустяковъ останавливаться. Богъ съ ними съ этими пирожками!»—протестовалъ Лавровъ. Но я по молодости не согласился съ протестами Лаврова и, остановивъ сани, побѣжалъ обратно въ Кадниковъ за пирожками... Здѣсь я всполошилъ перепуганную старушку, которая первое время никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло, и что съ нами случилось. Въ концѣ концовъ, злосчастные пирожки все-таки были нами захвачены.

Изъ Кадникова до Ярославля мы проѣхали на лошадяхъ, а за Ярославлемъ, не помню съ какого города, мы уже по желѣзной дорогѣ добрались до Москвы, откуда и направились въ Петербургъ. Весь побѣгъ произошелъ безъ какихъ-либо осложнений и инцидентовъ. Только за Вологдой, кажется, въ г. Грязовцѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ мы перепрягали лошадей, намъ пришлось встрѣтиться съ вологодскимъ жандармскимъ полковникомъ г. Мерклинымъ. Къ счастью, встрѣча эта окончилась для насъ благополучно. Надо сказать, что я подвязалъ щеки Лаврова платкомъ и обложилъ ихъ ватой, якобы у него болятъ зубы. Благодаря этому, исчезала борода Лаврова, что сильно измѣняло его наружность. Лавровъ долженъ былъ только мычать на случайные вопросы встрѣчныхъ, въ критическую же минуту стонать и отнюдь не вступать съ кѣмъ-либо въ разговоры

или объясненія. Все, что касалось переговоровъ или расчетовъ, лежало исключительно на мнѣ. Петръ Лавровичъ въ это не вмѣшивался. Моей обязанностью было увезти Лаврова изъ ссылки и доставить его въ Петербургъ. Дальнѣйшее же путешествіе Петра Лавровича за границу уже протекало безъ моего участія, исключительно при содѣйствіи его родственниковъ».

III. Изъ разсказовъ М. П. Негрескуль.

Прекраснымъ дополненіемъ къ разсказу Г. А. Лопатина служатъ воспоминанія о побѣгѣ Лаврова его дочери, М. П. Негрескуль. Она передаетъ, какъ свои личныя впечатлѣнія, такъ и тѣ подробности, которыя ей приходилось слышать лично отъ отца. Конечно, она вполнѣ допускаетъ, что въ ея разсказѣ могутъ быть какія-нибудь неточности или упущенія, объясняющіяся большою давностью воспоминаемыхъ событій, вслѣдствіе чего многое могло улетучиться изъ памяти...

«Въ 1867 г. въ февралѣ,—разсказываетъ М. П. Негрескуль,—мой отецъ былъ высланъ въ Вологодскую губ. Съ нимъ поѣхала его мать, старуха 78 л., еще очень бодрая, живая и энергичная. Отъ Твери до Вологды они ѣхали въ возкѣ. Отецъ надѣялся остаться въ Вологдѣ, гдѣ тогда жили въ ссылкѣ Н. В. Шелгуновъ, Берви-Флеровскій и М. П. Сажинъ, но тогдашній губернаторъ, С. Ѳ. Хоминскій, отказался наотрѣзъ оставить его здѣсь и назначилъ для его жительства г. Тотъму—въ 230 верст. отъ Вологды. Это былъ въ то время маленькій, глухой городокъ съ небольшимъ числомъ обывателей и двумя-тремя ссыльными поляками. Между прочимъ, отецъ мнѣ разсказывалъ, что его поразилъ ростъ вологжанъ. Самъ онъ былъ большого роста и, остановившись на ночлегъ на постояломъ дворѣ, принужденъ былъ спать на полу, такъ какъ диванъ оказался ему коротокъ. Утромъ къ нему постучались. Въ комнату вошли трое очень высокихъ молодыхъ людей, вологодскихъ семинаристовъ, «узнавшихъ о пріѣздѣ Лаврова и горячо желавшихъ съ нимъ познакомиться». На шутовское замѣчаніе отца, что ему рѣдко приходится видѣть такихъ рослыхъ людей, они, смѣясь, отвѣтили, что въ ихъ семинаріи такихъ великановъ много. Я видѣла впослѣдствіи одного изъ нихъ, Дроздова, въ Парижѣ. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ, за 35 лѣтъ, населеніе Вологодской губ. сильно измельчало, такъ какъ, проживъ въ Кадниковѣ и Вологдѣ въ ссылкѣ около двухъ лѣтъ въ періодъ 1904—5 гг., я нашла даже, что семинаристы, въ большинствѣ, скорѣе малы ростомъ. Да и духъ вологодской семинаріи, очень радикальный въ концѣ 60-хъ годовъ, теперь сильно измѣнился.

Въ Тотѣму отцу переслали изъ Петербурга лишь небольшую часть его громадной библіотеки, и онъ рѣшилъ, какъ мнѣ потомъ рассказывалъ, терпѣливо ждать три года. Если по окончаніи этого срока его не вернутъ въ Петербургъ, что ему было необходимо для научной работы, онъ уѣдетъ за границу. Почти два года онъ пробылъ въ Тотмѣ. Въ концѣ 1868 г. онъ былъ переведенъ въ Кадниковъ, въ 40 верст. отъ Вологды. О возвращеніи же его въ Петербургъ не было и рѣчи.

Въ концѣ 1869 г. начались многочисленные аресты въ Москвѣ и Петербургѣ по дѣлу Нечаева. Былъ арестованъ и мой мужъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Негрескулъ, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Свиданій съ мужемъ мнѣ не разрѣшали, но моя свекровь устроила ихъ мнѣ черезъ крѣпостного плацъ-майора (помнится, по 25 руб. за каждое). Я упоминаю объ этомъ для послѣдующаго. Отъ друзей мужа я узнала, что проектируется побѣгъ моего отца. Планъ былъ таковъ: такъ какъ отецъ былъ очень близорукъ, кто-нибудь долженъ былъ поѣхать за нимъ, привезти въ Петербургъ, для пребыванія его здѣсь, пока достанутъ заграничный паспортъ, и потомъ отвезти его за границу. Я сильно волновалась... Фигура отца была такая замѣтная. Я знала, что надзоръ за нимъ строгій. Ко всему этому присоединялась его близорукость, которая могла повести къ какимъ-нибудь неожиданнымъ конфликтамъ. Да, наконецъ, никто изъ окружающихъ меня друзей и знакомыхъ не казался мнѣ способнымъ выполнить это трудное дѣло. Но вотъ однажды приходитъ ко мнѣ неожиданно Германъ Александровичъ Лопатинъ,—я даже не знала, что онъ въ Петербургѣ, онъ, кажется, тогда только что бѣжалъ изъ Ставрополя,—и говорить, что самъ поѣдетъ за отцомъ. Все мое безпокойство исчезло: таково было обаяніе на всѣхъ Лопатина, такъ сильна была вѣра всѣхъ, знающихъ его, въ его силы и умѣнье отклонить всѣ препятствія къ достиженію намѣченной цѣли. Въ Кадниковъ Лопатинъ пріѣхалъ вечеромъ и, придя къ отцу, засталъ у него нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ обывателей. Отецъ до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ Лопатина, но зналъ, что онъ долженъ за нимъ пріѣхать. Сказавъ какую-то фамилію и выдумавъ подходящий предлогъ посѣщенія, Лопатинъ быстро освоился съ положеніемъ, вступилъ въ общій разговоръ и не возбудилъ въ постороннихъ никакихъ подозрѣній. Отецъ мнѣ говорилъ, что изъ этого блестящаго разговора онъ понялъ, по описанію изъ Петербурга, что это Лопатинъ. Когда гости ушли, все, конечно, объяснилось. Помнится, что отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующую ночь. Днемъ бабушка собрала кой-какія вещи отца, приготовила провизію, между про-

чимъ пирожки, выслушала инструкции, какъ скрывать въ продолженіе трехъ дней отъѣздъ отца. Приходившимъ знакомымъ она говорила, что отецъ не совсѣмъ здоровъ, прилегъ и не можетъ принять. Гдѣ провелъ этотъ день Лопатинъ, я не знаю. Въ этотъ вечеръ у кадниковскаго исправника были гости, устроилась карточная игра, которая затянулась далеко за полночь и—«проиграли Петра Лавровича», какъ мнѣ, смѣясь рассказывала въ 1905 г. одна старушка, обывательница Кадникова. Часовъ въ 10 вечера къ дому, гдѣ жилъ отецъ, подъѣхалъ почтовый возокъ, онъ и Лопатинъ сѣли и—уѣхали... Проѣхали около $\frac{1}{2}$ версты, какъ вдругъ Лопатинъ патетически воскликнулъ: «Петръ Лавровичъ! а пирожки!»—«Что такое?»—«Пирожки забыли».—«Ну, Богъ съ ними!»—Да нѣтъ, какъ же, Елизавета Карловна огорчится, да и ѣсть нечего будетъ. Вѣдь въ Вологдѣ не остановимся. Какъ ни протестовалъ отецъ, Лопатинъ выскочилъ изъ саней и побѣждалъ обратно. Скоро онъ вернулся съ пирожками... Въ Петроградъ доѣхали безъ всякихъ приключеній, если не считать того, что въ Москвѣ, въ гостиницѣ, отецъ забылъ свои часы. По пріѣздѣ въ Петербургъ Лопатинъ доставилъ отца въ назначенную квартиру—одного молодого артиллерійскаго офицера, ученика отца—и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ за границу (а можетъ быть, и въ тотъ же день). Въ тѣ три дня, что отецъ оставался въ Петербургѣ, я изъ конспиративныхъ видовъ только два раза посѣтила его. Во второй разъ, по его порученію, сѣздила за Еленой Андреевной Штакенштейндеръ, его большой пріятельницей (см. «Гол. Мин.» № 7—8).

Полученіе паспорта почему-то затянулось, а тутъ подошла масленица. Пришлось ждать до поста, но оставаться отцу въ Петербургѣ было опасно, да онъ и боялся скомпрометировать своего хозяина, офицера. Рѣшили, что онъ уѣдетъ въ уѣздъ къ знакомымъ помѣщикамъ, ему совершенно неизвѣстнымъ. Ихъ имѣннице было въ 30 верстахъ отъ станціи варшавской ж. д. Тамъ отецъ засталъ много гостей, пріѣхавшихъ на блины, и былъ представленъ имъ подъ какой-то фамиліей. Отсрочка была непріятна, но пришлось пробыть до среды первой недѣли поста. Во вторникъ изъ Петербурга пріѣхалъ съ паспортомъ братъ моего мужа, Автономъ Негрескулъ. Ночью они выѣхали вдвоемъ, чтобы поспѣть на станцію къ утреннему поѣзду, но вслѣдствіе метели опоздали и пришлось опять вернуться, такъ какъ на небольшой станціи ожидать слѣдующаго поѣзда было неудобно. Могли быть уже посланы телеграммы объ его бѣгствѣ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ... Сдѣлавъ вторично путь въ тридцать верстъ, они сѣли, наконецъ, въ поѣздъ. Отецъ всю дорогу лежалъ подъ видомъ больного, а Автономъ приносилъ ему въ вагонъ ѣду изъ буфета. Во время

одной изъ такихъ отлучекъ Автонома, недалеко отъ Вержболова, отецъ высунулся изъ двери вагона и обратился къ проходившему мимо человѣку съ вопросомъ, который часъ. Какъ я упоминала, онъ забылъ свои часы въ Москвѣ. Повидимому, ему стало невтерпѣжь лежать все время въ вагонѣ, и онъ рѣшилъ хоть чѣмъ-нибудь развлечься. Въ это время Автономъ спѣшилъ съ вокзала къ вагону. Можно себя представить его ужасъ, когда онъ увидѣлъ громадную фигуру отца въ медвѣжьей шубѣ, высунувшагося изъ дверей вагона и о чемъ-то бесѣдовавшаго съ жандармомъ. Отецъ, по близорукости, принялъ его за кондуктора. Автономъ постарался поскорѣе водворить беспокойнаго «больного» на его прежнее мѣсто, прочтя ему строгую нотацію. Послѣ этого Петръ Лавровичъ уже не причинялъ ему безпокойства и велъ себя вполне прилично, какъ вообще подобаетъ «больнымъ» людямъ. Это было послѣднее комическое приключеніе. На другой день они были въ Кенигсбергѣ, гдѣ и разстались. Отецъ часто вспоминалъ впослѣдствіи энергичнаго и молчаливаго «Атоса», какъ онъ прозвалъ покойнаго Автонома Ѳедоровича. Лопатина же онъ называлъ въ письмахъ д'Артаньяномъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ я волновалась страшно. Наконецъ, однажды утромъ, получаю изъ Кенигсберга телеграмму о благополучномъ пріѣздѣ. Всѣ мы ликовали. Часа въ два пополудни звонокъ. Къ моему удивленію, является мой плацъ-майоръ—очевидно, изъ расположенія ко мнѣ: не всегда вѣдь можно зарабатывать по 25 руб. за свиданіе заключеннаго съ женой—и взволнованно сообщаетъ мнѣ, что мой отецъ бѣжалъ, что всюду разосланы телеграммы и карточки, что его «навѣрное, навѣрное поймутъ... и что тогда будетъ съ нимъ и съ вами! Какъ могъ онъ рѣшиться на такое безуміе!» и т. д., и т. д. Мнѣ пришлось разыграть комедію испуга и отчаянія, чтобы не навести на мысль, что я и друзья знали объ этомъ и принимали какое-нибудь участіе. Должно быть я удачно разыграла эту роль, потому что плацъ-майоръ сталъ утѣшать меня, увѣрялъ, что можетъ быть и не поймутъ, что, во всякомъ случаѣ, рано отчаиваться. А телеграмма лежала у меня въ карманѣ, и я дрожала отъ восторга и сдержаннаго смѣха.

Въ Кадниковѣ съ бабушкой дѣло обстояло серьезнѣе. Она строго выполнила всѣ данныя ей инструкціи. Первые двѣ ночи до двухъ, трехъ часовъ утра въ кабинетѣ отца горѣли свѣчи, и за спущенными шторами виднѣлся его силуэтъ въ пледѣ, прохаживающійся изъ угла въ уголъ, какъ это было въ его привычкахъ. Днем бабушка спокойно занималась хозяйствомъ, относилась чай и обѣдъ въ кабинетъ Петра Лавровича, заявивъ прислугѣ,

что сынъ ея нездоровъ. Но когда, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, она къ утру крѣпко заснула и проснулась часовъ въ восемь,— у ея постели сидѣли исправникъ и жандармы. Какъ только она открыла глаза, ихъ первый вопросъ былъ: «гдѣ вашъ сынъ?» Они надѣялись ошеломить 82-лѣтнюю старуху и сразу все у нея выпытать. Но она не растерялась ни на минуту. «Какъ гдѣ? У себя». И потомъ: «если его нѣтъ, значить онъ вышелъ; мой сынъ не даетъ мнѣ отчета, куда онъ уходитъ». Какъ ни мучили они ее своими разспросами и угрозами, какъ ни старались запугать ее, она твердо стояла на своемъ, и отъ нея ничего не добились. Такъ и отстали. Черезъ нѣсколько времени мой старшій братъ поѣхалъ за ней въ Кадниковъ и привезъ ее ко мнѣ въ Петербургъ. Сразу ей нельзя было уѣхать въ Парижъ, гдѣ поселился отецъ, такъ какъ началась франко-прусская война, и надо было достать пропускъ у германскаго посла. Хлопоты затянулись, здоровье и зрѣніе бабушки все слабѣли. Ее поддерживала только единственная надежда увидѣть еще разъ обожаемаго сына на свободѣ, и она все время страстно рвалась къ нему за границу. Наконецъ, послѣ Пасхи всѣ бумаги были получены, и братъ мой отвезъ ее въ Парижъ. Она увидѣла сына, прожила съ нимъ недѣлю или дней десять и—умерла счастливая. Да, это была героиня, достойная мать Петра Лавровича Лаврова. Она перенесла съ нимъ всю тяжесть его изгнанія въ ссылкѣ, она же послѣдовала за нимъ въ эмиграцію, не желая ни на минуту покидать любимаго сына во всѣхъ его испытаніяхъ. Умерла она въ Парижѣ на рукахъ Петра Лавровича, и смерть ея была тяжелымъ ударомъ для моего отца...

О побѣгѣ Лаврова изъ Вологодской губ. имѣются еще небольшія воспоминанія, помѣщенные въ одной провинціальной газетѣ и принадлежація постороннему наблюдателю происшедшаго событія. Это—небольшой рассказъ нѣкоего К-шъ, который занималъ въ то время должность уѣзднаго стряпчаго въ Кадниковѣ. Вотъ въ какихъ чертахъ представляется здѣсь все дѣло.

«Лавровъ,—рассказываетъ К-шъ,—пользовался въ Кадниковѣ большою популярностью. Поведеніе его было вполне корректно и настолько не внушало какого-либо подозрѣнія, что наблюдавшимъ за нимъ жандармамъ не рекомендовалось беспокоить его ежедневными посѣщеніями. Надзоръ ограничивался лишь наблюденіемъ за огнемъ въ его квартирѣ. Дѣло въ томъ, что Лавровъ всѣ дни и большую часть ночи проводилъ за письменнымъ столомъ, и его кабинетъ въ темное время былъ постоянно освѣщенъ далеко за полночь. Вотъ этотъ-то огонекъ и являлся для наблюдавшаго очевиднымъ доказательствомъ, что поднадзорный сидитъ дома и «пишетъ», какъ ежедневно докладывали наблюдав-

шіе начальству. Огонекъ горѣлъ еще нѣкоторое время по отъѣздѣ Лаврова, въ обычное время зажигаемый тѣмъ, кто принялъ на себя эту обязанность. Побѣгъ обнаружилъ одинъ изъ кадниковскихъ жандармовъ спустя нѣсколько дней, когда поднадзорный былъ уже далеко за предѣлами губерніи. Переполохъ въ полиціи былъ невообразимый. Чиновники, знавшіе Лаврова лично, были посланы въ погоню по всѣмъ трактамъ. Изъ Вологды наѣхало «слѣдствіе». Въ результатѣ—исправникъ (Ставровскій), городской полицейскій надзиратель и жандармы были уволены со службы, а помощникъ исправника переведенъ «для пользы службы» въ одинъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи¹⁾.

Петръ Витязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Бѣгство П. Л. Лаврова «Вологодскій Листокъ» отъ 27 января 1915 г. № 18.

Воспоминанія украинскаго актера ¹⁾.

Новое дѣло.—Ю. И. Касиненко.—Гастроли въ Севастополѣ, Екатеринодарѣ и др.—Корифеи въ Петербургѣ.—Въ Москвѣ.—Гастроли въ Поволжьѣ, на нижегородской ярмаркѣ.—Губернаторъ Барановъ.—Конкуренція корифеевъ.—Л. Н. Толстой.—Въ Петербургѣ.—Репертуаръ и цензура.—Премія за пьесу «Мужичка».—Въ Варшавѣ.

Закончили мы и второй зимній сезонъ 1884—85 года въ Одессѣ.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Кропивницкій, Заньковецкая, Садовскій и др., бѣольшая половина труппы, не сошлись въ условіяхъ съ Старицкимъ и составили самостоятельную труппу—товарищество подъ управленіемъ М. Л. Кропивницкаго. Случилось это совершенно неожиданно для другихъ въ первый день поста. Всѣ думали продолжать службу попрежнему и вдругъ насъ, второстепенныхъ, выбросили за бортъ, какъ лишній и ненужный балластъ... Старицкій продолжать дѣло отказался... Что было дѣлать? Куда дѣваться?

Тогда Ю. И. Касиненко предложилъ намъ, въ свою очередь, составить отдѣльную труппу. Конечно, мы всѣ предложеніе это приняли съ восторгомъ.

Намъ необходима была фирма, а главное костюмы и библіотека, ибо у всѣхъ выброшенныхъ не было и гроша за душой... Обращаемся къ Старицкому, просимъ поддержать... Онъ отъ участія въ нашемъ дѣлѣ отказался наотрѣзъ и отнесся къ нашему предпріятелю отрицательно и даже скептически. По его словамъ, онъ былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что съ такими силами изъ нашего новаго дѣла ровно ничего не выйдетъ. Напрасно мы увѣряли, что ѣдемъ по небольшимъ городамъ, гдѣ лучшаго состава не знаютъ, и, принявъ во вниманіе тогдашній успѣхъ украинцевъ, сдѣлаемъ дѣла. Съ его же стороны не было ни риска, ни затратъ. Онъ долго не соглашался.

Впрочемъ, ему было тогда не до того и не до насъ, онъ въ это время въ компаніи съ Рѣзниковымъ затѣвалъ въ Одессѣ съ Пасхи громадное дѣло—антрепризу... Составлялъ *русскую* драмати-

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 7—8.

ческую труппу съ гастрольями! Артистокъ Императорскихъ театровъ Ермоловой и Савиной! Такъ что наше новое, къ тому же маленькое, украинское дѣло его совсѣмъ не интересовало.

Большихъ усилій намъ во главѣ съ Ю. И. Касиненко, а онъ былъ главнымъ инициаторомъ этого дѣла, стоило уломать Старицкаго дать свою фирму, костюмы и библіотеку. Уломали его и онъ согласился, но при условіи получать за фирму первые пай товарищества, а за прокатъ костюмовъ и библіотеку отдѣльную плату и вести дѣло самимъ безъ всякаго съ его стороны участія, риска и затратъ.

Словомъ, такъ или иначе, а дѣло наше сладилось и образовалась вторая украинская труппа.

Мы анонсировали съ Ѳоминой недѣли спектакли въ г. Симферополѣ.

Быль постъ... Средствъ къ существованію опять никакихъ. Опять пришлось придумывать выходъ, дабы не голодать по прошлогоднему... На авансъ нечего было разсчитывать, такъ какъ заправили нашего новаго дѣла и сами очутились въ нелучшемъ положеніи, вѣдь такого неожиданнаго раздѣла труппы никто не предвидѣлъ.

Зато теперь у меня въ Одессѣ были знакомые и друзья, и легче было подыскать себѣ какое-нибудь дѣло.

По рекомендаціи одного пріятеля, регента церковнаго хора Тимофеева, мнѣ удалось поступить пѣвчимъ въ квартетъ хора домовоі церкви одесскаго богача графа Толстого, а такъ какъ я зналъ славянскій языкъ, то и исполнялъ обязанности псаломщика:— читалъ передъ обѣдной часы и «апостола». Мнѣ за это положили жалованья 25 р. въ мѣсяцъ. Пѣли мы только обѣдни въ праздничные дни, которыя начинались въ 11 ч. утра и оканчивались ровно въ 12. Старый графъ болѣе часа не могъ выстаивать въ церкви. Значитъ дѣло было нетрудное, а 25 р. уже обезпечивали пропитаніе и квартиру. А когда на Пасхѣ пошли съ попомъ по аристократамъ, говѣвшимъ въ нашей церкви, «Бога славить», я вразъ еще заработалъ рублей 20.

Тутъ мнѣ и еще повезло. Въ Одессу пріѣхала нѣмецкая оперетка подъ дирекціей извѣстнаго тогда импрессаріо Георга Парадиза.

Явился и я на пробу голосовъ... Тамъ уже ждала толпа желающихъ, все больше евреевъ. Однако, случай и здѣсь выручилъ меня и именно случай...

Вышелъ къ намъ нѣмецъ-капельмейстеръ, усѣлся за рояль.... и потребовалъ всѣмъ хоромъ пропѣть гимнъ: «Боже, Царя храни!» Замѣтивъ меня въ толпѣ, онъ жестомъ подозвалъ поближе...

Вѣроятно, ему понравился мой внѣшній видъ, фигура и наружность. Похлопавъ меня по плечу, онъ сказалъ:

— Хараша!..

И, не пробуя голоса, велѣлъ записать въ «принятые». Меня записали и назначили 45 р. жалованья.

Итакъ, я пристроился въ нѣмецкую оперетку, а это, вмѣстѣ съ жалованьемъ псаломпѣвца, вполне обеспечивало мое даже безбѣдное существованіе постомъ въ Одессѣ.

Служить у нѣмцевъ было, правда, тяжело: дисциплина и аккуратность дьявольскія. Требовалось твердое знаніе партій и текста, который приходилось заучивать наизусть, а при незнаніи языка это очень тяжело. Балета не было и хоръ долженъ былъ продѣлывать всевозможныя хожденія, маршировки, позировки, а нерѣдко и танцы. Объясненій режиссера не понимаешь, путаешь, а онъ злится, ругается и заставляетъ повторять безконечное количество разъ. Репетиціи съ 10-ти утра до 4—5 вечера.

Въ Симферополѣ мы застали въ сборѣ почти всю нашу труппу.

Снимали мы театръ у извѣстнаго тогда крымскаго антрепренера Черкасова и играть должны были, чередуясь съ его труппой, въ составѣ которой находилось много извѣстныхъ артистовъ. Разыгрывали драму и оперетку.

Первый спектакль нашей труппы состоялся на Өоминой недѣлѣ, шла пьеса «Назаръ Стодоля»... До спектакля, конечно, пережили не мало волненій и страха, такъ какъ были не увѣрены въ своихъ силахъ. Однако, сразу вышли побѣдителями! Полный сборъ и пріемъ самый восторженный! Всѣ симпатіи публики были на нашей сторонѣ и дальнѣйшій успѣхъ обезпеченъ. Каждый спектакль проходитъ все съ возрастающимъ успѣхомъ и такихъ сборовъ еще въ Симферополѣ не запомнятъ.

Талантливая Е. П. Боярская оказалась очень способной драматической артисткой, въ нѣкоторыхъ роляхъ до деталей подражала М. К. Занковецкой и производила положительный фуроръ.

Черкасовъ съ своей труппой, въ виду нашихъ успѣховъ, уѣхалъ изъ Симферополя въ Ялту, а мы продолжали играть еще мѣсяца полтора и уѣхали только потому, что въ зимнемъ помѣщеніи театра, по случаю наступившей жары, играть было невозможно, а лѣтняго театра тогда въ Симферополѣ не было.

Переѣхали въ Севастополь и тамъ работали съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и въ Симферополѣ.

Такъ прошло уже около трехъ мѣсяцевъ самостоятельнаго существованія нашей труппы... И вотъ сюда въ Севастополь къ намъ пріѣхалъ и М. П. Старицкій.

Пріѣхалъ съ повинной головошкой... За это время онъ въ Одессѣ успѣлъ прогорѣть въ пухъ и прахъ и все заработанное потерялъ на русской антрепризѣ... Значить, наше маленькое дѣло, надъ которымъ тогда М. П. Старицкій смѣялся, оказалось удачнѣй большой русской антрепризы, такъ какъ на его пай нами было уже заработано что-то безъ малаго 1000 рублей.

Изъ Севастополя мы отправились въ Керчь, Бердянскъ, Таганрогъ, Екатеринодаръ и др.

Успѣхъ и заработокъ были громадны. Теперь-то мы убѣдились, что и съ нашимъ составомъ можемъ смѣло рассчитывать на успѣхи даже въ такихъ городахъ, гдѣ были до того съ сильнымъ составомъ.

Дѣла были блестящи, но наступали холода, а зимняго помѣщенія въ городѣ не имѣлось и мы въ первыхъ числахъ октябрю уѣхали изъ Екатеринодара въ Воронежъ.

Узнавъ, что какъ разъ тогда въ Ростовѣ играла труппа М. Л. Кропивницкаго, а Ростовъ намъ былъ по пути, мы обрадовались случаю повидать прежнихъ товарищей, подѣлиться впечатлѣніями, рассказать о своемъ житіи, узнать, какъ у нихъ?...

Я, Ярошенко и Дворниченко, чтобы выгадать время и скорѣе попасть въ Ростовъ, помчались до желѣзнодорожной станціи на почтовыхъ, щедро награждая ямщиковъ, лишь бы успѣть къ первому отходящему поѣзду и вечеромъ пріѣхали уже въ Ростовъ прямо къ спектаклю.

Товарищи Максимовичъ, Загорскій, Буховичъ и др. поменьше рангомъ, конечно, встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями, ну а главари встрѣтили наоборотъ очень и очень сухо и холодно.

Заходимъ въ уборную къ М. К. Заньковецкой засвидѣтельствовать почтеніе уважаемой артисткѣ, она встрѣчаетъ насъ такой фразой:

— Что это ваша новоиспеченная примадонна Явдошка Боярская, говорятъ, имѣетъ успѣхъ, копируя меня?

— Да, отвѣчаю,—представьте, имѣетъ успѣхъ и даже большой.

— Меня въ Екатеринодаръ приглашалъ самъ атаманъ, а теперь послѣ вашей примадонны ѣхать не придется, подумаютъ, пожалуй, что я ее копирую! ха-ха-ха!

Тутъ вставилъ и Садовскій, съ обычной важностью, полупрезрительно:

— Вотъ у насъ сейчасъ въ Ростовѣ дѣла плохи, а почему? Вы, оказывается, лѣтомъ здѣсь были и своей паршивой труппой напортили.

— А у насъ дѣла были блестящи.

— Да, здѣсь балаганъ любятъ.

— Зачѣмъ же балаганъ?.. Спектакли идутъ вполнѣ прилично. Конечно, у васъ силы лучше...

— А-а, новоиспеченные таланты, явились!—Встрѣтилъ насъ угрюмо М. Л. Кропивницкій.

Заходимъ къ Саксаганскому. Шутникъ и забавникъ Аѳанасій Карповичъ на этотъ разъ съострилъ не совсѣмъ удачно. Онъ сталъ звать свою собаку:

— Касиненко! Касиненко! Иси сюда! Ляжь на мѣсто, паршивая собака, а то выйдешь на сцену и сыграешь «выборнаго!»

Мы, выслушивая всѣ эти остроты, стояли словно въ воду опущенные... Что такое? За что эта злоба? За что и почему? Не за то ли, что мы, оставленные и брошенные ими, нашли выходъ изъ положенія и ѣдимъ свой кусокъ хлѣба? Что же намъ было дѣлать?

Въ Воронежѣ дѣла опять были великолѣпны, и мы съ успѣхомъ играли тамъ половину зимняго сезона, а закончили сезонъ въ томъ же Ростовѣ въ старомъ зимнемъ Гайрабетовскомъ театрѣ.

Ростовъ въ то время и на половину не былъ такимъ, какимъ сталъ въ настоящее время. Я не такъ давно былъ въ Ростовѣ и положительно не могъ узнать прежняго Ростова, до того онъ разросся, раскинулся и украсился. Достаточно сказать, что въ то время вся часть города отъ вокзала по Садовой вплоть до городского сада, гдѣ теперь самая лучшая часть, состояла изъ деревянныхъ лачугъ, въ безпорядкѣ раскинутыхъ, скученныхъ и нагроможденныхъ одна на другую, а фабрика Кушнарева считалась уже почти за городомъ. Все же Ростовъ и тогда былъ бойкимъ, оживленнымъ и театральнымъ городомъ, и двѣ труппы, наша и Коврова въ Асмоловскомъ театрѣ, работали зимній сезонъ превосходно.

Труппа наша увеличилась и прибавился хоръ. Въ Воронежѣ примкнулъ комикъ Иванъ Евстратьевичъ Бурлака-Кирносъ, очень симпатичный товарищъ и прекрасный исполнитель роли «Вознаго» въ «Наталкѣ Полтавкѣ». Лучшаго исполнителя этой роли я, по крайней мѣрѣ, никогда не видалъ. Бурлака раньше служилъ въ русской труппѣ. Онъ былъ большой шутникъ и комикъ въ жизни. Между прочимъ, когда явился къ намъ пред-

лагать услуги и когда его спросили: какой онъ актеръ? Онъ вынулъ газетный номеръ и далъ прочитатъ такую рецензію:

«Малюту Скуратова игралъ Бурлака... но не тотъ знаменитый артистъ Василій Николаевичъ Андреевъ-Бурлакъ, извѣстный всей Россіи волжскій артистъ, а... *«бурлакъ»*... Про него и г-жу Лебедеву можемъ сказать, что это одно несчастье для Воронежскаго театра».

— Вотъ какой я актеръ, добавилъ онъ,—но я малороссъ и можетъ буду вамъ полезенъ.

Онъ былъ принятъ и оказался дѣйствительно полезнымъ на многія характерныя роли.

Я постъ прожилъ въ Ростовѣ, а съ Пасхи опять начали въ Симферополѣ. Затѣмъ уже набрались храбрости и, не страшась «корифеевъ», играли въ городахъ: Екатеринославѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Ялтѣ и зиму начали въ Мелитополѣ.

1886 годъ знаменателенъ тѣмъ, что наши украинцы впервые побывали въ столицахъ!

Когда мы играли въ небольшомъ уѣздномъ городишкѣ Мелитополѣ, наши «корифеи» подвизались съ громаднымъ успѣхомъ въ Петербургѣ. Объ этихъ успѣхахъ труппы украинцевъ мы съ завистью читали въ столичныхъ газетахъ.

Соблазнились этимъ успѣхомъ наши главари и задумали побывать въ коренной Россіи. Мечтать о столицахъ, конечно, никому и въ голову не приходило, а надо было подумать вообще о другихъ городахъ, а то въ южныхъ городахъ мы успѣли уже порядочно надоѣсть. Ежегодно, а то и по два раза въ годъ бывала то одна, то другая труппа; въ кіевскомъ же генералъ-губернаторствѣ играть малороссамъ все еще было запрещено.

Рискнули наши изъ Мелитополя ѣхать въ коренной русскій городъ Орель. Ёхали, конечно, съ большимъ сомнѣніемъ въ успѣхѣ.

И, дѣйствительно, первый спектакль далъ незначительный сборъ и прошелъ съ сомнительнымъ успѣхомъ.

— Не поймешь, что они болтаютъ, поютъ и пляшутъ хорошо.

Такъ отзывалась орловская публика.

Наши пали духомъ и повѣсили носы.

Какъ вдругъ на второмъ спектаклѣ (шла оперетта «Сватанье на Гончаривцѣ») намъ передаютъ, что изъ Москвы пріѣхалъ импрессарио Парадизъ, предлагаетъ Старицкому ѣхать въ Москву. Переговоры вели съ такой поспѣшностью, что слѣдующій спектакль отмѣнили, несмотря на то, что въ два часа дня надъ кассой былъ уже аншлагъ о полномъ сборѣ. Парадизъ уплатилъ

антрепренеру орловскаго театра всѣ убытки и неустойку по нашему договору, и вечерній поѣздъ насъ уже мчалъ въ Москву, а въ одиннадцатъ утра на слѣдующій день мы были въ Бѣлокаменной.

Георгъ Парадизъ въ Орлѣ смотрѣлъ у насъ оперетку «Сватанье на Гончаривци», ему она понравилась и онъ настоялъ, чтобы эта пьеса была первой поставлена и въ Москвѣ съ такимъ же составомъ исполнителей. Роли были распределены такъ: «Прокипа» игралъ Бурлака, «Одарку»—Вѣрина, «Ульяну»—Боярская, «Стецька»—Касиненко, «Солдата»—Пономаренко и я—«Олексія».

Потому что пріѣздъ нашъ въ Москву случился такъ неожиданно и заранѣе не былъ прорекламированъ, сборъ на первомъ спектаклѣ былъ далеко не полный. Это насъ отчасти смутило и заставило усомниться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ... Но Георгъ Парадизъ насъ успокоилъ:

— Все карашо, все карашо...

О томъ волненіи, какое мы испытывали до начала спектакля, и говорить нечего. Особенно волновался Бурлака,—его былъ первый выходъ. Онъ и подъ гримомъ блѣднѣлъ, бѣдняжка, и потъ крупными каплями струился по его лицу. Старицкій успокаивалъ насъ и подбодрялъ, а Парадизъ черезъ переводчика увѣрялъ, что столичная публика далеко снисходительнѣй провинціальной. Однако, это насъ мало успокаивало, а въ особенности меня, видѣвшаго сейчасъ спектакль въ Большомъ театрѣ. На меня даже находило какое-то уныніе и крѣпко сжималось сердце.

Но вотъ послышался ригурнель въ оркестрѣ и подняли занавѣсъ...

Спектакль начали!..

Зрителямъ представился великолѣпный видъ украинскаго села съ хатками-мазанками, утопающими въ зелени садовъ и огородовъ. Декорація въ одну ночь была прекрасно написана художникомъ-декораторомъ Грюннеромъ... Громъ аплодисментовъ раздался за декорацію и такимъ же взрывомъ былъ встрѣченъ Бурлака—пропойца-мужичекъ, убѣгающій отъ сварливой жены. Свои нехитрые куплеты онъ, по требованію публики, биссировалъ три раза... Намъ вздохнулось свободнѣй, мы сразу воспрянули духомъ. Значить бояться нечего, успѣхъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ обезпеченъ... И, дѣйствительно, каждый выходъ и уходъ дѣйствующихъ лицъ сопровождался такимъ же выраженіемъ восторговъ. Номера пѣнія, даже самые незначительные, заставляли биссировать по нѣсколько разъ. Въ антрак-

тахъ выходили на вызовы безконечно, а по окончаніи удостоились самой бурной оваціи...

Рубиконъ пройденъ,—успѣхъ нашъ въ Москвѣ обезпеченъ.

Всѣ облегченно вздохнули!..

Вторымъ спектаклемъ шла «Наталка Полтавка»... Проснувшись утромъ, я глянулъ въ окно, выходившее на Никитскую улицу почти насупротивъ театра, и замѣтилъ нѣчто необыкновенное: отъ театра по панели, прислонившись къ стѣнамъ домовъ, стояла гуськомъ толпа народа. Я не сообразилъ сразу, въ чемъ дѣло, и спросилъ коридорнаго:

— Это, баринъ, народъ стоитъ въ очередь отъ кассы театра за билетами на хохлацкія представленія.

Нечего говорить, что вечеромъ театръ былъ переполненъ, да и всѣ послѣдующіе спектакли проходили съ аншлагами на нѣсколько спектаклей впередъ. Чтобы попасть къ намъ въ театръ, билетами надо было запасаться, по крайней мѣрѣ, за недѣлю раньше или пріобрѣтать у барышниковъ за двойную и тройную цѣну.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались пьесы: «Наталка Полтавка» и «Не ходы Грыцю на вечерныци». Все время не сходили съ репертуара. Бывало, когда надоѣдало одно и то же, предлагали поставить новую пьесу, директоръ Парадизъ замашетъ и руками, и ногами:

— Нэтъ, нэтъ... «Фриць» и «Пултавку!»... закричитъ нѣмецъ съ своимъ комичнымъ акцентомъ.

Да и къ чему въ самомъ дѣлѣ было трудиться надъ постановкой новой пьесы, дѣлать затраты на декораціи и пр., когда эти двѣ пьесы давали все время полные сборы, и интересъ къ нимъ не ослабѣвалъ въ продолженіи всего зимняго сезона до поста включительно.

Валовой сборъ достигалъ солидной цифры 38.000 въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе небольшой Никитскій театръ и цѣны, да исключить субботы и предпраздничные дни, въ которые играть было воспрещено, значитъ каждый спектакль давалъ болѣе 1500 р. сбора. Успѣхъ рѣдкій и для Москвы. И вотъ настало время, когда въ обѣихъ столицахъ малороссы и все малорусское начало входитъ въ моду, ибо одновременно и въ Петербургѣ съ такимъ же успѣхомъ подвизались наши корифеи.

Нашъ нарасхватъ приглашали для участія въ благотворительныхъ вечерахъ и концертахъ. Газеты посвящали цѣлыя статьи и фельетоны. Въ продажѣ появились шапки, галстуки «а-ля малороссъ». Въ гастрономическихъ магазинахъ плакаты возвѣщали о полученіи «колбасъ и сала» прямо изъ Малороссіи. Нашъ

театральный буфетчикъ Я. В. Щукинъ, нынѣшній директоръ московскаго театра «Эрмитажъ», приготавлилъ въ буфетѣ бутерброды съ «настоящимъ малороссійскимъ саломъ» и въ антрактахъ публика истребляла ихъ цѣлыя горы. И говорятъ, будто эти бутерброды дали ему возможность начать столь грандіозное дѣло, владѣльцемъ котораго онъ теперь состоитъ.

Портреты наши раскупались нарасхватъ въ эстампныхъ магазинахъ Даціаро и Аванцо, фотографъ Труновъ не успѣвалъ ихъ заготовлять. Появились духи, мыло, конфеты и папиросы съ портретами нашихъ артистовъ. Водочные заводы Штритера, вдовы Попова, Смирнова и Кошелева выпускали «наливки», «запеканки», «нѣжинскую рябину» и пр. спиртуозы украинскаго культа. Музыкальныя фирмы издавали украинскіе романсы, пѣсни, гопаки и находили большой сбытъ.

Выходитъ публика изъ ресторана или театра, стоящіе у подъѣзда лихачи, предлагаютъ:

— Ваше степенство, не угодно ли,—прокачу на хохлѣ, онъ у меня «хохолъ» чистокровный!

Мальчишки на рождественскихъ или масляничныхъ базарахъ, предлагая пресловутаго «чорта въ банкѣ», выкрикивали:

— Купите вотъ: Манько въ банкѣ, самый ядовитый хохлацкій актеръ!

Вышло, что мы Москву совсѣмъ обмалороссили.

Языкъ нашъ, конечно, многіе не понимали, но, поддаваясь общему настроенію, шли, смотрѣли и нравилось. Я слыхалъ такой отзывъ простаго купчины-лавочника:

— Ловко хохлы представляютъ! И не по нашему вотъ, не понимаешь, что они тамъ болтають, развѣ поймешь пятое, либо десятое слово, а здорово у нихъ все это выходитъ.

Или, напримѣръ, дворникъ рассказываетъ швейцару нашихъ номеровъ содержаніе видѣнной имъ пьесы «Наталка Полтавка»:

— Вышла это барышня съ ведерками къ колодцу, деревенская по виду, изъ простыхъ она словно-бы, изъ хохлушекъ, а краля писаная... Поетъ это, поетъ, а голосъ такъ и рѣзливается: гдѣ ты, мой ненаглаженный? Куда это ты запропастился, женихъ мой безцѣнный? А тутъ выходитъ къ ней навстрѣчу верзила огромный, словно подъячій какой, либо чиновникъ съ судейскихъ кулеровъ и начинаетъ это онъ ей про свою любовь наяривать. Ужъ онъ къ ней и такъ, и этакъ, онъ къ ней, стало быть, въ чувствіяхъ, а она отъ него, онъ къ ней, а она отъ него... Ты, говоритъ, мнѣ противенъ, глаза бы мои на тебя не глядѣли... Прогнала это она его, а сама ходу, онъ и остался съ носомъ, все съ досады табачище понюхиваетъ... Какъ вдругъ, откель-

ни возмись, словно лѣшій какой, выскочилъ это рыжій перцыанинъ и давай отчитывать этого самаго стрюцкаго... Ужъ онъ его честилъ, честилъ, честилъ, честилъ, ловко таково и складно. Ты, говоритъ, это старый чортъ, куда же суешься съ пушнымъ рыломъ да въ калашный рядъ? Ну и ахтеръ—бѣда!.. Я полагаю, что онъ и нашему Михайлѣ Валентинычу Лентовскому не уважить!

Газеты, въ особенности «Московскій Листокъ» и «Русскій Курьеръ», давали о насъ самые лестные отзывы.

Съ нами охотно знакомились, приглашая въ дома, именитое московское купечество, не говоря уже о землякахъ, проживавшихъ въ Москвѣ, тѣ насъ встрѣчали какъ близкихъ и родныхъ.

Не обошлось и безъ поклонницъ, или такъ называемыхъ «психопатокъ»... Эти положительно осаждали своими назойливыми знакомствами и одолѣвали любовными записками. Отъ нихъ приходилось улепетывать изъ театра чернымъ ходомъ, иначе страдали наши носовые платки или ленточки (стрички), которые они разрывали на части и брали на память, а то и—кусались... ей-Богу, правда!

Словомъ, закончили мы зимній сезонъ въ Москвѣ блестяще, какъ въ сценическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Самое же главное заключалось въ томъ, что насъ принимали точно также восторженно въ Москвѣ, какъ нашихъ «корифеевъ» въ Петербургѣ. Мы могли хвалиться равными успѣхами. Правда, ѣдучи въ столицу, боялись, а вдругъ мы провалимся и «корифеи» восторжествуютъ... Теперь же мы смѣло могли сказать, что по успѣхамъ уравнились съ ними.

Постомъ въ Москвѣ вышла у меня съ дирекціей труппы размолвка. У насъ тогда было уже не товарищество, а какъ бы дирекція. Дирекцію составляли: Старицкій, Касиненко, Манько, Грицай и Вѣрина, остальные получали опредѣленное жалованье.

Размолвка самаго обыденнаго явленія,—я попросилъ незначительной прибавки къ жалованью и мнѣ отказали. Обиженный, я перешелъ въ новую труппу.

Труппу эту составилъ нѣкій Нагорный, до того служившій у насъ сценаріусомъ. Увлеченный успѣхами малороссовъ и имѣя небольшія средства, онъ списался съ Г. А. Ашкаренко и Г. И. Рѣшетниковымъ (служившимъ на русской сценѣ) и еще съ нѣкоторыми кременчугскими любителями, составилъ новую украинскую труппу, въ которую имѣлъ неосторожность поступить и я съ женой. Снялъ онъ въ первую голову городской театр въ Саратовѣ, гдѣ мы и начали играть съ Пасхи.

Труппа оказалась очень слабой, да и самъ новоиспеченный

антрепренеръ былъ плохимъ администраторомъ, не сумѣлъ поставить дѣла, и послѣ нѣсколькихъ спектаклей дѣло провалилось, онъ сбѣжалъ и насъ оставилъ въ самомъ безвыходномъ положеніи.

Тутъ я, какъ говорится, застрялъ на цѣлыхъ два мѣсяца. Пришлось голодать и уже не самому, какъ когда-то въ Кіевѣ, а вмѣстѣ женой и въ первый годъ замужества.

Остатки нашей труппы, сыгравъ нѣсколько спектаклей въ г. Вольскѣ, кое-какъ разбрелись кто куда, а я съ женой вернулся въ Саратовъ ждать у моря погоды...

Но прошло два мѣсяца нашего сидѣнія и голодовки, пріѣхала труппа Старицкаго и меня вновь приняли даже на увеличенный окладъ.

Изъ Саратова труппа отправилась вверхъ по Волгѣ: Самара, Симбирскъ, Казань, вездѣ дѣлали колоссальные сборы.

Въ Казани, на примѣръ, въ старомъ театрѣ Панаевского сада двѣ недѣли кряду не оставалось ни одного непроданнаго мѣста, кассиръ сдавалъ всегда одни корешки билетовъ. Въ одну ночь 50 рабочихъ передѣлали театръ, добавивъ болѣе 300 мѣстъ, и то не хватало. Дошло до того, что капельдинера продавали щели въ театрѣ и находились желающіе, платили деньги, чтобы хоть въ щелочку что-нибудь увидѣть.

Съ 15 іюля начали спектакли въ Нижнемъ-Новгородѣ на ярмаркѣ въ большомъ ярмарочномъ театрѣ, арендаторомъ и антрепренеромъ котораго въ то время былъ Д. А. Бѣльскій.

Тутъ пошла какая-то неразбериха...

Ставили, помимо малорусскихъ спектаклей, и оперы и опереты и такъ называемую «ломовую» драму: «Смерть Ляпунова», «Вѣчный жидъ», «Велизарій», «Тарасъ Бульба» (на русскомъ языкѣ) и др. Для этого въ составѣ имѣлись и русскіе драматическіе актеры. Намъ тоже приходилось участвовать и въ русскихъ драмахъ и операхъ и опереткахъ.

Несмотря на такой разнообразный репертуаръ, дѣла на ярмаркѣ были неважны, и наша дирекція понесла большіе убытки.

Театръ на ярмаркѣ былъ всегда въ упадкѣ и кто ни держалъ—кончалъ съ убыткомъ. Оно и неудивительно: ярмарка въ то время представляла изъ себя сплошную оргію разгула, разнузданности, безобразій и разврата, куда русскіе купцы, подъ предлогомъ торговыхъ сдѣлокъ, съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи. Пріѣзжали они больше для того, чтобы встряхнуться отъ годовой спячки и дать волю своей необузданной широкой натурѣ... Такому субъекту не до театра и разумныхъ развлеченій, онъ съ жадностью набрасывается на кабаки, шантаны и инныя мѣста разврата, а этой мерзости на ярмаркѣ всегда было великое

множество. Въ каждомъ трактирѣ были хоры арфистокъ, шансонетки, пѣвички и всевозможные увеселители. Тамъ русскій купецъ въ безпробудномъ пьянствѣ отводилъ душу и выказывалъ свои грубые, звѣринные инстинкты, устраивая всевозможныя оргіи, дебоши и, доходившіе до виртуозности по безобразію, кутежи и попойки. То именно время было такое, когда гг. купцы въ свое удовольствіе разбивали дорогія зеркала, пакостили въ рояли, мазали рожи горчицей и пр.

Даже такой энергичный губернаторъ, какъ Барановъ, съ неограниченными полномочіями на время ярмарки, издавая всевозможныя обязательныя постановленія къ укрощенію этихъ безобразниковъ, сталъ, наконецъ, принимать такія мѣры, какія допустимы лишь въ странѣ дикихъ африканцевъ. Бывало купчина въ пьяномъ угарѣ надебоширитъ и учинить какое ни на есть безобразіе, онъ его въ главный домъ до вытрезвленія, а по вытрезвленіи, не взирая ни на какую гильдію и положеніе, отдеретъ розгами, да еще въ газетѣ огласитъ буквально слѣдующее: «Мною такой-то (имя рекъ) за дебошъ, учиненный въ пьяномъ видѣ, наказанъ розгами... Предупреждаю, что и напредъ съ скандалистами буду поступать такъ же»... При мнѣ было много такихъ случаевъ.

Какой-то молодой человѣкъ, представитель иностранной фирмы, кутилъ съ пѣвицами въ ресторанѣ и у него изъ кармана исчезъ бумажникъ съ 7000 руб. денегъ. Онъ съ жалобой къ губернатору. Барановъ приказалъ хозяйкѣ хора немедленно возвратитъ деньги. Та заупрямилась... Тогда былъ вызванъ весь хоръ съ хозяйкой во главѣ, выстроенъ въ рядъ и приказано драть сначала хозяйку, а затѣмъ и пѣвицъ съ первой черезъ одну... Хозяйку отодрали,—молчить... Первую пѣвицу отодрали,—молчить... позвали третью.

— За что же меня? Хозяйка съ Манькой эти деньги припрятали,—выдала она.

Бумажникъ вернули, хозяйку вновь и Маньку отодрали, да и молодому иностранцу, чтобы не кутилъ съ русскими пѣвицами, дали 25 розогъ. Не помогли и протесты съ его стороны, что онъ иностранный подданный и пр.

А то у купца, кутившаго съ дѣвицами въ номерѣ гостиницы, исчезла пачка ассигнацій... Обыскали дѣвицъ—не нашли... Околоточный, замѣтивъ на стѣнкѣ на обояхъ жирное пятно, подъ обоями нашелъ спрятанными деньги... Оказывается—дѣвицы запрятали, а щель замазали коровьимъ масломъ.

Досталось и дѣвицамъ и купцу.

Высѣкли тогда и шантаннаго куплетиста А—ва за нечестную игру на билліардѣ, съ опубликованіемъ въ приказахъ.

Словомъ Барановъ не церемонился ни съ кѣмъ, но и такія жестокія и противозаконныя мѣры не унимали всякихъ ярмарочныхъ проходимцевъ, а купцы безобразили, придумывая все новые скандальные трюки.

Вотъ что творилось въ то время на «великомъ Всероссийскомъ торжищѣ»!

Въ Москвѣ мы начали зимній сезонъ въ сентябрѣ 1887 года въ театрѣ Шелапутина, подъ дирекціей Родона.

Дѣла уже пошли значительно слабѣе прошлогоднихъ. Новыя пьесы, какія вводили въ репертуаръ, успѣха не имѣли. Даже пресловутая опера «Риздвьяна ничъ», съ музыкой Н. Лысенко, возлагавшихся на нее надеждъ не оправдала и не выдержала болѣе 5 представленій. А между тѣмъ на постановку было затрачено много, а для исполненія партій съ Пасхи уже служили оперные артисты.

Почти одновременно съ нами начала спектакли въ Москвѣ въ театрѣ «Парадизъ» труппа «корифеевъ», во главѣ съ Кропивницкимъ, — «полнымъ Петербургскимъ ансамблемъ», какъ гласили анонсы.

Конкуренція кончилась не въ пользу «корифеевъ»... Не вывезли и новыя пьесы Карпенка-Караго: «Наймычка», «Бондаривна» и «Безталанна», которыя они оберегали тогда, какъ зѣницу ока, не позволяя ставить другимъ труппамъ. «Корифеи» послѣ десяти спектаклей уѣхали изъ Москвы.

Впрочемъ, въ Москвѣ труппа «корифеевъ» имѣла сценическій успѣхъ, въ особенности М. К. Заньковецкая. Отзывы о ней и Московской прессы были самые восторженные.

Въ томъ же сезонѣ въ Москвѣ еще одинъ незабвенный эпизодъ запечатлѣлся въ моей памяти... Я видѣлъ у насъ на спектаклѣ великаго Льва Николаевича Толстого!

Шла все та же пьеса «Не ходы Грыцю на вечерныци», намъ передали, что въ театрѣ семейство покойнаго писателя и имѣетъ быть самъ Левъ Николаевичъ. Въ антрактѣ послѣ второго дѣйствія говорятъ, что Левъ Николаевичъ въ ложѣ. Мы, участники спектакля, бросились къ отверстію въ занавѣси и стали смотрѣть въ ложу, находившуюся вблизи сцены во 2-мъ ярусѣ, желая увидѣть въ лицо мірового генія, слава котораго въ тѣ годы особенно гремѣла по всему свѣту. Къ великому огорченію онъ сидѣлъ далеко въ углу ложи, и мы видѣли только темный силуэтъ. Было какъ-то пріятно и даже жутко сознавать, что наше нехитрое зрѣлище смотреть такой геній-титанъ.

Поднялся занавѣсъ и начался 3-й актъ.

На сценѣ дѣвушки-прачки моють бѣлье и поють пѣсенку:

«Розвивайся ты, дубочку,
«На чотыры лысты,
«Любывь козакъ дивчыноньку
«Та не мате корысты!
«Ой, колы-бъ я, молодая,
«Та крылечки мала,
«То-бъ я свою Украину
«Кругомъ облитала!
«То-бъ я свою Украину
«Кругомъ облитала,
«То-бъ я свого мыленького
«По шапци впизнала!»...

Въ антрактѣ послѣ 3-го дѣйствія зашелъ къ намъ на сцену артистъ Московскаго малаго Императорскаго театра Ленскій (князь Оболенскій, кажется, родственникъ Толстыхъ), онъ былъ вмѣстѣ въ ложѣ и рассказалъ, что у Льва Николаевича во время этой грустной пѣсни, которую онъ прослушалъ съ большимъ вниманіемъ, показались слезы на глазахъ, и онъ, разстроенный, вышелъ изъ театра.

— На него сильное впечатлѣніе производятъ грустные народные мотивы...

Вспомнивъ о незабвенномъ писателѣ, приведу и другой случай, осчастливившій меня въ жизни его вниманіемъ.

Въ 1908 году украинская труппа, подъ моимъ управленіемъ, играла въ г. Царицинѣ (на Волгѣ). Въ томъ же году Россія торжественно праздновала 80-лѣтній юбилей маститаго старца. Я, съ своими сотрудниками, послалъ въ Ясную Поляну привѣтственный адресъ на украинскомъ языкѣ. На это привѣтствіе я былъ осчастливленъ полученіемъ благодарственнаго письма съ такою припиской, за собственноручной подписью Льва Николаевича: «К. И. Ванченко и его сотрудниковъ особенно благодарить за привѣтствіе Левъ Толстой».

Храню, какъ дорогую реликвію.

Въ январѣ, послѣ святокъ, мы изъ Москвы переѣхали въ Петербургъ.

Ѣхали туда съ опаской.

Въ то время почему-то существовало такое убѣжденіе: что нравится Петербургу, то не нравится Москвѣ, и наоборотъ. Да и «корифеи» насъ запугивали.

Играли и мы тамъ же, гдѣ и «корифеи», въ Маломъ театрѣ на Фонтанкѣ, подъ дирекціей В. А. Линской-Неметти, и, представьте, съ ничуть не меньшимъ успѣхомъ, какъ въ Москвѣ.

Особенно восторгались нашимъ ансамблемъ и чисто «Мейнингенской» постановкой массовыхъ сценъ, надъ которыми много

потрудились наши режиссеры Старицкій и Касиненко. Самъ глубокоуважаемый нашъ украинскій «дідъ» Даныло Мордовецъ (Мордовцевъ) отдавалъ предпочтеніе въ этомъ передъ «корифеями» и, увлекаясь, радовался успѣхамъ молодого украинскаго театра. Радовался и быстрому развитію родного искусства, что въ столь короткое время народилось *два* солидныхъ украинскихъ труппы съ многими очень талантливыми исполнителями...

Петербургская пресса, даже самая ядовитая, въ родѣ «Новаго Времени», отзывалась о насъ очень хорошо, хотя и высмѣивала наши наивныя «драмматическія драммы», съ горилкой и гопакомъ.

«Украинская колонія» приняла насъ весьма дружелюбно, какъ своихъ «ридныхъ». На поминкахъ великаго нашего поэта Тараса Шевченко, гдѣ обыкновенно собираются всѣ петербургскіе украинцы, панихиду пѣлъ нашъ хоръ, а на поминальный вечеръ пригласили труппу для участія въ концертѣ. Говорили рѣчи, произносили тосты, радовались, видя въ развитіи нашего театра ступень къ обновленію украинства, и пр.

Что и говорить, репертуаръ украинскихъ пьесъ въ то время былъ очень скудный. Приходилось ставить всякую белиберду разныхъ старыхъ драмодѣловъ. Наши новые драматурги Кропивницкій, Карпенко-Карый и Старицкій писали «усиленнымъ темпомъ», передѣлывая изъ русскаго и польскаго, и часто, измѣнивъ кое-что, выдавали за свое. Но въ то же время каждый изъ нихъ писалъ только для своей труппы, воспрещая постановку другимъ, въ видахъ все той же конкуренціи.

А тутъ и цензура запрещала все мало-мальски осмысленное или искажала до неузнаваемости красными чернилами.

Въ особенности почему-то не понутру были ей сюжеты историческіе изъ жизни Запорожья и Украинскаго казачества. Съ такими сюжетами бывало и не суйся, ихъ по всей вѣроятности и не читали, а прямо возвращали съ роковой надписью: «признано неудобнымъ».

Грѣшнымъ дѣломъ и я въ то время, соблазненный успѣхами нашихъ драматурговъ-перекраивателей, началъ пробовать свои силы на этомъ поприщѣ, желая въ то же время хоть чѣмъ-нибудь пополнить нашъ скудный репертуаръ. Я и до того изрѣдка пописывалъ, но лишь рассказы на русскомъ и украинскомъ языкахъ, помѣщая ихъ въ періодическихъ изданіяхъ («Кіевская Старина», въ Галицкой «Зорѣ», «Историч. Вѣстникъ» и др.). Передѣлалъ и я тогда для украинской сцены: «Вечиръ на хутори» (Ночное), и «Тарасъ Бульба» по повѣсти Н. В. Гоголя. Съ «Тарасомъ Бульбой» пришлось мнѣ много промаяться, пока разрѣшили. Посылалъ въ драматическую цензуру много разъ и все получалъ

съ лаконической надписью: «Къ представленію признана неудобной»... Я никакъ не могъ сообразить, что собственно въ этой драмѣ, передѣланной изъ такой популярной повѣсти извѣстнаго писателя, какую читають даже дѣти съ 8-ми лѣтъ и заучивають чуть ли не наизусть, цензура находила неудобнымъ. Я вымарывалъ и передѣлывалъ все, что по моему мнѣнію могло смущать цензора, такъ что въ концѣ-концовъ остался одинъ остовъ пьесы, посылалъ вновь и опять получалъ недозволенной.

И вотъ, ѣдучи изъ Москвы въ Петербургъ, я заручился рекомендаціей нашего театральнаго врача Миролюбова, который, какъ я случайно узналъ, былъ до того докторомъ при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати и съ этой рекомендаціей рѣшилъ лично побывать въ Главномъ Управленіи и вывѣдать у цензора тайну запрещенія. Цензоромъ украинскихъ драматическихъ произведеній былъ тогда нѣмецъ Фрейманъ. Насъ познакомили... Принялъ онъ меня довольно любезно и, когда я объяснилъ цѣль посѣщенія, онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ, замѣчу, съ большимъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Ви ужъ мнѣ съ эта пьесъ надоѣль, присылалъ нѣсколько разъ... Не могу, не могу... тамъ бей жидъ, бей ляховъ, это нехороша... Теперь на югъ, погромъ, погромъ, не могу...

— Вымарывайте все, что вамъ не нравится, г. цензоръ, только разрѣшите, вѣдь это въ сущности дѣтская пьеса, фантазія, въ разсказѣ читають маленькія дѣти, я для дѣтей собственно и написалъ, нѣчто въ родѣ картинъ-иллюстрацій къ повѣсти Гоголя,— уговаривалъ я его.

— Сейчасъ она въ докладѣ, я ее опять призналъ неудобной. Впрочемъ вы присылайте еще разъ, я просмотрю и сдѣлаю все, что возможно.

Онъ, повидимому, смягчился, благодаря рекомендаціи доктора, такъ какъ сейчасъ же началъ разспрашивать о немъ.

Такимъ путемъ я, наконецъ, добился разрѣшенія. Но, Боже, въ какомъ видѣ я получилъ ее! Мѣста живого не было, вся испещрена красными чернилами и всѣ лучшія мѣста и цѣлыя сцены вымараны. Въ такомъ же видѣ она была и напечатана (изд. Разсохина). А потомъ и слышишь укоры: «безобразная передѣлка» и пр. Неудивительно, что получилась не пьеса, а нѣчто невозможное: самъ сокращалъ до безсмыслицы, а цензура и въ конецъ доконала!

Несмотря на это, пьеса быстро разошлась въ рукописныхъ экземплярахъ по всѣмъ существовавшимъ тогда труппамъ, имѣла успѣхъ уже потому, что служила какъ бы иллюстраціей къ великому творенію Гоголя, а мнѣ принесла порядочный гонораръ.

Это меня поощрило и я продолжалъ строить, т.-е. передѣлывать, а то и свое сочинять, съ покорностью перенося всѣ строгости цензуры, а строгости эти порой доходили до смѣшного и до курьезнаго. Что можно было писать при такихъ условіяхъ: воспрещались безусловно всѣ переводы, воспрещались сюжеты историческіе, а въ пьесахъ изъ народной жизни не смѣй писать ничего, что задѣвало господъ (пановъ), какъ привилегированнаго сословія, не задѣвай: сельскія власти, церковныя причты до звонарей включительно, не трогай семейныя начала въ отношеніи непочтенія дѣтей къ родителямъ и даже не позволялось выводить продѣлки сельскихъ міроѣдовъ и кабатчиковъ. Словомъ, не могли задѣвать никого, кто по положенію выше простого мужика. Чести, значить, только его, несчастненькаго, сколько твоей душенькѣ угодно. Да и то о бѣдахъ его не больно распространяйся, ибо и ему, по мнѣнію цензора, живется вольготнѣе на Руси-Украинѣ.

Приведу примѣры:

Въ пьесѣ «Цыганы» (Аза), передѣланной мною изъ повѣсти І. Крашевскаго «Хата за околицей», въ одномъ мѣстѣ жена спрашиваетъ мужа:

— Розкажи, якъ тебе прийнявъ добрый панъ?

Мужъ отвѣчаетъ:

— Звычайно, якъ багатый приймае бідного... Давъ мени цихъ килька злотыхъ за такою пыхою, що кровъ ударила мени у голову, але я здержавъ себе и уклонився ёму до нигъ...

Все это было вымарано.

Вымарывались народныя поговорки: «панська ласка до порога», «панська губа, та зубивъ нема», «зъ паномъ балакай, а каминь за пазухой держы» и пр. Слово «панъ» было священо, которое мужику безъ должнаго уваженія произносить воспрещалось. Вымарывались фразы: «чинодралъ несчастный», «а ты что за чиновная персона?», «его болдородіе», «монахи—продувной народъ», въ этомъ видѣли непочтеніе къ чиновникамъ и духовнымъ особамъ.

Мужикъ обращается къ міроѣду и говорить:

— «Ты, Ироде, зъ старшыною зъ мене живцемъ шкуру здерлы!»

Зачеркнуто: «Ироде» и «зъ мене живцемъ шкуру здерлы», а написано сверху по-русски: «обидѣли меня».

И много, много въ этомъ родѣ, теперь и не вспомнишь.

Много курьезовъ получалось и отъ незнанія цензоромъ украинскаго языка, такъ на примѣръ:

— «Хочешъ двохъ кохаты разомъ? Ахъ ты, зводныку поганий!» «Зводныку» зачеркнуто. Вѣроятно, цензоръ нашель это слово

неприличнымъ, а между тѣмъ его значеніе отъ «сводитъ дѣвушекъ съ ума».

Строго воспрещалось придерживатьсѣ украинскаго правописанія: «и» вмѣсто «ы», а «і» вмѣсто «и». Такія рукописи возвращались нечитанными съ внушеніемъ: «придерживатьсѣ русскаго правописанія, ибо малорусскаго языка не существуетъ, а существуетъ «нарѣчіе».

Въ 1893 году я за пьесу «Мужычка» на конкурсѣ въ Галиціи получилъ премію изъ Галицкаго Краеваго фонда въ 250 гульденовъ. Однако пьесу эту я не могъ представить въ оригиналѣ въ нашу цензуру, такъ какъ тамъ простая мужичка убиваетъ барыню (пани) и ее никогда бы не дозволили. Я долженъ былъ перемѣнить названіе въ «Катерину», а барыню замѣнить «мѣщанкой», церковную же просфирню во «вдову фельдшера», выбросилъ нѣкоторыя сцены и тогда только получилъ дозволеніе.

Кстати расскажу и объ этомъ конкурсѣ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ удовольствіемъ сознать себя премированнымъ драматургомъ причинилъ огорченіе и непріятность.

Былъ у меня нигдѣ ненапечатанный рассказъ объ истинномъ происшествіи, случившемся въ одномъ селѣ Дубенскаго уѣзда на Волыни, сосѣднемъ по имѣнію моего дяди. О случаѣ этомъ я узналъ по рассказамъ дяди, а дядя былъ лично знакомъ съ жертвой преступленія.

Въ свое имѣніе изъ Варшавы пріѣхала помѣщица, молодая легкомысленная вдовушка, полька, и увлекла простаго крестьянскаго парня, невѣста котораго изъ ревности убила эту барыню. Рассказъ этотъ я передѣлалъ въ драму и прочиталъ служившему тогда у насъ въ труппѣ актеру, галичанину Костѣ Подвысоцкому. Онъ и посовѣтовалъ мнѣ послать ее на конкурсъ въ Галицію. Конкурсъ на украинскія драматическія произведенія тамъ бываетъ каждые два года, и преміи выдаетъ изъ особо ассигнованныхъ суммъ «Выдѣлъ краевый». Я послалъ и мнѣ присудили 2-ю премію. Это не понравилось «корифеямъ» нашей украинской драматической литературы и кто-то изъ нихъ послалъ на меня форменный доносъ съ обвиненіемъ, будто я получилъ премію незаконно, такъ какъ пьеса «Мужычка» есть дословный переводъ русской драмы Островскаго и Соловьева «Свѣтитъ, да не грѣетъ». У меня, дѣйствительно, есть одна сцена, схожая съ такой же сценой въ пьесѣ «Свѣтитъ да не грѣетъ», все же остальное ничего общаго не имѣетъ ни по ходу дѣйствія, ни по сюжету. Получаю вдругъ отъ предсѣдателя конкурснаго комитета г. Паньківскаго запросъ,—требуется объясненія и оправданія. Я въ оправданіе послалъ пьесу Островскаго для сравненія и потребовалъ въ свою

очередь новаго пересмотра пьесы Комитетомъ. Пересмотрѣли вновь и меня безусловно оправдали.

Пьеса «Мужычка» (у насъ «Катерина») пользуется и въ Галиціи, и у насъ большимъ успѣхомъ и по настоящее время не сходитъ съ репертуара.

Но... возвращаюсь къ прерванному.

Наступилъ постъ... Мы перекочевывали изъ Петербурга въ столицу Польши—Варшаву, такъ какъ тогда въ Царствѣ Польскомъ играть постомъ дозволялось.

Пріѣздъ нашъ въ Варшаву очень радушно привѣтствовала польская пресса. Насъ называли «братьями-славянами», а украинскую народность родственною польской въ историческомъ прошломъ и пр.

Но вышло такое обстоятельство, которое сразу охладило къ намъ прессу, а съ ней конечно и польское общество.

Тогдашній генераль-губернаторъ Гурко вызвалъ Старицкаго и, между прочимъ, высказался такъ:

— Это ваше братанье съ поляками мнѣ не нравится... Предупреждаю, если васъ поляки примутъ и будутъ проявлять какой-либо излишній «родственный» энтузіазмъ, я васъ удалю изъ края въ 24 часа!

Послѣ такого предупрежденія грознаго начальника края, что оставалось дѣлать? Или покинуть Варшаву, или заручиться русскими симпатіями.

И вотъ, по совѣту генерала Палицына, первые три спектакля мы сыграли въ «Русскомъ Собраніи».

Конечно, всѣ симпатіи поляковъ къ намъ сразу отхлынули, пресса замолчала, и къ намъ начали относиться даже враждебно.

Перешли затѣмъ въ театръ «Королевскій», поляки совсѣмъ не посѣщали нашихъ спектаклей, и успѣхъ въ Варшавѣ былъ сомнительный. Также безуспѣшно прошли праздники Пасхи въ Лодзи. Словомъ въ Царствѣ Польскомъ намъ не повезло, благодаря, конечно, извѣстному положенію, въ которое труппа была поставлена.

Это—первая неудача труппы за трехлѣтіе ея существованія.

Выбравшись изъ Царства Польскаго, мы гастролировали въ Вильнѣ, Минскѣ, Смоленскѣ, опять въ Москвѣ, а тамъ по разнымъ другимъ городамъ Россіи и Украины.

Два-три года труппу еще сопровождалъ матеріальный успѣхъ въ смыслѣ сборовъ, а затѣмъ съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже. Приходилось уже испытывать нужду и мыкать горе. Жалованье задерживали или выплачивали грошовыми подачками, а то «обѣденными порціями», доходившими до рубля

и полтинника. Все больше у публики ослабѣвалъ интересъ къ малорусскимъ спектаклямъ, и сборы падали. Къ тому же наши заправи́лы, въ надеждѣ на всегдашній матеріальный успѣхъ, зарывались и вели дѣло неумѣло. При частыхъ переѣздахъ изъ города въ городъ особенно чувствовалась эта нужда. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно прибѣгали къ займамъ подъ залогъ театральнаго имущества и актерскихъ пожитковъ. Дошло до того, что какъ выѣздъ, такъ и неизбѣжное исканіе денегъ на дорогу и плата бѣшеныхъ процентовъ да разныхъ комиссіонныхъ окончательно разоряли дѣло.

Отъ этихъ постоянныхъ залоговъ, конечно, больше всего приходилось страдать служащимъ. Перезаложать все наше, пріѣзжаемъ, а сборовъ нѣтъ и выкупить нечѣмъ, по мѣсяцу и по два приходилось ходить, въ чемъ собрался въ дорогу, бѣлья переменить не было.

Словомъ, такія комбинаціи при переѣздѣ и вѣчное исканіе денегъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ нашемъ съ виду кажущемся солидномъ дѣлѣ. Я не помню переѣзда, развѣ самаго незначительнаго, когда бы не прибѣгали къ займамъ. Обыкновенно дѣлалось такъ: находили ростовщика, который, понятно, за громадныя проценты давалъ необходимую сумму. Все имущество труппы отправляли черезъ посредство транспортной конторы «Надежда», а на сумму займа накладывали платежъ въ другомъ городѣ, куда переѣзжали. Хорошо, если въ томъ городѣ дѣла пойдутъ,—выкупали съ первыхъ сборовъ, а нѣтъ,—приходилось выплачивать частями, а то перезакладывать вновь на слѣдующій городъ и т. д.

Помню изъ какого-то города собрались уѣзжать, все уложено, упаковано, чтобы отправляться на вокзалъ, ждемъ пока произведутъ извѣстную комбинацію съ залогомъ багажа и выдадутъ деньги для расплаты съ гостиницей.

Мои дѣтишки играютъ съ дѣтишками актера Касиненко... мы жили въ одной гостиницѣ... Прислушиваюсь, что за странная у нихъ игра?

— Ты будешь контора «Надежда»,—говоритъ пятилѣтній черномазый бутузъ Тарасъ Касиненко моему бѣлобрысому Сергѣю,—а я буду Портуска. (Португаловъ—управляющій труппы, его прозывали «Портушкой»). Я буду привозить тебѣ закладывать багажъ, а ты мнѣ будешь давать деньги.

До чего, значить, это было обыденное явленіе, когда и дѣтишки знали и обратили въ игру.

Да, такое веденіе дѣла губило самое дѣло... Я помню случаи, что за заемъ въ 500 руб. приходилось платить другихъ 500 въ видѣ

процентовъ. Случалось еще и такъ, что въ одномъ городѣ кончаемъ спектакли, а другой еще не снятъ и вынуждены были принимать самыя невыгодныя условія по арендѣ театровъ, иначе труппѣ, мало не въ 100 человѣкъ, приходилось сидѣть безъ дѣла.

Прослужилъ я въ труппѣ подъ управленіемъ Старицкаго ровно десять лѣтъ, т.-е. до конца существованія ея подъ его управленіемъ, а затѣмъ начались мои скитанія по другимъ антрепризамъ и товариществамъ, успѣвшимъ за это время возродиться въ десяткахъ.

К. И. Ванченко.

Воспоминанія В. В. Берви¹⁾.

VII. Сибирскіе автономисты.

Въ Сибири насчитывали до ста тысячъ ссыльныхъ послѣ возстанія; въ Томскѣ было около тысячи, въ ничтожномъ городишкѣ Кузнецкѣ до полутора ста человѣкъ. Въ европейской Россіи ихъ было, вѣроятно, еще больше. Западный край перенесъ въ это время настоящее переселеніе народовъ; поляки переселялись въ Россію, а русскіе въ Западный край. Для русскихъ генераловъ и администраторовъ оказалось необходимымъ повторить исторію вавилонскаго плѣненія, чтобы усмирить возстаніе, до того безсильное, что оно нигдѣ не могло дойти до правильныхъ военныхъ дѣйствій; все дѣло ограничивалось партизанской войной. Лучшаго свидѣтельства своей бездарности и своего невѣжества эти правители не могли себѣ выдать. Большой наплывъ ссыльныхъ поляковъ возобновилъ пропаганду идеи отдѣленія Сибири. Около того времени, когда я находился въ Кузнецкѣ, эта идея привилась къ нѣкоторымъ молодымъ людямъ, которые составляли цвѣтъ сибирской интеллигенціи... Къ нимъ принадлежалъ... въ Томскѣ Шашковъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, Ядринцевъ, также писатель, Потанинъ, извѣстный впослѣдствіи путешественникъ. Такъ какъ все интеллигентное принадлежало къ ихъ кружкамъ, то имъ нетрудно было добыть себѣ органъ прессы. Кромѣ нихъ не было людей, способныхъ редактировать подобный органъ сколько-нибудь грамотно и сносно. Они дѣлали, что могли, но бдительное око цензуры и тайной полиціи противопоставляло имъ неодолимые препятствія. Получивъ отъ нихъ приглашеніе содѣйствовать ихъ предпріятію, я сталъ говорить съ народомъ съ цѣлью узнать, имѣетъ ли эта идея у нихъ корни. Я нашелъ въ народѣ крайнее озлобленіе противъ администраціи. Управление было до такой степени произвольное и безобразное, что всѣ были ожесточены, начиная отъ чиновниковъ и купцовъ и кончая крестьянами. Такъ какъ Сибирь была тѣмъ мѣстомъ, куда ссылались

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 2, 3, 4, 6 и 7—8.

самые важные политическіе агитаторы и преступники, то правительство умышленно поддерживало этотъ произволъ, зная всѣ его плачевныя послѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ заботилось, чтобы просвѣщеніе получало минимумъ распространенія. Оно видѣло въ этомъ для себя гарантію спокойствія. До какихъ предѣловъ оно доводило свою варварскую систему, видно изъ слѣдующаго. Полицейскіе чиновники могли сѣчь крестьянъ безъ суда и расправы, давая имъ по двѣсти розогъ и болѣе каждый разъ, когда это имъ приходило въ голову, напр., когда ямщикъ по несчастію опрокинулъ ихъ экипажъ. Мало этого съ разрѣшенія полиціи наниматели поступали такъ же съ нанимаемыми людьми. На золотыхъ промыслахъ не только золотопромышленникъ, но и каждый нарядчикъ объѣзжалъ работы съ нагайкой въ рукахъ и сѣкъ ею мужчинъ и женщинъ, сколько ему было угодно; если ему это показалось мало, онъ отсылалъ рабочаго на конюшню, гдѣ конюхи подвергали его жесточайшему наказанію. Жгучее негодованіе, которое горѣло въ сердцахъ интеллигентныхъ сибиряковъ, воплотившихъ знакомыхъ съ варварской подкладкой этой злодѣйской системы, было слишкомъ понятно; нельзя было не сочувствовать имъ, когда они съ рѣдкимъ самоотверженіемъ проповѣдывали свою идею и даже не обращали вниманія на отсутствіе шансовъ успѣха. Автономія была для Сибири, дѣйствительно, единственнымъ средствомъ спасенія; автономная Сибирь во всякомъ случаѣ не стала бы систематически подавлять въ своей средѣ просвѣщеніе. Она создала бы себѣ университетъ, котораго населеніе напрасно домогалось въ теченіе долгаго времени.

Мнѣ легко было понять, почему идея автономіи не могла привиться къ народу. Онъ былъ ожесточенъ тѣми притѣсненіями, которыя переносилъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о возможности существованія лучшихъ порядковъ; какую пользу могла ему принести борьба за свою самостоятельность, если бы онъ попрежнему остался во власти тѣхъ же чиновниковъ. О существованіи такихъ порядковъ и объ ихъ послѣдствіяхъ, о томъ, какъ люди отвоевывали себѣ свободу, я ему рассказывалъ, примѣняясь къ его понятіямъ и знаніямъ. Конечно, довольно трудно было разговаривать о такихъ вещахъ съ людьми, не слыжавшими, что земля кругла, почти не знавшими, что, кромѣ Россіи, есть другія государства на свѣтѣ, но зато же ихъ удивленію и любопытству не было предѣла. Скоро узнали въ окрестностяхъ о существованіи необычайнаго русскаго, и у меня никогда не было недостатка въ собесѣдникахъ. Я говорилъ съ ними, не стѣсняясь, публично на базарѣ, на перевозахъ, въ полѣ во время прогулокъ. Наконецъ, купцы и чиновники стали замѣчать послѣдствія этой

пропаганды, имъ удавалось подслушать между рабочими разговоры о такихъ предметахъ, о которыхъ они сами ничего не знали. Это ихъ пугало, въ ихъ воображеніи возникалъ образъ темной и непроницаемой для нихъ опасности. Мнѣ передавали, что они совѣтовались между собою, какъ поступить, но самый компетентный и развитой въ Кузнецкѣ человѣкъ, мировой посредникъ, полякъ Энгельфельдъ, разрѣшилъ ихъ сомнѣнія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ преслѣдовать человѣка за рассказы о томъ, что напечатано во всѣхъ, дозволенныхъ цензурою, книгахъ.

Ссылные поляки разсуждали объ этомъ съ другой точки зрѣнія, они говорили между собою, что ихъ полтора-два человѣка, и ими ничего не дѣлается для возбужденія населенія; явился одинъ русскій и бесѣдуетъ съ народомъ публично, какъ какой-нибудь еврейскій пророкъ. Побуждаемый этими разговорами, одинъ полякъ попыталъ революціонную пропаганду на базарѣ; его тотчасъ арестовали, и мнѣ пришлось писать для него прошеніе и доказывать, что онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ умопомѣшательства. Поляки спрашивали меня, отчего у меня подобныхъ исторій не выходитъ?—Очень просто,—поляки привыкли имѣть дѣло съ людьми, вполне подготовленными; они вели между католиками и поляками пропаганду, взывающую къ національной и религіозной ненависти. Тутъ не требуется никакихъ подготовленій, нужно только достаточно мужества, чтобы взять на себя инициативу. Въ Россіи же требуется взрастить въ людяхъ идею, о которой они никогда ничего не слыхали. Полякъ поступилъ по-польски,—онъ вышелъ на базаръ и взывалъ къ возстанію,—я никогда не говорилъ крестьянину о бунтѣ; я обсуждалъ съ нимъ его положеніе, рассказывалъ ему, какъ въ другихъ странахъ выходили изъ такихъ положеній. Не я ему, а онъ мнѣ говорилъ, что надо бунтовать, я же ему объяснялъ, что бунты не всегда бывали удачными и что дѣло это нужно дѣлать умѣючи.

Я былъ переведенъ въ Томскъ именно, въ то самое время, когда весь городъ былъ въ волненіи. Вся молодежь, которая столько старалась, чтобы внушить сибирякамъ идею сепаратизма, была арестована ¹⁾; по всей Сибири только объ этомъ и говорили. Это время я называлъ пропагандой собственными боками. Въ Россіи во всякомъ мѣстѣ, гдѣ было хотя сколько-нибудь интеллигентной молодежи, велась пропаганда; старались распространить ту или другую социальную или политическую идею, но русскіе не французы,—ихъ идеями пронять не такъ легко; имъ говорятъ,

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ на основаніи воспоминаній Гр. Н. Потанина, напечатанныхъ въ газетѣ «Сибирская Жизнь», см. въ ст. И. И. Потова въ «Голосѣ Минувшаго» 1915 г., № 1.

Ред.

а они слушаютъ и забываютъ. Только тогда, когда начинаются аресты, общество приходитъ въ волненіе, всѣ разспрашиваютъ въ чемъ дѣло, и идея быстро распространяется. Такъ было и въ Сибири: послѣ арестовъ всѣ ознакомились съ идеей объ автономіи Сибири, сибирскій патріотизмъ оживился, сдѣлался моднымъ; даже купцы на вывѣскахъ публиковали о сибирскомъ товарѣ, о товарѣ, приготовленномъ по сибирскому способу и т. п. Интеллигенція того времени похожа была на бабочекъ: чтобы родить идею, она должна была умереть.

VIII. Борьба съ томскимъ губернаторомъ.

Я уже упомянулъ о томскомъ губернаторѣ; его деспотическія замашки дали мнѣ возможность вести въ Томскѣ такую же пропаганду, какую я велъ въ Астрахани. Онъ сталъ строить гостинный дворъ и по самодурству своему распорядился для купцовъ, какъ нельзя хуже. Одинъ изъ купцовъ, Окуловъ, слышій великимъ законовѣдомъ, написалъ протестъ, который былъ подписанъ всѣми купцами. Губернаторъ озлился, купцы испугались и взяли свои подписи назадъ. Побѣдивъ, губернаторъ призвалъ сочинителя къ себѣ и обругалъ его самыми грубыми словами. Преисполненный мести, онъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Я убѣдилъ его, что борьба съ сибирскимъ губернаторомъ вещь не легкая, но что, имѣя на своей сторонѣ все общество, онъ можетъ имѣть успѣхъ, если онъ скроетъ свои чувства и выждетъ удобный для этого случай. Такъ онъ и сдѣлалъ; случай не замедлилъ представиться. Александръ II любилъ, чтобы назначаемые имъ губернаторы были популярны, и если губернаторъ добивался какой-нибудь милости, то онъ обыкновенно старался чѣмъ-нибудь доказать свою популярность. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ, томскій губернаторъ призвалъ къ себѣ городского голову и обѣщалъ ему орденъ, если онъ преподнесетъ ему дипломъ почетнаго гражданина города Томска; но тутъ то его и ожидало кораблекрушеніе. Соперникъ городского головы, узнавъ, что его врага ожидаетъ даже не медаль, а крестъ, вознегодовалъ до такой степени, что рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать ему скандалъ. Окуловъ искусно воспользовался этимъ настроеніемъ. Когда городской голова читалъ проектъ приговора о предоставленіи губернатору почетнаго диплома, его соперникъ, дѣйствительно, сдѣлалъ ему скандалъ; началась ругань. Скандалъ, который могъ задѣть губернатора, напугалъ купцовъ и мѣщанъ; они не любятъ быть свидѣтелями скандаловъ, а такого скандала избави Боже. Поощряемые Окуловымъ, всѣ кинулись бѣжать изъ думы, приговоръ остался неподписаннымъ. Вице-губернаторъ по-

совѣтовалъ поправить дѣло, разсылая приговоръ по домамъ. Этого я только и дожидался; я написалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Томскій городской голова предложилъ обществу поднести губернатору почетное гражданство, но общество не согласилось и разошлось. Теперь, по настоянію властей, члены думы поодиначкѣ принуждаются къ подписи приговора. Просимъ прекратить такой незаконный образъ дѣйствія».—Телеграмма эта подписана была отъ имени купцовъ купцомъ Окуловымъ, а отъ имени мѣщанъ двумя мѣщанами, изъ которыхъ одинъ получалъ огромный для мѣщанина доходъ въ тысячи рублей. Губернаторъ, понятно, сдѣлалъ попытку выставить телеграмму интригой. Городской голова собралъ для этой цѣли думу, но тогда купецъ Окуловъ произнесъ рѣчь, въ которой обрисовалъ всю дѣятельность губернатора по отношенію къ жителямъ города Томска. Это была дерзость неслыханная; подобнаго обвинительнаго акта никогда еще не раздавалось въ стѣнахъ думы противъ такого лица, какъ губернаторъ. Восторгъ и страхъ овладѣлъ одновременно всей думой; прежде чѣмъ Окуловъ кончилъ рѣчь, всѣ разбѣжались; приговоръ опять остался неподписаннымъ. Я посовѣтовалъ Окулову немедленно отправиться къ стряпчему и засвидѣтельствовать число подписей на приговорѣ. Начальникъ стряпчаго, прокуроръ, ненавидѣлъ губернатора за то, что онъ его однажды два часа продержалъ у себя въ передней, а потому стряпчій поѣхалъ и засвидѣтельствовалъ недѣйствительность приговора. Дѣло попало въ столичную печать, которая восхищалась самостоятельностью томскихъ гражданъ и поощряла ихъ къ оппозиціи. Между тѣмъ губернаторъ уволилъ стряпчаго, а прокуроръ, бывшій въ это время въ Омскѣ, доложилъ генераль-губернатору о противузаконныхъ затѣяхъ томскаго губернатора. Генераль-губернаторъ воспретилъ губернатору принимать почетное гражданство и къ официальной бумагѣ присовокупилъ собственноручную записку о томъ, чтобы онъ не позволялъ себѣ никакихъ актовъ мести. Мѣщане торжествовали, совершилось невозможное: они побѣдили губернатора! Я получилъ прозваніе «полезнѣйшаго человѣка» и всегда готовую слушать меня аудиторію, состоявшую изъ людей изъ народа. Губернатору воспрещена была месть, но это дѣло принялъ на себя вице-губернаторъ. Однако же имъ пришлось раскаяться въ томъ, что они не послѣдовали благоразумному совѣту генераль-губернатора. На месть кто-то отвѣтилъ местию; сдѣланъ былъ поджогъ у дома вице-губернатора, а затѣмъ и у дома губернатора. У губернатора сгорѣла одна изъ надворныхъ построекъ, которая скоро была потушена; все-таки губернаторъ со-

средоточилъ всю пожарную команду около своего дома, которому не угрожало никакой опасности, и этимъ сжегъ весь городъ. Ожесточеніе жителей не имѣло предѣловъ, всѣми читались подпольные листки, которые изображали образъ дѣйствія губернатора во время пожара. Губернаторъ потребовалъ отъ думы весьма обременительныхъ для мѣщанъ мѣръ ради предупрежденія пожаровъ, и когда противъ этого зашумѣли въ городѣ, онъ назначилъ въ думѣ совершенно противузаконное засѣданіе, на которое пригласилъ чиновниковъ, занимавшихъ наиболѣе высокія мѣста, и пріѣхалъ самъ. Онъ началъ съ того, что произнесъ грозную рѣчь; лишь только онъ кончилъ, купецъ Окуловъ спросилъ его, почему на пожарѣ не было трубы, за которую городъ заплатилъ триста рублей. Другой членъ думы сдѣлалъ подобный же вопросъ, и со всѣхъ сторонъ на губернатора посыпались вопросы, которые всѣ были направлены къ тому, чтобы доказать, что истиннымъ виновникомъ несчастья былъ онъ, губернаторъ. Въ думѣ поднялся сильный и громкій ропотъ. Губернатору никакъ не могло прійти въ голову, что въ думѣ ему осмѣлятся дѣлать интерпелляціи; онъ растерялся и перепугался, очутившись лицомъ къ лицу съ обозлившейся толпой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя, обругался ругательски и вышелъ. Тогда Окуловъ написалъ приговоръ, въ которомъ изложено было поведеніе губернатора въ думѣ и прописаны были всѣ ругательныя слова, которыя онъ произнесъ.

Вечеромъ собрались ко мнѣ, чтобы писать телеграмму, которая предназначалась уже для доклада императору. Когда мы писали первую телеграмму, очень трудно было найти лицъ, согласныхъ ее подписать. Только купецъ Окуловъ и мѣщанинъ Гундобинъ никогда не показывали нерѣшительности. Гундобину это дѣлало тѣмъ болѣе чести, что онъ не имѣлъ никакихъ личныхъ счетовъ съ губернаторомъ и руководствовался однимъ общественнымъ интересомъ. Теперь охотниковъ подписать телеграмму было сколько угодно. Мѣщане негодовали на сдержанность своихъ руководителей, на то, что губернаторъ не былъ выброшенъ изъ окна на растерзаніе толпѣ. Въ телеграммѣ говорилось, что городъ сгорѣлъ, что населеніе находится въ крайнемъ возбужденіи; затѣмъ описано было поведеніе губернатора въ думѣ, прописаны всѣ ругательства, которыя онъ произносилъ, и прибавлено, что въ эту опасную минуту губернаторъ сдѣлалъ все, чтобы вызвать народные безпорядки, но что руководителямъ общества удалось сдержать народное негодованіе. Начальника губерніи встрѣтили въ думѣ и проводили съ почетомъ, приличнымъ его званію. Въ заключеніи высказана была просьба внушить

губернатору благоразуміе и спасти этимъ городъ отъ большого несчастья.

Начало уже свѣтать, когда телеграмма была окончена, я хотѣлъ еще разъ громко прочесть и обсудить ее; вдругъ послышались какіе то звуки. Одинъ изъ мѣщанъ вскочилъ блѣдный и произнесъ: «курица запѣла—быть бѣдѣ!»—Я вспомнилъ римскихъ плебеевъ въ борьбѣ съ патриціями и ихъ предразсудки. Телеграммѣ грозило крушеніе, пришлось немедленно прекратить разсужденія и дать ее подписать. Я настоялъ на томъ, чтобы она ночью же была отправлена на телеграфъ, вмѣстѣ съ купцами отправился туда самъ и ждалъ до тѣхъ поръ, пока податель телеграммы возвратился съ извѣстіемъ, что начальникъ телеграфа по причинѣ важности дѣла былъ разбуженъ и заявилъ, что онъ самъ немедленно будетъ ее отбивать. Эффектъ телеграммы былъ такимъ, какимъ его можно было ожидать; губернаторъ рвалъ и металъ отъ злости и въ то же время трусилъ до того, что возбуждалъ всеобщій смѣхъ. Тутъ я только увидалъ, какъ велико было всеобщее озлобленіе противъ этого злодѣя. Забавно мнѣ было видѣть чиновниковъ; они при каждомъ случаѣ выражали мнѣ свои восторги и свое горячее сочувствіе и при этомъ трусили безмѣрно; на улицѣ, пожимая мнѣ сердечно руку, они оглядывались кругомъ, нѣтъ ли гдѣ вблизи всевидящаго ока. Восторгъ мѣщанъ былъ даже трогателенъ, въ немъ было что то свѣжее, молодое, наивное. Увѣряли меня, что тѣ минуты, когда они подписывали приговоръ противъ губернатора, они въ жизни своей не забудутъ, что я у нихъ навѣкъ останусь въ памяти, что они и дѣтямъ своимъ будутъ разсказывать, какъ боролись. Вскорѣ я былъ переведенъ въ Вологду, и уже въ Вологдѣ узналъ изъ газетъ, что и губернаторъ и вице-губернаторъ были уволены отъ своихъ должностей. Типиченъ финалъ этого дѣла. Чиновники ненавидѣли губернатора и были въ восторгѣ, когда онъ лишился мѣста; но новому губернатору вовсе не нравился такой прецедентъ; онъ находилъ, что надо дать гражданамъ острастку, чтобы не повадно имъ было спихивать губернаторовъ. Подъ его вліяніемъ окружной судъ безъ малѣйшаго законнаго основанія приговорилъ купца Окулова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. А такъ какъ по закону лица, приговоренные въ первой инстанціи къ лишенію всѣхъ правъ, берутся подъ стражу, то Окуловъ былъ заключенъ въ острогъ. Затѣмъ начались разныя проволочки, и онъ два года сидѣлъ въ острогѣ, прежде чѣмъ сенатъ призналъ его вполне невиннымъ и освободилъ. Несмотря на всю возмутительность такого противозаконія, судъ ничѣмъ не рисковалъ: онъ не отвѣчаетъ за свое мнѣніе.

В. Берви.

Изъ воспоминаній¹⁾.

IV. Томскъ.

По дорогѣ въ Томскъ ямщики то и дѣло сѣтовали на судьбу, и мы съ ними бесѣдовали по душѣ, удивляясь, гдѣ беретъ русскій человѣкъ силу выносить свое положеніе. Нашъ стражъ, солдатикъ, все время молчалъ и только слушалъ, напряженно слушалъ.

По приѣздѣ въ Томскъ мы съ мужемъ подумали: «а что, вѣдь можетъ выйти непріятность, въ этихъ случаяхъ, всяко бываетъ».

Прошло около недѣли. Является солдатикъ и проситъ порученій въ Кузнецкъ, общается все исполнить въ точности.

Но въ немъ, замѣтно, что-то измѣнилось, и это ясно выражено: голосъ точно звучитъ громче и въ поведеніи что-то особенное, дружеское, искренное.

Мы приглядываемся къ нему съ изумленіемъ; приглашаемъ закусить, выпить чаю и всѣ вмѣстѣ садимся за столъ. Каково же было наше изумленіе, когда солдатикъ вдругъ разражается похвалами и благодарностями по нашему адресу.

«Не думалъ я и не чаялъ, что есть такіе на свѣтѣ господа, которые правду говорятъ и правду творятъ. Знаете ли, баринъ, мы въ казармѣ, почитай, ночи не спали, все про васъ разговаривали, всѣ ваши рѣчи обсудили и переговорыли. Пожалѣли мы васъ, вотъ какъ пожалѣли, истинный Христосъ! И до чего вы все правильно поняли: и наше житіе, и нашу работу, и утѣшеніе: «вотъ, говорятъ солдатики, намъ бы такихъ начальниковъ, не бойсь бы не обидѣли, отъ пайка бы не урвали».

А я имъ въ отвѣтъ: «Шалишь братъ, такихъ людей правильныхъ начальство подъ конвоемъ возитъ да гоняетъ, съ мѣста на мѣсто, а жулики въ апалетахъ на тройкахъ съ бубенцами катаютъ, да зуботычины вправо да влево раздаютъ, вотъ она какова правда на міру».

«Признаться» продолжалъ онъ, «я думалъ, что только за старую вѣру люди страдать могутъ, такихъ мнѣ видѣть случалось, а

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 5, 6 и 7—8.

вдругъ Богъ послалъ мнѣ такую встрѣчу... значитъ есть на Россѣ такіе люди, что объ насъ печалуются, да насъ не забываютъ. Вотъ, думаю, пріѣду въ нашъ гарнизонъ, все расскажу, все какъ есть, до ниточки».

Въ Кузнецкой крѣпости былъ маленькій гарнизонъ, при чемъ половина новобранцевъ, а другая изъ инвалидовъ. И вдругъ такой горячій прозелить.

Намъ случайно пришлось первый мѣсяцъ остановиться въ гостиницѣ, гдѣ останавливался Бакунинъ. Хозяйка старая, но еще очень бодрая женщина съ удовольствіемъ вспоминала о немъ и, не предполагая, что мы знаемъ, кто такой Бакунинъ, сказала: «да вы, пожалуйста, не подумайте, что это какой-нибудь простой мазурикъ, нѣтъ... поднимай выше, этотъ, знаете ли, человѣкъ, у нѣмцевъ такую бучу устроилъ, такъ ихъ настроилъ, что они взбунтовались, и они его, голубчика нашего, только что не царемъ своимъ сдѣлали; сказываютъ три дни онъ у нихъ тамъ колобродилъ. Вотъ тебѣ и русскій ссыльный».

«Слыхали мы, даже, что самъ государь покойный Николай Павловичъ изволилъ про него шутку шутить: «одинъ, говоритъ, русскій, какихъ тамъ у нѣмцевъ дѣловъ надѣлалъ, а пошли я имъ десятокъ такихъ молодцовъ, такъ они бы у нихъ все верхъ дномъ перевернули». Право! вотъ каковы русскіе люди, коли сгорячатся».

Въ Томскѣ насъ встрѣтила неожиданная удача. Въ поискахъ за квартирой мужъ случайно встрѣтился съ Павломъ Александровичемъ Ивановымъ, воспитанникомъ декабристовъ, который предложилъ намъ занять у него флигель со столомъ, за недорогую цѣну, а вечеромъ, сидя за картами, онъ сказалъ, между прочимъ, своему партнеру золотопромышленнику и заводчику Хотимскому, что у него остановился профессоръ изъ Петербурга, сосланный по политическимъ причинамъ.

Ивановъ типично передалъ намъ свой разговоръ съ Хотимскимъ, подражая его жаргону, и прибавилъ съ оживленіемъ: «а вѣдь умный народъ эти евреи, ну какъ ихъ не похвалить».

«Не успѣлъ я выговорить, какъ онъ присталъ ко мнѣ: вы говорите профессоръ и сосланъ, значитъ—умный и честный человѣкъ. Такъ давайте же его мнѣ въ контору, мнѣ такихъ нужно, давайте скорѣе, сейчасъ же».

— Помилуйте, говорю, да онъ теперь въ постели, еще потревожишь, вѣдь это мы съ вами полуношничаемъ, до свѣту въ карты играемъ. Если хотите, завтра привезу».

— Привезите, непременно завтра привезите,—съ оживленіемъ настаивалъ онъ.—Понимаете? Честный человѣкъ, да еще ученый

человѣкъ, вѣдь это находка, понимаете, дорогая находка, и если наши узнають, то, пожалуй, перебьютъ его у меня и придется еще цѣну поднять. А что, какъ вы думаете, пойдетъ онъ ко мнѣ за 50 рублей въ мѣсяцъ.

Ивановъ, зная состояніе нашихъ финансовъ, отвѣтилъ утвердительно, и уже черезъ день мужъ сидѣлъ въ конторѣ Хотимскаго и писалъ разныя юридическія бумаги.

Не обошлось и безъ курьезовъ.

Мы съ Ивановыми весело смѣялись, когда мужъ разсказалъ объ эксцентрическомъ порученіи патрона. Требовалось написать бумагу въ такомъ духѣ, что Окружный Судъ надо сжечь, а судей отправить чуть ли не въ каторгу.

По дѣламъ службы, для совершенія нотаріальныхъ актовъ и всякихъ коммерческихъ бумагъ и условій, мужу былъ необходимъ свободный проѣздъ по всему пространству Сибири, въ чемъ губернаторъ, конечно, не отказалъ Хотимскому, и мужъ широко воспользовался этимъ правомъ, изучая на мѣстѣ страну и ея жителей. Онъ заготовлялъ тогда матерьялъ для своей книги «Положеніе рабочаго класса въ Россіи».

Свое горячее желаніе повидать Петрашевскаго исполнить ему не удалось. Онъ наводилъ справки, искалъ его то въ Минусинскѣ, то въ Ачинскѣ, то въ Маріинскѣ, но оказалось, что Петрашевскій незадолго до того умеръ, и мечта осталась мечтой.

И въ Томскѣ намъ не удалось повидать лидеровъ сибирскаго сепаратистскаго движенія.

Потанинъ и Ядринцевъ были увезены за мѣсяцъ до нашего пріѣзда, а съ пользовавшимся репутаціей большого радикала П. у насъ вышла большая неловкость. Цѣлый вечеръ, сидя у насъ, онъ говорилъ о недостаткахъ русскаго народа и, наконецъ, воскликнулъ съ пафосомъ: «вы заступаетесь за мясо, пропитанное сивухой»...

На этомъ наше знакомство и кончилось.

Нашъ дружный кружокъ состоялъ всего изъ супруговъ Ивановыхъ, адвоката Акулова съ женой, рѣдкой души молодой женщины, и студента Самарина, сосланнаго за студенческое движеніе въ томскій батальонъ штрафованнымъ рядовымъ. Онъ когда знакомился, то и рекомендовался такъ: штрафованный рядовой. По молодости и крайней впечатлительности онъ любилъ эффектныя рѣчи, эффектныя положенія и не могъ не позировать. Это было его слабостью.

Пѣвецъ онъ былъ удивительный и такая музыкальная натура, что во время пѣнія, онъ, независимо отъ своего собственнаго желанія, постоянно варьировалъ мотивъ; а мы только изумля-

лись его творческимъ музыкальнымъ способностямъ. Онъ пѣлъ и польскія, и малорусскія, и русскія пѣсни Огарева. Пѣлъ онъ еще «Маршъ Зуавовъ», революціонный призывной кличъ. Маршъ каждую строфу заканчивалъ мощнымъ припѣвомъ: «на буй на кровавый, теньжкій, но правый, маршъ маршъ!».

Самымъ пріятнымъ временемъ было послѣобѣденное, часъ или полтора. Соберемся у насъ за чайнымъ столомъ, а Самаринъ ходитъ по комнатѣ и поетъ. Мужъ послѣ обѣда уходилъ въ контору въ три, а иногда и въ половину четвертаго и слушалъ пѣніе. Акуловъ, вѣчно воевавшій съ губернаторомъ, совѣтовался съ мужемъ, какъ съ юристомъ, а мы чѣмъ дальше, тѣмъ горячѣе и тѣснѣе дружились съ очаровательной Капитолиной Петровной.

Чуткая къ добру, она восторженно воспринимала все хорошее и говорила, что это ея единственное утѣшеніе.

Знакомыхъ у нея не было. Она не могла сойтись съ женами чиновниковъ, она говорила, что находить удовлетвореніе лишь въ общеніи съ нами, а кромѣ того она очень любила пѣніе и, слушая, наслаждалась.

Никто изъ насъ, однако, не подозрѣвалъ, что наша няня, Катя, жадно прислушивалась къ нашему пѣнію. Никогда, ни словомъ, ни намекомъ, не выдавала она своихъ мыслей, а задумала она недоброе. Но вскорѣ все разъяснилось.

Она покинула насъ, грубо и рѣзко, заявивъ, что соскучилась, но не прошло и шести недѣль, какъ наступила разгадка. Въ одно морозное ноябрьское утро въ нашъ дворъ въѣхало съ полдюжины саней. На крылечкѣ зазвенѣли шпоры, и вошли незваные и немилые гости: полиція, жандармы и понятые.

Рылись они рылись. Шарили и трясли, перерыли бѣлье, вещи и книги. А когда поѣхали, то захватили мой альбомъ со всѣми дорогими мнѣ стихами, рисунками и карикатурами, такъ ярко и хорошо иллюстрировавшими нашу ссыльную жизнь. И посейчасъ, когда прошли долгіе годы, не могу вспомнить объ этомъ безъ сожалѣнія.

Велико же было наше изумленіе, когда разъяснилось, что причиною всего этого была наша Катя. Она предпочла поступить въ веселую компанію Марголи, торговки на всѣ руки, принимавшей гостей. Оказалось, что она производила настоящій фуроръ, что у Марголи не было отбоя отъ гостей, восхищавшихся пѣніемъ Кати. Что же касается до пѣсенъ, то, въ виду ихъ направленія, премудрая полиція рѣшила, что мы специально обучили дѣвушку пѣть политическія пѣсни съ цѣлью пропаганды и на этомъ основаніи сдѣлали обыскъ.

Въ Томскѣ, между сосланными поляками, мы были знакомы

съ врачомъ Ожешко и его женой, прекрасной, преданной душой. Онъ былъ сосланъ за лѣченіе повстанцевъ, но заболѣлъ на одномъ изъ этаповъ тифомъ, и когда она узнала объ этомъ, то примчалась изъ края, чтобы ухаживать за больнымъ. По мнѣнію товарищей, это подѣйствовало на молодого врача лучше латинской кухни, и когда онъ выздоровѣлъ, то ксендзъ обвинялъ ихъ.

Ожешко занимали домъ вмѣстѣ съ другимъ польскимъ семействомъ, гдѣ жена зарабатывала, давая уроки, а мужъ хозяйничалъ. Супруги не производили впечатлѣнія идейныхъ людей; они смотрѣли на возстаніе съ экономической точки зрѣнія, скорбѣли объ убыткахъ, перенесенныхъ помѣщиками, когда одновременно приходилось удовлетворять требованіе, какъ повстанцевъ, такъ и русскихъ солдатъ. Они рассказывали съ негодованіемъ, что приходится, напр., банда и забираетъ все, что есть въ хозяйствѣ. Вслѣдъ затѣмъ являются русскіе солдаты и также требуютъ провіанта. Имъ отвѣчаютъ: «ничего нѣтъ». — Не вѣрятъ.

«Въ такомъ случаѣ пойдите въ погребъ и кладовыя, и вы убѣдитесь, что въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ».

Отправляются посланные на развѣдки по кладовымъ и, не найдя ничего, начинаютъ въ бѣшенствѣ ломать горшки, чашки и кадушки. Они производятъ въ хозяйствѣ истинный разгромъ, оставляя за собой поле битвы, усѣянное черепками и всевозможными обломками и осколками.

Мы познакомились еще съ очень выдающимся и достойнымъ человѣкомъ Хмѣлевскимъ, бывшимъ до ссылки въ Сибирь председателемъ гражданской палаты въ Ковно.

Было видно по всему, что человѣкъ этотъ провелъ съ честью свою роль въ движеніи. Въ ссылкѣ ему пришлось крайне тяжело. Какъ человѣкъ безукоризненно честный, онъ ничего не могъ сберечь на старость и долженъ былъ взять мѣсто въ полиціи и служить за 25 р. въ мѣсяць. Онъ жилъ въ Томскѣ съ женою и двумя сыновьями.

Однажды приходитъ ко мнѣ пани Ожешко и рассказываетъ съ негодованіемъ о поступкѣ Лапинскаго, поляка, служившаго въ канцеляріи губернатора и завѣдывавшаго перепиской политическихъ сосланныхъ. Передъ нею только разыгралась жгучая сцена отчаянія. Дѣло было такъ: одинъ изъ сосланныхъ поляковъ, музыкантъ по профессіи, въ мучительной тоскѣ по покинутому семейству, пошелъ къ Лапинскому справиться, нѣтъ ли письма съ родины. Входитъ во дворъ, приближается къ крыльцу нашего цензора, какъ вдругъ, навстрѣчу ему чья-то рука выбрасываетъ въ окно, цѣлую массу порванныхъ въ клочья

исписанныхъ почтовыхъ листовъ. И вѣдь бываютъ же такія злополучныя совпаденія. Бумажки разлетаются, вѣтеръ разноситъ ихъ по двору, а нѣкоторыя изъ нихъ кружатся и вертятся около него. Инстинктивно онъ хватаетъ нѣсколько обрывковъ, которые можетъ поймать на-лету и видитъ почеркъ своего дорогого сына, по которому онъ страстно тоскуетъ, къ которому стремится всѣмъ существомъ своимъ и съ которымъ онъ не видался уже болѣе года. На обрывкѣ отрывочныя слова ласки, призыва къ дорогому отцу. О, проклятіе, вѣчное проклятіе всѣмъ гонителямъ, тиранамъ и добровольнымъ шпионамъ. Даже шпионскаго дѣла Лапинскій за деньги не могъ дѣлать, какъ слѣдуетъ, и тутъ его не хватало. Лѣнь стало читать всю массу писемъ, и онъ предпочелъ ихъ рвать и выбрасывать изъ окна.

А какъ ждали изгнанники вѣсточку отъ семьи, съ родины! Все, начиная отъ главнаго и кончая всякой мелкой вѣстью, будь она общественнаго или семейнаго характера, заставляло горячо биться сердце, изнывшее отъ ожиданія. Корреспонденція шла цѣлый мѣсяць, мѣсяць на отвѣтъ, если письмо не завалется и не затеряется. Итого 60 дней и снова ждать. Но и судьба бываетъ жестока и неумолима. Вѣдь нужно же было, точно по уговору, одному выбросить за окно дорогія дѣтскія строки, а другому подойти именно въ ту минуту, когда вѣтеръ прямо бросаетъ ихъ къ нему въ руки!

Конечно, это вызвало въ душѣ музыканта цѣлый адъ безсильной, но мучительной злобы и довело его до нервнаго припадка, что очень взволновало его друзей.

Разсказывая про отчаяніе скрипача, Ожешко плакала, и я вмѣстѣ съ нею. Мы обѣ одинаково чувствовали и сознавали наше полное безправіе. Даже патентованному сыщику мы не могли помѣшать терзать насъ.

Пожаловаться или упрекнуть его... но вѣдь это значило бы никогда болѣе не получать писемъ, это значило бы вызвать съ его стороны цѣлую систему мщенія и преслѣдованія ¹⁾.

Оставалось переносить.

А что долженъ былъ переносить Хмѣлевскій, служа въ полиціи, отъ грубой мелкотравчатой среды. Образованный и корректный человѣкъ оказался среди общества писарскихъ отбросовъ, не стѣснявшихся при немъ выпрашивать и выжимать пятакъ. Онъ, который былъ фанатикомъ честности и грозой

¹⁾ Мужу моему Лапинскій любезно заявилъ: О, я васъ хорошо знаю, даже съ философскими взглядами вашими знакомъ; кузнецкіе поляки просвѣтили меня. Они много писали въ своихъ письмахъ по поводу вашихъ идей и вашихъ лекцій».

взяточниковъ, онъ, уважаемый начальникъ, извѣстный въ своемъ городѣ человѣкъ, а теперь... писецъ полицейскаго управленія. Ясно, что, въ силу сознанія своего безправія и безсилія, онъ не хотѣлъ и не могъ жить и умеръ; но это случилось послѣ нашего отъѣзда.

При насъ хоронили пана Твардовскаго, очень образованнаго и почтеннаго человѣка, который слылъ и умнымъ, и начитаннымъ. Матерьяльной нужды панъ Твардовскій не зналъ. Онъ молча наединѣ грызъ свое горе, пока тоска не подточила его жизни.

* * *

Но вотъ прошелъ годъ нашего пребыванія въ Томскѣ.

Хотимскій становился все добрѣе и любезнѣе. Его приводило въ настоящій восторгъ обыкновеніе мужа работать безъ перерыва цѣлую недѣлю.

— Какъ же вы хотите, чтобы настоящій человѣкъ поступалъ иначе,—смѣялся онъ въ отвѣтъ Иванову, укорявшему его за мужа.—Да вы поймите, что онъ самъ не желаетъ праздновать. Не можетъ же онъ праздновать субботу, не будучи евреемъ, и не можетъ же онъ праздновать воскресенье, будучи свободнымъ мыслителемъ.

Но Хотимскаго частенько грызло опасеніе, чтобы мужъ во время дальнихъ разъѣздовъ по восточной Сибири, не вздумалъ бѣжать. Съ этой цѣлью онъ отъ времени до времени говорилъ ему: «Если только вы вздумаете бѣжать, то не стѣсняйтесь, только предупредите меня; я помогу вамъ устроить это дѣло».

А мужъ только улыбался себѣ въ бороду. Онъ думалъ лишь о томъ, чтобы вернуться въ Россію и написать книгу «О положеніи рабочаго класса», тѣмъ болѣе, что у него были собраны и факты, и наблюденія, и, благодаря вѣчнымъ разъѣздамъ, книга могла быть основательно обставлена.

II. Возвращеніе.

Весною 1866 г. получилось изъ III Отдѣленія разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Мѣстомъ ссылки была назначена Вологда, и губернаторъ рѣшилъ отправить насъ этапомъ. Предполагали знавшіе его и его правила, что этимъ онъ хотѣлъ отблагодарить мужа за его услугу. Онъ не могъ забыть неудачи въ дѣлѣ почетнаго гражданства и мстилъ, какъ могъ и какъ хотѣлъ.

Въ іюнѣ въ Томскѣ мы сѣли на пароходъ, и старая посудина, потрескивая, двинулась въ путь. Первое время это казалось прямо забавно: то пищить, то свистить, а корпусъ точно крях-

тѣль. Одинъ матросъ оказался предобрѣмъ человѣкомъ. Онъ принялъ въ нашемъ малюткѣ такое искреннее участіе, что я не знала, какъ и благодарить.

В. В. по своему обыкновенію сидѣлъ всегда или на носу, или на кормѣ, но у самой воды. Это было всегда его любимое мѣсто. Только увидить матросъ, что мальчикъ недоволенъ или плачетъ, онъ точно изъ земли вырастетъ. «Я те дамъ, малый,— съ улыбкой говорилъ онъ,—будешь у меня урусить ¹⁾), надоѣлъ матери». А ребенокъ уже тянется у меня съ рукъ и радостно кричитъ, когда старикъ беретъ его на руки.

— Что это,—спрашиваю я,—отчего помощникъ машиниста все время мажетъ трубу чѣмъ-то краснымъ, вотъ смотрите, онъ и лѣстницу велѣлъ подставить, еще выше лѣзетъ.

— А ты, матушка-сударыня помоли за него Бога, ишь вѣдь какой онъ старательный, добрѣющей души человѣкъ. Ты нашего дѣла не знаешь, вѣдь котелъ того и гляди лопнетъ, посудина наша старая, прямо негодящая, на сломъ бы ее, а они, съ хозяиномъ, то-есть капитанъ съ купцомъ за одно, жаднѣющіе, все уговариваютъ: еще разокъ можно, еще одинъ рейсъ вытерпеть. Можно сказать сурикомъ ѣдемъ, только имъ и спасаемся. А ты, барыня, мотри, молчи, никому ни словечка, а то мнѣ аспидъ вовѣки не проститъ, хлѣба лишитъ. А то вѣдь, въ добрый часъ молвить, въ лихой промолчать, прибавилъ онъ, почти шопотомъ, недолго намъ и къ рыбама на ужинъ, да ты что, спужалась, полно, брось, не робѣй, Богъ-отъ батюшка и младенчика твоего пожалѣетъ. А я же вотъ что скажу: мы скоро къ тому берегу подадимся, глянь-ко, лѣсъ-то какой, могутъ, лѣсище, а дерева то, все кедровыя, а шишки на нихъ полнехоньки орѣшковъ. Пой-стой-ка, стой, ужъ я васъ потѣшу. Наберемъ мы этихъ шишекъ полный мѣшокъ, пусть твой малый позабавится, а ты себѣ кушай. Это орѣхъ сладкій, нашъ коренной сибирскій орѣхъ. Небось ваша Рассея лапотница и грызть то его не умѣетъ, а у насъ то бабы его щелкаютъ, только шелуха изо рта сыплется. Ты знаешь ли, вѣдь это орѣхъ любительскій. Его на масло очень одобряютъ. А ловкія есть бабы—берутъ щелкать на подрядъ, по 6 копѣчекъ съ фунта, а такую чистоту наблюдаютъ, всѣ то орѣшки цѣликомъ купцу предоставятъ. Вотъ и прикинь-ко, по 6-то копѣчекъ за 10 фунт., тебѣ цѣлыхъ шесть гривенъ отвалятъ, а стирать пойдѣ, аль полы помыть, хоть изломайся, а больше 30 коп. въ сутки не выручишь. Развѣ только скоблилищцы, ну тѣ и 40 к. заго-нять въ день.

¹⁾ Капризничать.

До Нарыма, этого жалкаго городишка, гдѣ какъ жаловались многіе, можно съ голоду умереть, если не было бѣ подвоза, мы ѣхали съ поручикомъ Сулинымъ и его спутницей. Сулинъ высылался въ Нарымъ административнымъ порядкомъ изъ Петербурга.

Объ, чѣмъ дальше, тѣмъ разливалась шире; нѣкоторое время и береговъ ея не было видно—точно море.

Иногда на утлыхъ ладьяхъ подъѣзжали къ пароходу какіе то люди. Пассажиры тѣснились у борта, желая узнать, кто они и зачѣмъ подъѣзжаютъ, но матросы ретиво оберегали проходъ, и лишь капитанъ лично велъ съ ними переговоры.

На мой вопросъ, почему капитанъ никого не допускаетъ изъ пассажировъ, матросъ только рукой махнулъ въ досадѣ.

— Отчего не пускаетъ? А оттого что аспидъ. Ему все мало. Все бы схватилъ, никому бы не далъ. Это вишь все тутъ здѣшніе жители горемычные, голодные.

Живутъ тутъ маются, лебедей стрѣляютъ, лебяжьимъ пухомъ промышляютъ. Вѣдь только одинъ лебедь имъ отъ Бога предоставленъ для промысла ихняго. Вѣдь хлѣбушка здѣсь не родится, земля никудышная, одни болота, все съ копѣечки. Все купи, а онъ, аспидъ, дешевить, до того дешевить, что по 30 к. лебедя скупаютъ. Ты глянь-ко, у него и барыня, и дѣтки всѣ разряжены, вся одежда изукрашена да пообшивана пухомъ, а продать проѣзжающимъ охотникъ не моги, сохрани Господи, аль бы чтобъ какой матросъ допустилъ, сейчасъ расчетъ получай, да еще на пустомъ берегу и посадить. Вотъ тутъ молъ сиди, да помни лебедей.

Когда подъѣзжали, пароходъ не останавливался, а только замедлялъ ходъ. Торгъ совершался быстро, послѣ чего давали полный ходъ, а публика, не понимавшая опасности, снова переходила къ прежней темѣ, насмѣшкамъ надъ безсильнымъ пыхтѣніемъ нашего судна.

Наконецъ, и это надоѣло и помощникъ капитана едва отбивался отъ надоѣдливыхъ вопросовъ: когда же, скоро ли? Въѣхали въ Тоболъ, ну, вотъ скоро и Тюмень.

Дотащились. Какъ съ роднымъ распрощалась я съ матросомъ, а сыночекъ нашъ съ горькими слезами...

VI. Этапъ.

Вотъ мы и въ Тюмени. Передъ нами мрачное, грязное, низменное зданіе.

Входимъ въ камеру. На первомъ планѣ лежитъ на нарахъ

закованный въ цѣпи арестантъ, а рядомъ съ нимъ блѣдная изнуренная женщина. Между ними ползаетъ малютка, пытаюсь поднять цѣпь и забавляясь ея звономъ.

— Мы сейчасъ отворимъ дворянскую—заявляетъ сторожъ и начинаетъ брякать ключами.

Входимъ. Темно, сыро, безпріютно, но дѣлать нечего. Ложимся. Собираемся заснуть. Но не проходитъ и четверти часа, какъ мы вскакиваемъ, точно ужаленные.

Мы горимъ, какъ въ огнѣ. Зудъ и боль нестерпимые. Все наше тѣло усѣяно всевозможными насѣкомыми, набросившимися на насъ въ безлюдной камерѣ, и мы, какъ безумные, бросаемся въ общую. Насъ встрѣчаютъ смѣхомъ.

— Мы знали, говорятъ арестанты, что вы тамъ долго не выдержите,—вѣдь здѣсь, у насъ, каждый кормитъ только свою доску, ну и полегче.

Намъ, конечно, не до сна.

Ребенокъ плачетъ и мечется, а мы бѣгаемъ взадъ и впередъ, не находя покоя. Только бы дождаться разсвѣта утра, только бы выпустили на свѣжій воздухъ.

А время тащится томительно тихо; но, наконецъ, свѣтаетъ, разсвѣло, а камеру все еще не отпираютъ.

— Отворите, молимъ мы, дайте выдти на этапный дворъ, дайте вздохнуть. Наконецъ, отворяютъ засовъ, и всѣ бросаются вразсыпную, кто за одну постройку, кто за другую. Срываемъ платье, и, о ужасъ!.. насѣкомыя всѣхъ сортовъ и величинъ усѣлись по два ряда въ каждой складкѣ одежды и бѣлья. На одной рукѣ у меня плачущій мальчикъ, а другой рукой я сбрасываю, сбрасываю...

— Отвернись,—молю я солдата на часахъ,—вотъ возьми. Но онъ жестокой беретъ деньги и снова повертывается ко мнѣ, нагло глядя въ лицо.

Наступаетъ время чая. Политическихъ оказывается на этапѣ четверо. Двое поляковъ, мужъ и жена, съ умирающимъ ребенкомъ, у котораго изо рта лѣзутъ глисты и который конвульсивно корчится, при страшныхъ стенаніяхъ матери. Кромѣ нихъ, еще двое галичанъ, тщетно ожидающихъ отправки болѣе двухъ недѣль.

Отправкой завѣдуетъ старшой, но у него своя система, выработанная долгимъ тюремнымъ опытомъ. Пока онъ не высосетъ всего, что только есть у арестантовъ, онъ не выпуститъ. Галичане совѣтуютъ намъ немедленно вступить въ переговоры и сторговаться.

— Отдайте ему все, что можете, сразу,—совѣтуютъ они,—

вотъ мы несемъ ему послѣднее, что у насъ есть: чай, табакъ и полотенце.

Онъ самъ знаетъ, что теперь у насъ нечего не осталось и выпустить вмѣстѣ съ вами.

Вступаемъ въ переговоры.

— Сколько?—Онъ назначаетъ рубли, раскладываетъ полученное на ладони и медленно считаетъ, подгибая пальцы, а мы заручаемся обѣщаніемъ выѣхать черезъ день, вмѣстѣ съ галичанами.

Купили колымагу за 19 руб., чтобы спастись отъ дождя и сложить книги и вещи, которыя бы не улеглись на арестантской тележкѣ.

Порядокъ пути такой. Въ день 13 верстъ. Черезъ два дня въ третій днѣвка. Этапы по большей части сырые.

Дождь мочить и въ колымагѣ, а на этапахъ нельзя ни обсушиться, ни согрѣться. Питаемся кой чѣмъ, и у ребенка разстроены желудокъ. Его лихорадитъ, онъ плачетъ и не можетъ спать. У меня же болитъ горло, глотать трудно и постоянно знобитъ.

Трудность нашего путешествія состояла въ томъ, что мы направлялись противъ теченія. Въ дорогѣ намъ встрѣчались партіи политическихъ поляковъ, массами сосланныхъ въ Сибирь. Мы завязывали на этапахъ дружеское, короткое общеніе, но польскіе патріоты двигались дальше, на востокъ къ Уралу, и мы, съ сожалѣніемъ простившись, снова оставались въ своей жалкой партіи, гдѣ большинство состояло изъ подонковъ общества и нищихъ, пересылавшихся по мѣсту жительства въ Россію.

Одинъ изъ нихъ растравлялъ свои глаза, съ намѣреніемъ долѣе засѣсть въ пермскомъ острогѣ, другой бередилъ рану на рукѣ, раздражая ее втираніемъ всякой дряни. Все время онъ постоянно напѣвалъ одно и то же: «возьму въ руки пистолетикъ», или «если хочешь разгуляться, возьми денежки съ собой».

Впрочемъ, ему я считаю себя до нѣкоторой степени обязанной. Онъ одолжилъ мнѣ щепотку квасцовъ, съ добрымъ совѣтомъ помазать мое горло.

— Золотое средство, — прибавилъ онъ, подавая мнѣ грязными пальцами щепотку квасцовъ, — отъ всяческихъ болѣзней доставляетъ облегченіе.

Страшно было бы дотронуться до всего этого, будь я на свободѣ. А тутъ и приняла услугу, и помазала горло, и поблагодарила отъ всего сердца. А главное, вѣдь лѣкарство-то помогло, мнѣ стало легче глотать, и боль ослабѣла. До чего, подумаешь, можно низвести свои потребности и свое терпѣніе. Правду говорили арестанты: «намъ не до жиру, лишь быть бы живу».

Главнымъ мученіемъ и терзаніемъ были промозглые, грязные этапы.

Даже лѣтомъ, это былъ іюль, негдѣ просушить пеленки. Въ камерѣ сыро и душно, а на дворѣ дождь неустанно сѣялъ, какъ сквозъ сито. Когда, случалось, выдастся ясный денёкъ, обрадуешься, скорѣе повѣсишь на околицу все сырое, но выходило еще хуже. Вернешься черезъ нѣсколько минутъ перевернуть, уже ничего нѣтъ. Спрашиваешь. Никто не видалъ и не знаетъ.

Помню, на меня находили настоящіе приступы отчаянія, и я безутѣшно плакала. И ребенка больного утѣшить не могу, и бѣлье за дорогу растерялось, и прекрасное заячье одѣялко исчезло.

Наконецъ добрались до Перми. Намъ разрѣшили отдохнуть на вольной квартирѣ, въ виду переполненія острога, а наши товарищи, добрые галичане, отправились въ острогъ.

— Какъ же вы теперь будете питаться?—спрашиваю я ихъ.

— О, теперь вы объ насъ не заботьтесь,—засмѣялись они,—будемъ на святой пицѣ и всегда сыты. Словимъ голубей и сваримъ или сжаримъ на вертелѣ.

Оказывалось, что арестанты прикармливали голубей, чтобы развлечься, а кто хотѣлъ изъ партіи проходящихъ, ловилъ ихъ и жарилъ.

Обыкновенно на этапы и въ остроги женщины приносили различную снѣдь, но все это было до того плохо, до того грязно изготовлено и несвѣжо, что страшно было притронуться.

Поэтому дорогой мы питались кое какъ и кой чѣмъ, но прокисшее молоко вызывало всегда жестокия колики и несвареніе желудка. Больше всѣхъ, конечно, страдалъ нашъ мальчикъ. Онъ былъ грудной, а я все время болѣла. Онъ лихорадилъ, постоянно простужаясь, у него сдѣлалась дезинтерія и, если бы намъ не разрѣшили отдыха, не знаю, чѣмъ бы это кончилось.

Въ дорогѣ галичане были поистинѣ нашимъ утѣшеніемъ. Они рассказывали намъ различные эпизоды изъ жизни повстанцевъ и между прочимъ о себѣ, какъ они отравляли муравьевскихъ собакъ-ищеекъ.

— Ищейки эти много дѣлали намъ вреда,—говорили они,—приходилось скрываться, залечь въ кусты, а она, проклятая, приведетъ казаковъ прямехонько. Вотъ мы и придумали для нихъ колбасу; въ одинъ счастливый часъ 8 штукъ прикончили.

Счастливый былъ нашъ возрастъ. И мнѣ, и имъ обоимъ было по двадцати лѣтъ. Всѣ измученные и больные, мы находили въ себѣ силу шутить.

Вас. Вас. почти всю дорогу шель пѣшкомъ. Его раздражало это медленное, тряское передвиженіе. Дѣлали по 13 верстъ въ сутки, и затѣмъ эта мучительная дневка въ грязи, сырости и страхѣ за ребенка. По-моему это настоящая пытка.

Онъ предпочиталъ ити рядомъ съ арестантами въ одной шеренгѣ и живо интересовался ихъ разсказами. Иногда попадались люди интересные и умные. Случалось на этапахъ встрѣчаться и съ крестьянами, особенно во время днѣвокъ. Всѣ, безъ исключенія, говорили о своихъ горестяхъ и тяготахъ, но всякій по-своему: кто съ ненавистью, кто съ раздраженіемъ, а кто съ ироническимъ равнодушіемъ.

Въ Нижнемъ мы должны были ѣхать на арестантской баржѣ. Но когда мужъ увидѣлъ, какое это помѣщеніе, то пришелъ въ ужасъ. Онъ сказалъ мнѣ. «Это нѣчто невозможное, иду къ капитану, буду просить, чтобы тебѣ дали мѣсто на пароходѣ, иначе ребенокъ погибнетъ. На баржѣ и грязь, и духота и невозможные сквозняки».

Капитанъ разрѣшилъ мнѣ помѣститься въ каютѣ 2-го класса, и когда мужъ взялъ мнѣ билетъ, то мнѣ показалось, что съ плечъ моихъ спала пудовая тяжесть... Теперь я могу подлѣчить малютку и подлѣчиться сама. На наше счастье августъ стоялъ сухой и теплый.

На пароходѣ меня ожидало новое удовольствіе, точно награда за перенесенное до сихъ поръ. Въ той же дамской каютѣ расположилась семья Далевскихъ, мамаша-старушка съ дочерьми. Старшая дочь ихъ была замужемъ за знаменитымъ Сѣраковскимъ, офицеромъ русскаго генеральнаго штаба, а во время возстанія предводителемъ отряда повстанцевъ. Старушка разсказывала про своего зятя, Сѣраковского, что и въ дѣтствѣ, будучи пятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ проявилъ необыкновенное мужество.

— Отецъ его, какъ видно,—говорила старая пани,—передалъ сыну свой отважный духъ. Остается предположить, что онъ былъ также политическимъ дѣятелемъ-патріотомъ.

Это можно заключить по слѣдующему обстоятельству: было дано распоряженіе какому-то генералу проѣхать въ имѣніе Сѣраковского и лично убѣдиться, какого пола его дѣти.

Несчастная мать, узнавъ объ этомъ, испытывала настоящія адскія мученія. Наконецъ, она додумалась вотъ до чего: она рѣшила умолить, убѣдить мальчика позволить себя одѣть дѣвочкой и когда она его покажетъ генералу, вмѣстѣ съ его сестрой, то не протестовать, а промолчать. Мальчикъ, какъ будто, согласился.

Приѣзжаетъ генераль и приказываетъ привести дѣтей.

Трепещущая мать вводитъ за руки двухъ малютокъ со словами: вотъ мои дѣти,—это, указывая на дѣвочку, называетъ ея имя, а это старшая дочь папна Марья.

Наступила страшная минута. Гибель или спасеніе?

По лицу ребенка она видитъ, что онъ взволнованъ; его горячее правдолюбивое сердечко не выноситъ лжи. Она его унижаетъ, оскорбляетъ, и вотъ, не будучи въ силахъ владѣть собою, онъ рѣшительно подходитъ къ генералу и, смѣло глядя ему въ лицо, громко говоритъ, указывая на себя: *есть Сигизмундъ Стракоски*.

Всеобщее недоумѣніе...

Несчастная мать въ ужасѣ бросается въ другую комнату, къ шкапу, гдѣ у нея всѣ драгоцѣнности, брильянты, золото и деньги. Она, внѣ себя, хватаетъ ящикъ, бѣгомъ возвращается въ комнату, гдѣ генераль, высыпаетъ передъ нимъ на столъ все, что у нея есть, а сама бросается передъ нимъ на колѣни и умоляетъ его взять все, все, что только у нея есть, но оставить ей сына.

* * *

Когда началось возстаніе, Сѣраковскій уже будучи офицеромъ главнаго штаба и подававшій блестящія надежды, счелъ своимъ долгомъ итти страдать и биться за свой народъ и вмѣстѣ со своимъ народомъ.

Онъ дѣйствовалъ на Жмуди.

Крестьяне его чуть не боготворили. Къ нему приносили дѣтей для благословенія; у него просили, какъ реликвію, кусочекъ одежды или бѣлья, зашивали въ тряпочку и носили на груди вмѣстѣ съ образкомъ. У крестьянъ-повстанцевъ даже сложилось повѣрье, что когда онъ идетъ впереди банды, то два ангела стоятъ съ золотыми мечами около него и отводятъ удары и пули. Это повѣрье возникло отъ того, что, по счастливой случайности, Сѣраковскій долго оставался не раненъ, пока, наконецъ, онъ не былъ схваченъ и повѣшенъ по приказанію Муравьева. Старушка передавала подробности казни.

Это нѣчто неописуемое: будто бы палачъ, нечаянно ли, нарочно ли, но слишкомъ высоко затянулъ веревку-петлю, и несчастный страдалецъ нѣсколько времени высоко взвивался на воздухѣ въ своемъ мѣшкѣ, а жены русскихъ жандармовъ и офицеровъ будто бы говорили, проходя мимо: смотрите, смотрите, онъ не только организаторъ, но и танцмейстеръ; какъ высоко прыгаетъ.

— Неужели это правда, неужели это возможно?—спрашивала я ее въ тревогѣ и смущеніи.

Она отвѣчала, серьезно и строго глядя мнѣ въ глаза:

— Конечно правда, такихъ ужасовъ даже выдумать нельзя, это эпоха Муравьева и его креатуръ и подчиненныхъ¹⁾. А развѣ вы не слыхали, какъ погибъ маленькій еврейчикъ, котораго хозяинъ трубочистъ спускалъ для чистки трубъ. Въ Варшавѣ это было дѣло обыкновенное. Онъ былъ самый худенькій и легко проходилъ въ трубныя отверстія. Несчастный мальчикъ. Его мучило любопытство, хотѣлось посмотрѣть на страшнаго Муравьева. Онъ сползалъ все ниже и ниже по каминной трубѣ, но не удержался и упалъ въ каминную рѣшетку. Муравьевъ какъ разъ сидѣлъ въ это время за столомъ, въ кабинетѣ. Онъ немедленно отдалъ приказъ допросить мальчика и добиться дознанія, кѣмъ онъ посланъ. Въ несчастную случайность онъ не захотѣлъ повѣрить.

* * *

Горько было русскому человѣку выслушивать это о своихъ землякахъ.

Приходилось поневолѣ вспомнить и о Торквемадо съ его ужасами фанатизма, и о Джордано Бруно, и о Гусѣ, подъ костеръ котораго фанатическое изуверство подкладывало лишнее полѣно.

Воспоминаніе о своихъ страданіяхъ было все, что осталось у старушки Далевской.

Сама того не замѣчая, она по нѣскольку разъ повторяла одни и тѣ же эпизоды и о зятѣ, и о сынѣ своемъ, цвѣтущемъ молодомъ человѣкѣ, разстрѣлянномъ по приказанію Муравьева.

Даже у окружающихъ жандармовъ возникалъ вопросъ: былъ ли бы онъ казненъ, не будь онъ зятемъ Сѣраковского.

Когда она говорила, ея блѣдное, старческое лицо точно вдохновлялось, глаза загорались, голосъ звучалъ сильнѣй. Она нѣсколько разъ повторяла, какое мужество выказалъ ея сынъ, даже передъ самой казнью, спокойно потребовавъ свои калоши. Какъ онъ своею стойкостью изумилъ даже муравьевскихъ жандармовъ, не позволивъ завязать себѣ глаза и спокойно подставивъ грудь подъ выстрѣлы.

Брошенный имъ въ толпу платокъ былъ мгновенно подхваченъ толпой, разорванъ на мелкіе кусочки и будетъ храниться у многихъ, какъ святыня, передаваемая изъ рода въ родъ. До сихъ

¹⁾ См. о Сѣраковскомъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. № 11.

Ред.

поръ, по прошествіи многихъ лѣтъ, я не могу вспомнить безъ грустнаго умиленія обо всемъ пережитомъ покойной старушкой.

Говоря о родинѣ, старушка восклицала: «Кто можетъ перечислить всѣ страданія, которыя перенесли наши дорогія мученицы, наши польскія сестры. Во время возстанія большинство изъ нихъ воодушевляли своихъ родныхъ и близкихъ, напрягая всѣ силы, чтобы сохранить мужество, а по возвращеніи домой, послѣ проводовъ, падали въ нервныхъ припадкахъ, ломая руки и часто теряя сознаніе отъ горя. Иныя, въ отчаяніи бросались на колѣни, передъ иконою Ченстоховской Божьей Матери, проводя долгіе часы, въ слезахъ и молитвѣ, а слезы ихъ, какъ раскаленные капли, жгли ихъ сердца. Старушка доходила до экстаза.

— О эти слезы, о эти страданія!—восклицала—она невыносимыя, безжалостныя... Кто ихъ видѣлъ и знаетъ, тому кажется, что сердце его заохлодѣло и остановилось.

Старушка рассказывала мнѣ, какъ онѣ всѣ три проводили время въ ссылкѣ.

Обыкновенно онѣ выходили навстрѣчу партіи и приносили заготовленную ими для товарищей по изгнанію одежду. Бумажныя и шерстяныя ткани покупались ими цѣлыми кусками, которыя онѣ раскраивали и шили.

Старшей дочери, вдовы, я такъ и не видѣла. Онѣ въ данное время съѣзжались съ разныхъ сторонъ, чтобы соединиться для совмѣстной жизни въ одномъ городѣ, по усмотрѣнію жандармскаго вѣдомства.

Въ послѣдующіе годы мы старались, но тщетно, напасть на слѣдъ нашего дорогого товарища Феликса Альбертовича Ковальскаго, съ которымъ познакомились въ Кузнецкѣ. Онѣ служилъ въ былыя времена на желѣзной дорогѣ въ Варшавѣ.

Къ сожалѣнію ни устныя, ни письменныя справки не привели ни къ чему. Никто не зналъ о немъ и никто не отозвался. Мы получили отъ него въ Твери всего только два письма.

Въ первомъ онѣ писалъ, что ему разрѣшили вернуться на родину, а такъ какъ все, что имѣлъ, онѣ уже роздалъ, то рѣшилъ наняться матросомъ на ту часть дороги, которая шла водянымъ путемъ по Томи, Оби, Тоболу и отъ Перми до Нижняго. Онѣ писалъ, что матросы грубо иронизировали надъ его неумѣньемъ справляться съ канатами, чалками и сходнями.

Мы прочли письмо и стали вспоминать съ мужемъ, какой это былъ рѣдкій человѣкъ и какое самоотверженное сердце. Онѣ отдалъ товарищамъ по пріѣздѣ изъ края тотчасъ же, по водвореніи своемъ въ Кузнецкѣ, все, что только могъ. Онѣ очень опасался, чтобы ссылка и нужда не деморализовали бы ихъ; онѣ

видѣлъ оскорблявшіе его достоинство примѣры, какъ человѣкъ, когда-то доблестно служившій родинѣ, ослабѣвшій въ изгнаніи, смиренно стоялъ съ открытой головой передъ полицейскимъ чиномъ и выслушивалъ его острастку.

И вотъ пришло такое жестокое время, когда ему, высокообразованному, самоотверженному патріоту, пришлось таки испить горькую чашу и за свою неловкость въ грубомъ трудѣ, за недостаточную мускульную силу терпѣть осмѣяніе и укоръ.

Второе письмо его, посланное изъ Варшавы, было тоже не радостное. Онъ писалъ: «работаю изъ за куска чернаго хлѣба».

Когда вышли книги мужа «Положеніе Рабочаго Класа въ Россіи» и «Азбука Соціальныхъ Наукъ», то я немедленно послала ихъ, по его адресу, въ Варшаву, но отвѣта не получила и, какъ я уже сказала, мы окончательно потеряли его изъ виду.

Осталась лишь добрая память о немъ, осталась навсегда.

* * *

Недѣля отдыха на пароходѣ промчалась такъ быстро, что мы ее и не замѣтили.

Вотъ и Нижній.

Мы разстались съ дорогой семьей, пожелавъ другъ другу скорѣе окончить свои мытарства. Онъ поѣхали въ Москву, а насъ заперли въ острогъ, предварительно заставивъ пройти подъ конвоемъ, посреди улицы, въ канцелярію, гдѣ кто-то спросилъ что-то, совсѣмъ ненужное, и тѣмъ же порядкомъ обратно на этапъ.

Никогда не забуду, сколько обиды и горечи причинилъ мнѣ тогда тюремный врачъ, находившійся въ канцеляріи.

Показываю ему свое горло. Помогите, говорю. Онъ, не вымывъ рукъ, запачканныхъ чернилами, оставляетъ перо и тычетъ мнѣ въ распухшее, багровое нѣбо, больно-пребольно. Онъ носилъ длинный ноготь на мизинцѣ и, мнѣ казалось, что онъ, точно ножомъ, рѣжетъ мнѣ миндалины и нѣбо.

— Помилосердствуйте, говорю, я прошу у васъ совѣта, а онъ въ отвѣтъ: «хроническая ангина, пройдетъ, это бываетъ», и отходить въ сторону.

Горло мое болитъ 2 мѣсяца, мнѣ больно глотать, хотя я на пароходѣ, за недѣлю, немного поправилась, но тутъ вся боль и досада вспыхнули съ новой силой.

Нижегородскій этапъ уже обширное зданіе, потому что тамъ временами бывало громадное скопленіе народу.

Волна шла изъ западныхъ губерній и изъ Польши въ Сибирь, и партіи были все большія. Звонъ кандаловъ перемѣшивался съ веселыми возгласами, а подчасъ и патріотическими пѣснями.

Люди еще не пострадали, сердца ихъ еще были полны энтузіазмомъ и жаждой подвига. Нужда, униженія и деморализація еще не коснулись ихъ.

Но одинъ видъ ихъ, бодрый и рѣшительный, такъ много говорилъ душѣ, хотя вызывалъ тяжелыя воспоминанія.

Думалось невольно: какъ-то вы возвратитесь и возвратитесь ли? Можно ли будетъ васъ тогда узнать? Не поломаешь ли ваши орлиныя крылья неволя и каторга?

На этапѣ мы помѣстились съ грѣхомъ пополамъ. «Женская» была очень узенькая и не длинная камера.

Въ виду болѣзни нашего малютки мужу, дамскимъ большинствомъ, было разрѣшено оставаться на женской половинѣ. Мы даже какъ-то хорошо приспособились. Приколотили къ досчатой перегородкѣ и къ окнамъ веревки, протянули простыни, крѣпко зашили ихъ булавками, и оказались каждый точно въ своемъ маленькомъ купѣ. Я совершенно забыла о бывшемъ питерскомъ комфортѣ и прекрасно спала на голыхъ нарахъ. Объ Вас. Вас. и говорить нечего. Онъ, по натурѣ, всегда былъ стойкомъ. Его легко приводили въ негодованіе политическія событія, вопіющая несправедливость относительно беззащитныхъ людей, но что до одежды, пищи, комфорта, то на этотъ предметъ всегда—нуль вниманія. Помню, и на меня это всегда дѣйствовало успокоительно. Хотя всякій человѣкъ до извѣстной степени управляетъ собою, но примѣръ—это главное.

Воображаю, въ какой ужасъ пришла бы моя матушка, если бы увидала, въ какой я теперь обстановкѣ. Вѣдь тѣснѣе того, какъ мы помѣщались, невозможно себѣ и представить.

Во снѣ мы задѣвали другъ друга локтями черезъ простыню и естественно, вся жизнь наша проходила на глазахъ другъ у друга. Но свыклись мы очень скоро и даже шутили.

Мнѣ, ничего не стоило, высоко подпрыгнувъ, вскочить на нары, но женѣ смотрителя, отправлявшейся съ семьей къ мужу, посланному въ городокъ Осу за мягкое отношеніе къ арестованнымъ повстанцамъ приходилось жутко. Пани смотрительша кипѣла негодованіемъ. Она всегда подставляла полѣно и обыкновенно съ помощью сестры своей влѣзала на нары, съ громкимъ ропотомъ: «якъ остатня солдатка».

Зато же у насъ были и веселыя минуты. Мужская половина отдѣлялась отъ женской лишь досчатой перегородкой. По вечерамъ, когда двери камеръ запирались на замокъ, польскіе каторжане устраивали, концерты, а иногда и плясъ. Случалось, мы уже собирались лечь, иногда просто, чтобы не мѣшать другъ другу,

не толкаться, но, услышавъ пѣніе сосѣдей, всѣ обыкновенно вскакивали и, стоя на нарахъ, мы смотрѣли въ щелочки своей перегородки, стараясь прочистить шпильками скважинки.

Каторжане, при дружномъ звукѣ кандаловъ, танцевали то мазурку, то краковякъ и при этомъ обыкновенно пѣли пѣсню о томъ, какъ въ комиссіяхъ ихъ пытаются нагайками, какъ Муравьевъ, заковавъ ихъ въ цѣпи ссылаетъ, въ Сибирь.

Если не видѣть, то и не повѣрить. Оставалось только изумляться ихъ ловкости.

Какъ они не падали? Вѣдь разстояніе между звеньями, сковывавшими ноги, было самое короткое. Именно, это была уже настоящая энергія отчаянія.

Люди знали, чувствовали, что идутъ на муки, на повальное униженіе, а потому и на все махнули рукой.

Что же касается до пѣнія, то, положи руку на сердце, могу утверждать, что никогда прежде въ Петербургѣ ни опера, ни концертъ не производили на меня такого впечатлѣнія, не вызывали такого умиленія, какъ пѣніе кандалниковъ-патріотовъ.

Эти тридцать человѣкъ, казалось, въ пѣснѣ переживали все испытанное и въ чудныхъ звукахъ, преисполненныхъ гармоніи, передавали намъ и повѣсть своихъ страданій, и гибель надеждъ, и глубокое затаенное чувство незаслуженнаго униженія и муки.

Когда затѣмъ наступала тишина и люди засыпали, мнѣ все еще казалось, что обѣ наши камеры полны звуковъ, полны образовъ страдальцевъ, и мудро было заснуть въ такую ночь.

Но проходило нѣсколько дней, и партія каторжанъ направлялась въ Сибирь, а мы, еще не дождавшись очереди, попрежнему толпились въ женской.

Наконецъ дождались. Пани съ семьей помѣстили на баржу, а мы двинулись этапомъ по направленію къ Вологдѣ.

Уже вполне справедливо можно сказать, потащились отъ одного уѣзднаго города до другого. Разницы не было. Та же сырость, та же грязь и то же уныніе. И я, и мальчикъ нашъ снова залихорадили, я едва открывала ротъ, до того все опухло, а у ребенка началась дезинтерія. Одинъ Вас. Вас. ни разу не захворалъ,— это было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Повсюду одна грязь. Подъѣзжаемъ къ острогу, къ одному, къ другому, третьему, партія входитъ во дворъ, распределяется по камерамъ. И въ Балахнѣ, и въ Юрьевцѣ, и въ Кинешмѣ наблюдалось одно и то же. Арестанты уныло бродили по тюремному двору, а гдѣ-нибудь, въ сторонкѣ, какой-нибудь неутомимый арестантикъ, подобравъ между выброшенными кашеваромъ костями пригодную для него

кость, сидя на корточкахъ, вытачивалъ объ мостовую двора колечко или перстенёкъ.

Возможно ли представить себѣ, что за подобное колечко, иногда очень красивое, блестящее, точно полированное, бѣдняга получалъ грошъ, рѣдко копѣйку. Точить приходилось цѣлую недѣлю, иногда дней десять, и за это грошъ или копѣйка. Вотъ какимъ трудомъ достигалась возможность получить восьмушку махорки, единственную радость арестанта.

Въ Кинешмѣ мы имѣли возможность наблюдать проявленіе арестантской честности, конечно относительное. Усталые мы дотащились до острога и улеглись на нары. Тутъ же сложили одежду и тутъ же лежалъ бумажникъ съ деньгами. Просыпаемся утромъ, видимъ, что бумажникъ раскрытъ, но взято изъ него *только* три рубля. Шевельнулась, значить, совѣсть у арестанта, видитъ ѣдутъ семейные, очевидно посовѣстился взять больше, а могъ бы. Мы спали, какъ убитые.

Мы тащились по этапамъ отъ Нижняго больше мѣсяца и наконецъ въ Костромѣ ни я, ни мальчикъ больше не выдержали. В. В. сказалъ: «Дѣлать нечего, спрошу губернатора черезъ полицію, пусть насъ отправляетъ съ жандармомъ, на нашъ счетъ. Иначе придется схоронить второго ребенка».

Написалъ заявленіе, и губернаторъ позволилъ, но условія были поставлены нарочито злостныя. Вмѣсто одного жандарма, назначены были трое и двѣ тройки. Жандармамъ полагалось уплатить большіе прогоны взадъ и впередъ и на тройку лошадей. Вас. Вас. съ горестнымъ изумленіемъ показалъ мнѣ, что у насъ оставалось послѣ того, какъ у него взяли деньги въ канцеляріи.

Жандармамъ это дѣлалось въ видѣ льготы. Они, имѣя казенную подорожную, обыкновенно предлагали на обратномъ пути проѣзжающимъ отвезти ихъ безъ хлопотъ по казенной подорожной, и люди охотно соглашались и хорошо платили, чтобы проѣхать безъ хлопотъ.

Зато намъ предстояла мудреная задача, какъ теперь устроиться, какъ жить и на что жить?

Э. Берви.

Картины изъ временъ Вѣнскаго конгресса¹⁾.

(Изъ воспоминаній гр. де-ла Гарда).

V.

Придворное общество.—Театръ.—Русская императрица.—Живыя картины.—Тюремная сиротка.—Дипломатія и танцы.

Празднества непрерывно слѣдовали другъ за другомъ; казалось, что считали потеряннымъ каждое мгновенье, которое не было посвящено удовольствію. Каждую недѣлю былъ большой пріемъ и праздники при дворѣ. Повинуясь импульсу, данному свыше, каждая семья высшаго австрійскаго общества назначала у себя пріемный день, въ который въ ея салоны стекались тысячи иностранцевъ, привлеченныхъ въ Вѣну дѣлами, а еще того больше удовольствіями. По понедѣльникамъ собирались у княгини Меттернихъ, по четвергамъ—у оберъ-гофмейстера фонъ-Траутмансдорфа, по субботамъ—у прекрасной графини Циши. Чтобы отплатить за оказанное имъ гостепріимство, всѣ посланники и уполномоченные также устраивали праздники, соотвѣтствующіе тому блестящему пріему, который выпалъ на ихъ долю. Вслѣдствіе этого непрерывнаго обмѣна любезностей дни протекали незамѣтно, и всякій, повидимому, взялъ себѣ за правило изреченіе: «быть счастливымъ—первая потребность человѣка». Австрійская императрица была душою этого ряда баловъ, банкетовъ, собраній, маскарадовъ и т. п. Рожденная въ Италіи, происходя изъ знаменитаго дома Эсте, прославленнаго Аріостомъ и Тассо, она наслѣдовала отъ своихъ предковъ художественный вкусъ и любовь къ изящнымъ искусствамъ. Она была необыкновенно добра. Благодаря живости ея фантазіи, ее занимала каждая мельчайшая подробность этихъ веселыхъ празднествъ. Два французскихъ художника Изабей и Моро, послѣдній необыкновенно талантливый ваятель—были ея обычными помощниками. Она изобрѣтала, распоряжалась, а ихъ задачей было приводить въ исполненіе ея веселые, очаровательные замыслы.

Одной изъ ея любимѣйшихъ забавъ было давать театральныя

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 6.

представленія въ ея собственныхъ комнатахъ. Не щадя трудовъ въ роли импрессаріо, она на вербовала изъ свѣтскаго высшаго общества свою труппу. Нашъ богатый талантами театръ также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, долженъ былъ поставлять артистовъ. На одномъ изъ представлений были поставлены двѣ вещи: трагедія Шиллера «Валленштейнъ» и «Les rivaux d'eux mêmes», одна вслѣдъ за другой, съ удивительнымъ ансамблемъ. Нѣсколько молодыхъ людей, желая отвлечься отъ сухой дипломатіи, которая въ то время, по правдѣ говоря, не была веселой наукой, заключили между собой нѣчто въ родѣ поэтическаго союза, подъ названіемъ «Общество трубадуровъ». Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть кн. Радзивилла, графовъ Батъяни, Циши и принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Это общество было воспоминаніемъ о поэтическихъ нравахъ среднихъ вѣковъ.

Праздникъ, который дворъ давалъ въ тотъ день, былъ для большинства зрителей совершенно въ новомъ родѣ. То были живыя картины и романы въ лицахъ, т.-е. ихъ пѣли, а содержаніе одновременно изображалось на сценѣ. Мы отправились въ императорскій дворецъ,—принцъ де-Линъ и я. Представленіе еще не начиналось, но всѣ залы были уже полны народомъ. Благодаря старанію гр. Артура Потоцкаго, мы получили мѣста, которыя онъ для насъ оставилъ между княгиней Маріей Эстергази и принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ.

Послѣ того, какъ мы обмѣнялись нѣсколькими вѣжливыми фразами, принцъ Леопольдъ насъ оставилъ; онъ долженъ былъ исполнять роль въ одной изъ живыхъ картинъ, которыя ставили въ этотъ вечеръ.

Мы остались съ одной княгиней Эстергази. Что можно еще сказать послѣ всего, что было уже сказано, о знаменитомъ княжескомъ домѣ Эстергази. Кто не знаетъ о его древности, которая теряется во мракѣ вѣковъ, о его могуществѣ, равномъ могуществу королей. Окружающая его пышность, его роскошь, его богатство таковы, что онѣ кажутся просто сказочными. Ихъ владѣнія охватываютъ въ своей окружности болѣе ста деревень и мѣстечекъ, около сорока городовъ и болѣе тридцати крѣпостей. Ихъ помѣстье, похожее на столицу настоящихъ государствъ, вмѣщаетъ въ себѣ огромное количество барскихъ покоевъ, картинныхъ галлерей и театровъ. Венгерскій гусарскій костюмъ, сплошь вышитый жемчугомъ и переходящій отъ отца къ сыну, стоитъ, какъ говорятъ, 4 милліона гульденовъ, и каждый разъ, когда его приходится надѣвать, на его подновленіе затрачивается 12 тысячъ гульденовъ. Въ ихъ обширныхъ владѣніяхъ князя Эстергази пользуются правомъ даровать жизнь и смерть своимъ поддан-

нымъ. Они держатъ войско и тѣлохранителей. Кромѣ того, императорскимъ декретомъ, который относится къ 1687 году, имъ дано право чеканить монету и награждать дворянствомъ. Иной государь навѣрно бы согласился промѣнять свою корону на жребій такихъ подданныхъ.

Княгиня Марія Эстергази, хотя уже и не первой молодости, восхитительно граціозна, она полна той дѣятельной доброты, которая придаетъ прелесть даже такимъ женщинамъ, у которыхъ не осталось уже никакой другой прелести. Разговоръ съ княгиней Маріей вращался вокругъ тѣхъ удовольствій, которыя австрійскій дворъ намѣревался намъ преподнести. Она намъ сказала, что ставила подобныя картины въ Эйзенштадтѣ, въ храмѣ, построенномъ для этой цѣли среди озера, и, что Гайднъ, ея капельмейстеръ, съимпровизировалъ аккомпанементъ на органѣ, который гармонировалъ съ изображаемымъ, что не мало способствовало созданію иллюзіи.

Мало-по-малу начали появляться государи и садились на свои мѣста: императоръ Александръ, по обыкновенію, сѣлъ рядомъ съ австрійской императрицей. По странной, несчастной случайности оба они были туги на ухо, Александръ съ одной стороны, а императрица съ другой. По этикету они должны были, какъ разъ такъ садиться, что не могли другъ друга слышать, поэтому, казалось, что они ведутъ непрерывную игру въ вопросы и отвѣты. Александръ въ то время отличался красотой и величіемъ осанки; его сердце было склонно къ лести, и плохо пришлось бы тому придворному, который далъ бы ему понять, что замѣтилъ его недостатокъ.

Рядомъ съ австрійскимъ императоромъ сидѣла прелестная Елизавета, императрица русская. Въ этомъ земномъ ангелѣ было все, что могло составить счастье ея супруга и ея собственное. Ея лицо обладало плѣнительнымъ выраженіемъ. У нея были прекрасные волнистые волосы пепельнаго цвѣта, обыкновенно раскинутые по плечамъ. Ея фигура была изящна и стройна. Ея походка была такъ воздушна, что выдавало ее мгновенно, даже подъ маской. Трудно было встрѣтить женщину, къ которой такъ удачно подходили бы стихи Вергилія: «*Incessa potuit Dea*»... Она обладала ласковымъ характеромъ въ соединеніи съ живымъ и развитымъ умомъ, любовью къ изящнымъ искусствамъ и безграничнымъ великодушіемъ. Изящная прелесть всего ея облика, благородство осанки, ея неисчерпаемая доброта покоряли всѣ сердца. Не пользуясь любовью своего мужа, котораго она обожала, она въ уединеніи и печали предалась сладкой грусти. Ея черты носили отпечатокъ этого настроенія, которое при-

давало звуку ея голоса, ея малѣйшимъ движеніямъ что-то обаятельное и неотразимое.

Музыка, исполненная на рогахъ и арфахъ, предшествовала поднятію занавѣса. Свѣчи въ залѣ были потушены, чтобы усилить эффектъ освѣщенія, падающаго на сцену.

Сюжетъ для первой живой картины былъ написанъ однимъ молодымъ вѣнскимъ художникомъ: Людовикъ XIV у ногъ m-me Лавальеръ. Вторая картина была поставлена по прекрасной композиціи Герена: «Ипполитъ, защищающійся передъ Тезеемъ отъ обвиненія Федры».

Потомъ сцену приготовили для изображенія романсовъ въ лицахъ. Оркестръ, состоящій изъ знаменитыхъ музыкантовъ Германіи, въ промежуткѣ исполнялъ симфоніи Гайдна и Моцарта. Первымъ романсомъ былъ: «Partant pour la Syrie», написанный королевой Гортензій; мелодія этого романса сдѣлалась популярной въ Европѣ.

Mademoiselle Хубо, молодая бельгійка, у которой была пріятная наружность и прелестный голосъ, пѣла слова романса, въ то время, какъ принцесса Гессенъ-Филиппштадтъ и молодой графъ Шенфельдъ изображали въ лицахъ то, о чемъ пѣлось въ романсѣ. При свадебномъ куплетѣ явился хоръ, составленный изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ лицъ.

Я сидѣлъ слишкомъ далеко отъ императора Александра, такъ что не могъ разслышать, что онъ говоритъ принцу Евгенію, сидѣвшему около него, рядомъ съ своимъ тестемъ, королемъ Баварскимъ, по нетрудно было видѣть по тому выраженію удовольствія и благодарности, которое было написано на лицѣ Евгенія, что Александръ сопровождалъ лестными и благосклонными одобреніями музыкальное произведеніе его сестры.

«Это», сказалъ мнѣ принцъ де-Линь, «скипетръ, который нельзя разбить въ рукахъ m-elle Богарнэ; она все еще королева милостью таланта, если она даже и перестала ею быть милостью Божіей. Я долженъ сознаться, что чувствую большое расположеніе къ женщинамъ, которыя любятъ музыку, и особенно къ тѣмъ, которыя пишутъ такія прекрасныя вещи, какъ тѣ, что мы сейчасъ здѣсь слышали. Музыка—всемирный языкъ; она объясняетъ, посредствомъ гармоніи, каждому его собственныя душевныя настроенія. Лишь злые люди могли говорить дурное о бывшей королевѣ голландской и лишь глупцы могли этому повѣрить. Что касается меня, то я счастливъ, что могу аплодировать павшему величію, въ особенности, если оно сдѣлало честь тому мѣсту, на которое судьба его поставила».

«Да мой другъ, я часто видалъ королеву Гортензію при на-

чалъ ея карьеры. Совсѣмъ еще юная, перенесенная ко Двору, взбудораженному славой, она, тихою прелестью своею тихаго достоинства, составляла контрастъ съ безпокойною жизнью этого Двора. Когда ея фортуна сдѣлала такіе быстрые шаги, она не измѣнилась, и пышность имперіи застала ее скромной и естественной. Она, казалось, была при рожденіи одарена гениемъ искусства и появилась на свѣтъ съ зародышами талантовъ. Она играетъ на нѣсколькихъ инструментахъ и поетъ восхитительныя вещи своего собственнаго сочиненія. Она рисуетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Но особенно она заслуживаетъ похвалы за благожеланность относительно всѣхъ, доставшуюся ей, повидимому, въ наслѣдство отъ матери. И та, и другая, достигнувъ высокаго положенія, не утратили ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыми пріобрѣтается любовь и въ низшемъ положеніи.

Занавѣсъ опустился, чтобы сдѣлать приготовленія къ послѣдней картинѣ, которая должна была съ большимъ блескомъ закончить представленіе и изобразить Олимпъ со всѣми его мифологическими божествами. Ничто не было упущено изъ виду, чтобы сдѣлать исполненіе достойнымъ сюжета. Однако былъ моментъ, когда можно было опасаться, что эта живая картина не будетъ поставлена. По этому поводу въ продолженіе двухъ дней велись переговоры въ родѣ тѣхъ, которые ведутся важными дипломатами. И для разрѣшенія этого вопроса потребовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ вмѣшательство свыше. Причина этого серьезнаго опасенія была слѣдующая: всѣ роли по Олимпѣ были розданы. Принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, красота котораго особенно выдѣлялась, пришлось изображать Юпитера, гр. Циши—Марса, но недоставало Аполлона.

Въ «обществѣ трубадуровъ» гр. Вурбно былъ единственнымъ, кто могъ бы хорошо исполнить эту роль. Роль была ему предложена, и онъ ее принялъ. Но графъ, который соединялъ въ себѣ всѣ качества, требуемыя этой блестящей ролью, имѣлъ кромѣ того еще кое-что, что было уже сверхъ программы, а именно его верхняя губа была украшена восхитительными усами, и онъ дорожилъ ими. Но, однако, ни на Олимпѣ, ни на солнечной колесницѣ, ни тогда, когда Аполлонъ являлся въ видѣ простаго пастуха, никто никогда не видалъ бога солнца съ украшеніемъ гусара. Того, кому была поручена постановка этой картины, звали Омеромъ, что давало поводъ ко всякаго рода остроуміямъ. И вотъ Омеръ былъ посланъ къ молодому графу, чтобы завязать переговоры и предложить ему избавиться отъ неумѣстнаго украшенія. Несмотря на свое поэтическое имя (ореографія въ сторону), Омера едва выслушали. Доводы, лесть, просьбы, все было испро-

бовано, но напрасно! Молодому человѣку объясняютъ, что въ такомъ случаѣ нельзя будетъ ставить картину, о которой уже было объявлено, но и это не помогаетъ. Неумолимый, какъ удалившійся въ свою палатку Ахиллъ, графъ, казалось, поклялся разстаться съ своими усами не иначе, какъ вмѣстѣ съ жизнью. Слухъ объ этомъ странномъ упрямствѣ распространяется съ быстрою дурной вѣсти. Бѣгаютъ туда и сюда, тревожатся, совѣтуются, обдумываютъ сообща все, забываютъ обо всѣхъ другихъ удовольствіяхъ, забываютъ даже о конгрессѣ, если бы только вообще кто-либо помнилъ о томъ, что его засѣданія еще продолжаются. Усы сдѣлались предметомъ всеобщихъ разговоровъ и всеобщихъ опасеній. Наконецъ, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ прибѣгаютъ къ самому сильному средству, докладываютъ объ этомъ императрицѣ. Та открыто вступаетъ въ заговоръ, въ тотъ же вечеръ заманиваетъ къ себѣ молодого упряма и говоритъ съ нимъ такъ, что онъ, побѣжденный или вѣрнѣе обольщенный, удаляется и скоро появляется снова съ такою гладкою и бѣлою губою, какъ губа молодой дѣвушки.

Жертва была принесена, и теперь было извѣстно, что, благодаря счастливому окончанію переговоровъ, Омеръ могъ закончить свое олимпійское созданіе...

Наконецъ занавѣсъ упалъ при звукахъ единодушнаго «браво». Государи поднялись, и всѣ отправились въ сосѣдній залъ, гдѣ были сдѣланы приготовленія для роскошнаго бала.

— «Вы могли», сказалъ мнѣ принцъ де-Линь, «только что восхищаться графиней Ржевусской въ роли Минервы, но вамъ навѣрно неизвѣстна ея исторія. Это—романъ, реальность котораго превосходитъ всякій захватывающій вымыселъ».

— «Нѣтъ, мой принцъ, я знавалъ графиню въ Польшѣ и восхищался ею, какъ одною изъ самыхъ выдающихся по уму и по красотѣ женщинъ ея страны. Но я не зналъ, что съ ея личностью связанъ еще и другой интересъ».

— «Она испытала на себѣ удивительную игру случая. Ея мать, графиня Фанни Любомірская, жила въ Парижѣ въ то время, когда революціонное опьяненіе раскинуло свой саванъ надъ Франціей. Вся цѣликомъ отдавшись воспитанію своей единственной дочери Розаліи, которой въ то время было пять лѣтъ, она вообразила, что посреди эшафотовъ и слезъ она защищена законами международнаго права. Но оговоренная передъ революціоннымъ комитетомъ, самымъ банальнымъ и пошлымъ образомъ, въ заговорѣ противъ республики, она была предана суду кроваваго трибунала. Заподозрѣна, обвинена, казнена—это совершилось въ нѣсколько дней съ этою довѣрчивою иностранкою. Разлученная съ

момента заключенія ея въ тюрьму со всѣми своими слугами, она все-таки получила разрѣшеніе взять съ собою свою дочь. Въ тотъ день, когда эту несчастную мать поволокли на эшафотъ, она поручила Розалію попеченію своихъ товарищей по несчастью, но послѣднихъ постепенно постигала та же судьба, какъ и княгиню, и они, идя на эшафотъ, поручали Розалію узникамъ, еще оставшимся въ живыхъ. Бѣдное дитя оставлялось въ наслѣдство одной жертвой и усыновлялось другою, пока, наконецъ, не была взята изъ состраданія тюремной прачкой, по имени Берто. Эта добрая женщина, тронутая безпомощностью малютки, прибавила этого шестого ребенка къ пяти собственнымъ и такимъ образомъ сдѣлалась Провидѣніемъ «тюремной сиротки». Хотя и-воспитанная въ условіяхъ очень далекихъ отъ тѣхъ, которыя были ей съ самаго начала предназначены судьбой, Розалія все-таки соединяла съ прекрасными качествами счастливые дары природы. Она дѣятельно помогала своей благодѣтельница въ ея работѣ и сумѣла, благодаря своей милой заботливости и желанію быть любимой, достигнуть того, что ея пріемная мать не дѣлала никакой разницы между нею и своими собственными дѣтьми.

Между тѣмъ господство террора окончилось и списокъ жертвъ той эпохи сталъ извѣстенъ во всей Европѣ; такимъ образомъ друзья княгини узнали, что одна сіятельная иностранка въ странѣ, которую называли свободной, должна была поплатиться жизнью за свое неосторожное довѣріе. Получивъ это ужасное извѣстіе, гр. Ржевусскій, братъ княгини, поспѣшилъ въ Парижъ.

При содѣйствіи властей онъ старался напасть на слѣды дочери своей несчастной сестры, но всѣ старанія были безуспѣшны. Общанія, точное описаніе примѣтъ, объявленія, все было пущено въ ходъ. Но бѣдная прачка не читала газетъ и объявленій объ обѣщанной наградѣ. Тюремщикъ, который могъ бы одинъ дать кое-какія объясненія, умеръ, и послѣ него уже смѣнилось нѣсколько преемниковъ. Графу наврядъ ли удалось бы напасть на слѣды дорогого ему ребенка.

Уже прошло нѣсколько недѣль и все заставляло его опасаться, что нищета и безпомощность могли ускорить смерть сироты. Между тѣмъ Провидѣнію было угодно, чтобы срокъ испытанія для Розаліи кончился, и оно устроило такъ, что тюремная прачка работала также и на Hôtel Batelière, гдѣ остановился графъ, по пріѣздѣ въ Парижъ.

Однажды утромъ, когда Розалія, въ сопровожденіи своей пріемной матери, несла бѣлье въ отель, графъ ее замѣтилъ, когда она переходила дворъ. Ея красота поразила его, и ему показалось, что въ ея чертахъ есть сходство съ чертами его сестры.

— «Какъ васъ зовутъ, мое прекрасное дитя»,—спросилъ онъ ребенка.

— «Розалія, сударь», отвѣчала она ему.

— «Розалія!? говорите вы. Добрая женщина, вашъ ли это ребенокъ?»

— «Да, сударь, онъ мой, потому что я его содержала съ пятилѣтняго возраста, но хотя я его и называю своимъ, а все же не родила его. Этотъ ребенокъ дочь бѣдной узницы, и у него нѣтъ ни отца, ни матери, но видите ли, сударь, я привязана къ этому ребенку всей душой.

— «Дитя узницы, говорите вы!»

— «И притомъ еще знатной дамы, которая, вмѣстѣ со многими другими была гильотинирована во время Робеспьера».

Съ этого моментъ графъ не сомнѣвался больше въ томъ, что передъ нимъ его племянница, но чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, онъ заговорилъ съ нею по-польски и при звукахъ этой рѣчи, вызвавшихъ передъ нею свѣтлыя воспоминанія дѣтства, Розалія разразилась слезами и бросилась къ графу въ объятія.

— «О, я понимаю васъ, сударь; я понимаю васъ, повторите это еще разъ; такъ говорила со мною моя мать».

Графъ, видя себя у цѣли своихъ желаній, со слезами прижалъ Розалію къ своему сердцу.

— «Розалія, моя Розалія, наконецъ-то я тебя нахожу, да, ты моя племянница, дочь моей нѣжно любимой сестры!»

Затѣмъ онъ обратился къ прачкѣ, которая онѣмѣла отъ изумленія и сказалъ ей, передавая ей ребенка:

— «Славная женщина, будьте и впредь ея матерью. Вы не должны ее покидать, такъ какъ одинокая сирота принадлежитъ къ вашему семейству; ваша семья должна остаться для нея ея семьею. А вотъ покуда возьмите это себѣ для того, чтобы вы знали, какъ мы съ вами подѣлимся». При этихъ словахъ онъ подаль ей кошелекъ, наполненный золотомъ, и съ этой же минуты принудилъ ее переѣхать и устроиться съ дѣтьми въ Hôtel Batelière.

Немного спустя, онъ покинулъ Парижъ и вернулся въ Польшу, куда за нимъ послѣдовала и добрая Берто съ Розаліей. Тамъ дѣти прачки получили прекрасное образованіе подъ наблюденіемъ самого графа; мальчики посѣщали виленскій университетъ, потомъ поступили на военную службу и позднѣе сдѣлались адъютантами гр. Потоцкаго. Дочери были выданы замужъ за польскихъ дворянъ и награждены богатымъ приданымъ.

Прелестная Розалія вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, гр. Ржевусскаго, и теперь богатство и счастье распростирали

надъ нею золотое покрывало. Но она навсегда удержала при себѣ свою благодѣтельница, добрую Берто, и не перестаетъ любить ее, какъ мать».

Между тѣмъ начались танцы.

Всѣ лица, принимавшія участіе въ живыхъ картинахъ и романсахъ, остались въ своихъ костюмахъ; ихъ было довольно много, и это придало празднику новую прелесть, прелесть пестроты и разнообразія. Можно было бы сказать, что грація, эта сестра красоты, одинаковымъ образомъ, по подѣ различнымъ формами, распредѣлена между народами всѣхъ климатовъ. Никогда это не казалось болѣе вѣрнымъ, чѣмъ на празднествахъ конгресса, гдѣ самыя выдающіяся женщины различныхъ странъ сіяли одинаково, но различною красотой.

Императоръ Александръ открылъ балъ съ австрійской императрицей полонезомъ, родомъ танцевальнаго марша, необходимымъ прологомъ всѣхъ придворныхъ баловъ. Въ сосѣднемъ салонѣ нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса вели игру въ винтъ, что, казалось, было неразлучно съ европейскими совѣщаніями. Но полонезъ очень скоро нарушилъ молчаніе, котораго требуетъ эта искусная игра, такъ какъ въ главномъ залѣ было очень тѣсно, то длинный рядъ танцующихъ, подѣ предводительствомъ царя, потянулся черезъ всѣ покои дворца, обвилъ своими изгибами серьезныя кара игроковъ и, совершивъ длинное торжественное шествіе, въ полномъ порядкѣ возвратился опять къ своему исходному пункту и снова принялся за свои граціозныя фигуры.

Къ концу вечера образовались тамъ и сямъ группы молодыхъ людей, совѣщающихся объ увеселеніяхъ слѣдующаго дня въ то время, какъ уполномоченные Европы обсуждали вопросы текущаго момента.

Тамъ Талейранъ разговариваетъ съ принцемъ Леопольдомъ Неаполитанскимъ. Рѣчь идетъ о королѣ Мюратѣ. По обыкновенію очень флегматично Талейранъ роняетъ нѣсколько пророческихъ словъ, которыя можно считать предвѣстниками паденія этого импровизированнаго короля.

Опершись на каминъ, стоитъ лордъ Кэстльри и холодно слушаетъ короля. Толпа почтительно отодвинулась отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Въ то время, какъ его величество говоритъ съ большимъ жаромъ и держитъ себя почти какъ проситель или, еще лучше, какъ адвокатъ, старающійся убѣдить въ чемъ-нибудь судью. Слышатся слова: «Польша», «возмѣщеніе убытковъ», «Калишскій трактатъ». Милордъ едва роняетъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ высокому оратору. Когда это видишь, то невольно при-

ходить въ голову, что если и побѣдила коалиція, то деньги солдатамъ платила Англія.

Лордъ С. переходитъ изъ одной залы въ другую; онъ хочетъ, чтобы его замѣтили. Потому-то его и не называютъ иначе, какъ раззолоченнымъ павлиномъ. Среди этого веселящагося общества молодые дипломаты часто открывали самыя сокровенныя тайны политики. Стараясь уловить содержаніе разговора, они, не давая этого замѣтить, пріостанавливались во время танца около этого импровизированнаго клуба, и одно слово, сорвавшееся съ языка вліятельной особы, становилось для нихъ нитью Аріадны и руководствомъ для ихъ поведенія; они умѣли этимъ словомъ ловко воспользоваться къ досадѣ вліятельнаго лица, которое было изумлено, видя, что его намѣренія угаданы.

Въ полночь былъ сервированъ великолѣпный ужинъ. Государи сѣли за предназначенный для нихъ столъ; за другими столами каждый занялъ мѣсто безъ церемоніи и безъ этикета, и, благодаря этому, веселый характеръ этого пиршества былъ свободенъ отъ всякаго стѣсненія и позволялъ умамъ легче столкновяться, сердцамъ легче сближаться. Всѣ эти банкеты были одинаковы, съ тѣми же роскошью и пышностью, и, хотя это было еще въ самомъ началѣ конгресса, но уже больше не подсчитывали издержекъ двора, о чемъ пространно разсуждало множество иностранцевъ, которые ради дѣлъ и ради увеселеній находились въ Вѣнѣ. Извѣстно, какими суровыми мѣрами пополнялъ Кольберъ истощенную кассу своего государя. Но карусели Людовика XIV не могли выдержать ни малѣйшаго сравненія съ цѣлымъ рядомъ этихъ сказочныхъ празднествъ.

VI.

Императорская карусель.—24 паладина и ихъ дамы.—Воспоминаніе о средневѣковыхъ турнирахъ.

Такъ нетерпѣливо ожидаемый день, въ который была назначена императорская карусель, наконецъ наступилъ. Столько недѣль было убито на приготовленіе, что не сомнѣвались въ томъ, что дворъ при этомъ покажетъ всѣ чудеса роскоши.

Принцъ де Линь былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ одинъ изъ билетовъ, присланныхъ ему оберъ-гофмейстеромъ фонъ-Траутмансдорфомъ, и мы въ 7 часовъ вечера отправились въ Бургъ.

«Не воображайте, что мы увидимъ жаркій бой; это не будетъ ни маршъ подъ ружьемъ въ родѣ тѣхъ, при которыхъ защищали честь своей дамы, ни еще того менѣе Божій Судъ, гдѣ побѣжден-

ный могъ откупиться отъ смерти лишь рѣшеніемъ уйти въ монастырь. Такія серьезныя состязанія должны были уступить мѣсто болѣе легкимъ и пріятнымъ упражненіямъ. Наши современные борцы провозглашаютъ на турнирѣ, съ помощью копья, несравненную красоту ихъ дамы такъ же мирно, какъ нѣкогда при дворахъ любви¹⁾ трубадуры пѣли пѣсни на заданныя имъ темы. Поэтому намъ нечего опасаться такого несчастнаго случая, какъ тотъ, который прекратилъ жизнь короля Генриха II, и которыми обыкновенно заканчивались средневѣковые турниры.

Масса чиновниковъ, подъ начальствомъ оберъ-церемоніймейстера гр. фонъ-Вурмбранда, ожидала приглашенныхъ лицъ у дверей, чтобы провести ихъ на предназначенныя для нихъ мѣста. Всеобщее любопытство было такъ велико, что, какъ говорятъ, были напечатаны фальшивые входные билеты и проданы по очень высокой цѣнѣ. Поэтому вѣнская полиція должна была производить самыя тщательныя разслѣдованія.

Императорскій манежъ, построенный Карломъ V и позднѣе названный «заломъ каруселей», былъ приготовленъ для праздника. Это обширное зданіе, средній пролетъ котораго былъ почти равенъ вмѣстимости обыкновенной церкви, имѣетъ форму удлиненнаго прямоугольника; вокругъ идетъ кругообразная галлерей, соединяющаяся со всѣми комнатами дворца. Сзади, на мѣстахъ, устроенныхъ на нѣкоторомъ возвышеніи, могутъ помѣститься отъ 1000 до 1200 зрителей. Галлерей раздѣлялись двадцатью четырьмя коринѣскими колоннами, на которыхъ были повѣшены щиты 24 рыцарей съ ихъ оружіемъ и девизами.

На обоихъ концахъ этой огромной арены были воздвигнуты двѣ трибуны, занимавшія всю длину зданія и обитыя роскошными матеріалами. Одна изъ нихъ предназначалась для монарховъ, императрицъ, королевъ и владѣтельныхъ князей; другую, находившуюся напротивъ, должны были занять дамы 24 паладиновъ, изъ-за которыхъ состязались рыцари, чтобы доказать, что онѣ красивѣйшія изъ красивыхъ. Надъ этой трибуной, наверху, помѣстили оркестръ; всѣ выдающіеся музыканты Вѣны были собраны здѣсь; одна изъ боковыхъ галлерей была отведена посланникамъ, уполномоченнымъ, военнымъ знаменитостямъ и знатымъ иностранцамъ. Австрійское, русское и польское дворянство находилось на другихъ галлерейхъ.

Передъ императорской трибуной были устроены различныя приспособленія для игры въ кольца, рыцари должны были

¹⁾ Дворы любви (cours d'amour) въ Провансѣ въ пору процвѣтанія провансальской поэзіи.

срывать ихъ на полномъ скаку, не останавливаясь. Вокругъ всей залы, черезъ опредѣленные промежутки, были поставлены на столбахъ головы мавровъ и турокъ, повязанныя тюрбанами и служившія мишенью для борцовъ. Безъ сомнѣнія, этимъ способомъ поддерживали нѣкогда вражду нѣмецкихъ воиновъ къ ихъ хищнымъ, непримиримымъ врагамъ,—туркамъ.

Чтобы предупредить несчастные случаи, полъ манежа, приблизительно на полметра, былъ посыпанъ мелкимъ пескомъ. У двери зала загородка обозначала выходъ на арену. Позади этой двери стояли вооруженные герольды съ трубами, въ великолѣпныхъ одеждахъ. Множество люстръ съ вставленными въ нихъ свѣчами далеко бросали свѣтъ, боровшійся со свѣтомъ дня.

Ровно въ 8 часовъ фанфара герольдовъ извѣстила о прибытіи 24-хъ дамъ. Ихъ любезные рыцари ввели ихъ подъ руку, и онѣ устѣлись въ самомъ переднемъ ряду предназначенной для нихъ трибуны. Всѣ онѣ, благодаря ихъ граціи и красотѣ, вполне заслуживали названія: «королевы любви», которое было имъ дано. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе красивое, чѣмъ это ослѣпительное зрѣлище. Всѣ дамы были раздѣлены на четыре группы, различавшіяся между собою цвѣтомъ костюмовъ: изумрудно-зеленый, ярко-красный, голубой и черный. Платья были бархатныя, отдѣланныя роскошными кружевами и сверкающими драгоценными каменьями. Въ общемъ, ихъ костюмы были точными копіями костюмовъ XVI и XVII вѣковъ.

Первая группа, избравшая зеленый цвѣтъ, была одѣта въ венгерскій національный костюмъ, состоявшій изъ длинной открытой туники, которая отъ таліи до колѣнъ скалывалась брилліантовыми аграфами, а въ промежуткахъ между аграфами оставляла на виду юбку изъ бѣлаго атласа. Бѣлый атласъ и блескъ брилліантовъ составляли чудный контрастъ съ зеленымъ бархатомъ. Точно такіе же аграфы соединяли верхнюю тунику, отъ таліи до плечъ. Корсажъ спереди былъ широкъ и покрытъ драгоценными каменьями, прямо отъ плечъ ниспадалъ, обрисовывая руку, верхній рукавъ, подъ которымъ былъ второй рукавъ, въ видѣ буфы изъ бѣлаго атласа, какъ и корсажъ, но вышитый золотомъ и разноцвѣтными каменьями. Голову покрывалъ токъ изъ бархата, опять-таки сплошь покрытый драгоценными каменьями. Длинное, прозрачное покрывало, брошированное золотомъ, спускалось съ головного убора дамы до самыхъ ногъ и всю ее закутывало.

Три другія группы были одѣты въ польскіе, австрійскіе и французскіе костюмы эпохи Людовика XIII. Покрой и форма были разные, но всѣ были одинаково роскошны и одинаково

изысканны. Глядя на нихъ, можно было подумать, что всѣ богатства австрійской имперіи были сосредоточены здѣсь.

Стоимость всѣхъ этихъ драгоценностей была, приблизительно, оценена въ 30 милліоновъ франковъ, въ томъ числѣ костюмы княгини Эстергази, урожденной Турнъ Таксисъ, одинъ стоилъ 6 милліоновъ франковъ.

Какъ только «дамы любви» съ ихъ ангельскими лицами заняли свои мѣста, всѣ взгляды обратились на нихъ, а онѣ, неподвижныя, закутанныя въ прозрачныя покрывала, казалось, ожидали своего триумфа.

Новая фанфара извѣстила о прибытіи государей. Императору Александру нездоровье помѣшало присутствовать на праздникѣ. Нѣсколько дней спустя для него отдѣльно былъ устроенъ второй праздникъ, въ которомъ съ математической точностью были повторены всѣ подробности перваго.

Предполагали, что императрица Марія Луиза и ея сынъ, молодой Наполеонъ, будутъ присутствовать на праздникѣ, но они не явились ни на этотъ, ни на слѣдующій. Въ самомъ дѣлѣ Марія Луиза находилась въ такомъ двусмысленномъ положеніи, что, по ея мнѣнію, единственнымъ средствомъ для сохраненія ея достоинства являлось уединеніе. Поэтому она очень рѣдко выѣзжала изъ замка Шёнбруннъ, но, однако, принцъ де-Линъ мнѣ сказалъ, что она нѣсколько разъ присутствовала на репетиціяхъ съ своимъ отцомъ—императоромъ и ея младшими сестрами. Какъ только государи и зрители усѣлись на мѣста, тотчасъ же заиграла громкая, воинственная музыка, и 24 паладина показались у загородки. Это былъ цвѣтъ дворянства имперіи.

Говорятъ, происходили цѣлыя сцены ревности изъ-за полученія роли на этомъ состязаніи, устроенномъ по образцу прежнихъ временъ, участіе въ которомъ какъ бы давало дипломъ на грацію и изящество. Поэтому выборъ палъ на самыхъ молодыхъ и красивыхъ.

Костюмы рыцарей были точно скопированы съ того костюма, который носили при Францискѣ I, время, въ которое рыцарство блистало послѣднимъ блескомъ, чтобы потомъ навсегда потухнуть. Такъ же, какъ и дамы любви, они дѣлились на 4 группы, цвѣта которыхъ соотвѣтствовали цвѣту дамъ.

Костюмъ состоялъ изъ бархатной накидки, плотно обхватывающей талію съ широкими рукавами, заканчивающимися атласными отворотами. Нагрудникъ былъ украшенъ застѣжками и золотыми переплетами. Штаны были въ обтяжку. Желтые полусапоги съ золотыми шпорами, перчатки того же цвѣта, вышитыя золотомъ, широкополая шляпа съ бѣлымъ султаномъ, который прикрѣ-

плялся брилліантовымъ аграфомъ. Шпага висѣла на перевязи, украшенной драгоцѣнными каменьями. Каждая дама подарила своему рыцарю широкій шелковый шарфъ, и этотъ шарфъ былъ завязанъ бантомъ на сторонѣ, противоположной той, на которой висѣла шпага. Одѣтые въ такой костюмъ паладины сидѣли верхомъ на венгерскихъ лошадяхъ поразительной красоты, которыя порожали своею быстротой и дрессировкой, подъ богатыми попоными едва можно было разсмотрѣть, что онѣ всѣ были одинаковой вороной масти. Каждый рыцарь держалъ въ рукѣ длинное копье, опираясь древкомъ копья о колѣно. 24 пажы несли передъ ними ихъ знамена, за ними слѣдовало 36 шталмейстеровъ, одѣтыхъ по-испански, которые несли щиты, украшенные эмблемами и девизами рыцарей. Пажи и шталмейстеры выстроились въ линію по обѣимъ сторонамъ загородки. Послѣ того 24 паладина выстраиваются по-двое въ рядъ передъ императорской трибуной и опускаютъ копья внизъ, въ знакъ привѣтствія и покорности, передъ королевами и императрицами. Тѣ, въ отвѣтъ, дѣлаютъ граціозное движеніе рукой. Затѣмъ рыцари возвращаются на свои мѣста, потомъ подѣзжаютъ къ другой трибунѣ и привѣтствуютъ ихъ дамъ тѣмъ же движеніемъ копья, выражающимъ подчиненіе и почитаніе. Дамы поднимаются, чтобы отвѣтить на привѣтствіе, и при этомъ впервые является возможность разсмотрѣть красоту ихъ лицъ, изящество ихъ стана и роскошь костюма.

Обѣхавши шагомъ два раза кругомъ арены, всѣ паладины снова возвращаются на свои прежнія мѣста и ждутъ сигнала. Послѣ того герольды трубятъ оглушительную фанфару, на которую отвѣчаетъ весь окрестръ. Ристалище открыто, и вотъ начинаются всевозможныя упражненія, въ которыхъ должна развѣртываться сила и ловкость борцовъ. Появляются шесть рыцарей въ сопровожденіи своихъ пажей и шталмейстеровъ; начинается первое выступленіе, упражненіе съ кольцами. Лошади пущены въ полный галопъ, и каждый рыцарь долженъ, на полномъ скаку, схватить концомъ своего копья одно изъ колець, повѣшенныхъ передъ императорской трибуной. Каждая группа начинаетъ три раза это упражненіе до тѣхъ поръ, пока колець уже почти не осталось и ловкость наѣздниковъ достаточно доказана. По окончаніи перваго выступленія, рыцари передаютъ своимъ шталмейстерамъ копья, украшенные захваченными кольцами, и начинается второе состязаніе. Каждый изъ рыцарей вооружается короткимъ дротикомъ и кидаетъ его съ изумительной ловкостью въ головы сарацинъ; затѣмъ, не прерывая голопа, подымаетъ съ земли раньше брошенное копье вторымъ изогнутымъ копьемъ. Потомъ они вынимаютъ изъ ноженъ сабли, пригибаются къ шеямъ своихъ

скакуновъ и, въ такой позѣ, бросаются на своихъ неподвижныхъ противниковъ, цѣлятся въ нихъ и, наконецъ, поражаютъ ихъ, стараясь отсѣчь голову однимъ ударомъ. Наконецъ они, несясь во всю прыть, прокалываютъ саблей висящее на ниткѣ яблоко, а затѣмъ, уже проколотое, вторымъ ударомъ разсѣкаютъ пополамъ.

Вскорѣ послѣ этого стали подражать настоящему бою. Рыцари раздѣлились на группы, по четыре человѣка въ каждой; лошади были пущены въ галопъ. Образовались двѣ партіи, участники которыхъ сталкивались между собой, наносили другъ другу удары и старались вышибить другъ друга изъ сѣдла,—совсѣмъ какъ на турнирахъ стараго рыцарства. Установлены были правила, опредѣлявшія границу дозволеннаго нападенія и защиты. Какъ только борецъ вносилъ въ игру слишкомъ много пыла, тотчасъ же вмѣшивались вооруженные герольды, прерывали бой и новые рыцари завладѣвали мѣстами прежнихъ.

Когда послѣднее упражненіе было окончено, вся кавалькада раздѣлилась на два отряда, по двѣнадцати рыцарей въ каждомъ. Они то сѣзжались, то разсѣзжались, выравнивались въ двѣ линіи, по двѣнадцать человѣкъ въ каждой, становились во фронтъ по шести и по четыре человѣка и дѣлали всевозможные быстрые и красивые повороты. Въ концѣ была сдѣлана послѣдняя проба ловкости всадниковъ и дрессировки лошадей, когда они исполняли нѣчто въ родѣ танца, въ которомъ всѣ движенія дѣлались въ тактъ музыки.

Наконецъ все кончилось. Паладины поклонились монархамъ и своимъ дамамъ, объѣхали еще разъ, шагомъ, вокругъ ристалища и покинули арену въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ они на нее явились.

Принцъ де Линь, повидимому, былъ въ полномъ восхищеніи отъ этого великолѣпнаго зрѣлища.

«Что меня особенно привлекаетъ въ этихъ воспоминаніяхъ о рыцарскихъ временахъ, такъ это картина храбрости и ловкости, которая вызываетъ любовь. О, какъ понимали наши предшественники эту страсть. Они ее обильно примѣшивали ко всему, къ играмъ, къ поединкамъ, повсюду. Лишь въ то время она было велика и благородна; она была сестрою славы. У насъ любовь сдѣлалась лишь эпизодомъ, веселымъ приключеніемъ. Вмѣсто того, чтобы давать ей мѣсто среди опасностей войны или среди благородныхъ состязаній турнира, наши романисты и поэты помѣщаютъ ее въ бѣдныя хижинны. Любовь въ хижинѣ всегда и очень скоро становится хижиною безъ любви. Любовь къ турнирамъ была во всѣ времена. Я не присутствовалъ на каруселяхъ,

которыя устраивала въ Петербургѣ Екатерина В. въ первый годъ своего царствованія, но мнѣ извѣстно подробное описаніе этого празднества. Замѣчательно, что при этомъ дамы принимали участіе въ состязаніи, наравнѣ съ рыцарями. Знаменитый маршалъ Минихъ былъ первымъ судьей на турнирѣ; Григорій Орловъ, фаворитъ царицы, и его братъ Алексѣй руководили состязаніемъ. Первый призъ храбрости и граціи былъ присужденъ графинѣ Бутурлиной, дочери канцлера Воронцова. Послѣ того, какъ старый маршалъ передалъ его ей, онъ предложилъ остальные призы раздѣлить между дамами и рыцарями. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина умѣла исчерпать всѣ роды славы и удовольствія».

Монархи поднялись, чтобы удалиться. Рыцари появились вновь на трибунѣ, занятой ихъ дамами, и отправились вмѣстѣ съ ними въ большія залы дворца, приготовленныя для бала и ужина.

Паладины и дамы любви возбуждали всеобщее восхищеніе, и монархи, иные инкогнито, а другіе въ домино, вмѣшались въ толпу.

Послѣ ужина переходятъ въ залъ, приготовленный для бала, на который приглашено до 3000 человѣкъ гостей.

Всѣ лица, выдающіяся своимъ умомъ или положеніемъ, которыхъ въ то время Вѣна заключала въ своихъ стѣнахъ, всѣ собрались здѣсь.

Праздникъ окончился лишь съ наступленіемъ дня.

Пер. М. Барсуковой.

Изъ жизни Московскаго университета.

Варнековская исторія.

Нижеслѣдующій рассказъ о такъ называемой Варнековской исторіи, по моей просьбѣ, набросанъ еще въ 1896 г. моимъ покойнымъ другомъ, Петромъ Васильевичемъ Лебединскимъ. Отъ себя я позволилъ лишь нѣкоторыя стилистическія поправки, — фактическая сторона осталась безъ малѣйшаго измѣненія.

Зато пользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ о П. В. Лебединскомъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1835 г. въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. По окончаніи въ 1853 г. курса семинаріи, П. В. готовился занять священническое мѣсто, но случайная смерть по сердцу избранной невѣсты такъ глубоко потрясла его, что онъ не чувствовалъ въ себѣ силъ къ выполненію обязанностей священника, на которыя смотрѣлъ какъ на очень отвѣтственные, и нѣсколько лѣтъ занимался добровольнымъ обученіемъ сельскихъ дѣтей. Наконецъ, его душевное состояніе настолько улучшилось, что въ 1858 г. онъ поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, окончилъ курсъ въ 1863 г. и былъ назначенъ уѣзднымъ врачомъ въ Орловскую губернію, но очень скоро арестованъ, въ сентябрѣ того же года, и препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

Подробности о дѣлѣ можно найти въ «Матеріалахъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», во второмъ приложеніи, стр. 109—178 (Дѣло Андрущенко и др.).

Въ результатѣ, 10 сентября 1866 г. на Мытнинской площади былъ объявленъ П. В. приговоръ, что «за пособничество къ приведенію въ исполненіе преступныхъ намѣреній тайнаго политическаго общества онъ лишается всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ Сибирь на поселеніе».

Въ самомъ концѣ 1866 г. П. В. прибылъ по этапу въ Красноярскъ не только безо всякихъ средствъ, но даже и безъ самыхъ необходимыхъ вещей, такъ какъ все, что только можно было раздать,

онъ отдалъ болѣе нуждающимся въ партіи, съ которою слѣдовалъ, полякамъ-политическимъ.

Онъ былъ оставленъ на жительство въ Красноярскъ за поручительствомъ золотопромышленника М. С. Безносикова. Тогда въ Сибири былъ такой недостатокъ въ докторахъ, что вскорѣ П. В. было разрѣшено отправиться на Абақанскій желѣзодѣлательный заводъ для завѣдыванія больницей; отсюда онъ перешелъ на енисейскіе прииски К^о Бенардаки. Въ концѣ 1873 г. П. В. переѣхалъ въ Красноярскъ; тамъ въ началѣ 1874 г., по ходатайству мѣстнаго начальства, ему были возвращены права и онъ поступилъ на службу городскимъ врачомъ въ Красноярскъ. Въ 1876 г. мы уже видимъ П. В. въ Петербургѣ; здѣсь, по настоянію своего друга В. А. Манассеина, сдалъ экзаменъ и послѣ защиты диссертациі погучилъ степень доктора медицины, послѣ чего тотчасъ же отправился на войну, гдѣ и оставался до конца оккупациі. Вернувшись въ Петербургъ, получилъ назначеніе городовымъ врачомъ въ Кинешму, гдѣ пробылъ десять лѣтъ, послѣ чего переѣхалъ въ Петербургъ на службу по военно-учебному вѣдомству, сначала младшимъ, а потомъ старшимъ корпуснымъ врачомъ. Однако, въ 1898 г. П. В. вернулся въ Кинешму и тамъ до половины 1911 г. исполнялъ прежнія обязанности городского врача. Выйдя въ отставку, онъ остался на житье въ Кинешмѣ, гдѣ и скончался 10 сентября 1912 г., на 78 году своей трудовой жизни.

Гдѣ бы ни былъ П. В., вездѣ онъ оставилъ о себѣ свѣтлую память, какъ человѣкъ необыкновенно отзывчивый, гуманный и беззавѣтно-добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей. Какимъ уваженіемъ онъ пользовался, какъ его цѣнили, напри- мѣръ, въ Кинешмѣ, можно судить по тому факту, что за первое свое десятилѣтнее пребываніе въ ней онъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ города,—первымъ удостоившимся этой чести отъ кинешемцевъ; когда же вышелъ въ отставку, ему сохранили въ пенсію полный окладъ жалованья; а послѣ смерти городъ принялъ на свой счетъ расходы по его похоронамъ. И можно сказать, что до мѣста вѣчнаго упокоенія П. В. проводилъ буквально весь городъ, отъ мала до велика.

За время своего студенчества П. В. былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго, о чемъ, къ счастью, не зналъ Андрущенко, по излишней откровенности котораго разыгралось все московское дѣло.

При выборахъ въ первую Думу П. В. прошелъ выборщикомъ отъ Кинешмы по списку партіи народной свободы. *Л. Пантелеевъ.*

Первый курсъ медицинскаго факультета въ 1858 г. состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 250 человѣкъ. Анатомическая аудиторія, находившаяся въ зданіи стараго университета, съ трудомъ могла вмѣщать столько народа; а въ ней между тѣмъ читались многія, если не большинство, лекціи курса. Во избѣжаніе скученности и тѣсноты нашли нужнымъ разбить курсъ на два отдѣленія. Для профессоровъ это, конечно, было неудобно, такъ какъ приходилось читать двойное число часовъ. Между предметами курса были зоологія и сравнительная анатомія, каѳедры которыхъ занималъ проф. Николай Александровичъ Варнекъ.

Талантливый, но слишкомъ самолюбивый и рѣзкій, чтобы не сказать грубый, Варнекъ давно уже возбудилъ противъ себя студентовъ-медиковъ своимъ безтактнымъ къ нимъ отношеніемъ и необыкновенной строгостью на экзаменахъ. Студенты старшихъ курсовъ, а также, по милости Варнека, оставшіеся на первомъ курсѣ, не менѣе двадцати человѣкъ, передавали массу случаевъ, очень характерныхъ въ этомъ смыслѣ. Разсказывалось, что онъ позволяетъ себѣ просто глумиться на экзаменахъ не только надъ малознающими его предметъ, но даже и относительно хорошо подготовленными; и, въ видѣ примѣра, приводился такой случай. У студента билетъ изъ зоологіи о слонѣ; отвѣчаетъ не бойко; экзаминаторъ съ весьма серьезнымъ видомъ спрашиваетъ: «А что, слонъ несетъ яйца?»—«Нѣтъ, не несетъ».—«Не несетъ? Ха, ха, ха, не несетъ?» Вспомнивъ объ овуляціи и оплодотвореніи млекопитающихъ, студентъ поправляется: «Несетъ». — «Несетъ? Ха, ха, ха!»—Сбитый съ толку и безъ того волнующійся отвѣтчикъ, при полномъ конфузѣ и недоумѣніи, замолкаетъ. Слѣдуетъ единица, и судьба несчастнаго рѣшена.

Каждый изъ новичковъ ежится при подобныхъ разсказахъ. Небрежное отношеніе и дерзкое обращеніе съ своими слушателями мы часто испытывали на себѣ. Во время лекцій часть студентовъ толпилась около стола съ препаратами, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ. Это не нравилось профессору, съ его языка нерѣдко срывались окрики: «прочь отъ стола!» Не мало тревогъ причиняла студентамъ и небрежность Варнека въ распредѣленіи лекцій; онъ нашелъ для себя болѣе удобнымъ не повторять лекцій, а обыкновенно одному отдѣленію читалъ лекцію по сравнительной анатоміи, а другому по зоологіи; въ слѣдующій разъ нерѣдко перепутывалъ отдѣленія, при чемъ случалось, что лекція являлась не продолженіемъ по порядку, а изъ новаго отдѣла по той или другой наукѣ. Понятно, какъ это должно было путать слушателей. Порядочныхъ учебниковъ на русскомъ языкѣ въ то время было мало, а по сравнительной анатоміи и совсѣмъ не

имѣлось; иностранные учебники большинству были недоступны вслѣдствіе недостаточной подготовки въ языкахъ. Приходилось записывать лекціи и составлять записки, что было почти невозможно при указанномъ капризномъ распредѣленіи лекцій.

Кромѣ сравнительной анатоміи и зоологіи на первомъ курсѣ еще слушались: ботаника, минералогія, физика, неорганическая химія, анатомія человѣка. За исключеніемъ физики, все это были науки, извѣстныя тогдашнему гимназисту лишь понаслышкѣ, а семинаристамъ и совсѣмъ невѣдомыя. Поэтому заботъ у студентовъ было не мало, и обвинять ихъ несправедливо, если они находили себя въ правѣ рассчитывать на болѣе внимательное отношеніе профессора къ изложенію своего предмета. Стали студенты обсуждать положеніе дѣла; было рѣшено просить Варнека, чтобы онъ читалъ курсъ систематически, далъ бы программу и указалъ подходящіе учебники. Переговоры эти, очевидно, покорибли профессора и онъ рѣзко отказался исполнить желанія своихъ слушателей, добавивъ, что студенты университета—не гимназисты, должны работать самостоятельно, что профессоръ своими лекціями только указываетъ, въ какомъ направленіи и по какому методу слѣдуетъ студенту вести свою работу.

Продолжая оставаться на легальной почвѣ, студенты, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, отправились къ декану факультета, изложили ему свое затруднительное положеніе и просили его помощи. Однако, изъ этого ничего не вышло, все осталось по-старому. Возбужденіе между студентами росло, дебаты становились бурными. Сходки собирались открыто въ саду или въ аудиторіяхъ стараго университета; онѣ были шумны и привлекали много студентовъ какъ старшихъ курсовъ, такъ и другихъ факультетовъ. Инспекція какъ будто не существовала, ни одной фигуры субъ-инспектора не было видно на сходкахъ. При такихъ условіяхъ, наконецъ, было рѣшено пустить въ ходъ крайнее средство: освистать проф. Варнека и тѣмъ самымъ вынудить его оставить кафедру. Въ этомъ рѣшеніи, само собою разумѣется, принимали не менѣе горячее участіе и старшіе курсы медицинскаго факультета, и мало-по-малу и юристы, и даже филологи; такъ что исторія проф. Варнека становилась общеуниверситетскою. Только естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, гдѣ была главная кафедра Варнека, сильно отстаивало профессора. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, Варнекъ держался иначе, его даже любили за талантливое изложеніе предмета. Чѣмъ объяснить такую рѣзкую противорѣчивость въ человѣкѣ? Какъ бы тамъ ни было, своего рѣшенія медики не измѣнили; былъ назначенъ и день.

Большинство первокурсниковъ не пошло на лекцію; явились только любопытствующіе, охотники до сильныхъ впечатлѣній, да малое число наиболѣе озлобленныхъ; зато пришли юристы, «свистуны», какъ ихъ тогда называли. И все же аудиторія развѣ только на половину была занята. Самоувѣренность или полное невѣдѣніе,—только Варнекъ совершенно спокойно занялъ кафедру, осмотрѣлъ препараты и открылъ ротъ... Послышался свистокъ, другой, толпа подхватила и начался настоящій свистъ всей аудиторіи. Профессоръ какъ бы изумился сначала, потомъ поблѣднѣлъ, растерялся. Толпа, между тѣмъ продолжая свистать, направилась къ двери. Только когда аудиторія совсѣмъ опустѣла, бѣдный Варнекъ нетвердыми шагами направился въ прилегавшій кабинетъ, гдѣ онъ и впалъ въ обморокъ; говорили даже, что у него хлынула кровь горломъ.

Лишь послѣ этого начались дѣятельныя сношенія-переговоры начальства съ депутатами. Въ тѣ времена депутаты играли уже большую роль, такъ какъ студенты поручали имъ объясняться съ начальствомъ по всевозможнымъ поводамъ. На этотъ разъ, кажется, были выбраны депутатами Быстровъ и Добровольскій (впослѣдствіи извѣстные профессора Медицинской Академіи) и Столпянскій (дѣятель по народному образованію). Депутаты изложили начальству претензіи курса и нежеланіе его слушать проф. Варнека. Указывая на безпорядочность чтеній и небрежное отношеніе къ заявленіямъ студентовъ, депутаты горячо отстаивали своихъ товарищей и, разумѣется, въ свое время поплатились болѣе всѣхъ. Броженіе и сходки продолжались безпрепятственно; начальство не принимало никакихъ серьезныхъ мѣръ. Правда, теперь на сходкахъ можно было видѣть субъ-инспекторовъ, но они вели себя скорѣе какъ любопытствующіе, стоя въ отдаленіи и ничѣмъ не заявляя о своемъ присутствіи. Даже между профессорами были люди, сочувствовавшіе студентамъ; въ числѣ послѣднихъ проф. богословія Сергіевскій. Молодой, красивый ораторъ, правда, немного вычурный, онъ находилъ возможнымъ иногда съ кафедры незамѣтно и ловко подойти къ злобѣ дня, сказать нѣсколько словъ, намековъ, отлично понимавшихся слушателями, усердно награждавшихъ его рукоплесканіями. Во время рассказываемыхъ событій одна изъ его лекцій, полная такихъ намековъ, оканчилась слѣдующими знаменательными словами: «да не восторжествуетъ же тьма надъ свѣтомъ!»

Однако, спустя нѣкоторое время, было вывѣшено объявленіе о закрытіи курса. Мы разошлись по домамъ, изрѣдка навѣдываясь въ университетъ. Вдругъ появились слухи, что первокурсниковъ поодиночкѣ и въ разные часы дня вызываютъ въ

инспекторскую канцелярію, гдѣ отбирають подписку о желаніи или отказѣ слушать лекціи проф. Варнека. Этимъ путемъ, вѣроятно, надѣялись потушить дѣло, вынудивъ согласіе большинства. *Divide et impera!*

Инспекторомъ тогда былъ капитанъ 1-го ранга Ильинскій, обычно мягкій и вѣжливый, но, какъ говорили, большой поклонникъ Бахуса. Едва ли эта іезуитская мѣра принадлежала его инициативѣ. Какъ бы тамъ ни было, очередь дошла и до меня. Явились мы въ канцелярію въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, жившихъ на одной квартирѣ. Одинъ изъ насъ нѣсколько наивно спросилъ инспектора, когда послѣдній объяснилъ, чего отъ насъ требуютъ,—почему де не соберутъ разомъ всѣхъ заинтересованныхъ студентовъ и не спросятъ ихъ единовременно.—«Гдѣ вы воспитывались?»—спросилъ инспекторъ.—«Въ семинаріи».—«Ну, это и видно сейчасъ».

Намъ дали списокъ всего курса и указали графу, гдѣ слѣдовало расписаться. Просматривая отвѣты прежде насъ вызванныхъ товарищей, мы увидѣли, что всѣ изъявили согласіе посѣщать лекціи; то же написали и мы и, кажется, всѣ безъ исключенія такъ сдѣлали.

Послѣ того особыми повѣстками извѣстили всѣхъ о днѣ и часѣ открытія курса лекцій проф. Варнека. Собрались почти всѣ первокурсники, но не въ аудиторію, большинство толпились въ коридорахъ или во дворѣ. Аудиторія наполнилась естествоиспытателями и множествомъ любопытствующихъ съ другихъ курсовъ и факультетовъ; небольшая кучка первокурсниковъ буквально растворилась въ этой массѣ чужихъ. Между тѣмъ студенты-медики 1-го курса, возмущаясь, что ихъ хотятъ обойти, обмануть, послѣ непродолжительныхъ преній выбрали особаго депутата—старога студента Жохова, побывшаго уже на двухъ факультетахъ, прежде чѣмъ слѣлаться медикомъ, и возложили на него деликатную миссію передать Варнеку, что курсъ слушать его не желаетъ и не будетъ. Выждавъ, когда въ аудиторію вошли Варнекъ и представители факультета, Жоховъ немедленно заговорилъ. Выразивъ удивленіе, что послѣ всего случившагося профессоръ рѣшился занять катедру, Жоховъ замѣтилъ, что надо совсѣмъ не имѣть самолюбія, чтобы итти на новый скандалъ, что слушатели предупреждаютъ профессора о своемъ окончательномъ рѣшеніи не являться на его лекціи при такихъ условіяхъ. «Я никому не навязываюсь, и если студенты дѣйствительно не хотятъ меня слушать, то я уйду; но вѣдь аудиторія полна». Жоховъ, разумѣется, не замедлилъ вывести его изъ заблужденія, указавъ, что настоящихъ слушателей въ аудиторіи

нѣтъ. Деканъ факультета, Полунинъ, тотчасъ же вышелъ къ намъ; рѣчь его имѣла характеръ увѣщательно-отеческій, съ отгѣнкомъ благожелательства и преданности студентамъ, но желаемого результата не произвела. студенты выслушали ее молча. Тѣмъ временемъ подошелъ ректоръ Альфонскій, державшійся съ достоинствомъ, съ замашками вельможи, но безсодержательный и трусливый. На его приглашеніе пойти слушать лекцію, студенты пренебрежительно отвѣтили: «Не пойдемъ».—«Ну, какъ хотите, господа».

Наконецъ, пріѣхалъ попечитель, добрѣйшій и благодушнѣйшій старикъ Бахметевъ. Выйдя къ намъ въ сопровожденіи начальства, онъ держалъ рѣчь о незаконности нашего поведенія, объ отвѣтственности, которой мы подвергаемся, и т. д. Теперь не помню, сказалъ ли онъ что-нибудь суровое и обидное, но, кажется, въ словахъ попечителя ничего подобнаго не было. Тѣмъ не менѣе изъ толпы раздался возгласъ: «дуракъ!» Послышался сдержанный смѣхъ и начальство удалилось.

Ни объясненія съ Жоховымъ, ни только что рассказанные факты не помѣшали, однако, торжественной лекціи Варнека; прочитана она была недурно. Говорили, что содержаніе ея было одинаково, что и первой, такъ-называемой вступительной его лекціи, именно: образованіе черепа позвоночныхъ по типу позвонка. Лекціи аплодировали, хотя далеко не единодушно. Къ чести Варнека нужно сказать, что въ тотъ же день онъ подалъ въ отставку и настоялъ на ней, несмотря на просьбы товарищей ¹⁾).

Вопреки ожиданій первый курсъ не былъ закрытъ; только кафедре зоологіи и сравнительной анатоміи нѣкоторое время оставалась незанятою, пока ее не замѣстил молодой приватъ-доцентъ Борзенковъ, симпатичный и, какъ намъ казалось, недурно подготовленный. Отъ него мы впервые узнали о начавшемся переворотѣ въ естественныхъ наукахъ, виновникомъ котораго былъ Дарвинъ.

Но возвратимся къ продолженію, вѣрнѣе сказать, къ окончанію нашего рассказа. Такъ какъ въ суматохѣ было упущено много времени, то мы съ жаромъ принялись наверстывать потерянное и стали мало-по-малу забывать о бывшей исторіи, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день всѣхъ насъ собрали въ большую аудиторію. Тамъ роздали намъ листы съ вопросными пунктами: почему мы были недовольны лекціями Варнека, участвовалъ ли

¹⁾ Онъ былъ назначенъ директоромъ гимназіи въ Тверь, гдѣ и оставался до 1863 г.; затѣмъ причисленъ къ М. Н. Пр.; умеръ въ 1876 г.

Прим. Л. П.

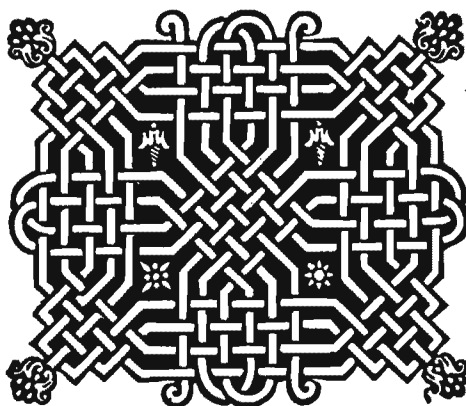
каждый изъ насъ лично въ демонстраціи противъ него, кто изъ товарищей принималъ въ ней участіе и т. п.

Несмотря на присутствіе кое-кого изъ начальства, къ намъ проникли нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, даже съ другихъ факультетовъ, и старались поддержать въ насъ бодрость духа. Для облегченія и большаго единообразія въ отвѣтахъ однимъ изъ бывшихъ депутатовъ Столпянскимъ наскоро былъ набросанъ и пущенъ въ обращеніе въ своемъ родѣ конспектъ. Благодаря этому, отвѣты вышли какъ одинъ. Мы указывали на небрежность лекцій Варнека и пренебрежительное отношеніе къ нашимъ заявленіямъ, на то, что наша жалоба декану осталась безъ послѣдствій, въ виду чего для насъ былъ только одинъ выходъ: прекратить посѣщеніе лекцій. Въ демонстраціяхъ каждый лично не участвовалъ, хотя и сочувствовалъ ей. Постороннихъ вліяній въ этомъ дѣлѣ никто не признавалъ, да ихъ и не было на самомъ дѣлѣ. Отвѣты вообще были сдержанны и только немногіе изъ нихъ были рѣзки. При этомъ вышелъ курьезъ,—младшій изъ насъ, юноша 17 лѣтъ, еще мало развитой и едва ли не самый скромный изъ всѣхъ, цѣликомъ списалъ вышеупомянутый конспектъ, въ которомъ встрѣчались довольно несдержанныя выраженія; потому отвѣтъ юноши вышелъ черезчуръ рѣзкимъ. Но курьезнѣе всего было то, что списывалъ онъ безъ большой оглядки—механически, а потому вмѣсто слова «демонстрація» оказалась «администрація». На приговоръ судей это, однако, не повліяло, но сопровождалось небольшими непріятностями для усерднаго списывателя конспекта. Вышла сплетня, обвинявшая Столпянскаго въ предумышленности; она дошла до инспектора и, очевидно, возмутила его. При встрѣчѣ съ Столпянскимъ инспекторъ, подавая ему руку, съ пафосомъ сказалъ: «Моя рука никогда не касалась руки подлеца».—«Чувствую, отвѣтилъ Столпянскій, что руки моей коснулась рука честнаго человѣка». Въ концѣ концовъ всѣ эти недоразумѣнія выяснились къ удовольствію всѣхъ.

Отвѣты наши поступили въ Совѣтъ, который на основаніи ихъ и разсортировалъ всѣхъ привлеченныхъ на четыре категоріи: 1) безусловно исключенныхъ — всего одинъ Жоховъ, 2) исключенныхъ на одинъ годъ—5 человѣкъ, въ томъ числѣ трое депутатовъ: Быстровъ, Добровольскій и Столпянскій, и двое за рѣзкіе отвѣты; 3) самая большая,—исключались условно, если не дадутъ подписки неукоснительно подчиняться всѣмъ распоряженіямъ университетскаго начальства. Изъ этой категоріи очень немногіе, лишь нѣсколько человѣкъ, отказались дать подписку и были исключены; большинство же покорилось своей участи. Послѣднюю категорію составляли совсѣмъ

непринимавшіе участія въ исторіи, напримѣръ, по болѣзни, отсутствію и т. п.

Пять человѣкъ по второй категоріи черезъ годъ поступили въ Медико-Хирургическую Академію; по матеріальнымъ обстоятельствамъ Столпянскій долженъ былъ покинуть Академію; онъ потомъ съ увлеченіемъ отдался школьной дѣятельности, на которой и приобрѣлъ себѣ почетное имя ¹⁾.

¹⁾ Ср. о Варнековской исторіи въ книгѣ Н. Барсукова «Жизнь и труды М. Н. Погодина», т. XVI, 116—120. *Ред.*

Памяти А. В. Потаниной.

(25 янв. 1843 г.—19 сент. 1893 г.).

Въ январской книжкѣ «Голоса Минувшаго» за текущій годъ И. И. Поповъ далъ очеркъ жизни и дѣятельности Григорія Николаевича Потанина, чье имя неизгладимо вписано въ исторію русской науки и общественности. Очеркъ былъ приуроченъ ко дню восьмидесятилѣтія Г. Н. Оказалось, что приуроченье это было ошибочнымъ, и юбилейный день приходится на 21 сентября. Съ радостью еще разъ посылая горячій привѣтъ лучшему сыну Сибири, знаменитому ученому, общественному дѣятелю и человеку рѣдкой душевной чистоты, мы хотѣли бы въ день юбилея Г. Н. вспомнить о вѣрномъ его другѣ и неизмѣнной помощницѣ,—Александрѣ Викторовнѣ Потаниной, покойной супругѣ юбиляра.

Познакомившись и обвѣнчавшись съ Г. Н. Потанинымъ въ годы его вологодской ссылки, А. В. до послѣдняго мгновенія жизни была спутницей мужа во всѣхъ его путешествіяхъ. Путешествія были очень нележки, требовали большого запаса физическихъ и нравственныхъ силъ. Тѣ и другія съ избыткомъ нашлись въ этой хрупкой на видъ женщинѣ. Съ удивительной простотой, отличавшей ее и въ жизни, рассказываетъ она въ своихъ статьяхъ¹⁾ о трудностяхъ и лишеніяхъ, которыя ей приходилось переносить. Тряскія походныя повозки, верховая ѣзда на лошади въ полумужскомъ костюмѣ, долгіе дни качки на верблюдѣ, переходы пѣшкомъ по глубокому снѣгу, зрѣлище вычюнныхъ верблюдовъ, падающихъ въ пропасть съ обледенѣлыхъ горныхъ

¹⁾ Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю. М. 1895.

тропинокъ, ночлеги въ грязныхъ юртахъ, а то и въ снѣгу подъ открытымъ небомъ, скудная пища, а иногда и голодъ, когда приходилось добывать изъ норъ запасы полевыхъ мышей,—все переносила А. В. героически и не теряя бодрости духа. Разсказавъ, какъ на обратномъ пути изъ земли урянхайцевъ экспедиція проводила морозныя ночи въ снѣгу у костра, А. В. прибавляетъ: «Было что-то необычайно пріятное въ этихъ ночлегахъ подъ звѣзднымъ небомъ среди пустыни,—правда, съ однимъ только условіемъ, если не было вѣтрено и не шелъ снѣгъ». Войдя всецѣло въ научные интересы своего мужа, А. В. оставила своими статьями незабываемый слѣдъ въ исторіи изученія Азіи. Помимо научныхъ достоинствъ, тонкихъ и необыкновенно отчетливыхъ наблюденій надъ бытомъ азіатскихъ народовъ, статьи А. В. невольно привлекаютъ любовнымъ отношеніемъ къ пасынкамъ жизни, умѣньемъ разглядѣть общечеловѣческія черты въ душѣ, на первый взглядъ полудикаго инородца.

А. В. не была сибирячкой по рожденію, но, связавъ свою судьбу съ судьбой Г. Н. Потанина, нашла въ Сибири свою вторую родину. Сибирская печать, сибирская учащаяся молодежь, сибирскіе инородцы были родственно близки этой рѣдкой женщинѣ. Пишущій эти строки хранитъ изъ далекихъ гимназическихъ лѣтъ память о томъ, какъ оживлялся Иркутскъ, когда въ немъ поселялись Потанины. И вездѣ,—въ тѣсномъ ли кружкѣ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», на засѣданіи ли Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, на буддійской ли выставкѣ въ мѣстномъ музеѣ, въ маленькихъ ли комнатахъ квартиры Потаниныхъ, гдѣ всегда было людно,—вездѣ рядомъ съ Г. Н. была А. В., съ ея пронизательными глазами, умнымъ, а иногда и насмѣшливымъ словомъ, съ негромкой пѣвучей рѣчью, такъ подходившей ко всему ея облику, почему-то напоминавшему мнѣ строгихъ старообрядокъ родного ей Поволжья, съ неизмѣннымъ участіемъ къ молодежи и вниманіемъ ко всему, что хоть сколько-нибудь возвышалось надъ обычно соннымъ уровнемъ Иркутска.

Біографія этой замѣчательной женщины еще не написана. Ея собственныя воспоминанія остались незаконченными, а интересный біографическій очеркъ, приложенный къ собранію ея статей, далеко не можетъ претендовать на полноту. Въ качествѣ матеріаловъ для біографіи А. В. приводимъ, съ небольшими пропусками, два ея ненапечатанныхъ письма, характеризующихъ ее и какъ путешественницу, и какъ общественную дѣятельницу.

Первое письмо адресовано Надеждѣ Александровнѣ Бѣло-

головой и извлечено нами изъ архива семьи Бѣлоголовыхъ¹⁾. Письмо безъ даты, но содержаніе позволяетъ отнести его къ самому концу 1884 г. или къ началу 1885 г., т.-е. ко времени третьяго путешествія Потаниныхъ.

«Письмо Ваше, многоуважаемая Надежда Александровна, я получила въ половинѣ ноября, по дорогѣ изъ Ланджеу въ Хыджеу, куда мы ѣхали на зимовку. Съ отъѣзда изъ Пекина мы не имѣли вѣсти съ родины или изъ Пекина. Все лѣто ѣздили по Ордосу, лишь въ концѣ августа прибыли въ маленькій разрушенный городокъ Боро-Балгасунъ, гдѣ живетъ миссіонеръ бельгійской миссіи. Здѣсь мы снова отдохнули среди европейскихъ людей, прожили цѣлую недѣлю, видѣли газеты, но впрочемъ старыя и притомъ бельгійскія миссіонерскія; изъ нихъ о Россіи ровно ничего не узнали. Ради нашего пріѣзда сюда же прибыли еще два миссіонера; все это люди молодые, образованные и хотя безвыѣздно живущіе въ Китаѣ уже давно, все же ихъ общество доставило намъ большое удовольствіе. Особенно Августу Иванчу²⁾ и Березовскому, такъ какъ они могли больше имѣть пользоваться, зная хорошо французскій языкъ. Отсюда мы взяли монголовъ-христіанъ и поѣхали въ Ланджеу, но не прямо, а заѣзжали на соляныя озера, и потому путь нашъ лежалъ черезъ мало населенный край, разоренный дунганями. Слѣды войны все еще очень замѣтны, города и деревни лежатъ въ развалинахъ, пашни заброшены. Цуйсанъ³⁾ все удивлялся, что хорошая земля продается за 1 *ланъ* или за 2 *му*, и то ее никто не покупаетъ. Въ городахъ насъ опять ужасно одолѣвали китайцы; они не выдвигали европейцевъ и поэтому всегда ломились въ ворота дянъ⁴⁾, гдѣ мы останавливались. Съ Ланджеу намъ стали давать солдатъ, но и это ровно ни къ чему не служило, солдатъ не слушали... Фотографіей я такъ и не начинала заниматься, все боялась, что буду портить стекла, а Авг. Ив. будетъ сердиться, что я уничтожаю его труды, и потому я предпочла, чтобы онъ ворчалъ лучше на то, что ему не помогаютъ, чѣмъ на то, что испортили вещь, которую онъ уже сдѣлалъ. Къ нему мы больше привыкли за дорогу; часто въ палаткѣ нашей или въ дянѣ поднимались споры. Березовскій называетъ Авг. Ив. волонтеромъ-консерваторомъ, и по-моему, это названіе къ нему очень идетъ. Ему очень не хотѣлось, чтобы мы и Березовскій уѣзжали на зиму; но что бы мы стали дѣлать среди китайцевъ? А между тѣмъ Авг. Ив. въ Ланджеу выпалъ случай помѣститься въ домѣ бельгій-

¹⁾ Получено редакціей отъ П. О. Казакова.

²⁾ А. И. Скаси, топографъ, спутникъ Потаниныхъ.

³⁾ Слуга.

⁴⁾ Китайскій постоянный дворъ.

ской миссіи, гдѣ и тепло, и свѣтло, и городъ большой, все купить можно; думали, что и обществомъ миссіонера онъ будетъ пользоваться, но онъ не живетъ въ городѣ, а въ деревнѣ... Здѣсь жилье у насъ хоть очень не комфортабельно, полъ и стѣны изъ земли, потолокъ соломой крытъ, воробьи свободно летаютъ между стѣнами и кровлей, но зато зима очень теплая; въ полдень часто таетъ или, лучше сказать, припекаетъ,—таятъ нечему, снѣгу нѣтъ, и ребятишки на дворѣ снимаютъ съ себя все платье и бѣгаютъ голышами. Въ ночь бываетъ до 14° холода, но мы жжемъ въ жаровнѣ каменный уголь и не мерзнемъ. Хозяйство мое все предоставлено монголамъ: они и покупаютъ и стряпаютъ. Очень боюсь, что въ будущемъ году Березовскій не возьметъ на себя хозяйственную часть въ нашемъ путешествіи. Что я тогда стану дѣлать? Григ. Ник. ничего не знаетъ, а Ав. Ивг. едва ли захочетъ взять на себя эту непріятную обязанность... Многое хотѣлось бы сдѣлать, многое узнать, да время прошло теперь: иному ужъ поздно учиться, къ другому трудно привыкать. Мой англійскій языкъ принадлежитъ къ этимъ именно вещамъ: память не держитъ слова, и я едва ли сколько-нибудь подвинулась въ немъ за все это время. Правда, лѣтомъ я и не бралась за книги, онѣ всѣ были запакованы, а на зимовкѣ начала читать подарокъ Андр. Андр.¹⁾ — «Исторію Китая», но едва прочла двѣ-три страницы. Комната у насъ одна, а между тѣмъ насъ посѣщаютъ то и дѣло окружающіе насъ монголы. Принимаемся чаевать, и Гр. Ник. старается по возможности выудить изъ посѣтителя что-нибудь полезное для себя, какую-нибудь легенду, историческое свѣдѣніе или сказку; мнѣ остается слушать, если я что-нибудь понимаю, или, и вовсе ничего не понимая, присутствовать при бесѣдахъ, отложивши свое занятіе; правда, какое-нибудь руководѣлье еще возможно, но тутъ другая бѣда: женщины здѣшнія всѣ большія руководѣльницы, и я стыжусь передъ ними своей неумѣлости. Книгъ, доступныхъ мнѣ, мало, а тѣ, какія есть, мало интересны. Но, слава Богу, я здѣсь какъ-то не скучаю, какъ скучала въ первую свою зимовку въ Хобдо; приписываю это тому, что теперь стала немного понимать монгольскій языкъ, а тогда ровно ни слова не понимала. Будущимъ лѣтомъ, кажется, будемъ ходить по малоизвѣстнымъ и труднымъ дорогамъ. Мнѣ иногда какъ-то страшно становится. Когда сюда ѣхали мы изъ Ланджеу, я всю дорогу ужасно трусила, потому что дорога шла по гребню высокихъ горъ и внизу, сейчасъ подъ дорогой, видны были глубокіе обрывы; особенно

¹⁾ Бѣлоголовый, мужъ адресатки и братъ извѣстнаго доктора Ник. Андр.

послѣдніе два-три дня дорога была ужасна; тропинка мѣстами такъ узка, что даже вьючный оселъ не могъ пройти, возчики снимали вьюки и переносили на рукахъ, между тѣмъ земля подмерзла, и ноги иногда скользили на крутизнахъ; ѣхать на мулѣ мнѣ было страшно, а итти и страшно, и трудно, зато горные виды на перевалахъ вознаграждали за все, и я все-таки очень довольна своей долей путешественницы»...

Второе письмо адресовано къ пишущему эти строки. Оно тоже безъ даты, но изъ текста видно, что писано оно изъ Петербурга 28 марта 1892 г.

...«Въ Иркутскѣ я знала Васъ за большого друга редакціи¹⁾, а между тѣмъ Вы, быть можетъ, и не знаете, что 1-го апрѣля приходитъ десятилѣтіе «Вост. Обозр.» Всѣмъ намъ, друзьямъ сибирской печати вообще, а «В. О.» въ частности, хотѣлось, чтобъ этотъ день не прошелъ ничѣмъ не отмѣченный. Не знаю, вспоминаютъ ли объ этомъ днѣ у Васъ въ Москвѣ; здѣсь студенчество, т.-е. вообще учащая молодежь и дѣвицы также подносятъ въ этотъ день адресъ редактору, а люди старшихъ поколѣній тоже стараются что-нибудь сдѣлать въ память этого дня. Не знаю только, къ чему приведутъ эти старанія: народъ все занятый до-нельзя, небогатый къ тому же, и потому при всемъ желаніи до сихъ поръ,—а сегодня уже 28,—сдѣлано очень мало. Кружокъ вспоминающихъ не великъ,—«кого ужъ нѣтъ, а кто далече!»—и самъ редакторъ²⁾ живетъ въ такой студенческой комнаткѣ, что и собраться у него большому обществу негдѣ. Ник. Мих. здоровъ и бодръ, но по временамъ на него нападаютъ часы тоски. И это больше, чѣмъ понятно. Нѣкогда онъ жилъ здѣсь окруженный семьей, его желанія угадывались и исполнялись, вокругъ газеты и редакціи, въ которой Аделаида Ѳедоровна, его покойная жена, была превосходной хозяйкой, постоянно толпились люди, а въ настоящее время онъ предоставленъ не заботамъ, а лишь эксплуатаціи квартирной хозяйки, и около него друзей очень мало, а дѣти далеко... На-дняхъ была телеграмма отъ Вас. Алек.:³⁾ «пріищите редактора, я уѣзжаю въ Саянскую экспедицію». Отсюда, конечно, нельзя указать редактора, надо, чтобы Вас. Алек. самъ назначилъ»...

Н. Мендельсонъ.

¹⁾ «Восточнаго Обозрѣнія».

²⁾ Никол. Михайлов. Ядринцевъ.

³⁾ Василій Александровичъ Ошурковъ. Когда послѣ трехъ предостереженій «В. О.» было перенесено Н. М. Ядринцевымъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, онъ вскорѣ передалъ редакторство Ошуркову.

Смерть М. Л. Михайлова.

Письмо его брата Людмила Петровна Шелгуновой. Найдено въ бумагахъ Николая Васильевича Шелгунова ¹⁾.

Авторъ этого письма о послѣднихъ минутахъ жизни М. Л. Михайлова,—его родной братъ Петръ Ларіоновичъ, инженеръ-поручикъ Нерчинскаго горнаго округа. Онъ родился 28 іюня 1834 г., въ Оренбургѣ, и былъ четвертымъ сыномъ Ларіона Михайловича Михайлова. Образование (1846—1855 гг.) онъ окончилъ въ Корпусѣ горныхъ инженеровъ въ Петербургѣ въ чинѣ прапорщика. Самъ онъ выразилъ желаніе служить на Нерчинскихъ заводахъ и былъ назначенъ старшимъ смотрителемъ, а черезъ два года приставомъ Казаковскаго золотого промысла. Вскорѣ послѣ прибытія въ ссылку брата, Петръ Ларіоновичъ былъ повышенъ чиномъ, а 1 января 1864 г. назначенъ управляющимъ Казаковскимъ промысломъ, но уже 7 апрѣля былъ смѣненъ съ должности и причисленъ къ Управленію округомъ вслѣдствіе привлеченія къ суду за послабленія, «оказанныя имъ въ содержаніи государственнаго преступника»—своего брата. Послѣ возникновенія дѣла П. Л-чу поставили въ вину еще и какіе-то безпорядки, допущенныя въ 1863 г. въ веденіи денежныхъ книгъ, при чемъ при сдачѣ имущества по Казаковскому промыслу у П. Л. Михайлова оказался недочетъ. За послабленія брату П. Л-ча выдержали въ Читѣ подъ арестомъ на гауптвахтѣ въ теченіе 1 мѣсяца, а затѣмъ онъ предназначался къ переводу въ другой горный округъ, но самъ подалъ въ отставку, которую и получилъ 14 января 1866 г. съ мотивировкой: «согласно прошенію, по болѣзни». Въ дальнѣйшіе годы П. Л. женился и жилъ въ Петербургѣ въ 70-хъ годахъ. О Петрѣ Ларіоновичѣ говоритъ и М. Л. Михайловъ въ своихъ «Запискахъ» («Русск. Бог.» 1906, сентябрь, стр. 60—61), и Л. П. Шелгунова въ своихъ «Воспоминаніяхъ». С.-Пб. 1901 г., стр. 117—119. См. также Е. О. Дубровина. Памяти М. И. Михайлова («Бесѣда». 1905, № 12) и П. Кропоткинъ. Записки революціонера. (Изд. т-ва «Знаніе», стр. 154).

В. М.

¹⁾ Печатается съ копій, сообщенной редакціи Л. О. Пантелѣевымъ.

Нерчинскъ, 9 Мая 1868 г.

Многоуважаемая Людм. Петр.

Простите Бога ради мое молчаніе. Не смотря на желаніе мое писать Вамъ раньше, я рѣшительно не зналъ Вашего адреса и свое желаніе могу выполнить только теперь послѣ Вашего послѣдняго письма. Со времени кончины Миши Вы не имѣли кажется отъ меня никакихъ извѣстій ни о смерти его, ни о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Поэтому разскажу Вамъ все по порядку. Миша скончался 2 Августа 1865 года въ Кадаинскомъ рудникѣ въ 50 верст. отъ Нерч. заводовъ отъ быстро развившейся въ немъ болѣзни Брайта. Почти за $\frac{1}{2}$ года до своей смерти онъ уже жилъ на частной квартирѣ и слѣд. пользовался относительной свободой, насколько она мыслима и доступна была въ его печальномъ положеніи, въ то время, когда ссылка большихъ партій польскихъ повстанцевъ вызвала строгія мѣры въ содержаніи ссылаемыхъ вообще по политическимъ преступленіямъ. Первые припадки кризиса его болѣзни начались въ Іюнѣ, что я узналъ по частнымъ слухамъ, и, отправившись немедленно въ Нерчинскіе заводы, не имѣлъ рѣшительно никакой возможности навѣстить его вслѣдствіе отказа въ этой моей просьбѣ коменданта Шипова (онъ завѣдывалъ всѣми свободными и несвободными преступниками), такъ какъ въ это время по приговору военного суда, которому я и Дейхманъ были подвергнуты по Высоч. повелѣнію за послабленія въ содержаніи Миши, я былъ арестованъ; но какъ бы то ни было, я, сознавая обязанность свою быть при Мишѣ, чтобы своимъ присутствіемъ облегчить его душевныя и физическія страданія, такъ какъ неизвѣстность рѣшенія моего дѣла его сильно тревожила, успѣлъ въ томъ, что пріѣхалъ къ нему. Это было въ половинѣ Іюля. Я засталъ его уже малоспособнымъ къ свободнымъ движеніямъ, такъ какъ въ ногахъ его образовался отекъ отъ быстро развившейся водянки. Его лечили два доктора изъ политическихъ преступниковъ поляковъ, Стецевичъ и Пашковскій, по разрѣшенію коменданта, кромѣ заводскихъ докторовъ. Отъ нихъ-то я въ первый разъ узналъ о неизлѣчимости Миши и о близкомъ концѣ его жизни. Неожиданный пріѣздъ мой такъ обрадовалъ его, что въ первые дни нашего свиданія болѣзнь видимо уступила хорошему и спокойному настроенію духа, но это было очень непрочно и недолго. Жизнь его черезъ нѣсколько дней снова уступила болѣзни и замѣтно угасала; образовался изнурительный кашель съ отдѣленіемъ крови, всякую пищу онъ принималъ съ трудомъ, вмѣсто подкрѣпляющаго сна впадалъ въ кратковременную дремоту и видимо исчезали его послѣднія силы; за двѣ

недѣли онъ пересталъ вставать съ кровати. Мѣры докторовъ были уже только паллятивныя, а прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, какъ они мнѣ объяснили, было положительно невозможно, такъ какъ всѣ радикальныя мѣры были употреблены ими уже раньше. Со дня моего приѣзда я безотлучно находился при Мишѣ, ухаживая за нимъ; за нѣсколько дней до его смерти появленіе въ его комнатѣ всякаго другого человѣка, кромѣ меня, даже докторовъ, раздражало его, и онъ просилъ меня никого къ нему не впускать и быть постоянно при немъ. Замѣчая появившееся въ немъ по временамъ безпамятство, я долженъ былъ наконецъ рѣшиться на тяжелый вопросъ,—не имѣетъ ли онъ чего передать мнѣ, такъ какъ часто временныя его обращенія ко мнѣ—«неужели я умираю»—сознательно говорили мнѣ, что онъ понимаетъ свое положеніе. Наканунѣ своей смерти онъ объявилъ мнѣ, что все принадлежитъ Мишѣ ¹⁾. Въ день съ 1 на 2-е Августа онъ уже никого не узнавалъ и только машинально, слабо называлъ меня Pierre'омъ, указывалъ мнѣ, чтобы я сидѣлъ на его кровати; бредъ былъ почти непрерывный, съ конечностей ногъ онъ начиналъ охлаждѣвать и не имѣлъ уже въ нихъ чувствительности; по мѣрѣ охлаждѣванія частей тѣла начала появляться сильная испарина отъ живота и выше, которая наконецъ дошла до того, что потъ лилъ потоками съ него въ то самое время, какъ болѣе и болѣе охлаждѣвали всѣ части тѣла, лежащія ниже живота. Почти безъ ...²⁾ слѣдя ошупываніемъ его тѣла за быстрымъ приближеніемъ къ нему смерти, я не могъ наконецъ удержаться и заплакалъ навзрыдъ, припавъ къ его рукѣ. Это еще на одно мгновеніе вызвало въ немъ слабую сознательность, и онъ сказалъ мнѣ: «Объ чемъ ты плачешь? вѣдь я не умираю еще, правда, вѣдь я не умру?». Съ этими словами онъ попросилъ меня приподнять его на подушкахъ, сказавъ: «Охъ, тяжело умирать!» потомъ попросилъ меня спустить ему ноги съ кровати и, не дождавшись, вдругъ быстро сбросилъ ихъ внизъ; едва успѣлъ я его поддержать, какъ онъ уже началъ испускать предсмертные вздохи и опрокинулся на моихъ рукахъ мертвый. Это было ночью въ 2 часа на 2-е Августа. Я одинъ былъ свидѣтелемъ этой невыносимо грустной минуты, хотя за стѣной сидѣли близкіе люди, готовые служить, но не рѣшавшіеся войти въ комнату, гдѣ былъ Миша. Вотъ Вамъ, добрѣйшая Л. П., грустная повѣсть грустнаго прошедшаго. Не буду Вамъ теперь говорить, сколько моральныхъ тревогъ пришлось мнѣ испытать въ то время, когда братъ лежалъ еще на столѣ и когда комендантская административная свора нагрянула съ своими обысками.

¹⁾ Сынъ Л. П. и Н. В. Шелгуновыхъ.

Ред.

²⁾ Одно слово не разобрано.

Скажу только одно, что всѣ предупредительныя мѣры, необходимыя съ моей стороны, были приняты настолько, насколько указывала ихъ сущность дѣла, мнѣ близкаго и хорошо знакомаго. Остальныя подробности оставляю до слѣдующаго письма, при которомъ Вы получите романъ. Опасаясь того, чтобы съ неисправностью нашихъ почтовыхъ учреждений не пропала рукопись, я переписываю ее теперь и къ слѣдующей почтѣ окончу. Романъ прекрасный, но едва ли доступный нашей свободной печати. Вслѣдъ за романомъ отправляю Вамъ все оставшееся въ рукописяхъ по настоящему адресу.

Движимое имущество, заключавшееся по преимуществу въ книгахъ, я большую часть продалъ и деньги употребилъ частью на расчетъ съ кредиторами брата, частью на себя, потому что мнѣ нечѣмъ было жить безъ обязанностей и мѣста. Вся сумма проданнаго едва достигла впрочемъ 300 руб. Вся русская и французская библіотека осталась при мнѣ.

Перевороты въ моей жизни слѣдующіе: я въ отставку, занимаюсь частными дѣлами, бѣденъ какъ и прежде, женатъ и ожидаю потомства.

Низкій, пренизкій поклонъ мой Николаю Васильевичу.

Мишу цѣлую и желаю ему хорошаго здоровья. Дай Богъ ему мальчугану всего въ будущемъ лучшаго.

Напишите, что и какъ продажа Звонареву сочиненій Павломъ? ¹⁾ Я дамъ новую довѣренность на Васъ или Николая Васильевича.

Глубоко любящій и уважающій Васъ П. Михайловъ.

¹⁾ Младшій братъ Михайлова, жившій въ Петербургѣ. С. В. Звонаревъ—издатель уничтоженнаго въ 1867 г. собранія сочиненій М. Г. Михайлова. В. М.

Неизданное стихотвореніе М. Л. Михайлова.

ПОРТРЕТЪ.

(О. С. Чернышевской).

У нея, какъ у Хитаны,
Взоръ какъ молнія блеститъ;
Какъ у рѣзвой польской панны,
Голосъ ласково звучитъ;
Какъ у юноши отъ раны
Томень цвѣтъ ея ланитъ.

Есть возможность не влюбиться
Въ красоту ея очей,
Есть возможность не смутиться
Отъ привѣтливыхъ рѣчей;
Но другихъ любить рѣшиться
Нѣтъ возможности при ней!

М. Михайловъ.

Это стихотвореніе М. Л. Михайлова извлечено изъ альбома О. С. Чернышевской. Н. Г. Чернышевскій изъ Саратова, гдѣ онъ женился на О. С., переѣхалъ въ Петербургъ въ 1853 г., слѣдовательно—около года спустя послѣ пріѣзда въ столицу изъ Н.-Новгорода Михайлова. Этимъ годомъ (1853 г.) въ томъ же альбомѣ датировано нѣсколько строкъ въ прозѣ брата Михайлова, Николая Ларіоновича, окончившаго какъ разъ въ это время институтъ горныхъ инженеровъ: «Еслибъ я былъ поэтомъ, я описалъ бы въ стихахъ на этой страницѣ тѣ чувства, которыми полна душа моя въ эту минуту; судьба отказала мнѣ въ этомъ чудномъ избраніи. Примите же просто, кузина, чистое и искреннее желаніе полнаго и безмятежнаго счастья отъ того, который въ три встрѣчи съ вами былъ столь счастливъ, что пріобрѣлъ ваше расположеніе, и если когда-нибудь въ свободную минуту вы вспомните вашего кузена, повѣрьте, это будетъ ему одна изъ лучшихъ наградъ. Николай Михайловъ. 26 іюня 1853 г. Спб.». *Кузиной* называли О. С., очевидно, по примѣру А. Н. Пыпина, приходившагося двоюроднымъ братомъ Николаю Гавриловичу. *Хитана*, какъ называется О. С. Мих. Ларіоновичъ Михайловъ,—испанское названіе цыганки.

В. М.

Путникъ ¹⁾.

(Посв. Еленѣ Андреевнѣ Штакеншнейдеръ).

Путникъ идетъ среди лѣса.
Ночь ужъ давно въ небесахъ.
Темная листьевъ завѣса
Чуть шелеститъ въ высотахъ.
Тихо. Природа уснула.
Онъ одиноко идетъ:
Въ лѣсѣ ни звука, ни гула,—
Онъ все впередъ и впередъ.
Тихи лѣсныя палаты
Въ царствѣ ночной темноты.
— Путникъ усталый, куда ты?
Не заблудился ли ты?
— «Не нужно заботы: я знаю дорогу,
И рано иль поздно, дойду понемногу».
— Есть здѣсь недалеко путь другой, просторный;
Колесницы мчатся той дорогой торной;
Весело болтая, люди тамъ толпятся;
Отчего тебѣ бы съ ними не смѣяться?
Тамъ дворцы большіе. Праздникъ тамъ великій:
Средь куреній носятъ золотые ликі;
Въ честь боговъ могучихъ тамъ поютъ хваленья;
Тамъ огни пылаютъ для увеселенья.
Ты иди, гдѣ люди: тамъ найдешь подмогу;
Не замѣтишь самъ ты, какъ пройдешь дорогу.
— «Пусть славятъ тамъ силу, смѣются обману,
Я идоламъ лжи поклоняться не стану».

¹⁾ Это стихотвореніе П. Л. Лаврова, сохранившееся въ бумагахъ Е. А. Штакеншнейдеръ (см. «Гол. Мин.» 1915 №, 7—8) получено нами отъ П. И. Малиновскаго.

* * *

Темныя сосны стѣснились;
Уже и глуше все путь;
Пни на дорогу свалились;
Сучья хватають за грудь.
Призраки тихой толпою
Смотрять изъ мрака кругомъ,
Длинною вьются гурьбою,
Шепчуть нѣмымъ языкомъ.
Грозны лѣсныя палаты
Въ царствѣ ночной темноты.
— Путникъ усталый, куда ты?
Не заблудился ли ты?
«Не нужно заботы. Я путь свой избралъ,
И призраковъ самъ я съ собою созвалъ».
— Есть здѣсь и другіе. Это люди дѣла,
Сами путь средь лѣса прорубають смѣло.
Топоры ихъ блещутъ въ мракѣ ночи темной;
Отъ ударовъ грозныхъ стонетъ лѣсъ огромный.
Давягъ ихъ паденьемъ ели вѣковыя,
Но не унывають силы молодыя.
Мучать и тиранять ихъ лѣсные боги;
Ихъ все меньше; кровь ихъ льется по дорогѣ;
Идоламъ смѣются; призраковъ не знаютъ.
Ты руби, какъ эти путь свой пробивають.
— «Въ борьбѣ безнадежной то братья страдаютъ,
То братья мнѣ гибнуть; но брата не знаютъ».
Длинными встали столбами
Пни обгорѣлыхъ березъ;
Сѣрый и чахлый мѣстами
Мохъ межъ золою проросъ.
Душною, сѣрою крышей
Небо на лѣсъ налегло,
Путь все унылѣе, тише;
Груды дышать тяжело.
Пусты лѣсныя палаты
Въ царствѣ ночной темноты.
— Путникъ усталый, куда ты?
Не заблудился ли ты?
— «Не нужно заботы. Мой путь одинокій
Все прямо, и прямо, и къ цѣли далекой».
— Ты ужъ утомился. Брось свой путь тяжелый;
Отдохни съ друзьями въ хижинѣ веселой.

Ты увидишь радость тамъ въ семейномъ кругѣ,
 Тихую заботу объ усталомъ другѣ.
 Встрѣтишь ты любовью вспыхнувшіе глазки.
 Страстны поцѣлуй, чары женской ласки.
 Отдохни до утра и рука съ рукою
 Ты пойдешь смѣлѣе свѣтлою тропкою;
 Пѣсни раздадутся въ лѣсѣ оживленномъ;
 Радость возродится въ сердцѣ обновленномъ,
 — «Твои есть заботы друзьямъ: и отъ милой
 Мнѣ нѣтъ поцѣлуя на путь съ новой силой».

* * *

Тамъ въ вышинѣ зашумѣло,
 Каркая стая взвилась.
 Буря въ лѣсу загудѣла,
 Молніей туча зажглась.
 Съ ревомъ лѣсовъ великаны
 Бьются въ сто рукъ межъ собой,
 Ждутъ палача—урагана,
 Мечутся съ смертной тоской.
 Бурны лѣсныя палаты
 Въ царствѣ ночной темноты.
 — Путникъ усталый, куда ты?
 Не заблудился ли ты?
 — «Не нужно заботы. Я путь свой найду
 Въ тиши и средь бури съ него не сойду».
 — Путникъ одинокій, нѣтъ совсѣмъ дороги
 Тамъ, гдѣ ты, усталый, чуть волочишь ноги.
 Самъ себѣ придумалъ путь ты небывалый;
 Весь твой трудъ потерянь; жизнь твоя пропала.
 Лѣшій обошелъ ли, нимфа ли лѣсная
 Завлекла улыбкой съ путникомъ играя,
 Призракамъ повѣрилъ ты и заблудился.
 Лучше бы съ толпою вмѣстѣ веселился;
 Лучше бы рубился топоромъ съ бойцами;
 Лучше бъ прожилъ тихо дни свои за днями.
 — «Нѣтъ путь мнѣ мой ясенъ. Онъ блещетъ уму,
 И если онъ призракъ, я вѣрю ему».

П. Лавровъ.

Приписка П. Л. Лаврова.

18²⁵/_{VI} 66 г.

Я Вамъ говорилъ Елена Андреевна, что кончится тѣмъ, что напишу стихи. Вотъ и написалъ. Посвящаю ихъ Вашей благосклонной дружбѣ, если плохо вышли,—не взыщите, я не упражнялся въ стихахъ. Жму Вашу руку.

Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского къ И. С. Аксакову о Сербіи въ 1880—1882 г.

Эпигоны ранняго славянофильства—націоналисты конца 70-хъ годовъ всегда относились съ открытой враждебностью къ европейской культурѣ и къ европейскимъ государственнымъ порядкамъ. Отстаивая «самобытность» Россіи и славянства, они съ нескрываемымъ раздраженіемъ говорили о полякахъ и даже вычеркивали ихъ изъ семьи славянства. Наши націоналисты никакъ не могли примириться ни съ католицизмомъ, ни съ тяготѣніемъ поляковъ къ европейской культурѣ и съ ихъ стремленіями къ національному самоопредѣленію, столь противоположными планамъ славянофиловъ націоналистическаго толка. Отчаявшись вернуть Польшу въ лоно славянской семьи, славянофилы, во имя самобытности славянства, всегда поддерживали мысль о необходимости освобожденія южнаго славянства изъ-подъ турецкаго и австрійскаго ига. Только тогда Россія можетъ стать во главѣ славянства. Безъ славянскаго освобожденія немислимо завоеваніе Константинополя. Это прекрасно понимали наши націоналисты. Отсюда ихъ защита независимости славянъ. Славяне должны стать свободными, но дальнѣйшія ихъ судьбы должны складываться подъ вліяніемъ Россіи.

Развитіе ихъ самостоятельности было допустимо постольку, поскольку это соотвѣтствовало и совпадало съ идеологіей націоналистовъ. Славяне—это маленькія дѣти, которыя мыслятъ и дѣйствуютъ по указкѣ и подъ руководствомъ матери славянства—Россіи. Однако, эта славянофильская идеологія не совпадала съ національными идеалами сербства и рано или поздно между сербскими націоналистами и славянофилами-націоналистами должны были возникнуть нелады. Дѣйствительно, наши націоналисты стали осыпать сербовъ «бранью», какъ только послѣдніе обнаружили желаніе эмансипироваться отъ русскаго вліянія и итти своей дорогой въ своемъ національномъ развитіи, съ явной любовью къ западной культурѣ.

Переписка Черняева и Кулаковского съ Аксаковымъ отражаетъ происшедшій разрывъ¹⁾. Она очень рѣзка по своему тону, очень субъективна въ оцѣнкахъ и сужденіяхъ и, при томъ, въ ней нѣтъ никакой исторической перспективы. Ненавистники сербовъ—забыли о культурной отсталости сербовъ и не считаются съ его прошлыми судьбами, не хотятъ ими объяснить рядъ отрицательныхъ явленій въ сербскомъ характерѣ и сербской общестственности. Въ письмахъ корреспондентовъ Аксакова не мало, конечно, правды, но правды, нѣсколько преувеличенной и утрированной. Въ нихъ чувствуются не столько боль и состраданіе изъ-за славянства, сколько ненависть, раздраженіе и озлобленіе изъ-за неудовлетвореннаго самолюбія. М. Черняевъ страстенъ въ своей ненависти къ сербамъ. Онъ не замѣчаетъ односторонности своей позиціи. П. Кулаковскій, профессоръ русскаго языка въ высшей школѣ, болѣе спокоенъ въ оцѣнкѣ положенія и лицъ. Письма Черняева—нервные замѣтки, не скрывающія настроенія автора. Письма Кулаковского—спокойно-дѣловитое, хотя и одностороннее изображеніе сербскихъ отношеній. Въ нихъ не чувствуется любви къ сербству, но нѣтъ и особаго раздраженія, хотя не мало высокомерія. Экспансивный и болѣзненно-самолюбивый Черняевъ ожидалъ, что его въ Сербіи встрѣтятъ съ распростертыми объятіями, будутъ выполнять всѣ его желанія. На дѣлѣ все было по иному, и разсерженный Черняевъ позволялъ себѣ массу безтактностей, задѣвавшихъ самолюбіе сербскихъ общественныхъ дѣятелей. Неразборчивый въ людяхъ, Черняевъ окружалъ себя сомнительными людьми, къ которымъ и сами сербы относились съ презрѣніемъ, какъ къ подонкамъ общества.

Черняевъ былъ главнокомандующимъ сербской арміи во время неудачнаго возстанія 1876 г. Занимая враждебную позицію по отношенію къ официальной Россіи, Черняевъ сталъ во главѣ возставшихъ сербовъ не безъ противоудѣйствія со стороны русскаго правительства. За Черняевымъ поѣхали въ Сербію добровольцы, люди весьма пестрые по своимъ качествамъ. Рядомъ съ небольшимъ количествомъ идейныхъ добровольцевъ въ Сербію уѣхало не мало авантюристовъ и людей сомнительной честности. Эти проходимцы, «черняевскіе молодцы», держали себя очень вызывающе, и въ смыслѣ боевого матеріала представляли собой ничтожный по качеству матеріалъ.

Третируя сербовъ и предъявляя къ нимъ чрезмѣрные требованія, «черняевскіе молодцы» убивали въ сербской интел-

¹⁾ Письма получены редакціей отъ О. Г. Аксаковой.

лигенціи ту любовь, которая по отношенію къ Россіи вѣками теплилась въ ея душѣ. Часть добровольцевъ отнеслась къ своей задачѣ вполнѣ сознательно, но большая часть изъ нихъ оказалась лишнимъ военнымъ балластомъ, проявлявшимъ больше трусости, чѣмъ геройства, что, однако, не мѣшало имъ вполнѣ сознательно относиться съ презрѣніемъ къ сербамъ и обвинять ихъ въ трусости. Черняевъ былъ высокаго мнѣнія о своихъ «молодцахъ». По его мнѣнію, «изъ 360 офицеровъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1876 года, 2 убито и 8 ранено, наши же добровольцы, начавшіе прибывать въ серединѣ войны, легли наполовину». Эти утвержденія Черняева нуждаются въ провѣркѣ, такъ какъ сербскія данныя говорятъ иное. Къ тому же Черняевъ забылъ, что офицерство—не сербскій народъ, о которомъ Черняевъ совершенно умалчиваетъ, и геройство котораго въ возстаніи 1876 г. никто не заподозрѣвалъ. Какъ бы ни оцѣнивалъ Черняевъ дѣятельность добровольцевъ, но все-таки они оставили о себѣ дурную славу. И даже такой защитникъ русскаго вліянія, какъ Кулаковскій, долженъ былъ констатировать, что «въ войнѣ 1876 г. наши добровольцы и Черняевъ плохо здѣсь вспоминаются». Кулаковскій сообщаетъ объ этомъ фактѣ безъ всякихъ комментариевъ, но краснорѣчивое молчаніе пламеннаго славянофила—лучшее доказательство оправданія сербскаго отношенія къ русскимъ добровольцамъ. О ненависти къ добровольцамъ пишетъ Аксакову и самъ Черняевъ, конечно стремящійся въ то же время объяснить эту ненависть и оправдать самого себя. Его самооправданіе очень страстно и односторонне. Во всемъ виновата сербская интеллигенція «недаровитая, полуграмотная, безъ религіи, безъ всякаго нравственнаго воспитанія»...

Въ дѣйствительности мы видимъ, что корреспондентамъ Аксакова не нравятся демократизмъ сербской интеллигенціи, ея западничество и рационализмъ, болѣзненное отношеніе къ своему національному самоопредѣленію. Интеллигенція смѣла имѣть свое сужденіе—вотъ источники гнѣва Черняева и Кулаковскаго.

Послѣдній, отмѣчая усиленіе вліянія Австріи, заявляетъ, что «вся та либеральная партія, которая объявляла себя русской, т. е. національной и защитницей свободнаго развитія страны,—въ сущности состоитъ изъ хитрецовъ и надувалъ».

Чтеніе писемъ Черняева вскрываетъ и другую причину раздраженія «героя» возстанія 1876 года. Онъ пріѣхалъ въ Сербію въ 1880 г. не только затѣмъ, чтобы увидѣться съ друзьями, но и ускорить открытіе памятника русскимъ добровольцамъ. Эпигонъ славянофильства рѣшилъ добиться желѣзнодорожной концессіи. Правда, за спиной Черняева стоялъ Поляковъ, но отъ этого роль

Черняева, прикрывшаго своей личностью аппетиты Полякова, не представляется въ лучшемъ свѣтѣ. Черняевъ, кажется, не сомнѣвался, что онъ немедленно получить все, чего добивался, но дѣйствительность разбила всѣ его иллюзіи. Сербы оказались не податливыми и, намѣреваясь отдать концессионерамъ желѣзнодорожное строительство, хотѣли это сдѣлать на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Черняевъ съ этимъ не желалъ считаться и это только усиливало его ненависть къ лѣнивому и трусливому, по его мнѣнію, племени. Какъ бы то ни было, но М. Г. Черняевъ потерпѣлъ полный крахъ въ своихъ желѣзнодорожныхъ экспериментахъ.

Не мало огорченія доставило Черняеву равнодушное отношеніе правительства и общества въ Сербіи къ постройкѣ памятника добровольцамъ: памятникъ воздвигался на русскія деньги.

Недовольные сербами—Кулаковскій и Черняевъ готовы даже наказать ихъ. Первый осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ второй; по существу оба они думаютъ совершенно одинаково о будущихъ судьбахъ Сербіи.

Борецъ за сербское объединеніе и бывший страстный апостолъ велико-сербской идеи Черняевъ кончилъ тѣмъ, что былъ готовъ отдать всѣхъ сербовъ австрійцамъ словно въ отместку за постигшія его неудачи и австрійскую оріентацію сербскаго правительства послѣ 1878 г.

В. Пичета.

І. Письма М. Г. Черняева.

Бѣлградъ 25 іюля (1880 г.).

Вы не повѣрите, если я скажу, что русскимъ людямъ въ Бѣлградѣ гораздо тяжелѣ жить, чѣмъ было недавно въ Варшавѣ. А между тѣмъ это сушая правда. Не думайте, чтобы я, послѣ почти трехмѣсячнаго здѣсь наблюденія, говорилъ исключительно подъ однимъ личнымъ впечатлѣніемъ. Всѣ русскіе, оставшіеся здѣсь послѣ 1876 г., какъ всегда бываетъ послѣ войны, мало-помалу ушли отсюда, встрѣчая въ интеллигенціи, или лучше сказать въ городскомъ населеніи, и у власти одно, даже нескрываемое, недоброжелательство. Въ настоящее время остается въ Сербіи три русскихъ, кромѣ меня, временно здѣсь пребывающаго: Кулаковскій, законтрактовавшій себя на три года, какъ профессоръ русскаго языка въ великой по названію и весьма малой по результатамъ школѣ. Инженеръ Лазаревъ, построившій мельницу въ окрестностяхъ Бѣлграда и живущій въ селеніи, гдѣ мельница, и молодой Чурсинъ, женившійся на сербкѣ. Всѣ три спятъ и

видятъ, какъ бы поскорѣе оставить этотъ враждебный русской народности край. На дняхъ я ѣду во внутрь Сербіи подъ предлогомъ закладки памятника павшимъ русскимъ добровольцамъ на сербскихъ неблагодарныхъ поляхъ, но въ сущности для того, чтобы составить себѣ понятіе объ настроеніи этого лѣниваго, трусливаго племени, которое изъ Бѣлграда, какъ мнѣ кажется, все же полагаетъ всю свою надежду на Россію. По возвращеніи буду писать Вамъ. Теперь же скажу нѣсколько словъ объ памятникѣ добровольцамъ. Здѣшнему правительству представленъ былъ мною рисунокъ и надпись. То и другое утверждено, но ни князь, ни правительство, ни интеллигенція не изъявили желанія принять участія въ сооруженіи. Русское племя и здѣсь является великодушно-служебнымъ. Господи, да когда же это перестанетъ? Не тогда ли, когда мы сами внутри перестанемъ быть служебнымъ для кого-то, для чего-то намъ чуждаго, и ни на волосъ для себя самого. Я получилъ Вашъ отвѣтъ на свою телеграмму и преклоняюсь передъ Вашей инициативой, забитой, Богъ знаетъ почему, въ русскомъ человѣкѣ. Если подписка превыситъ сумму, потребную для сооруженія памятника, то на остающіяся деньги я построю сторожку и въ ней посажу самораниваго серба стеречь памятникъ безкорыстному самоотверженію русскаго человѣка. Памятникъ, какъ Вы усмотрите изъ прилагаемаго рисунка, будетъ соотвѣтствовать назначенію. Рисунокъ составленъ мною лично безъ всякаго совѣта инженера. Онъ будетъ имѣть высоты четыре съ половиной сажени и, поставленный на высотѣ Руевницъ, надъ Алексинацемъ, будетъ виденъ за тридцать верстъ. Относительно желѣзной дороги я не могу сказать ничего положительнаго. Я предлагаю сербскому правительству построить дорогу за счетъ самой Сербіи и удалиться по окончаніи ея постройки, а потому «Современныя Извѣстія» грубо не понимаютъ моей цѣли, нападая на Полякова, который одинъ изъ всѣхъ русскихъ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей согласился на эту комбинацію. Шансы на полученіе постройки этой дороги для Сербіи, чтобы сдѣлать ее саму хозяиномъ у себя дома, значительно поколеблены подкупомъ князя и Ристича компаніей Фреми и Фильеля, того самаго, который строилъ Варшавскую желѣзную дорогу во время Чевкина и былъ выгнанъ нами съ уплатой отступного. Въ бытность мою въ Парижѣ я имѣлъ осязательныя, на бумагѣ изложенныя, доказательства этого подкупа отъ бывшаго учителя князя французскаго языка Grignap'a. Вотъ Вамъ изнанка Сербіи съ его княземъ и министромъ. За Фреми и Фильелемъ прячется австрійскій Staatsbank. Обоимъ имъ обѣщано два мил. франковъ. Меньшинство скрежещетъ зубами за эту продажу страны, но Вы знаете:

масса—бараны.—Мнѣ кажется нашей печати слѣдовало бы понять эту мерзость, чтобы народъ, преданный доселѣ Россіи, какъ онѣ ни плохъ,—могъ воспрепятствовать измѣнѣ. Въ ожиданіи Вашего отвѣта, который прошу прислать въ конвертѣ на имя Кулаковского, жму Вамъ руку до слѣдующаго письма.

Всей душой М. Черняевъ.

Алексинацъ 6 августа.

Вотъ уже недѣля прошла, какъ я здѣсь вожусь съ памятникомъ. Завтра 7 августа будетъ сдѣлана закладка его, на которой конечно будетъ присутствовать все населеніе этого маленькаго города, бывшаго свидѣтелемъ самоотверженія русскихъ добровольцевъ, а потому весьма сочувственно относящагося къ этому дѣлу. Община Алексинацкая заявила мнѣ черезъ своего предсѣдника желаніе вокругъ памятника развести паркъ. Памятникъ будутъ поставленъ на оконечности хребта, упирающагося въ Мораву и окаймляющаго Алексинацъ въ трехъ сторонъ. Онъ будетъ виденъ не только съ каждой точки города, но и изъ Ниша и Делиграда. Сербы будутъ ставить памятникъ версты четыре отъ нашего къ востоку въ редутѣ «Шуматовацъ», гдѣ они отбились отъ яростнаго нападенія турокъ. Это самый крупный успѣхъ ихъ въ войну 1876 года, и они включили Шуматовацъ въ число другихъ памятныхъ военныхъ событій своей исторіи, изображаемыхъ на ихъ военныхъ патентахъ. Изъ русскихъ въ редутѣ были тогда только двое: я и Лаврентьевъ. Добровольцы еще не прибывали. Здѣшняя единственная церковь, каменная, довольно обширная, построена кн. Милошемъ. При занятіи турками Алексинаца въ 1876 году она сильно пострадала. У нихъ былъ здѣсь магазинъ, а потомъ госпиталь. Верхняя часть иконостаса сломана и унесена, равно какъ и нѣсколько образовъ и двѣ боковыя двери. Вся утварь и книги разорваны. Мнѣ пришла мысль, что такъ какъ въ Алексинацѣ будетъ находиться памятникъ добровольцамъ, то и передать въ здѣшнюю церковь пожертвованную москвичами походную церковь, хранящуюся теперь въ складѣ у митрополита, съ тѣмъ, чтобы каждое 20 октября, день полученія извѣстія въ Делиградъ о перемиріи, была отслуживаема у памятника панихида. Если жертвователи согласны на это мое предложеніе, то прошу васъ, Иванъ Сергѣевичъ, увѣдомить меня о томъ въ такой формѣ, какъ бы инициатива въ этомъ принадлежала самимъ жертвователямъ. Прошу васъ поспѣшить этимъ извѣщеніемъ, чтобы я могъ все это устроить во время своего пребыванія въ Сербіи, такъ какъ я опасаясь, чтобы съ

отъѣздомъ моимъ дѣло не заглохло. Разсчитываю пробить въ Сербіи до половины сентября. Какъ Петербургъ не Россія, такъ и Бѣлградъ не Сербія. Какъ въ Петербургѣ не знаютъ Россіи, такъ еще меньше въ Бѣлградѣ понимаютъ Сербію. Въ этомъ я убѣдился въ настоящую свою поѣздку внутрь страны. Какъ только выѣдемъ изъ Бѣлграда, гдѣ бы ни остановился, вездѣ одинъ и тотъ же вопросъ: здоровъ ли нашъ царь? Вездѣ портреты государя, лубочныя картинки битвъ подъ Плевною, плѣнь Османа Паши, виды нашихъ монастырей, портреты Кирѣева и Раевского и пр. Вездѣ похвалы храбрости добровольцевъ и укоръ своимъ офицерамъ. Въ Смедеревѣ, Ягодинѣ, Чупріѣ, Парагинѣ, Ражанѣ, Алексинацѣ вездѣ меня встрѣчали самымъ радушнымъ, чистосердечнымъ образомъ. Изъ Крагуеваца (сербская Москва) нѣсколько жителей выѣхали на дорогу, гдѣ поворотъ въ Крагуевацъ, съ фруктами и приглашеніемъ отъ кмета посѣтить ихъ городъ. Изъ Крушевца получилъ также приглашеніе. Мнѣ теперь смѣшно и досадно, когда вспомню, что за нѣсколько дней до выѣзда моего изъ Бѣлграда мнѣ передано было, что Россія стала теперь вовсе не популярна въ Сербіи послѣ несправедливостей, сдѣланныхъ ей въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Дѣйствительно ли они слѣпы въ Бѣлградѣ, или только морочатъ другихъ, затѣявъ что то недоброе. Я это узнаю. Если подписка на памятникъ идетъ успѣшно, то высылайте пожалуйста деньги. Такъ какъ интрига противъ русскихъ компаній въ Бѣлградѣ очень сильна, то я имѣю мало шансовъ получить постройку дороги, а потому и не могу просить у Полякова денегъ на памятникъ. До сихъ поръ мною вложено 5 т. франковъ. Черезъ мѣсяцъ памятникъ будетъ совершенно готовъ. Рабочимъ приходится платить по мѣрѣ хода работъ. Очень это мнѣ трудно. Если возможно, то вышлите деньги по телеграфу черезъ Вѣну... До свиданія, жду съ нетерпѣніемъ отвѣта. Жму Вашу руку и прошу передать мое глубокое уваженіе Аннѣ Федоровнѣ.

Душою преданный *М. Черняевъ.*

Бѣлградъ, 14 Сентября.

Податель этого письма—студентъ московскаго университета Мркшичъ, бывшій здѣсь въ отпуску, подтвердитъ Вамъ то, что я говорилъ въ письмѣ своемъ о враждебномъ настроеніи къ Россіи и всему русскому здѣшней интеллигенціи. Нельзя приписать эту вражду исключительно тому, что мы присудили Пиротъ съ округомъ Болгарамъ, а не Сербамъ. Это только подлило масла въ огонь. Эта вражда существовала задолго до С.-Стефанскаго договора и обнаружилась весьма рѣзко въ 1876 году. Мнѣ ка-

жется, что причина этой, непонятной на первый взгляд, вражды заключается во внутреннем сознании сербской интеллигенции своей несостоятельности, которая должна обнаружиться при первом соприкосновении съ народомъ болѣе образованнымъ. Еслибы С.-Стефанскій договоръ задѣлъ народное чувство, то и масса была бы противъ насъ, между тѣмъ какъ этого нѣтъ. Недоразвитая, полуграмотная, безъ религіи, безъ всякаго нравственнаго воспитанія, безъ малѣйшаго чувства долга, сербская интеллигенція одинаково ненавидитъ и боится и француза, и англичанина, и нѣмца, и русскаго и даже своего брата серба съ другой стороны Савы, потому что сознаетъ его выше себя. Представьте себѣ государство, въ которомъ министры всѣ въ молодости служили лакеями (бѣлградская прислуга состоитъ большею частью изъ гимназистовъ и студентовъ. По приговору суда Ристичъ былъ наказанъ за кражу куръ у своего господина и продажу ихъ на рынкѣ), главнокомандующіе, во всю свою службу командовавшіе однимъ или двумя батальонами, профессоровъ которые нигдѣ не выдержатъ экзаменовъ во второй классъ гимназій, писателей, боящихся, чтобы произведенія ихъ не перешли сербской границы, такъ какъ они пригодны только для Сербіи и могутъ выдержать только сербскую критику. Весьма понятно, что эта вражда къ Россіи есть чувство самохраненія сербской интеллигенціи, чувствующей, что не удержать ей за собою поля, какъ только ворота откроются. Вотъ почему сербская интеллигенція возненавидѣла добровольцевъ. Она увидѣла ихъ превосходство и считала себя приниженною. Она сознавала, что почва уходитъ изъ-подъ ея ногъ и нравственное значеніе русскихъ день ото дня усиливается. Сербскіе офицеры командуютъ «напередъ», а русскіе «за мной», говорили мнѣ недавно бывшіе войники. Изъ 360 офицеровъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1876 г., сколько припомню, 2 убито и 8 ранено. Наши добровольцы, начавшіе прибывать въ срединѣ войны, легли наполовину. Оттого также сербскіе quasi ученые и писатели говорятъ не иначе, какъ съ пѣною у рта, объ введеніи русскаго языка въ школахъ. Кто станетъ ихъ читать, когда русскія книги сдѣлаются доступными? Замѣчательно то обстоятельство, что здѣшняя интеллигенція не имѣетъ никакихъ корней въ народѣ, который ненавидитъ и презираетъ ее. Она представляетъ какой-то нарывъ на сербскомъ тѣлѣ. Чѣмъ дольше живу я здѣсь, чѣмъ больше знакомлюсь съ сербами княжества, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что уцѣлѣвшая отъ австрійскаго захвата часть сербовъ, предоставленная 50 лѣтъ самой себѣ, не выработалась настолько, чтобы быть ядромъ объединенія всѣхъ сербовъ. Ни полудикіе, но сохранившіе энергію Черногор-

цы, Герцеговинцы и Босняки, ни развитые и воспитанные въ нѣмецкой дисциплинѣ австрійскіе сербы ни за что не захотятъ подпасть подъ начало дряблой, полуграмотной, нравственно распущенной интеллигенціи княжества, отъ которой отворачивается и сама масса, ее выдѣлившая. Я убѣжденъ, что княжество своими собственными людьми обойтись не можетъ. Я увѣренъ, что Болгарія лѣтъ черезъ пять оставитъ Сербію далеко позади. Мнѣ больно теперь за пролитую нами кровь здѣсь, и я не вижу другого выхода для Сербіи, какъ подпасть на время подъ власть Австріи. Только безсердечное нѣмецкое иго можетъ переродить здѣшнюю интеллигенцію, которая сама на ноги стать не можетъ. Памятникъ будетъ совершенно оконченъ къ 1-му октябрю. Открытіе его полагаю сдѣлать между 5 и 10 октябремъ. Освящать будетъ митрополитъ Михаилъ вмѣстѣ съ епископами Неготинскимъ Моисеемъ и Шабацкимъ Іеронимомъ, бывшимъ главнымъ священникомъ Тимокско-Моравской арміи. Персіани написали въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что считаетъ неудобнымъ для себя не быть на этомъ торжествѣ. Не вздумаете ли пріѣхать сюда, Иванъ Сергѣевичъ, очень было бы хорошо. Душевно преданный *М. Черняевъ*.

Бѣлградъ, 19 Генв. 1881 г.

Чудныя дѣла творятся въ маленькой Сербіи съ ея соломенною независимостью. Она буквально обратилась въ австрійскую провинцію, а Миланъ въ австрійскаго чиновника, надрывающагося показать свою преданность Габсбургскому дому. Баронъ Гербертъ неограниченный теперь здѣсь хозяинъ, подъ покровительствомъ котораго сербскій князь соритъ напропалую австрійскими дукатами. Свинопасы пока еще только осовѣли отъ этого, но сомнительно, чтобы они, когда очнутся, не затѣяли большой пакости своему державному ментору. Вѣдь сумѣли же они въ теченіе 50 лѣтъ сдѣлать семь переворотовъ. Если что-либо подобное случится, то сосѣди не замедлятъ воспользоваться, чтобы занять княжество во имя порядка. Въ сущности ходъ дѣлъ отъ этого не измѣнится, такъ какъ объединеніе всего сербскаго племени, за исключеніемъ пока Черногоріи, подъ домомъ Габсбурговъ можно считать совершившимся фактомъ. Предсказанья В. И. Ламанскаго сбылись прежде, чѣмъ можно было предполагать. Подателя этого письма Зюссмана выслали отсюда безъ всякой вины изъ одного опасенія, чтобы онъ не мучилъ скупщины. Замѣчательно, что распоряженіе было сдѣлано непосредственно жандармами безъ предувѣдомленія Персіани и безъ объясненія вины русскаго подданнаго, а основываясь на правѣ cadaque незави-

симаго государства гнать въ шею каждаго, кто только не нравится. Вы не можете себѣ представить, до какого униженія дошли мы даже въ паршивенькой Сербіи; что же въ остальныхъ государствахъ? Право неприлично намъ держать здѣсь цѣлую миссію, да и ни къ чему? За изгнаніемъ Зюссмана во всей Сербіи остаются еще трое русскихъ, поженившихся здѣсь въ 1876 г. Торговыхъ интересовъ у насъ здѣсь нѣтъ никакихъ. Посовѣтуйте въ «Руси» уволить Персіани въ отпускъ, а на время его отсутствія пусть останется одинъ секретарь, вновь же назначеннаго второго секретаря Богданова не присылать. Право это будетъ гораздо внушительнѣе и осторожнѣе, чѣмъ пресмыкаться здѣсь предъ австрійцами и германцами. Если здѣсь будетъ бунтъ, то мы вѣдь сыграемъ самую жалкую роль, потому что и теперь насъ въ грошъ не ставятъ. Если Греція объявитъ войну Турціи, то Австрія непремѣнно потребуеъ у Сербіи пропуска войскъ для окончанія своей миссіи на Балканскомъ полуостровѣ, какъ это она потребовала въ 1878 году. Тогда Сербія ей отказала, а теперь *уже не откажется*. Каково будетъ тогда положеніе нашего министра-резидента въ Бѣлградѣ? Желѣзную дорогу сербскую Миланъ отдалъ венгерцамъ. Она составитъ одну общую дорогу отъ Пешта до Враньи. Остается только скупщинѣ утвердить, что быть можетъ на дняхъ и послѣдуетъ. Банкъ, взявшійся реализовать капиталъ, есть австрійскій клерикальный поземельный банкъ въ Вѣнѣ (Länder bank). Нечего сказать—жестоко отомстилъ Петербургъ Россіи за то, что въ 1876 году она смѣла свое сужденіе имѣть. 400 т. жизней, миллиардъ триста миллионовъ рублей для порабоженія Австріей западной половины Балканскаго полуострова. Грустно, грустно, тысячу разъ грустно! Вашъ М. Черняевъ.

II. Письма П. А. Кулаковского.

15 Января 1880 г. Бѣлградъ.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ!

Война 1876 г., наши добровольцы и Черняевъ плохо здѣсь вспоминаются. Не хотѣлось мнѣ этого говорить Черняеву въ Москвѣ, но Вамъ считаю себя обязаннымъ написать это. Черняевъ мнѣ въ Москвѣ говорилъ о своихъ замыслахъ по поводу желѣзной дороги; я молчалъ и даже отклонилъ его намѣреніе быть посредникомъ иногда при передачѣ его писемъ. Мое дѣло въ Сербіи не имѣетъ практическаго характера, и было бы, признаюсь, больно, если бы Черняевъ изъ чистаго дѣятеля идеи обратился въ практика, строящаго въ Сербіи желѣзныя дороги. По моему мнѣнію, было бы пожалуй лучше, если бы строилъ

ихъ кто-нибудь другой, не русскій, потому что едва ли хорошо построимъ, а во-вторыхъ, сербы стали бы обвинять насъ и въ своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, которыя связаны съ желѣзнодорожнымъ вопросомъ. Какъ-то трудно себѣ представить Черняева, стоявшаго во главѣ войны славянской, строителемъ-желѣзнодорожникомъ. Черняевъ, по рассказамъ, сдѣлалъ недавно одну безтактность; онъ написалъ Зюссману письмо, въ которомъ поручаетъ ему собрать портреты и свѣдѣнія о жизни разныхъ сербскихъ дѣятелей войны 1876 года. Зюссманъ, который сидитъ теперь въ Нишѣ, въ качествѣ одного изъ слугъ Ристича, конечно, раструбилъ это повсюду и носитъ съ этимъ письмомъ. Ни письма этого, ни Зюссмана я не видѣлъ, но рассказывали мнѣ все это люди, достойные довѣрія. И сербы, большинство которыхъ далеко не любятъ Черняева, указываютъ на этотъ фактъ и приговариваютъ: вотъ съ кѣмъ Черняевъ пріятель и т. д. Можетъ быть альбомъ войны 1876 г., приготовляемый Черняевымъ, и имѣетъ какой-нибудь смыслъ, хотя, признаюсь, я бы не считалъ его своевременнымъ теперь, но неужели Черняевъ не нашелъ никого между сербами, которому могъ бы поручить доставленіе ему подобныхъ свѣдѣній. Надобно же ему разбирать людей и не поддаваться эксплуатаціи всякихъ проходимцевъ. Вѣдь имя у него большое и славное, а подобными именами очень любятъ пользоваться малые корыстолюбцы: долженъ же понимать это Черняевъ. Вопросъ желѣзнодорожный будетъ вѣроятно отложенъ до слѣдующей скупщины, такъ что Богъ вѣсть, когда состоится эта постройка.

Хочетъ мнѣ обратить вниманіе Ваше еще на одну сторону современнаго положенія сербскаго племени: въ Австріи политики такъ неловки, что давятъ сербовъ, елико возможно... Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ симпатіи къ намъ со стороны сербовъ возрастаютъ, и они начинаютъ каяться во всѣхъ грѣхахъ передъ нами,—я, признаюсь, считаю для славянъ лучшимъ положеніемъ, когда австрійцы ихъ притѣсняютъ, потому что если бы Австрія задумала сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ славяно-нѣмецко-мадьярской державой, то навѣрное сербы княжества прістали къ ней, и мы бы не имѣли никакого права винить ихъ за это: вѣдь никто не пойметъ смысла въ нашей общей политикѣ относительно славянъ.—Новиковъ составилъ себѣ такую дурную извѣстность между славянами, что когда пронесся слухъ, что онъ назначается вице-канцлеромъ при Горчаковѣ, то здѣсь сербы со страхомъ говорили объ этомъ. Иные прямо говорили: тогда намъ и изъ Россіи прикажутъ отдаться Австріи... Но пока Австрія просто полезна для славянъ, но только при томъ условіи,

если она ихъ притѣсняетъ. Она сумѣла такъ деморализовать славянство, что почти нельзя распутать теперь нитей взаимныхъ счетовъ различныхъ славянскихъ племенъ, живущихъ на территории Австріи. Придетъ, Богъ дастъ, время, когда великая Русь ополчится на исконныхъ враговъ и Россіи, и славянъ и распутаетъ эти узлы мечемъ,—и тогда славянство свободное само устроится и само распутается отъ взаимной вражды. Теперь не время, впрочемъ, думать объ этомъ окончательномъ и великомъ ударѣ: ни Россія, ни славяне къ нему не готовы.

Весь Вашъ П. Кулаковскій.

Январь 1880 г.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ,

Черняевъ, какъ выше я сказалъ, хандрить, и есть отъ чего. Началъ онъ строить памятникъ, а денегъ у него нѣтъ.—Это удивительный человѣкъ! Его можно любить и уважать, но всегда нужно дивиться ему. Какъ только пріѣхалъ, его окружила всякая шваль, выманивала у него деньги, онъ просто кидалъ червонцы въ разныя стороны. Всѣмъ, кто бы у него ни просилъ, онъ давалъ, и иногда подачки доходили до 25 червонцевъ одному лицу. Сербы, которые готовы всюду нищенствовать, потомъ смѣются надъ тѣми, у кого они выпросили денегъ. Такъ и тутъ было. Вы, конечно, знаете Черняева, и потому я могу быть съ Вами откровеннымъ. Онъ безтактенъ въ рѣчахъ и поступкахъ. Сначала онъ сошелся съ правительствомъ, но, увидѣвъ, что онъ обманывается имъ, онъ не сталъ играть съ правительствомъ, а удалился отъ него въ оппозицію, но не соединился ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ оппозиціонеровъ. Отсюда произошло то, что онъ теперь положительно одинъ. Давая себя въ руки всѣхъ проходимцевъ, онъ и тутъ держитъ Зюссмана и нѣкоторыхъ сербовъ, подобныхъ ему. Волнуясь при всякомъ случаѣ, онъ смѣло высказываетъ то, что у него на душѣ, не справляясь съ тѣмъ, стоитъ ли и можно ли всякому сербу или жиду говорить объ этомъ. Эксплоатація Черняева продолжается и теперь. Теперь она меньше, но ея и не было бы, если бы онъ не поддавался личнымъ большимъ воспоминаніямъ и своему честолюбію, заставлявшему его не гнать отъ себя людей, «воспѣвающихъ хвалу». Онъ не стѣсняясь говорилъ о Россіи, какъ думаетъ, и сильно бывалъ оскорбленъ, если видѣлъ въ какой нибудь сербской газеткѣ комическое сужденіе о томъ или другомъ фактѣ въ русской жизни. Слава Богу, что отношенія между нимъ и Персіяни хороши пока, но я боюсь, что и они порвутся, хотя я стараюсь, какъ

могу, ихъ сохранить въ лучшемъ ихъ видѣ. Само собою этого ничего не говорю ни Черняеву, ни Персіани. О памятникъ я писалъ Каткову еще въ концѣ іюля: послалъ я «письмо къ издателю» и просилъ напечатать, при этомъ я прилагалъ нѣкоторую небольшую сумму, открывая подписку. Катковъ не напечаталъ, видно, нельзя было.—А во что бы то ни стало нужно открыть подписку на памятникъ, иначе будетъ съ Черняевымъ скверно. Князь все не ѣдетъ, а, пріѣхавъ, едва ли найдетъ то, что нужно отъ него Черняеву.—Между тѣмъ Черняевъ за квартиру въ гостиницѣ платитъ болѣе червонца въ сутки и т. д. Тяжело ему.

Весь Вашъ П. Кулаковскій.

9 Августа 1880 г. Бѣлградъ.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ!

Черняевъ теперь въ Алексинацѣ и смотритъ за памятникомъ. Я долженъ сказать правду: Черняевъ слишкомъ податливъ и слишкомъ часто попадаетъ въ руки проходимцевъ. Въ Бѣлградѣ—особый агентъ его Зюссманъ, въ Алексинацѣ—онъ съ другимъ прославленнымъ мошенникомъ Костой Ристичемъ, обкрадывавшимъ его во время войны 1876 г. Общее мнѣніе сербовъ о Костѣ Ристичѣ таково, что жалко Черняева. Я ему писалъ объ этомъ въ Алексинацъ, какъ только узналъ о Костѣ Ристичѣ. (Этотъ Коста Ристичъ не состоитъ ни въ какихъ родственныхъ связяхъ съ министромъ Ристичемъ). Вслѣдствіе непрактичности Черняева и нѣкоторой неразборчивости въ людяхъ, у Черняева были исторіи и будутъ еще. Говоря откровенно, я очень сомнѣваюсь, чтобы онъ получилъ желѣзную дорогу въ Сербіи, и не только вслѣдствіе напередъ заключенныхъ условій серб. правит. людьми (если въ самомъ дѣлѣ это и такъ), но и по другимъ причинамъ.—Съ Персіани Черняевъ очень хорошъ и тотъ, гдѣ можетъ и насколько это соотвѣтствуетъ его дипломатическому дѣлу,—поможетъ ему.

Весь Вашъ П. Кулаковскій.

14 Авг. 1880 г. Бѣлградъ.

Что это тамъ думаютъ въ Москвѣ? Сегодня пришла изъ Москвы какая-то телеграмма на имя Черняева съ просьбой передать благодарность сербскому правительству за памятникъ русскимъ добровольцамъ. Я писалъ Каткову письмо и просилъ его напечатать: я призывалъ въ немъ русское общество къ пожертвованіямъ на памятникъ и рассказавъ, что это пока русское дѣло, а сербы развѣ только поживятся и тутъ русскими деньгами,—

какъ уже и началось это (конечно въ письмѣ для печати этого послѣдняго я не сказалъ).—Откуда же пущена молва, что сербское правит. строить памятникъ? Что за иронія?

Весь Вашъ П. Кулаковскій.

1881 г. 7 марта Бѣлградъ.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ!

Теперь очевидно, что князь связался разными обѣщаніями во время лѣтней поѣздки въ Вѣну и Ишль. Передъ его отъѣздомъ Персіани его предупреждалъ, чтобы онъ былъ остороженъ и помнилъ, какъ его подданные смотрятъ на Австрію и чего они боятся. Послѣ своего возвращенія князь сказалъ Персіани, что онъ не сдѣлалъ никакихъ обѣщаній, что онъ ничѣмъ «не связался». Но теперь ясно, что онъ просто солгалъ: такъ я думаю. Тутъ, очевидно, деньги дѣйствуютъ, и притомъ такъ неловко, что становится опаснымъ для спокойствія Сербіи. Князь принимаетъ самое живое участіе въ вопросѣ желѣзнодорожномъ. Бонту—внѣ всякаго сомнѣнія—австрійская компанія *Länderbank*, во главѣ котораго стоятъ галиційскіе поляки... Князь, видя, что оппозиція договору растетъ, сталъ призывать къ себѣ скупщинаровъ, увѣрять ихъ, что договоръ хорошъ. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что онъ не желаетъ видѣть въ Сербіи 4000 русскихъ, т.-е. рабочихъ нашихъ, что Черняевъ интригуетъ, что русскіе всѣ вообще хотятъ смущать сербовъ и т. д. Мало того: онъ передъ однимъ сербомъ, наименовать котораго не могу, прямо объявилъ, что все это дѣлаютъ «комитеты славянскіе!» Видно, что и онъ также оцѣниваетъ наше русское славянское одушевленіе, какъ и *Neue Freie Presse* или *National Zeitung*, связывающія славянофиловъ и нигилистовъ въ одно. Одного серба онъ прямо упрекалъ, что онъ врагъ Австріи. Князь, очевидно, не понимаетъ ни своего положенія, ни своего народа. А между тѣмъ въ Бѣлградѣ, да и во всей Сербіи, растетъ и ширится недовольство. Всякій задаетъ вопросъ, отчего такъ усердно князь хлопочетъ о Бонту и отчего онъ такъ не любитъ теперь русскихъ? Страшную вѣсть о смерти ужасной государя тоже эксплуатировали здѣсь съ цѣлью доказать, что на Россію нечего надѣяться, что въ Россіи все нигилисты, и что «слѣдовательно» всѣ оппозиціонеры, не желающіе отдать дороги Бонту, тѣ же нигилисты, готовящіеся совершить то же, что совершено въ Россіи ими же или ихъ братіей... Подкупъ дѣлается среди скупщинаровъ, но такъ незамѣтно, что ни самыя крайніе оппозиціонеры не въ состояніи доказать его или уличить въ подкупѣ,

но что есть подкупъ—нѣтъ сомнѣнія. Министры страшно боятся слетѣть съ мѣстъ, потому что тогда весьма вѣроятно вновь сядетъ Ристичъ и постарается съ ними распорядиться по-свойски. Князь недавно вновь предлагалъ Ристичу составить кабинетъ и взять правительство съ условіемъ, конечно, провести дѣло Бонту. Тотъ, конечно, отказался,—вѣроятно не сошлись въ суммѣ... Княгиня продѣлываетъ то же, что и князь, и изо всѣхъ силъ старается показаться не русской. Сегодня была панихида по покойномъ государѣ. Всѣ ждали рѣчи митрополита, но ея не было: вѣроятно, князь запретилъ ему говорить, боясь, что онъ напомнитъ собраннымъ членамъ скупщины ультиматумъ послѣ Дюниса. Митрополитъ еще не говорилъ мнѣ этого, но завтра увижусь и спрошу. Если такъ продолжится, въ Сербіи быть бѣдѣ. Хорошо еще то, что и самые крайніе радикалы убѣждены, что некимъ замѣнить этого князя и все еще мечтаютъ повернуть князя въ другую сторону. На войска трудно князю положиться, потому что между военными сильно распространено недовольство и военнымъ министромъ и вообще всѣми дѣлами. Белимарковичу—генералу, который пришелъ къ князю заявить свои опасенія относительно желѣзнодорожнаго договора съ Бонту, князь сказалъ: «Я знаю, что Вы и нѣсколько офицеровъ около Васъ—русскіе слуги». Офицеры негодуютъ, что памяти Царя-Освободителя не отдана должная честь. Сегодня послѣ обѣдни и панихиды всѣ важнѣйшіе офицерскіе чины сдѣлали визитъ Персіани. На лицѣ всякаго изъ нихъ написано, что они чувствовали въ это время. Многихъ изъ нихъ знаю, со многими говорилъ. Вообще никогда такъ много сербовъ не заходило ко мнѣ, какъ теперь. Всѣ они страшно измучены ожиданіями, что будетъ, и все высказываютъ какія-то дѣтскія надежды, что вотъ-вотъ придетъ телеграмма изъ Россіи и прикажетъ прекратить все дѣло съ Бонту, а тогда Сербія спасена. Доходитъ здѣсь до того, что возлагаютъ надежды на Черняева, что онъ выхлопочетъ въ Петербургѣ депешу для сербовъ, которою будетъ *приказано изъ князю* остановить дѣло съ Бонту. Конечно, къ Персіани сербы боятся ходить съ подобными надеждами и предложеніями, потому что ихъ сочтутъ тотчасъ измѣнниками, а ко мнѣ можно безъ опаски,—не политическій человѣкъ. Но Персіани помочь не можетъ. Изъ Петербурга до сихъ поръ все приходили приказанія быть потише. Очевидно Гирсъ просто не хочетъ понять того, что отсюда пишется въ мин. иностр. дѣлъ чуть ли не каждый мѣсяцъ чрезъ курьера. Но возвращусь къ князю и скупщинѣ. Князь и угрозами и убѣжденіями такъ повліялъ на крестьянъ-депутатовъ, что тѣ, конечно, теперь и голоса не смѣютъ подать

иначе, какъ приказаль князь, а приказано отвѣчать «за» договоръ желѣзнодорожный съ г. Бонту. Оппозиція хотѣла воспользоваться конституціоннымъ правомъ выйти изъ скупщины въ числѣ 45 человекъ и тѣмъ не дать возможности рѣшить это дѣло теперь же. Но князь призвалъ важнѣйшихъ членовъ оппозиціи, напалъ на нихъ и грозилъ употребить силу. Когда внесли въ скупщину договоръ съ Бонту для обсужденія, скупщинское зданіе было окружено массою народа, а въ крѣпости были наготовѣ войска. Но характерно, что тогда же возникло сомнѣніе, насколько войска будутъ послушны приказаніямъ властей. Теперь скупщина стала игрушкой въ рукахъ правительства, и если договоръ съ Бонту пройдетъ въ скупщинѣ и получить ея санкцію, можно сказать тогда, что все вновь вернулось ко временамъ Ристича, когда никто и голоса своего поднять не смѣлъ. Но тогда можно было ожидать великихъ безпорядковъ въ Сербіи, которые могутъ вызвать Австрію на «окончательное включеніе Сербіи въ кругъ ея интересовъ». Сегодня я былъ въ скупщинѣ вмѣстѣ съ профессоромъ Макушевымъ, пріѣхавшимъ на дняхъ въ Бѣлградъ. Одинъ изъ радикальныхъ депутатовъ, Сима Несторовичъ, предложилъ прекратить засѣданіе на три дня и тѣмъ почтить память Царя-Освободителя. И что же? Предсѣдатель скупщины, ревностный приверженецъ министерства, заявилъ, что скупщина достаточно почтила память Государя и, несмотря на протесты многихъ депутатовъ, рѣшилъ перейти къ очередному порядку дѣлъ. И скупщина замолчала... А между тѣмъ скупщина только и сдѣлала, что черезъ министра иностранныхъ дѣлъ заявила свое соболѣзнованіе Персіани, да сегодня присутствовала на панихидѣ. И это та самая скупщина, которая потому только и существуетъ, что мощное слово покойнаго Царя спасло Сербію и дало ей независимость. Вы, пожалуй, подумаете, что сами Сербы не стыдятся своихъ поступковъ. Нѣтъ,—всѣ сконфужены, всѣ словно прибиты и принижены; извѣстіе объ ужасной кончинѣ «Царя-Освободителя» отозвалось очень больно въ душѣ каждаго изъ нихъ; но г. Бонту, акціи котораго сильно упали на вѣнской биржѣ, долженъ былъ спѣшить въ Вѣну и требовалъ, чтобы дѣло было рѣшено, какъ можно скорѣе. Понятно, что «благодарный» сербскій князь и его трусливые и послушные министры поспѣшили исполнить волю своего новаго золотого владыки. Вы бы сдѣлали доброе и очень полезное дѣло, чтобы хоть одно политическое обозрѣніе посвятило сербскимъ дѣламъ и изобразили ту страшную яму, въ которую постепенно проваливается сербское княжество. Дѣйствительно, да будетъ проклятъ берлинскій трактатъ, говоря Вашими словами. Но замѣтимъ и то, что теперь

наша русская политика не даетъ никакихъ указаній сербамъ и равно никакого отпора Австріи въ ея стремленіи запутать Сербію въ свои сѣти. Быть можетъ, новый государь обратитъ вниманіе на дѣла созданнаго русскою политикою Сербскаго княжества, а вѣрнѣе—достаточно одного его слова и все здѣсь перемѣнится и передѣляется: будутъ цѣловать то, на что недавно плевали. Отзовитесь въ «Руси». Хотя я очень уважаю М. Г. Черняева, но прошу Васъ не всегда вѣрить ему: это больной человѣкъ съ раздраженными нервами и раздраженной мыслью. Въ Бѣлградѣ онъ часто видѣлъ совсѣмъ навыворотъ вещи и нерѣдко принималъ за чистую правду самую нелѣпую ложь, самый дикій вымыселъ. Вы, конечно, слышали, что въ скупщинѣ жестоко нападали на митрополита, рассказывали о немъ всякую грязь, тоже и о монахахъ и монастыряхъ. Митрополитъ и Стевча Михайловичъ говорили мнѣ, что побужденія были даны скупщинарамъ со стороны. Митрополитъ Михаилъ даже прямо сказалъ, что тутъ простая интрига министровъ Новаковича, Гарашанина и Міятовича.—Но это мнѣ кажется, несправедливо. Теперешніе министры дѣйствительно западники, которые прикрываются личиною сторонниковъ Россіи въ Сербіи,—но въ то же время въ здѣшнемъ народѣ взялъ верхъ надо всѣмъ—раціонализмъ и царствуетъ религіозный индиферентизмъ. Духовенство же, особенно низшее и высшее монашество,—ниже всякой критики. Трудно представить себѣ что-нибудь животнѣе, если такъ можно выразиться, сербскаго монаха. Священники здѣсь интригуютъ, лгутъ, обманываютъ. На митрополитѣ и на многихъ духовныхъ здѣшнихъ дѣятеляхъ навсегда останется пятно въ возбужденіи болгаро-сербской распри послѣ Санъ-Стефанскаго и берлинскаго договоровъ. Въ томъ, что на скупщинѣ произносились безобразныя рѣчи противъ монашества и духовенства вообще, виновато столько же западническое министерство и князь, сколько и самъ митрополитъ, запустившій всѣ церковныя дѣла.

Весь Вашъ П. Кулаковскій.

1 апрѣля 1881 г. Бѣлградъ.

Теперь всѣ мои русскія симпатіи и чувства положительно оскорблены тѣмъ, что здѣсь дѣлается, но я не могу закрыть глазъ и на то, что наша петербургская политика положительно ничтожна и молчитъ упорно. Своимъ трусливымъ характеромъ она только побуждаетъ Австрію быть смѣлѣе. Получили ли Вы мои письма, посланныя чрезъ Чурсина и Висковатова? Вообще я боюсь, что мои письма и статьи сѣдаются, если адресованы Вамъ. № Моск. Вѣд. отъ 24 марта, гдѣ помѣщено мое письмо

о скупщинскихъ дебатахъ объ уговорѣ съ Бонту,—не пропущенъ въ Сербію австрійскою цензурою.—У насъ теперь положительная вакханалія Австріи, и дѣла дѣлаются самаго дикаго свойства.—Что-то будетъ изъ всего этого?

15 мая 1881 г. Бѣлградъ.

Ваша передовая статья о болгарскихъ дѣлахъ произвела здѣсь сильное впечатлѣніе. Но Вы и «Русь» теперь не въ модѣ въ газетѣ офиціозной и радикальныхъ, которыхъ теперь двѣ. «Видело» дошло до такой степени глупоты, что совѣтуетъ Россіи принять въ примѣръ для себя Сербію, которая-де имѣетъ «уставъ» и—конечно—государство европейское. Радикалы въ каждомъ № газетъ своихъ то поучаютъ Россію, то пишутъ про Россію такую нахальную ложь, что только удивляться приходится.

Наше русское вліяніе все падаетъ и падаетъ. Князь ѣдетъ въ іюнѣ въ Вѣну и Берлинъ. Злые языки договариваютъ: «за получкой награды за труды». Теперь нашъ дворъ ведетъ веселую и сравнительно роскошную жизнь. Малый дворецъ перестраивается,—изо всего видно, что откуда-то пришла манна небесная въ видѣ золотого дождя и пала какъ разъ на дворъ «конока» сербскаго князя. Многіе вѣрятъ всѣмъ рассказамъ, весьма пространеннымъ здѣсь, объ этихъ дѣлахъ.

17 іюня 1881 г. Бѣлградъ.

Остаться здѣсь я теперь не думаю: 1) министерство наше на всѣ мои вопросы молчитъ, во 2) я слишкомъ теперь обозлился на сербовъ, желчь во мнѣ часто кипитъ и боюсь, чтобы мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь не принесло вреда въ общемъ смыслѣ.

Въ сущности—послѣ уничтоженія каѳедры русскаго языка въ учительскомъ институтѣ нечего навязываться намъ со своимъ языкомъ,—напротивъ не мѣшаетъ уйти совсѣмъ. Пусть Сербія понакажется и за Ристича, и за Пирочанца съ К^о, и за обманъ Россіи, и за ея—«човечанство и шумадинство», и за брань Россіи и нашихъ лучшихъ славянскихъ дѣятелей, и за обиды, нанесенныя всѣмъ русскимъ и нашей пролитой крови здѣсь въ послѣднее время, и за ея вражду ко всему, что носитъ имя болгарина, хорвата, русскаго и т. д. А наказаніе придетъ скоро,—и тогда начнется польское «*padam do nog*».

Изъ переписки А. П. Ермолова и А. С. Норова въ 1854—1855 гг.

Предлагаемые небольшіе отрывки изъ писемъ ген. А. П. Ермолова, одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ военныхъ дѣятелей, къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову, старому сослуживцу Ермолова, представляютъ значительный интересъ, какъ для личной характеристики героя 1812 г. и покорителя Кавказа, находившагося въ немилости у Николая I за свои либеральные взгляды, такъ и для обрисовки отношенія А. П. Ермолова къ бюрократическому режиму николаевской Россіи. Письма относятся къ тому времени, когда крайне популярный въ Москвѣ престарѣлый А. П. Ермоловъ былъ избранъ въ 1855 г. начальникомъ московскаго ополченія. Письма получены нами отъ *Т. Н. Поливановой* изъ родового архива Норовыхъ въ с. Надеждинѣ.

С. М.

1.

Какія надѣланы гадости въ Севастополѣ и надѣюсь, что и еще будутъ новыя. Въ реляціи придуманы разсужденія послѣ происшествія. Можно бы не высказывать, что, когда надобны были подкрѣпленія, войска были въ десяти верстахъ, въ позиціи ужасно укрѣпленной, которой никто не угрожалъ. Удобно обвинять мертваго Реада¹⁾, который, если бы во снѣ видѣлъ, что онъ ослушался, конечно бы не проснулся. Какое гадкое будетъ вліяніе на политическія дѣла Германскаго союза и Австріи, которая будетъ выжидать и не рѣшится себя обнаружить.

Въ Севастополѣ явные противники Меншикова начинаютъ смягчаться, и порицанія не такъ ядовиты.

Близка осень; усилія враговъ ужасны. Противъ Севастополя не одна будетъ попытка, и надобно просить Бога о помощи.

1854 г.

2.

Исключая собственнаго министра образцовой умѣренности, говорю о другихъ знатныхъ лицахъ, возведенныхъ на высокія

¹⁾ Ген. ад. И. А. Реадъ погибъ при атакѣ Федюхинскихъ горъ 28-го іюля.

степени и которыхъ недавно еще повелѣваемо было признавать знаменитостями.

Воображаю заботливое ожиданіе 17 числа апрѣля, какъ ускоренія наградъ, которыя могли бы не притти ранѣе 25 іюня по прежнему порядку. Выигрышъ времени—дѣло важное для творящихъ великая!

Мы, жители Москвы, не въ меньшихъ хлопотахъ при назначеніи мѣстъ, производствъ и награжденій. Мы дѣлаемъ это по производу, нимало не стѣсняя себя соблюденіемъ приличій, разборчивостію способностей, руководствуясь примѣрами прежняго порядка, временемъ освященнаго. Недавняя молва провожаетъ князя Чернышева за границу, и это толкуютъ изъявленіемъ его умѣренности, что, довольствуясь почвою сотворенія военнаго министерства на прочномъ основаніи, онъ не завидуетъ тому, кто изъ Комитета Министровъ сдѣлаетъ новое созданіе. Мы уже занимаемся замѣщеніемъ; но есть мнѣнія, не допускающія единогласія. Можетъ дойти очередь и до другихъ министровъ, но въ сужденіяхъ я ни малѣйшаго не принимаю участія, настрашенный черными балами при избраніи меня губернскимъ ратникомъ¹⁾, что кажется столько же мало завидно, какъ и лестно. Отнять у меня знаменитый мой постъ никто не предприимлетъ усилій! И я заключаю, что никто не оспариваетъ во мнѣ высокихъ способностей для занятія важныхъ моихъ должностей.

Какое счастье не возбуждать порицаній, не порождать зависти! Что если бы меня старика совсѣмъ оставили въ покоѣ. Начинаютъ тормозить вопросами объ ополченіи, о которомъ я понятія не имѣю.

Расположенъ былъ писать пустое, но совѣсть зазираетъ, и я остававливаюсь.

1855 г.

3.

Не прежде 20-го дня болѣзни моей позволено мнѣ было читать что-нибудь, и я схватилъ первое письмо ваше, достойнѣйшій Авраамъ Сергѣевичъ.

¹⁾ Ермоловъ при избраніи 14 февраля получилъ 200 голосовъ изъ 209; единоновременно онъ былъ избранъ единогласно и начальникомъ Петербургскаго ополченія (также Смоленскаго и Калужскаго). Въ Москвѣ противъ Ермолова, какъ указываетъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ, велась агитація, а ген.-губ. Закревскій счелъ даже нужнымъ указать Ермолову, что онъ долженъ отказаться отъ выбора, если таковой произойдетъ, какъ носятъ слухи, ибо избраніе его будетъ несправедливо парю. Отвѣтъ Ермолова на это предупрежденіе Закревскаго напечатанъ у Барсукова, «Жизнь и Трудъ Погодина», т. XIII, стр. 38. (См. также М. М. Поповъ «А. П. Ермоловъ въ ополченіи», Рус. Ст. 1893, XII стр. 629). Ермоловъ писалъ, что онъ не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ

Близокъ я былъ къ концу бесполезно продолжительной жизни, не далека и теперь, но уже нѣсколько дней начинаю вѣрить, что я еще существую.

Посылалъ я сына моего съ официальною бумагою къ военному министру, прося сложить съ умирающаго обязанности, лежащія по званію губернскаго ратника. Все обѣщано, и двѣ недѣли ничего не сдѣлано, когда достаточно пяти минутъ рѣшить это важное государственное дѣло.

Можно не уважить Ермолова, равно какъ и князя Долгорукова; но я въ чинѣ полнаго генерала уже 37 лѣтъ, и это должно идти впереди всякаго имени юнаго военнаго человѣка.

Надобно военному министру знать, въ какомъ положеніи ополченіе древней столицы, что всѣмъ непосредственно распоряжающій губернской комитетъ дѣйствуетъ *вяло и нерадиво*.

Все это скажите, почтеннѣйшій другъ, военному министру энергически!

Насилу достигъ до конца, усталъ ужасно!..

15 мая 1855 г.

4.

Вчера писалъ я вамъ, достойнѣйшій Авраамъ Сергѣевичъ, чрезъ Алекс. Алекс. Беринга, хотѣлъ остановить письмо для необходимой въ немъ перемѣны, но уже оно было отправлено, и потому сегодня спѣшу предупредить васъ, чтобы не имѣть никакого объясненія отъ имени моего съ военнымъ министромъ.

Послѣ письма моего къ вамъ показана мнѣ бумага и требуетъ объясненія въ другомъ совсѣмъ видѣ.

Боже, какая гнусная казнь и какая низкая должность присуждены мнѣ на старости лѣтъ моихъ. Я увѣренъ, что если умирающаго воскресить можно причастіемъ, и его не дадутъ безъ грабежа и взятка. Ничему въ Россіи не дано болѣе прочнаго основанія и ничто болѣе не одобрено! Судить Богъ виновныхъ, а злодѣи-грабители не изъ бѣдныхъ нуждающихся.

Изнуренъ до крайности, и пьють кровь мою умирающаго¹⁾!

Р. С. Сегодня 16 Мая, послѣ сна 3½ часовъ, мнѣ немного лучше, какъ не было въ продолженіе мѣсяца болѣзни.

съ каждымъ дворяниномъ и прибавлялъ: «двадцать четыре года вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную и въ теперешнемъ случаѣ ни мало не удивляюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго».

¹⁾ Вѣроятно, Ермоловъ имѣетъ въ виду оскорбленіе, нанесенное ему, неисполненіемъ просьбы о прикомандированіи втораго адъютанта, что въ официальныхъ сферахъ было признано излишнимъ. Просьба Ермолова уволить его отъ званія главнокомандующаго Московскимъ ополченіемъ тотчасъ же была исполнена.

Надежда возвратить когда-нибудь лѣтамъ соразмѣрное здорье не есть уже безразсудною. Другъ искренній, съ любовію брата, простить подробности!

Наконецъ, снимутъ съ меня или самъ сложу мучительную и низкую должность экзерцирмейстера, капрала или сортирующаго вещи комиссаріатскаго браковщика.

Что лучше прежняго моего состоянія?

Не страшился лишиться чего-нибудь!

Оживающій Ермоловъ.

1855 г.

5.

Достойнѣйшій Авраамъ Сергѣевичъ!

Если бы не оказывали вы мнѣ расположенія истинно добраго, родного, не занялъ бы я васъ скучнымъ описаніемъ болѣзни.

Въ продолженіе четырехъ дней быстро улучшалось мое здорье. Неожиданный пароксизмъ разрушилъ силы совершенно, и я начинаю *да саро* мучительную піесу. Но и въ самой болѣзни есть хранящее меня Провидѣніе. Престарѣлыя лѣта и неспособность укрыли меня отъ начальствованія московскимъ губернскимъ ополченіемъ. Боясь, чтобы дворянство нѣсколькихъ губерній, удостоившее меня благоволенія и довѣренности, не могло думать, что я уклоняюсь отъ исполненія обязанностей дворянина, я испросилъ соизволенія быть счисляемымъ по ополченію. Не принадлежа ни которому изъ нихъ, я однако же сохраняю нѣчто уподобляющее меня человѣку, и это можетъ быть оспориваемо въ 78-лѣтнемъ старикѣ. Я не оскорблюсь!

Вотъ отчетъ другу, котораго осмѣлился назвать братомъ...

24 Мая 1855.

Москва.

Р. С. Собравшійся ѣхать въ П—бургъ задержанъ дѣлами, и потому болѣе недѣли письмо мое было безъ уваженія. Между тѣмъ, возобновилась болѣзнь моя; продолжаются пароксизмы, и два послѣднихъ были ужаснѣйшіе, которые напугали моихъ близкихъ. Попрежнему безпамятство и совершенное безчувствіе. Два дня назадъ въ крайней опасности; не понимаю, откуда силы и письмо не гіероглифами.

1 Юня 1855.

6.

...Государь возвращаясь пробылъ здѣсь 7 или 8 часовъ. Я могъ взойти на лѣстницу и былъ во дворцѣ, по общей повѣсткѣ, во

Владимірской залѣ, чрезъ которую Государь проходилъ въ церковь. Гр. Закревскій далъ мнѣ слово увѣдомить, гдѣ мнѣ удобнѣе было находиться, но того не сдѣлалъ. Предъ кабинетомъ же Государя, въ нижнемъ этажѣ, были нѣкоторые изъ здѣшнихъ генераловъ, и я крайне удивленъ былъ, что въ огромной толпѣ могъ я быть замѣченъ. Государь находу спросилъ меня: *Здоровъ ли ты?*—Болѣзни нѣтъ, но силы совершенно уничтожены.—*Надѣюсь видѣть тебя въ силахъ.* Конечно, для подобнаго разговора не нужно было останавливаться. Я весьма счастливъ, что видѣлъ Государя, и совершенно доволенъ, что нѣтъ надобности мнѣ быть въ Петербургѣ. Равно пагубны климатъ и высокія лѣстницы!

Не понимаю, отъ чего чуждаются меня *великіе мужи* нашего времени. Неужели страшатся они, по старости лѣтъ моихъ, безумія, что осмѣлюсь я сравнивать себя съ ними. Боже, храни меня отъ подобной дерзости; но одной не скрываю я мысли, что ни въ комъ изъ *великихъ* ни малѣйшей надобности я не имѣю.

Не трудно понять, что уже могъ я вамъ наскучить моимъ повѣтствованіемъ, но продолжаю неустрашимо, и вотъ порученія и просьбы...

Убѣдительнѣйшая просьба о *Егорѣ Егор. Волковѣ*. Онъ пользуется милостивымъ вашимъ расположеніемъ, ибо говорилъ мнѣ, съ признательностію, что удостоенъ вами къ наградѣ. Вы позволили ему надѣяться получить мѣсто цензора, къ чему, какъ онъ мнѣ сказывалъ, онъ приуготовлялъ себя, изучая постановленія, вникая въ обязанности. Это принадлежитъ собственному усмотрѣнію вашему, а я пользуясь свободою мыслить какъ мнѣ угодно, думаю, что онъ способнѣе многихъ къ этой должности, ибо, долго находясь при васъ, знаетъ онъ взглядъ вашъ на этотъ предметъ и смѣлѣе испросить наставленіе своего начальника въ руководство его дѣйствій, нежели выказать другому недостатокъ рѣшительности. Я съ намѣреніемъ испытывалъ образъ его мнѣнія и замѣтилъ съ удовольствіемъ, что онъ не преклоняетъ колѣна *devant la liberté de la Presse*, богиню, которая многимъ кружитъ голову. Въ наши времена, думаю, красный плащъ и быковъ не приводитъ въ раздраженіе. Всѣ истощилъ доводы, а рѣшить, почтеннѣйшій Авраамъ Сергіевичъ, ваша воля!

Здоровье мое поправляется медленно, и одна строгая осторожность предотвращаетъ болѣзнь.

Вамъ наскучилъ и самъ усталъ. Прощайте! Какъ любимому душевно брату, желаю всего лучшаго!..

20 Ноября 1855.

Москва.

Изъ общественныхъ настроеній московскаго студенчества въ 1858 году¹⁾.

Отголоски Варнековской исторіи.—Увольненіе Жохова и Клауса.—Письма гр. Закревскаго къ А. Ф. Орлову.—Критика студенческой записки о необходимости университетскихъ реформъ.—Двѣ точки зрѣнія.—Студенческіе рукописныя газеты и журналы: «Живой Голосъ», «Искра», «Свой Звонокъ».—Уставъ студенческой кассы.

Конецъ пятидесятихъ годовъ былъ для нашихъ университетовъ порой переходной. Новыхъ нормъ, регулирующихъ академическую жизнь, еще не было выработано, но вмѣстѣ съ тѣмъ власть готова была отказаться отъ прежнихъ николаевскихъ методовъ воздѣйствія: такъ, уже потеряли силу многія изъ тѣхъ безчисленныхъ ограниченій, которыми опутала высшую школу «система» предыдущей поры. Въ концѣ 1855 года отминаясь ограничительная норма, устанавливавшая «штатъ студентамъ» лишь до 300 человѣкъ, хотя все же рекомендовалось «усилить благоразумную и прозорливую строгость пріемныхъ, а въ особенности выпускныхъ испытаній»²⁾. Тогда же возстанавливались въ своихъ выборныхъ правахъ ректоръ и деканы факультетовъ. Стали разрѣшаться заграничныя командировки молодыхъ ученыхъ, а въ библіотеки университетовъ дозволялось выписывать изъ-за границы книги безъ цензуры. Возстановлены кѣедры философіи и государственнаго права, прежде признававшіяся вредными и ненужными. Отминаясь § 16 «Положенія о взиманіи платы за ученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», по которому лица податнаго состоянія *ни въ какомъ случаѣ* не освобождались отъ взноса платы за ученіе. Харьковскій и кіевскій университеты, подчиненные въ концѣ сороковыхъ годовъ власти мѣстныхъ генераль-губернаторовъ, снова поступали въ вѣдѣніе попечителя.

Власть брала новый курсъ; въ печати заговорили о предпо-

¹⁾ Архивные матеріалы, вошедшіе въ эту статью, доставлены редакціи А. З. Попельницкимъ и обработаны для печати И. М. Соловьевымъ. Ред.

²⁾ «Сборникъ распоряженій по Мин. Нар. Просв.», III т., № 219.

лагаемомъ измѣненіи университетскаго устава. Общественная волна нарастала, въ академическихъ кругахъ царило возбужденіе. Описанная выше въ воспоминаніяхъ П. В. Лебединскаго «Варнековская исторія» осязательно показываетъ, что студенчество не хотѣло мириться ни съ грубостью и самонадѣянностью администраторовъ, ни съ бездарностью и отсталостью профессоровъ.

Другой свидѣтель той же студенческой демонстраціи противъ проф. Варнека, И. А. Митропольскій, вспоминаетъ: «Въ самой административной средѣ возникли новыя вѣянія, разгонявшія назимовскій туманъ и запахъ. Правда, инспекторъ студентовъ полковникъ Ильинскій (если не ошибаюсь) еще преслѣдовалъ незастегнутыя пуговицы, отсутствіе галстуховъ и бѣлыя (лѣтомъ) фуражки и воротнички у студентовъ, но дальше замѣчаній, и притомъ вѣжливо дѣлаемыхъ, это не заходило. Вскорѣ, впрочемъ, отмѣнена была и совсѣмъ студенческая форма». А субинспектора «и вообще ничѣмъ насъ не беспокоили, рѣдко заглядывая только въ аудиторіи» ¹⁾).

Многіе профессора совершенно не удовлетворяли студенчество, которое въ эту пору культурнаго подъема стало требовательнѣе относиться къ ихъ лекціямъ. Будущіе крупные ученые пока еще только готовились за границей къ своимъ кафедрамъ. Такъ, для того же медицинскаго факультета ожидалось изъ-за границы на кафедрѣ физиологіи Эйбродтъ, для клиники Захарынъ, для патологической анатоміи Клейнъ и др. А пока представителями кафедръ тамъ оставались Щуровскій (минералогія), Глѣбовъ (физиологія), Гивартовскій (химія)—современники даютъ объ нихъ весьма нелестные отзывы. Не лучше шло преподаваніе и на другихъ факультетахъ.

Исторія съ проф. Варнекомъ послужила толчкомъ къ общестуденческому движенію въ Москвѣ. Ходъ ноябрьскихъ и декабрьскихъ событій переживался студентами, какъ ихъ общее дѣло, и обсуждался на страницахъ рукописныхъ студенческихъ журналовъ, о которыхъ у насъ еще будетъ рѣчь. Положеніе обострилось, когда былъ исключенъ и затѣмъ высланъ изъ Москвы студентъ Жоховъ—депутатъ, которому было поручено передать Варнеку отъ студентовъ-медиковъ, что на его лекціи нѣтъ ни одного постоянного его слушателя и что онъ читаетъ лишь для любопытствующихъ юристовъ и филологовъ. Студенты настаивали на возвращеніи Жохова, на что получили откровенный отвѣтъ со стороны безхарактернаго попечителя:

¹⁾ «Воспоминанія о студенческой жизни». М. 1899 г., 255 стр.

«Жоховъ, дѣйствительно, невиновать настолько, чтобы нужно было его исключить. Но, господа, меня назовутъ тряпкой, ветошкой, если я сейчасъ возвращу Жохова. Мнѣ скажутъ, что я не умѣю управляться со студентами, что я боюсь васъ. Послѣ васъ я поѣду къ Закревскому и скажу ему, что Жоховъ безопасенъ для университета и попрошу его, чтобы Жохова не вывозили изъ Москвы, а черезъ двѣ недѣли, если студенты будутъ покойны, возвращу ему доброе имя, и онъ опять будетъ студентомъ».

Студенты мирно ждали. И исторія, казалось бы, затихала, но 20-го ноября студентамъ было предложено продолжать какъ ни въ чемъ не бывало слушать лекціи ненавистнаго имъ профессора, а когда они категорически отъ этого отказались, то должны были потомъ 23-го ноября дать письменный отвѣтъ въ слѣдственной комиссіи. Здѣсь произошелъ новый инцидентъ съ студентомъ Клаусомъ, который на другой же день и былъ исключенъ. Написавъ отвѣты на данномъ листѣ, Клаусъ нашелъ ихъ неудовлетворительными, разорвалъ опросный листъ и попросилъ другой. Ректоръ велѣлъ выдать ему новый листъ, а проф. Баршевъ при этомъ замѣтилъ, что Клаусъ выходилъ изъ комиссіи и не самъ разорвалъ листъ, а ему разорвали другіе, и что онъ самъ, должно быть, не имѣетъ ни своего убѣжденія, ни своихъ мыслей. На это Клаусъ дважды отвѣтилъ Баршеву: «Вы врете». А когда другіе члены комиссіи указали Баршеву, что выходилъ не Клаусъ, а другой студентъ, то Баршевъ извинился передъ нимъ, и Клаусъ также взялъ назадъ свои слова.

И тѣмъ не менѣе на слѣдующій же день было вывѣшено объявленіе, что Клаусъ исключенъ за дерзость. Студенты страшно взволновались, 26-го въ актовомъ залѣ собралась многочисленная сходка, вскорѣ же мирно разошедшаяся.

Движеніе этого года закончилось тѣмъ, что 10 студентовъ было уволено, а 150 должны были принести письменное раскаяніе¹⁾.

Понятно, что броженіе среди студенчества вызвало усиленное вниманіе у московскаго генераль-губернатора. Закревскій пишетъ въ Петербургъ одно донесеніе за другимъ, прилагая къ нимъ копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, которые и могутъ имѣть для насъ особое значеніе.

Приведемъ сначала два его письма къ гр. А. Ѳ. Орлову.

¹⁾ Герценъ посвятилъ Варнековской исторію специальную статью въ Колоколѣ (1859 г. № 55) подъ заголовкомъ «Синхедрионъ московскихъ университетскихъ Фарисеевъ». Рѣзко обвиняя «военно-судныя наклонности» московскаго профессорскаго аудиторіата, онъ умоляетъ русское юношество «быть осторожнымъ...» «Россія» писалъ онъ, «обязываетъ васъ къ этой жертвѣ. Силы ваши—силы Россіи, берегите ихъ для нея, не тратьте ихъ по-пустому, намъ столько дѣла впереди, столько борьбы».

Ред.

1.

«26-го ноября 1858. Москва.

Любезный другъ Князь Алексѣй Федоровичъ.—Судь надъ студентомъ 1-го курса Медицинскаго факультета ¹⁾, о которомъ я писалъ тебѣ, еще не конченъ, а безпорядокъ растетъ и болѣе запутывается.—Третьяго дня начальство университета исключило студента Клауса уже за дерзость въ конференціи противъ члена комиссіи, которая судить студентовъ.

Въ посылаемомъ 20 номерѣ русскаго вѣстника (которой мнѣ возврати) прочитай статью здѣшняго профессора Вызинскаго: Опозиціонная литература во Франціи,—и скажи благоразумно ли позволять печатать подобныя статьи, несогласныя съ нашей политикой и дружественными отношеніями къ Наполеону?—Согласись что наши цензора изъ рукъ вонъ и додобра не доведутъ.

Будь здоровъ и благополученъ, вѣрный твой другъ *Графъ А. Закревскій*».

• 2.

«Любезный другъ Князь Алексѣй Федоровичъ.—Отвѣчаю на твое письмо отъ 1-го Декабря.—Распустивъ цензуру донельзя, Слава Богу взялись наконецъ за умъ. Кн. Горчакову необходимо обуздать литературныхъ политиковъ нашихъ.—Тебѣ предстоитъ много трудовъ и усилій, но идти на попятный дворъ было бы постыдно; дай Богъ тебѣ успѣть разстроить всѣ вредные замыслы и охранить Государя и Отечество отъ бѣдъ, которыя намъ готовятъ.

Ковалевскій ²⁾ рѣшилъ вчера наконецъ дѣло студентовъ.

Главные виновники исключены, а менѣе виновные уволены. Отъѣздъ свой онъ отложилъ до завтра, чтобы надблести за исполненіемъ, ибо убѣдился въ неспособности университетскихъ начальниковъ, которые медленностію и нерѣшительными дѣйствіями сдѣлали то, что безпорядокъ, начавшійся въ 1-мъ курсѣ Медицинскаго факультета, распространился по всѣму университету, и не могли даже дать обстоятельнаго отчета обо всѣмъ происходившемъ между студентами, съ своей стараны, зная секретнымъ образомъ о направленіи и идеяхъ, какія волнуютъ теперь студентовъ, я сообщилъ Ковалевскому эти свѣдѣнія.— Въ послѣднее время студенты начали издавать просебя рукописные газеты: *Звонокъ*, *Живой Голосъ* и *Искра*. Посылаю тебѣ дошедшіе дамена номера этихъ 3-хъ газетъ и записку студентовъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о студентѣ Жоховѣ. И. С.

²⁾ Е. П. Ковалевскій — министръ народнаго просвѣщенія (1858—1861 г.г.).

о необходимости преобразований въ университетѣ.—Изъ этихъ бумагъ, переданныхъ мною и Ковалевскому, ты увидишь, что зло пустило уже корни, и что въ попечители университета необходимо болѣе нежели когда либо человѣкъ твердый и энергическій, который, чтобъ водворить въ университетѣ порядокъ, уваженіе къ власти, прибралъ бы къ рукамъ студентовъ и непотакалъ бы профессорамъ. Полезно было бы также неопредѣлять въ здѣшній университетъ поляковъ.—Теперь я ожидаю списка исключенныхъ студентовъ, чтобъ тотчасъ ихъ выслать отсюда, подобно тому какъ высланы уже Жоховъ и Клаусъ, если же студенты перенесутъ безпорядки застѣны университета, тогда я занихъ примусь.

Благодарю тебя за поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ и Новымъ Годомъ.—Поздравляю тебя взаимно, и надѣюсь имѣть еще случай повторить поздравленіе.—Моя графиня кланяется тебѣ и такъ же благодарить.

Будь здоровъ и благополученъ вѣрный твой другъ

Графъ А. Закревскій.

Мы все трое поздравляемъ тебя съ днемъ именинъ Николинки, и желаемъ ему быть здоровымъ, веселымъ, счастливымъ и всегда спокойнымъ. Посылаю тебѣ боченочекъ *свѣжей* икры, которую ты любишь.¹⁾

5-го Декабря 1858 г.

Хотя Закревскій и говоритъ, что посылаетъ *записку* студентовъ о необходимости преобразований въ университетѣ, но, въ сущности говоря, онъ посылаетъ своему корреспонденту не самую записку, а лишь критику ея, принадлежащую одному изъ представителей болѣе радикальнаго теченія. Это своего рода особое мнѣніе, разошедшееся съ группою академическаго большинства. Возможно, что въ качествѣ особаго приложенія оно было дано при одномъ изъ рукописныхъ журналовъ: по своему тону оно вполне отвѣчаетъ настроенію, напр., *Живого Голоса* и даже болѣе рѣзкой *Искры*. Эта критика даетъ косвенныя указанія на содержаніе самой записки и представляетъ для насъ несомнѣнную цѣнность. Къ сожалѣнію, первыя страницы ея, повидимому, утеряны. Помѣчена она 27 ноября, конечно, все того же 1858 тревожнаго года.

«Время шло обыкновеннымъ порядкомъ. Студенты развивались, а университетскія постановленія, написанныя задолго до насъ, оставались неподвижны, какъ религіозныя догматы. Отсюда явился разладъ между нашими убѣжденіями, нашими потреб-

¹⁾ Сохраняемъ въ письмахъ характерную орѳографію.

ностями и университетскими положительными законами. Вслѣдствіе чего начались непрерывныя студенческія волненія по всей Россіи, которыя продолжаются и до сихъ поръ. Кончатся ли они когда-нибудь, если студенты не будутъ удовлетворены? Не думаемъ.—Напротивъ, мы видимъ, что волненія становятся все серьезнѣе и принимаютъ все большіе и большіе размѣры.

Необходимость реформы сдѣлалась очевидною.

Но какъ приступить къ ней Правительство, какъ узнать оно нужды студентовъ? Разумнѣе всего казалось бы обратиться съ вопросами къ нашему ближайшему начальству. Правительство можетъ быть, даже навѣрное, такъ и сдѣлаетъ, но принесетъ ли это ожидаемые результаты? Конечно, нѣтъ. Кто вглядывался въ наши общественныя дѣла, кто слѣдилъ за дѣйствіями и распоряженіями нашего начальства, тотъ могъ легко замѣтить, что оно всячески старалось останавливать наше развитіе. Доказательствомъ высказанной мысли служатъ стѣснительныя статьи, удержанныя нашимъ начальствомъ, разумѣется съ цѣлію имѣть средства подавлять въ насъ каждое справедливое проявленіе личной свободы.

И такъ рассчитывать на наше начальство было бы ребячествомъ съ нашей стороны. Предполагать, подобно дѣдамъ, что правительство наитіемъ Св. Духа угадаетъ наши потребности,—мы не можемъ. Вѣра въ византійское ученіе о Божественномъ происхожденіи верховной власти и вообще всѣхъ властей—миновала для насъ невосвратно. Остается обратиться къ своимъ собственнымъ силамъ.

Намъ пріятно было убѣдиться, что къ тѣмъ же самымъ результатамъ пришли и представители нашихъ курсовъ, а стало быть большинство студентовъ».

Вотъ какъ начинается проектъ, составленный на депутатскомъ собраніи и назначенный для предложенія студентамъ.

«Исторія Варнека, Жохова и Клауса доказываетъ намъ неудовлетворительность тѣхъ законовъ, вслѣдствіе которыхъ произошли эти исторіи, слѣдовательно дѣйствія студентовъ теперь должны относиться къ тому, чтобы измѣнить законы»...

Повидимому, однимъ изъ главныхъ требованій самой записки было—установленіе профессорской конкуренціи. Но критики записки мало вѣрятъ въ то, чтобы эта конкуренція привела къ желательному исходу.

«Положимъ, что начальство уважитъ наше требованіе, что же изъ того выйдетъ? Изъ всего курса къ бездарному профессору будутъ являться два, три студента. Онъ преспокойно станетъ читать имъ, а при окончаніи года равно потребуетъ отвѣта отъ

слушавшихъ и не слушавшихъ его. Во избѣжаніе чего студенты опять будутъ шикать. И повѣрьте, что свистки не переведутся до тѣхъ поръ, пока профессоръ не будутъ увольнять, какъ скоро у нихъ слушателей останется черезчуръ мало, сравнительно съ многолюдствомъ курса, для котораго назначаются его лекціи».

Очевидно, записка настаивала далѣе на уничтоженіи экзаменовъ и репетицій. Критики ея находятъ эти вопросы второстепенными, такъ какъ «безразсудно разрисовывать стѣны въ ту минуту, когда горитъ самый домъ». Несравненно болѣе важнымъ признаютъ они организацію *студенческаго суда и право депутацій*, о чемъ записка совсѣмъ умалчивала.

«Намъ возражать, что судъ и депутатство—все это вещи второстепенныя, что мы поступили въ университетъ не для того, чтобы быть депутатами и имѣть правильный судъ, и проч. Не споримъ: единственная цѣль наша—ученіе. Но развѣ кто-нибудь осмѣлится упрекнуть насъ за то, что мы по приѣздѣ въ Москву, прежде чѣмъ отправились на лекціи, сначала озаботились пріисканіемъ себѣ квартиры и стола. А гарантія личности отъ произвола старшихъ для насъ такая же экономическая потребность, какъ и голодъ; удовлетвореніе ея не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Пусть скажетъ каждый по совѣсти: развѣ можно спокойно слушать профессора, когда не знаешь, гдѣ будешь завтра, опять ли на лекціи, или на перекладной въ сопровожденіи жандармовъ? Оставивъ пока все въ сторонѣ, мы должны теперь настоятельно требовать одного, чтобы насъ не наказывали по вдохновенію, безъ суда.

Прекрасно было бы, если бы допустили нашихъ депутатовъ присутствовать при слѣдствіяхъ и объявлять всѣмъ о рѣшеніи суда...»

Итакъ, мы видимъ, что въ средѣ московскаго студенчества въ эту пору было два теченія. Одно—болѣе умѣренное—готово было удовлетвориться лишь упорядоченіемъ самаго преподаванія и предоставленіемъ студентамъ большей свободы въ слушаніи лекцій. Другое шло гораздо дальше. Представители его видѣли безправное положеніе студенчества, почему и настаивали на основныхъ гарантіяхъ личности студента и видѣли ее прежде всего въ организаціи гласнаго студенческаго суда.

Большой интересъ могутъ представлять для насъ студенческіе рукописные журналы и газеты, копіи съ которыхъ московскій генераль-губернаторъ услужливо пересылаетъ своему корреспонденту. Предъ нами № 1 студенческой газеты *Живой Голосъ*, вышедшій 1-го декабря 1858 г., № 5 листка *Свой Звонокъ* и три первыхъ номера журнала *Искра* отъ 2, 3 и 4 декабря.

На третьемъ номерѣ *Искра*, повидимому, и прекратилась, такъ какъ на немъ имѣется помѣтка «№ 3, послѣдній».

Всѣ эти изданія возникли въ непосредственной связи съ исторіей проф. Варнека и вызваннымъ ею студенческимъ возбужденіемъ. Очевидно, въ студенческихъ группахъ ощущалась острая потребность высказаться вслухъ по поводу происходящихъ событий, освѣдомлять болѣе инертныхъ товарищей о каждомъ ихъ ходѣ и направлять самое движеніе студенчества.

Живой Голосъ такъ и формулируетъ свои задачи:

«Несмотря на убійственную холодность нѣкоторыхъ студентовъ, большая часть изъ нихъ сильно затронута поднятымъ вопросомъ. Цѣль нашей газеты состоитъ въ знакомствѣ съ ходомъ этой исторіи и съ дальнѣйшимъ расширеніемъ этого вопроса, такъ какъ редакція обладаетъ нѣкоторою возможностью имѣть вѣрныя и довольно свѣжія о нихъ извѣстія.

Далѣе, цѣль нашей газеты заключается въ распространеніи понятія о необходимости реформы университета и, по возможности, въ уничтоженіи того мертвящаго равнодушія, которое позволяетъ надѣвать на себя ошейникъ и бить по щекамъ».

Въ своемъ обращеніи къ читателямъ редакція газеты подробно выясняетъ особенности переживаемаго момента и привѣтствуетъ пробужденіе студенчества.

«Три года назадъ Московскій Университетъ отпраздновалъ свое столѣтіе, черезъ 4 года Россія отпразднуетъ свое тысячелѣтіе. И тотъ и другая только въ наше время начали сознавать свое мѣсто, теперь лишь выходятъ на чистую дорогу, пройдя всю свою жизнь по грязнымъ и вонючимъ переулкамъ и проселочнымъ дорогамъ въ треугольной шляпѣ и шпагѣ, въ сосѣдствѣ двухъ полицій.

Теперь, благодаря смерти Николая I ,..... настало другое время.

Крестьяне освобождаются отъ помѣщичьей розги, подсудимые менѣе притѣсняются корыстью бюрократовъ, литература вступаетъ въ свои права, затрагиваетъ многіе живые вопросы, даны средства наукъ двигаться впередъ, изъ подъ сжатыхъ объятій цензуры вырывается на свѣтъ Божій свѣтлая, величавая гласность, эта ходячая совѣсть людей, заставляющая трепетать всѣхъ безсовѣстныхъ.

Кто же можетъ сочувствовать такому прогрессу русскаго общества болѣе Университета?

Онъ состоитъ изъ людей, посвятившихъ себя исключительно наукѣ, людей, по 25 лѣтъ изучающихъ ее, съ одной стороны, и изъ молодого поколѣнія, всегда и вездѣ болѣе всѣхъ сочувство-

вавшего всякой хорошей и благой ¹⁾, каждому проявленію прогресса—съ другой.

Такъ, Университетъ долженъ всего болѣе радоваться этому и не стѣснять, а расширять дорогу, на которую вступаетъ наше общество.

Студенты могли бы...

Профессора должны бы...

А на дѣлѣ выходить иначе.

Стѣсненіе старыхъ формъ, неудовлетворительность ихъ, неисполнимость и несправедливость блюстителей закона, все это давно чувствовалось, не скажу сознавалось, студентами и преимущественно поляками. Но недовольство это держалось кое-какъ усатымъ и глупымъ рыломъ В. И. Назимова ²⁾; при Ковалевскомъ оно вспыхнуло въ борьбѣ со внѣшнею властію, при Бахметевѣ—съ внутренней.

Требованіе студентовъ, поступающихъ въ Университетъ не для полученія чина или права на службу, а съ цѣлію образованія и просвѣтити себя, сдѣлаться человѣкомъ—*homo-sapiens*, требованіе ихъ—имѣть хорошихъ профессоровъ за свои деньги—въ высшей степени разумно и справедливо.—Въ исторіи съ Варнекомъ они выразили свои требованія. И что же? Вмѣсто того, чтобы обрадоваться этому заявленію совершеннолѣтія Университета, вмѣсто того, чтобы очнуться и итти съ нами рука объ руку, попечитель наряжаетъ надъ нами комиссію изъ профессоровъ, Это не все.

Студентовъ обвиняють и наказываютъ. А Варнекъ, говорятъ, 2 Декабря, во вторникъ, опять начнетъ свои лекціи.

Половина студентовъ не выразила своего сочувствія медикамъ 1-го курса, которымъ однимъ принадлежитъ честь поднятія вопроса: должны ли мы слушать бездарнаго профессора!

Изъ профессоровъ мы приносимъ нашу душевную, искреннюю благодарность г.г. Соловьеву, Ешевскому, Армфельду, Соколову и Бабсту. Они доказали, что они честные, благородные и цивилизованные люди, служащіе въ Университетѣ не для жалованія, а для пользы молодыхъ людей...»

Живой Голосъ рекомендуетъ товарищамъ такую тактику: спокойно прослушать лекцію Варнека, если объ этомъ будутъ просить министръ или попечитель, а затѣмъ особой депутаціей просить министра—дать другого профессора, «съ присоединеніемъ

¹⁾ Въ рукописи пропускъ (мысли, реформъ). И. С.

²⁾ Попечитель московскаго учебнаго округа въ 1849—55 г.г. Его преемникомъ въ 1856—58 г.г. былъ Е. П. Ковалевскій, въ это время уже назначенный министромъ народнаго просвѣщенія (1858—61 г.г.).

на то уважительныхъ причинъ, которыя можно заимствовать изъ докладной записки, поданной на-дняхъ студентами въ Совѣтъ профессоръ».

Въ заключеніе газета сообщаетъ *новѣйшія извѣстія*:

1) *Профессоръ Китары* подалъ въ Совѣтъ Университета свое личное мнѣніе объ исторіи Варнека, въ которомъ онъ доказываетъ незаконность, несправедливость и нелогичность рѣшенія коммисіи и оправдываетъ студентовъ.

2) *Профессоръ Зерновъ* также подалъ свое мнѣніе, въ которомъ совѣтуетъ запереть ворота Университета, въ случаѣ собраній студентовъ въ саду, и чрезъ день назначить экзамены... «умы ихъ будутъ заняты экзаменами, и они забудутъ эту исторію», по выраженію достойнаго профессора.

3) Министръ *Ковалевскій* пріѣхалъ въ Москву 29 ноября и, какъ говорятъ, держитъ сторону студентовъ, обвиняя въ этой исторіи начальство Университета.

Настроеніе *Искры* болѣе радикальное. Своимъ эпиграфомъ она беретъ выразительныя слова изъ герценовскаго «Колокола»: «Лучше революція сверху, чѣмъ революція снизу, но въ тысячу разъ лучше революція снизу, чѣмъ постыдный сонъ».

Повышенный тонъ чувствуется уже въ редакціонной деклараціи.

«*Искра* будетъ вѣрнымъ отраженіемъ развитія едва пробудившейся мысли о необходимости университетской реформы. Какова будущность *Искры*? Не будемъ отвѣчать. Что касается до насъ, то искренно желаемъ, чтобы она въправѣ была поскорѣе перемѣнить свое скромное названіе въ болѣе величественное, напримѣръ: *Пожаръ*. Очень легко можетъ быть, что *Искра* погаснетъ среди окружающей ее грязи и ей не суждено вспыхивать, чтобы истребить все старое и гнилое, дать мѣсто новому, свѣжему. Будь, что будетъ! Съ своей стороны мы воспользуемся всѣми зависящими отъ насъ средствами, чтобы распространить здравыя понятія въ массѣ, чтобы раздуть *Искру въ пожаръ*».

Понятно, что въ поднятомъ студенческомъ протестѣ *Искра* займетъ крайнюю, непримиримую позицію, призывая товарищей не сдаваться до конца во имя уволенныхъ товарищей. Самой исторіи придается сразу же болѣе общее значеніе.

«Положимъ даже, что наше начальство, противъ, обыкновенія на этотъ разъ сдержитъ свое слово—Варнека удалятъ послѣ двухъ, трехъ лекцій. Но развѣ мы изъ-за одного Варнека затѣяли такую исторію, развѣ изъ-за него одного мы такъ громко зывали о помощи къ цѣлому Университету? Въ такомъ случаѣ игра не стоила бы свѣтъ!»

Нѣтъ, въ нашемъ поступкѣ мы протестовали противъ принципа *тасканія студентовъ за воротъ* на лекціи.

Отправляясь теперь въ аудиторію Варнека, мы тѣмъ самымъ *de facto* признаемъ надъ собою право, противъ котораго такъ стойко боролись до сихъ поръ и въ борьбѣ противъ котораго потеряли уже много нашихъ товарищей. Всякое колебаніе въ такую минуту безчестно. О перемиріи съ начальствомъ намъ нельзя и думать, насъ раздѣляютъ безвинно пострадавшіе наши бѣдные товарищи!.. Мы кричимъ о реформѣ и хладнокровно смотримъ на гибель реформаторовъ! Послѣ того смѣшны становятся наши упреки депутатамъ за ихъ нерѣшительность. Скажите гг., чѣмъ обезпечена ихъ безопасность? Кто заступится за нихъ въ случаѣ неудачи?»

Предлагая *Живому Голосу* подтвердить фактами, чѣмъ заслужили благодарность профессора Ешевскій, Бабстъ, Соколовъ и др., *Искра* жестокими словами обрушивается на профессорскую корпорацію.

«Кто изъ нихъ не понимаетъ, что, наказавъ студентовъ за то только, что тѣ отказались слушать чушь и дерзости Варнека,—они опозорятъ весь Университетъ! Вотъ настоящая причина ихъ нерѣшительности...

Профессора ждутъ теперь, чтобы студенты пришли съ повинной—и имъ все прощено, все забыто, скандальная исторія съ Варнекомъ будетъ замята. А тамъ мѣсяцъ спустя, а можетъ быть и раньше, они станутъ придираться къ пустякамъ и исключать всякаго, кто кажется имъ почему-нибудь опаснымъ...» (№ 2).

Всякая уступка со стороны студенчества трактуется *Искрой*, какъ измѣна общему дѣлу, которое во что бы то ни стало слѣдуетъ довести до конца. И когда медики V курса готовы были идти на компромиссы, чтобы уменьшить число жертвъ, *Искра* иронически отвѣчала: «Что же? Поскорѣе къ Попечителю и бухъ ему въ ноги—батюшка, виноваты! Онъ васъ проститъ... И да здравствуетъ Іерингъ!..»

Сурово клеймятъ *Искра* «аристократическую челядь», измѣнившую общему дѣлу. Еще больше найдемъ мы рѣзкихъ выпадовъ по адресу послѣднихъ въ другомъ студенческомъ листкѣ *Свой Звонокъ*, одинъ изъ номеровъ котораго также побывалъ въ рукахъ у Закревскаго.

«Спросите Урусова и Трубецкого,—читаемъ въ немъ,—пусть они вамъ расскажутъ, какъ они перешли на второй курсъ, спросите, какъ они экзаменовались у Орнатскаго и какъ ратовалъ за ихъ незнаніе деканъ Баршевъ. И вы не удивитесь послѣ того, что они стоятъ горячо за все начальствующее. Зачѣмъ имъ

бороться противъ него, когда они и «не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ»...

«Намъ нужно общественное мнѣніе, а для этого требуется полная гласность. Итакъ, предавайте же всѣхъ неблагонамѣренныхъ людей суду всего Университета, пусть они предстанутъ во всей наготѣ съ своими низкими поступками. Пусть знаютъ всѣ, что Голицыны, Урусовы, Трубецкіе, Щербатовы и прочіе суть тѣ фискалы, тѣ дурные плевелы, которые растутъ во вредъ всему доброму и хорошему, что они глушатъ и не даютъ развиваться честной добросовѣстности. Какъ же мы можемъ терпѣть въ своемъ кругу подобныхъ людей. *«Кто не за насъ, тотъ противъ насъ»*...»

На страницы этихъ вольныхъ студенческихъ листковъ не разъ попадаютъ ходившіе по рукамъ или появлявшіеся за границей нецензурные стихи. Такъ, *Живой Голосъ* переписываетъ пушкинскаго «Сѣятеля», впервые напечатаннаго въ 1856 г. въ герценовской «Полярной Звѣздѣ». Изъ той же «Полярной Звѣзды» *Искра* заимствуетъ гимнъ Огарева свободному слову. Онъ не включенъ въ собраніе сочиненій Огарева, напечатанныхъ въ Россіи въ 1904 г.¹⁾

Стоитъ здѣсь привести это замѣчательное стихотвореніе нашего эмигранта, чтобы лучше понять, чѣмъ въ эту пору вдохновлялось наше студенчество.

(Изъ «Полярной Звѣзды», IV кн.).

Искандеру.

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
 Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
 И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежнымъ,—
 Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
 Звучало одно неизмѣнное слово:
 Свобода! свобода!

Измученный рабствомъ и духомъ унылый
 Покинулъ я край мой родимый и милый,
 Чтобъ было мнѣ можно, на сколько есть силы,
 Съ чужбины до самаго края роднаго
 Зывать громогласно завѣтное слово:
 Свобода! свобода!

¹⁾ Отрывки этого стихотворенія были напечатаны въ статьѣ *Е. Некрасовой*, посвященной Н. П. Огареву (Сборникъ «Починъ», стр. 59—60). Вполнѣ оно было помѣщено въ лондонскомъ изданіи сочиненій Огарева 1858 г., стр. 407, и въ заграничномъ сборникѣ «Лютня» (собрание свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Лейпцигъ 1862 г.). *Ред.*

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный,
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночнаго
Мнѣ слышится съ родины юное слово:
Свобода! свобода!

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птица изъ клѣтки, простяся съ заточеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ бѣньемъ,
И какъ-то торжественно, весело, ново
Звучить теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода! свобода!

И все-то мнѣ грезится—снѣгъ и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое,—мощь исполина...
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизмѣнное, вѣчное слово:
Свобода! свобода!

Но если бѣ грозила бѣда и невзгода
И рукъ для борьбы захотѣла свобода,—
Сейчасъ полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая. могучее слово:
Свобода! свобода!

А если бѣ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ;
Но въ мигъ передсмертный—въ спокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святаго,
Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово:
Свобода! свобода!

Н. Огаревъ.

Та же *Искра* переписываетъ изъ № 2-го *Живого Голоса* ходившіе по рукамъ стихи Ап. Григорьева:

Нѣтъ! не рожденъ я биться лбомъ,
Нетерпѣливо ждать въ передней,
Ни ѣсть за княжескимъ столомъ,
Ни съ умиленіемъ слушать бредни.
Нѣтъ! не рожденъ я быть рабомъ,
Мнѣ даже въ церкви, за обѣдней,

Бываетъ скверно, каюсь въ томъ,

.....

И то, что чувствовалъ Марать,

Порой, способенъ понимать я,

.....

.....

Но на крестѣ распятый Богъ

Былъ сынъ толпы и демагогъ...

4-го декабря 1858 года инспекторъ студентовъ получилъ отъ попечителя округа особое предложеніе (за № 4194)¹⁾, которое и должно быть немедленно передано студентамъ на всѣхъ факультетахъ. Министръ народнаго просвѣщенія предлагалъ попечителю внушить студентамъ московскаго университета, что они «не имѣютъ никакого законнаго права изъяслять публично своимъ профессорамъ знаки одобренія (посредствомъ рукоплесканій и т. п.) или порицанія (шikanьемъ, свистомъ, выходить изъ аудиторій и т. п.), что законы наши строго воспрещаютъ всякаго рода сборища и демонстраціи, а потому если студенты, не внявъ сему предваренію, окажутся виновными въ какомъ-либо изъ означенныхъ проступковъ, то немедленно будутъ исключены изъ университета, несмотря на то, сколько бы не было число виновныхъ. Съ справедливыми жалобами по предмету чтенія лекцій профессорами студенты должны обращаться, на основаніи Университетскаго Устава, сперва къ деканамъ факультетовъ, а потомъ, когда не получаютъ удовлетворенія, къ ректору университета и наконецъ къ попечителю».

Въ январѣ слѣдующаго года тотъ же корреспондентъ Закревскаго получилъ отъ него новое письмо съ приложеніемъ копій съ новыхъ документовъ, раскрывающихъ иную затѣю крамольнаго московскаго студенчества. Рѣчь идетъ объ организаціи *общественной кассы*.

Любезный другъ князь Алексѣй Ѳеодоровичъ.

Для любопытства посылаю тебѣ Уставъ общественной Кассы студентовъ Московскаго Университета и полугадовой отчетъ о состояніи этой Кассы.—Замѣть что подлинникъ литографированъ и что студенты открываютъ подписки, назначаютъ и смѣняють депутатовъ и Кассира, пишутъ Уставъ и общему Собранію

¹⁾ Цитируется по копіи, находящейся въ собраніи С. П. Мельгунова.

своихъ депутатовъ предаставляютъ право измѣнять оный, безъ всякаго утвержденія и даже вѣдама своего начальства.—Посылаемая свѣденія относятся до русскихъ Студентовъ, что касается поляковъ, которые дружище и распалагаютъ большими суммами, то они дѣйствуютъ отдѣльно и даютъ содержаніе бѣднымъ студентамъ своимъ саатечественникамъ. Теперь Университетъ ожидаетъ новаго Попечителя Исакова¹⁾, которому нелегко будетъ справиться, послѣ всего бывшаго въ Университетѣ, Исакову нада требовать отъ Министра инструкцію ясную и положительную, а самому дѣйствовать твердо и рѣшительно, непускаясь въ большія разсужденія съ прафессорами, пока не узнаетъ каждаго лично, и какъ можно менѣе говорить съ студентами, не жать имъ рукъ и быть сними осторожну, пока ихъ не узнаетъ харашо.

Графини мои тебѣ кланяются.

Будь здаровъ и благополучень.

Вѣрный твой другъ

Графъ А. Закревскій.

19-го Января

1859 г.

Организаторы этой общественной кассы подчеркиваютъ, что она есть «учрежденіе экономическое, кредитное, доступное всѣмъ и каждому, благотѣльное по стольку, по сколько благотворителень всякій банкъ». Ея цѣль «дать средства къ занятіямъ и средства къ жизни». Касса выдаетъ какъ срочные займы, погашаемые мѣсячными взносами, такъ и безсрочные, «съ цѣлію исполнѣ обезпечить пользующагося ими» (§ 18), назначаемые обыкновенно на одинъ годъ и безъ всякихъ процентовъ; при чемъ «безнравственный поступокъ со стороны лица, пользующагося безсрочнымъ займомъ, лишаетъ его права пользоваться имъ на будущее время» (§ 27). Депутаты избираются по одному отъ каждаго курса, если послѣдній не очень многочисленень (§ 28), и устраиваютъ еженедѣльно свои общія собранія. «Послѣ каждаго засѣданія депутатъ обязанъ давать курсу краткій словесный отчетъ о всемъ происходившемъ въ немъ» (§ 34) и платить штрафъ, если безъ уважительныхъ причинъ не посѣщаетъ своихъ засѣданій. «Каждую третью общее собраніе депутатовъ кассы даетъ отчетъ о состояніи послѣдней. Въ этомъ отчетѣ могутъ быть литографированы фамиліи занимавшихъ деньги, если курсъ пожелаетъ этого» (§ 40).—«Всѣмъ курсамъ предоставляется право, не дожидаясь выхода литографированнаго отчета, назначать

¹⁾ Московскій попечитель А. Н. Бахметевъ уволенъ въ концѣ 1858 года и его мѣсто занялъ Н. А. Исаковъ (1859—63 гг.).

выбранныхъ изъ среды себя лицъ для ревизіи кассы и повѣрки книгъ» (§ 50).

Таковы основныя статьи устава этой кассы.

Представляя свой первый полугодовой отчетъ (съ января по іюнь мѣсяцъ 1858 г.), составители его высказываютъ удивленіе, что «общественная касса далеко не пользуется расположеніемъ студентовъ, какъ бы нехотя обращающихъ на нее вниманіе. Въ ней видятъ учрежденіе благотворительное, изъ котораго раздаются пособія бѣднымъ студентамъ, и никакъ не хотятъ согласиться съ тѣмъ, что это учрежденіе благотворительное по столько, по сколько благотворителенъ всякій банкъ, что подписка предлагается не на бѣдныхъ студентовъ, а для студентовъ вообще... При такомъ одностороннемъ взглядѣ на учрежденіе, конечно, многіе чуждаются его, какъ неприносящаго прямой непосредственной пользы жертвующему большинству».

И все же активъ кассы за полгода равнялся 478 р. 10 к., при чемъ наиболѣе заинтересованными успѣхами оказались юристы четвертаго курса (ихъ взносъ=140 р. 50 к.), болѣе пассивными—медики и филологи (71 р. и 43 р.). Срочныхъ займовъ было выдано:

9 медикамъ	133 р.
3 филологамъ	25 »
6 юристамъ	98 »
5 математикамъ и естественникамъ	67 »
	323 р.

Безсрочныхъ займовъ выдано на сумму 150 р.—8 лицамъ.

Такъ богатъ былъ всяческими возбужденіями для московскаго студенчества этотъ 1858 годъ. Оно стало сознать себя, какъ единое корпоративное цѣлое, способное охранять свое достоинство и права, протестуя противъ дореформенныхъ порядковъ, пытаясь на общественномъ принципѣ взаимопомощи устроить и свое матеріальное положеніе.¹⁾

¹⁾ Въ отвѣтъ на возбужденіе, царившее въ университетѣ, были изданы новыя правила для студентовъ, которыя Герценъ называлъ «подлой, іезуитской, полицейской мерзостью». Перепечатывая новыя правила («Колоколъ» 1859, № 59), Герценъ писалъ: «Выставляя на позоръ профессоровъ или министерство просвѣщенія, или министерство и профессоровъ, мы нисколько не думаемъ возбуждать студентовъ къ нетерпимости. Напротивъ того, мы приглашаемъ ихъ къ доблестному спокойствію. Сила не въ судорожныхъ взрывахъ... сила—въ кроткой мысли и спокойномъ шествіи».

Ред.

Полгода изъ жизни провинціального помѣщика конца XVIII вѣка.

Вѣкъ Екатерины, вѣкъ просвѣщенія, эпоха вольтеріанства и всякаго вольномыслія—вотъ обычные эпитеты, которыми характеризуютъ вторую половину XVIII вѣка. Этимъ эпитетамъ нельзя отказать въ правильности, но лишь при условіи, что они будутъ прилагаться не ко всему тогдашнему обществу и даже не ко всему наиболѣе образованному его сословію—дворянству, а только къ одному его верхнему столичному слою. Дѣйствительно, только эта часть дворянскаго общества екатерининской эпохи прожила при Екатеринѣ II «вѣкъ вольтеріанства, невѣрія и скептицизма»; если же мы возьмемъ рядовое провинціальное дворянство и особенно тѣ его семьи, которыя никогда не жили или очень мало жили въ столицахъ, то тутъ мы за небольшими исключеніями не встрѣтимся ни съ вольтеріанствомъ, ни съ какимъ другимъ «вольномысліемъ»; здѣсь еще всецѣло царствовала сила традиціи и дѣдовскихъ порядковъ; тутъ не только не читали Вольтера, Монтескье или Руссо, но даже имена-то эти не всякому были знакомы хотя бы понаслышкѣ; книга—не то, что бы какая-нибудь философско-политическая новинка, а хотя бы самый невинный романъ, была здѣсь не частымъ гостемъ. Но мы, къ сожалѣнію, все еще недостаточно полно и всесторонне знаемъ повседневную жизнь этого рядового провинціального дворянства второй половины XVIII вѣка, такъ какъ большинство мемуаровъ этой эпохи вышло изъ среды дворянства столичнаго, передового и описываетъ жизнь этого послѣдняго. Объ иностранныхъ мемуарахъ и говорить нечего: для ихъ авторовъ наша провинція была полной *tabula rasa*. Въ виду этого особый интересъ пріобрѣтаетъ документъ, хранящійся въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ. Это—дневникъ одного провинціального помѣщика на вторую половину 1786 года ¹⁾.

Авторъ дневника—отставной капитанъ артиллеріи Петръ

См. отчетъ Румянцовскаго музея за 1908 г., № 3485.

Осиповичъ Яковлевъ. О немъ извѣстно немного—частью изъ его дневника, частью изъ приписки къ нему одного изъ его потомковъ г. Губастова, обладателя этого дневника, отъ котораго онъ поступилъ въ Румянцовскій музей. П. О. Яковлевъ родился 22 июля 1749 г.; въ бытность свою на военной службѣ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, былъ въ битвѣ при Кагулѣ, затѣмъ вышелъ въ отставку и служилъ по выборамъ въ Ростовѣ въ уѣздномъ судѣ. Что привело его къ мысли писать дневникъ, неизвѣстно; неизвѣстно также, почему онъ велъ его только полгода—съ 19 июня до января; впрочемъ, въ 1793 и 1794 гг. онъ, повидимому, опять сталъ вести его, такъ какъ въ Румянцовскомъ музеѣ имѣются еще двѣ его тетрадки, начинающіяся 1793-мъ годомъ; ничего новаго, однако, по сравненію съ дневникомъ 1786 года онѣ не даютъ, и потому для данной цѣли ими можно не пользоваться. Возможно, впрочемъ, что эти три тетрадки только уцѣлѣвшія части большого дневника, и въ несохранившихся частяхъ, можетъ быть, и было объясненіе и о цѣли составленія дневника и о причинѣ, помѣшавшей Яковлеву вести его дальше 1794 года, если только, дѣйствительно, онъ не былъ веденъ позже этого года. Умеръ Яковлевъ въ 1817 году. Владѣлъ онъ небольшой, какъ видно изъ дневника, усадьбой Ворсницы около Ростова, съ 30 душами, и деревней Новинки, въ Ярославскомъ уѣздѣ, (тоже небольшой), взятой въ приданое за женой. Его жена, Анна Степановна, была моложе его на 5 лѣтъ—она родилась 12 июня 1754 г.; умерла она въ 1826 г.

Дневникъ велся Яковлевымъ съ большой аккуратностью: онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы чего-либо не записать. Прежде всего—очевидно, въ силу того, что онъ былъ помѣщикомъ—сельскимъ хозяиномъ,—онъ обязательно отмѣчаетъ состояніе погоды; съ этого и начинается весь дневникъ. Для метеорологовъ дневникъ Яковлева представляетъ интересъ: въ немъ отмѣченъ всѣ, даже малѣйшія перемѣны погоды; между прочимъ, изъ этого дневника мы узнаемъ, что въ 1786 г. 24 сентября «снѣгъ шелъ большой», 25-го—«снѣгу много выпало и всю землю покрыло», а 26-го—былъ морозъ и ясно.

Такъ же аккуратно Яковлевъ заносилъ въ свой дневникъ всѣ хозяйственныя событія до мельчайшихъ подробностей, такъ что по его дневнику можно полностью возстановить весь годовой хозяйственный оборотъ мелкопомѣстнаго дворянина того времени. Напр. 4 августа начали сѣять рожь и было посѣяно 5 четвертей на 2½ десятинахъ, да «ячмею нажато въ 25 загонахъ русскаго 1120 сноповъ». 8-го тоже жали и сѣяли, и онъ «съ Ашею (женой) до обѣда ходили къ жнецамъ и около ржи, да на большомъ лугу на прудѣ были у стада, пѣшими ходили, и она у жнецовъ сидѣла,

а я за пашнею ходилъ». 9-го августа «минчаковскихъ пришли жнецовъ 20 человѣкъ; передъ обѣдомъ по рюмкѣ вина всѣмъ подносили и они пѣсни пѣли. И къ ужину по 2 рюмки вина подносили». 12 сентября молотили и вѣяли, 5 ноября «послѣ молотбы всѣхъ въ большой горницѣ кормили; полтора барана варили и жарили, да пивомъ поили». 1 декабря были розданы бабамъ ленъ и кудель—«чесаного льну по $7\frac{1}{2}$ фунтовъ на бабу и кудели по 12 фунтовъ» и т. д.

Такъ же тщательно записываетъ Яковлевъ всѣ купли и продажи; пока еще лѣто, продавать нечего, когда онъ въ деревнѣ—все свое и покупать ничего не нужно, но какъ только подходятъ осень и онъ чаще бываетъ въ городѣ, записей такого рода становится все больше. Съ одной стороны, онъ даетъ много важныхъ свѣдѣній о цѣнахъ того времени, а съ другой стороны показываютъ, какъ такіе мелкопомѣстные помѣщики переходили отъ натурального хозяйства къ денежному. Хлѣбъ у Яковлева свой и муки покупать не нужно. Не разъ встрѣчаемъ записи, что муку привозятъ ему изъ деревни въ Ростовъ, но въ городѣ уже покупаютъ крендели у крендельщика на 22 коп., а то булочнику задолжаютъ 87 коп. Изъ деревни привозятъ также масло, творогъ, яйца, гусей, утокъ, цыплятъ, водку и пиво, которыя тоже «высидиваютъ» дома. Но пшено, гречневую крупу, студень, рыбу—въ большомъ количествѣ, медъ, ягоды (лѣсную малину собирали дворовые), огурцы, не говоря ужъ, конечно, о винѣ, сахарѣ и чаѣ—все это покупалось въ городѣ; цѣны на эти продукты были такія: полведра бѣлаго вина стоило 1 руб. 35 коп., огурцы—11 коп. сотня, четверть клюквы—15 коп., пудъ шукъ—80 коп., малосольная севрюга—6 коп. фунтъ, вязига—14 коп. фунтъ, малосольная осетрина—7 коп. фунтъ, пшено—полчетверика 40 коп., гречневая крупа—четверикъ 50 коп.; разъ какъ-то купили корову на мясо за 4 руб. 60 коп. Съ другой стороны, въ городѣ идетъ продажа; продается коровье масло квартирной хозяйкѣ и въ лавку по $7\frac{1}{2}$ коп. фунтъ, яйца по 37 коп. сотня (впрочемъ, продано всего было 200 шт.), лѣсъ, ленъ— $\frac{1}{2}$ пуда за 1 рубль, ячмень—3 руб. 25 коп. четверть.

Приходилось прибѣгать къ помощи рынка и для пріобрѣтенія костюма, хотя стараются обойтись, насколько возможно, своими средствами. 21 іюня дѣлается такая запись: «Обновилъ я сапоги новые козловые, Петрушка мнѣ сшилъ» (тотъ Петрушка, который и на мельницу ѣздитъ, и за водой). 16 іюля тотъ же Петрушка сшилъ Яковлеву туфли изъ желтой кожи, «да дѣтямъ по башмакамъ скроилъ», а 20 августа, хотя онъ и «занемогъ животомъ», но сшилъ Гараскѣ и Оськѣ по новымъ сапогамъ и «головы при-

дѣлываль» (сапогамъ, конечно). Но для шитья «робятамъ» камзоловъ и штановъ изъ синяго сукна нужно было звать чужого портного, который за одинъ камзолъ и двое штановъ получилъ 1 рубль. Для шитья большого овчиннаго одѣяла (овчины, вѣроятно, были свои) и тулупа для Оськи звали другого портного, который получилъ за каждую вещь по 35 коп. По случаю траура (умерла мать) Яковлевъ сшилъ себѣ изъ черной купленной фланели камзолъ, и Кирюшка получилъ за работу 25 коп. Разъ былъ позванъ «Филатьева человекъ Иванъ, мнѣ волосы подстригалъ», но получилъ ли онъ что за это, неизвѣстно.

Два раза за описываемые полгода совершаются вексельныя операціи: одинъ разъ Яковлевъ предъявляетъ какой-то рыбинскій вексель ко взысканію, а другой разъ выдаетъ деньги подъ вексель: «25 октября... Тимановъ Ѳедоръ Семеновъ взялъ на вексель денегъ въ 14 мѣсяцевъ, считая съ 15 числа октября, 100 рублей: ассигнаціями 50 рублей, да серебромъ 50 рублей, а процентныхъ 12 рублей будетъ».

Приведенныя выдержки достаточно опредѣленно показываютъ, въ какую сторону были направлены всѣ интересы автора разсматриваемаго дневника, каково было его, такъ сказать, умонстроеніе. Можно ли заподозрить въ немъ вольтеріанца или что-нибудь подобное? То, что мы узнаемъ изъ дневника о его времяпровожденіи точно такъ же ясно показываетъ, что основаній для подобныхъ подозрѣній нѣтъ.

Всѣ эти полгода—съ іюня по январь, Яковлевъ приблизительно поровну дѣлилъ между своей деревней и Ростовомъ. Что онъ дѣлалъ въ деревнѣ? Вотъ, напримѣръ, день 21 іюня: «Воскресенье... Поутру рано я ходилъ около поля парового, смотрѣлъ оранье (работали, значитъ, несмотря на праздникъ). У обѣдни былъ я одинъ въ Погореловѣ... Послѣ полудня въ четверомѣстной каляскѣ и въ 4 лошади я съ женой и дочерьми ѣздили въ Тормозово къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ и тамъ сидѣли до вечера, а ночевать домой приѣхали въ Ворсницы». Почти то же самое бывало и въ другіе дни съ той только разницей, что въ прогулкахъ въ поле и въ поѣздкахъ въ церковь его часто сопровождала жена, въ гостяхъ обычно играли въ карты, а всенощныя часто служили дома, благо, это стоило дешево, всего 10—20 коп. И, вообще, надо сказать, что Яковлевъ, видимо, былъ человекъ религіозный, но только виѣшнимъ образомъ: онъ исправно посѣщалъ обѣдни и всенощныя, аккуратно исполнялъ всѣ поминанія по умершимъ, не менѣе исправно всѣ ихъ записалъ въ своемъ дневникѣ, аккуратно составляя въ такихъ случаяхъ слѣва на поляхъ крестикъ, но ни разу не видно, чтобы онъ переживалъ молитвенное настроеніе

или во всякомъ случаѣ шель къ службѣ не потому только, что такъ положено. Не внесло разнообразія въ деревенское житье и Рождество; все ограничилось только тѣмъ, что онъ «крестьянамъ подносилъ вина по рюмкѣ, да Илья былъ, славилъ, дано ему 2 коп.».

Не лучше было времяпровожденіе въ городѣ. Днемъ—въ судѣ или въ окрестностяхъ города на слѣдствіи, въ праздники—обязательно у обѣдни; если въ Богоявленскомъ монастырѣ, то послѣ обѣдни непременно часа 2—3 проводилось у архимандрита. Вечеромъ—въ гостяхъ, гдѣ играли въ карты и пили. Игра (въ банкъ) бывала не маленькая: разъ Яковлевъ проигралъ 66 руб.; при этомъ, по его словамъ, онъ былъ такъ пьянъ, что не помнитъ, какъ и игралъ; даже на слѣдующій день ему было тяжело съ похмелья, и онъ не былъ въ судѣ. Всѣ эти случаи, какъ и многое другое, тоже очень аккуратно имъ записаны и часто, видимо, не совсѣмъ твердой рукой; въ двухъ мѣстахъ послѣ такихъ записей имѣются такія каракули, что разобрать въ нихъ что-нибудь нѣтъ возможности. На отдѣльномъ листкѣ въ дневникѣ сохранилась записка, содержащая въ себѣ предварительный подсчетъ гостей, которые должны были быть на обѣдѣ у Яковлева въ городѣ «августа 25 дня 1786 году», и меню этого обѣда: городничій—самъ 4, Терпигоревъ—самъ 3, Послуживцовъ—самъ 2, и т. д., всего 22 человекъ; ветчина, студень говяжій, щи изъ говядины и потроха, гусь и 2 утки, пирожное: «колцы» (вѣроятно, кольца изъ тѣста) и сладкій пирогъ, соусовъ три: съ уткой красный, съ цыплятами бѣлый съ морковью, съ битой говядиной—неизвѣстно какой.

Два раза за полгода Яковлевъ выѣзжалъ за предѣлы своей деревни и Ростова, одинъ разъ онъ ѣздилъ съ родственниками въ Юрьевъ—вѣроятно, по семейнымъ дѣламъ, а другой разъ въ село Великое на конскую ярмарку продавать трехъ своихъ лошадей. Два раза за полгода онъ послалъ письма, при чемъ онъ не забылъ записать, что за одно изъ нихъ заплачено 13 коп. вѣсовыхъ, и одинъ разъ самъ получилъ письмо. Что же касается чтенія книгъ, то во всемъ дневникѣ нѣтъ ни одной записи, которая позволяла бы думать, что авторъ его читалъ въ теченіе полугода что-либо другое, кромѣ разныхъ бумагъ въ судѣ; просто даже слово книга не упоминается у него.

Только одинъ фактъ, отмѣченный въ дневникѣ Яковлева, выходитъ за предѣлы хозяйственныхъ или служебныхъ интересовъ: какому-то живописцу Горячему былъ заказанъ портретъ дочери и жены автора дневника, при чемъ первый портретъ былъ готовъ въ 3 дня. О томъ, что это былъ за живописецъ Горячій, даетъ поясненіе слѣдующая запись: «Живописцу Николаю Го-

рячему дано денегъ 2 рубля серебромъ: онъ лакомъ прикрывалъ образа и патретъ». Вотъ и вся, такъ сказать, прикосновенность къ тогдашней культурѣ помѣщика-дворянина Яковлева.

Интересны также его отношенія къ крестьянамъ: они вполне стародавнія. Какъ уже показываютъ вышеприведенныя выдержки, называлъ онъ ихъ не иначе, какъ Обращка (Абрамъ), Гараська (Герасимъ), Парашка, Лиска и т. п. Уже одни эти унижительно-уменьшительныя имена характерны для быта того времени. Не менѣе характерны и наказанія, которымъ подвергались крестьяне Яковлева; онъ не былъ, повидимому, какимъ-нибудь звѣремъ или извергомъ, но сѣкъ своихъ крестьянъ за всякія провинности. Любопытно при этомъ, что всѣ записи по этому поводу въ своемъ дневникѣ онъ дѣлаетъ съ эпическимъ спокойствіемъ; дѣло это, видимо, для него самое обычное, и потому, записавъ, на примѣръ, что куплено на 4 коп. ершей или огурцовъ, онъ тутъ же, безъ всякой, такъ сказать, передышки можетъ рассказать о случаѣ порки. Впрочемъ, эта черта—ничѣмъ невозмутимое спокойствіе—характеризуетъ автора дневника на всемъ его протяженіи. Въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, вполне приблизился къ древне-русскимъ лѣтописцамъ, которые спокойно «зрѣли» на правыхъ и виновныхъ, описывая, не мудрствуя лукаво, земли родной минувшую судьбу. Вотъ примѣры этого эпического стиля Яковлева. «23 іюля... Продано ржи изъ малой житницы осмина за 1 р. 50 к. Пугачу,—Никешку и Пугача сѣкъ за худыя ихъ дѣла. Послѣ полдень ѣздилъ я на дрожкахъ съ Ашею на большой лугъ...». «1 декабря... Въ Ворсницахъ 2 перепуска высижено вина Трофимомъ 2 ведра, однако вино очень худо, за что я и сѣкъ старосту Трофима и Тимошку»... За описываемые въ дневникѣ полгода былъ случай побѣга; вотъ какъ онъ описанъ Яковлевымъ. «20 іюля... Феклишка ушла, второй побѣгъ сдѣлала поутру рано, и у Никешки мужа своего 20 рублей денегъ унесла изъ подполья... 22-го... Феклиску нашли въ Кичинѣ и привели въ Ворсницы; въ деньгахъ не винулась, а деньги у Никешки нашлись въ землѣ, и я отъ него на сохраненіе взялъ 10 р... Аша варила малину ягодками въ сахарѣ... 23-го... Изъ Капцова рогатку принесли на Феклиску, а теперь она на стулѣ съ цѣпью посажена; въ долгъ дано овса Кузькѣ кадь... А Оську и Феклиску въ Ростовъ послали... 25-го. Феклиску бѣглянку въ тюрьму посадили... 29-го. Никешка изъ деревни пришелъ спрашиваться о пашнѣ, да за Феклиской, изъ тюрьмы взять, ее вчера съ допрашивали въ судѣ, дни стояли жаркіе... Феклиску взяли изъ суда и отослалъ съ мужемъ въ Ворсницы»... Иногда, впрочемъ, баринъ могъ расщедриться и наградить дворовыхъ. Такъ, подъ 24-мъ іюня за-

писанъ такой случай: «Въ ночи Оскѣ съ Обрашкой шальную собаку убили на дворѣ нашемъ; дано Оскѣ съ Обрашкой 20 коп.». Разъ за полгода былъ даже случай отпуска на волю: «19 октября. Отпускная отъ меня дана Ивана Звѣринцова дѣвкѣ Дарьѣ Гавриловой на волю вовсе, а крѣпость я на нее получилъ отъ Звѣринцова на мое имя, писана въ 1777 году января 26», но чѣмъ это было вызвано, неизвѣстно.

Что касается эпического спокойствія автора дневника при описаніи разныхъ трагическихъ случаевъ, то вотъ еще примѣръ: «24 августа... Я поѣхалъ въ деревню Дубраву для наказанія преступника Дубровскаго по указу, съ вырываніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ, и пріѣхалъ отправивши обратно въ Ростовъ во 2 часу пополудни и былъ у Арины Осиповны»...

Вотъ, какимъ образомъ, какими чертами—правда, общими, одинъ изъ современниковъ рисуешь быть и міросозерцаніе нашего провинціального дворянства конца XVIII вѣка; въ незамысловатыхъ, крайне лапидарныхъ, ежедневныхъ записяхъ онъ на протяженіи 80 небольшихъ (въ $\frac{1}{8}$ долю листа) страничекъ даетъ интересный и цѣнный матеріалъ. Читая эти записи, вы видите передъ собой человѣка, всецѣло захваченнаго, такъ называемой, «обыденщиной»; существованіе изо дня въ день, безъ какихъ-либо цѣлей и идеаловъ; всѣ интересы распредѣляются между карточнымъ столомъ и приходорасходной книгой, въ которую нужно часто заглядывать, чтобы свести концы съ концами; служба—это что-то побочное и только подсобное: разъ встрѣчаемъ запись, что Яковлевъ получилъ за майскую треть 66 рублей; жизнь течетъ установленнымъ порядкомъ, и никакія, видимо, идеи не волнуютъ ни сердца, ни ума обитателей усадьбы Ворсницы. До того, что на свѣтѣ существуютъ произведенія Вольтера, Монтескье и Руссо имъ такъ же было мало дѣла, какъ дѣтямъ до занятій и развлеченій взрослыхъ.

К. Сивковъ.

Критика и библиографія.

Библиотека великих писателей, подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. VI. Петроградъ. 1915.

Этимъ томомъ заканчивается обширное собраніе сочиненій Пушкина, предпринятое С. А. Венгеровымъ въ издательствѣ Брокгауза-Ефрона. Въ теченіе десяти лѣтъ продолжались работы по этому изданію и результатомъ ихъ было шесть огромныхъ томовъ, вмѣщающихъ свыше 240 печатныхъ листовъ, т.-е. до четырехъ тысячъ страницъ. Съ выходомъ послѣдняго тома является возможность обозрѣть все предпріятіе и подвести нѣкоторые итоги. Постепенно въ теченіе этого десятилѣтія «венгеровское» изданіе Пушкина завоевало прочныя симпатіи въ литературныхъ и читательскихъ кругахъ и за нимъ укрѣпилось то опредѣленіе, которое въ предисловіи къ первому тому предложилъ самъ редакторъ: «пушкинская энциклопедія». Дѣйствительно, Пушкинъ представленъ въ этомъ изданіи такъ разносторонне, какъ ни въ одномъ изъ предыдущихъ. Это изданіе состоитъ изъ четырехъ главныхъ элементовъ: 1) пушкинскіе тексты, 2) примѣчанія къ нимъ, 3) литературно-біографическія статьи и 4) иллюстраціи. Изъ нихъ только два первыхъ обычны въ лучшихъ изданіяхъ Пушкина; два послѣднихъ въ венгеровскомъ изданіи получили необычайное развитіе, но и первые два представлены въ большой полнотѣ. Правда, у С. А. Венгерова были авторитетные, заслуженные предшественники; къ началу своего изданія онъ уже располагалъ пушкинскими сводами П. А. Ефремова, П. О. Морозова, Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, больше того—передъ нимъ—была цѣлая богатая традиція особой

историко-литературной дисциплины: пушкинизма. Много было совершенно готово. Но даже въ этомъ изобиліи была своя трудность; вовсе не легко было собрать и использовать огромные пушкинскіе матеріалы. А многое оставалось и совсѣмъ необслѣдованнымъ.

Прежде всего, далеко не завершились работы по тексту Пушкина. При напряженномъ интересѣ къ каждой строчкѣ великаго поэта, поиски за безвѣстными страницами его произведеній постоянно приводили къ новымъ открытіямъ; одновременно изощрялись самые приемы редакціонной техники. Передъ редакторомъ новаго изданія вставала задача—собрать все обнародованное раньше, не пропуская даже мелочей, и вновь по рукописямъ провѣрить традиціонный печатный текстъ. Какъ справился съ этой задачей С. А. Венгеровъ? По своей текстуальной полнотѣ его изданіе превосходитъ всѣ предыдущія. Это сразу бросается въ глаза. Что же касается методологическихъ приемовъ установленія текста, то о нихъ, къ сожалѣнію, пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Обѣщанная редакторомъ еще въ предисловіи къ первому тому «Исторія пушкинскаго текста» такъ и не появилась въ печати; она будетъ издана отдѣльно, и только тогда возможно будетъ дать оцѣнку редакціонныхъ приемовъ С. А. Венгерова. Пока же можно только отмѣтить извѣстную пестроту, компилятивность и непослѣдовательность въ работѣ надъ рукописями. Начавъ ее безъ предварительнаго личнаго опыта въ этой области, редакторъ въ теченіе десяти лѣтъ, конечно, постепенно приобрѣталъ все новые навыки, и приемы редакціонной техники въ послѣднихъ томахъ не могли остаться такими же, какъ въ первыхъ.

Что касается примѣчаній къ отдѣльнымъ произведеніямъ Пушкина, слѣдуетъ признать, что они очень богаты, хотя, естественно, и болѣе компактны, чѣмъ въ большемъ академическомъ изданіи. Въ составленіи ихъ принимали участіе лучшіе знатоки Пушкина, и это отозвалось обиліемъ и новизной данныхъ. Несомнѣнно, изученіе интимныхъ процессовъ пушкинскаго творчества этими комментаріями продвигается далеко впередъ. Жаль только, что они остались недовершенными: примѣчанія къ прозаическимъ произведеніямъ отсутствуютъ. Редакторъ почему-то находитъ, что ихъ «удобнѣе присоединить» къ отдѣльному изданію «Исторіи пушкинскаго текста». Оторванные отъ самого текста, едва ли они будутъ тамъ уместны.

Отдѣлъ литературно-біографическихъ статей весьма богатъ и количественно, и качественно. Общеизвѣстныя организаторскія способности С. А. Венгерова сказались здѣсь весьма наглядно: онъ не только соединилъ вокругъ своего изданія всѣхъ извѣст-

ныхъ специалистовъ по Пушкину, но привлекъ къ обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ представителей смежныхъ дисциплинъ, напр., русскихъ историковъ; болѣе того: изъ литературной молодежи онъ выбралъ и, можно сказать, создалъ нѣсколько новыхъ пушкинистовъ. Взятая въ цѣломъ эти статьи составляютъ большой и цѣнный вкладъ въ научное изученіе Пушкина. Однѣ изъ нихъ разрабатываютъ отдѣльные эпизоды біографіи поэта; другія посвящены характеристикѣ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, входившихъ въ близкое общеніе съ нимъ; рядъ статей изображаетъ душевный міръ Пушкина, ростъ и кризисы его религіозно-философскихъ, общественныхъ, политическихъ воззрѣній. Другая группа статей изучаетъ творчество Пушкина— въ широкихъ перспективахъ словеснаго искусства русскаго и западно-европейскаго; здѣсь встрѣчаемъ рядъ этюдовъ объ отдѣльныхъ главнѣйшихъ твореніяхъ поэта и экскурсы о писателяхъ и направленіяхъ, оставившихъ слѣдъ въ творческомъ его сознаніи. Только немногія статьи написаны въ легкомъ критическомъ, нарочито популярномъ жанрѣ; большинство, при доступности изложенія, стоитъ на высотѣ научныхъ требованій. Въ общей сложности онѣ, несомнѣнно, составляютъ значительный этапъ въ исторіи пушкинскихъ изученій.

Остается еще сказать объ иллюстраціяхъ. Насколько широко онѣ примѣнялись въ изданіи, показываютъ краснорѣчивыя цифры: рисунковъ въ текстѣ дано 1024, а на отдѣльныхъ листахъ—71. При такомъ огромномъ количествѣ иллюстрацій не только самъ Пушкинъ, но и все его время становятся ближе, интимнѣе, понятнѣе читателю. Воспроизведены всѣ портреты, бюсты и картины, изображающіе Пушкина, портреты его близкихъ и лицъ, встрѣчавшихся на его житейскомъ пути; виды домовъ и мѣстностей, гдѣ онъ жилъ; снимки съ его рукописей и собственноручныхъ рисунковъ; иллюстраціи къ его произведеніямъ и т. д. Многое напечатано впервые и добыто съ большимъ трудомъ изъ общественныхъ и частныхъ архивовъ. Въ своей совокупности рисунки венгерскаго изданія образуютъ какъ бы художественную пушкинскую энциклопедію. Не все здѣсь равноцѣнно; на ряду съ безспорными художественными цѣнностями часто воспроизводятся безвкусные рисунки изъ старыхъ иллюстрированныхъ журналовъ; не всегда и техническая сторона воспроизведенія на высотѣ современныхъ требованій; многіе цвѣтные рисунки положительно плохи, а нѣкоторыя лица на портретахъ неузнаваемы. Все это, однако, не уменьшаетъ общаго значенія и достоинства собранной С. А. Венгерымъ «картинной галлерей».

Последний, шестой томъ, давший намъ поводъ къ общей характеристикѣ изданія, подтверждаетъ высказанныя выше сужденія. Въ текстовой своей части онъ занятъ, главнымъ образомъ, письмами Пушкина. Задача ихъ воспроизведенія была облегчена академическимъ изданіемъ, гдѣ переписка Пушкина была напечатана въ трехъ томахъ подъ редакціей В. И. Саитова. Но за послѣднее время накопилось не мало новыхъ эпистолярныхъ публикацій, и въ венгеровскомъ изданіи мы получаемъ до тридцати писемъ и отрывковъ, не входившихъ въ академическое изданіе. Вторую группу составляютъ «новыя пріобрѣтенія пушкинскаго текста и дополненія», которыхъ въ этомъ томѣ собрано до сорока пяти. Все это вмѣстѣ даетъ значительный приростъ въ собраніе пушкинскихъ текстовъ. Странно только, что сюда не включены новыя стихотворенія Пушкина, найденныя П. Е. Щеголевымъ въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ и опубликованныя имъ въ 1911 году («Русское Слово» 1911, № 181, 6-го августа; снимки съ автографовъ—«Искра» 1911, № 30). Въ этомъ же томѣ, кромѣ примѣчаній къ письмамъ и къ новымъ текстамъ Пушкина (Н. О. Лернера и П. О. Морозова), даны также примѣчанія (Н. О. Лернера) къ стихотвореніямъ 1831—1836 г.г., напечатаннымъ еще въ III и IV томахъ. Это не единственное нарушеніе архитектоники въ изданіи; оно, вообще, не лишено громоздкости, даже безпорядочности въ построении, но съ этимъ приходится мириться: богатство матеріаловъ вознаграждаетъ за ихъ поиски по шести томамъ. Въ литературно-біографическомъ отдѣлѣ послѣдняго тома помѣщено 14 статей. Богатствомъ документально-архивныхъ данныхъ выдѣляется статья П. Е. Щеголева о послѣдней дуэли Пушкина; изяществомъ стиля и настроенія—статьи М. О. Гершензона: «Чаадаевъ и Пушкинъ» и «Пушкинъ и Лермонтовъ». В. Я. Брюсовъ далъ цѣнные наблюденія надъ стихотворной техникой Пушкина; В. В. Водовозову принадлежит обширная статья: «Политическіе и общественные взгляды Пушкина», статья, съ которой во многомъ хочется спорить, но которая собираетъ въ одномъ фокусѣ массу важныхъ фактовъ и сужденій. Тотъ же В. В. Водовозовъ составилъ алфавитный указатель произведеній Пушкина, чрезвычайно облегчающій всякія справки.

Кое-чего не хватаетъ въ заключительномъ томѣ. Почему-то нѣтъ, напр., статьи объ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя (а говорится о многихъ третьестепенныхъ писателяхъ пушкинской поры). Отсутствуетъ и еще одна статья, прямо необходимая въ такомъ изданіи: исторія пушкинизма. Нѣкоторый элементъ этой исторіи (именно, исторія пушкинскихъ рукописей и ихъ изученія) войдетъ въ обѣщанный С. А. Венгеровымъ дополнитель-

ный выпускъ, но мы здѣсь разумѣемъ исторію пушкиновѣдѣнія въ широкомъ смыслѣ, какъ эволюцію изученія и пониманія великаго поэта въ смѣнахъ поколѣній ученыхъ, критиковъ, публицистовъ,—всего русскаго общества.

Огромная, длительная работа кончена. Въ ней есть свои недостатки. Но достоинства ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудности дѣла, такъ велики, что редакторъ изданія и его ближайшіе сотрудники могутъ спокойно ожидать суда исторіи: въ русскую культуру сдѣланъ крупный вкладъ.

Н. Пиксановъ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ одиннадцатый. Исторія Пугачевского бунта. Петроградъ. 1914 г., X+482+364 стр. Ц. 3 р.

Въ объемистомъ XI-мъ томѣ сочиненій Пушкина, кромѣ «Исторіи Пугачевского бунта» и его статьи, представляющей разборъ рецензій Броневскаго на этотъ трудъ, напечатанной въ 1835 г. въ «Сынѣ Отечества», мы находимъ обширныя, занимающія болѣе трехсотъ страницъ, примѣчанія, составленныя проф. Өирсовымъ на основаніи не только печатныхъ источниковъ и пособій, но и нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ. Весьма полезное добавленіе составляетъ также снимокъ съ любопытнаго и неизвѣстнаго до сихъ поръ портрета Пугачева, очевидно достовѣрнаго, такъ какъ этотъ портретъ находился при копіи съ «Лѣтописи» Рычкова, сохранившейся въ архивѣ гр. П. И. Панина (снимокъ съ этого портрета, помѣщеннаго въ разсматриваемомъ академическомъ изданіи, былъ данъ въ № 3 «Голоса Минушаго»).

Трудъ Н. Н. Өирсова начинается любопытнымъ очеркомъ тѣхъ условій, личныхъ и общественныхъ, при которыхъ писалась Пушкинымъ «Исторія Пугачевского бунта», затѣмъ слѣдуютъ примѣчанія проф. Өирсова въ порядкѣ главъ издаваемого историческаго труда. Читатели, конечно, найдутъ въ нихъ весьма много полезныхъ свѣдѣній, много цѣнныхъ библіографическихъ указаній (хотя далеко не исчерпывающихъ всѣхъ пособій и источниковъ о Пугачевскомъ бунтѣ, напечатанныхъ послѣ составленія списка по этому предмету, приведеннаго въ извѣстномъ трудѣ Н. Ө. Дубровина «Пугачевъ и его сообщники», Спб. 1884 г., 3 тома). Но все же мы не считаемъ особенно удачною мысль снабдить трудъ Пушкина столь обширными примѣчаніями. Проф. Өирсовъ уже и ранѣе занимался Пугачевщиной и напечаталъ о ней популярный очеркъ. Я очень порадовался бы, если бы авторъ этого очерка возвратился къ той же темѣ для написанія научнаго труда, но при этомъ было бы желательно, чтобы онъ

не былъ стѣсненъ устарѣлою пушкинскою схемою, слишкомъ узкою рамкою «Исторіи Пугачевского бунта». Внѣшняя исторія Пугачевщины весьма недурно рассказана Н. Θ. Дубровинымъ по множеству изданныхъ и неизданныхъ матеріаловъ; теперь желательно имѣть другой трудъ, гдѣ была разсмотрѣна бы и сравнительно оцѣнена роль всѣхъ элементовъ этого обширнаго народнаго возстанія—казачества, раскола, инородцевъ и различныхъ разрядовъ крестьянъ: крѣпостныхъ, дворцовыхъ и приписанныхъ къ заводамъ. Такой трудъ настоятельно необходимъ. Но такъ какъ желаніе лучшаго не должно мѣшать признанію достоинствъ и того, что мы получаемъ въ данномъ случаѣ, то, конечно, настоящее изданіе принесетъ свою долю пользы будущимъ изслѣдователямъ Пугачевщины.

В. Семевскій.

Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. Съ портретами, иллюстраціями и приложеніями. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроградъ. Ц. 1 р. 50 к.

Жена декабриста П. Е. Анненкова, урожденная Полина Гебль,—одна изъ интереснѣйшихъ фигуръ среди женъ узниковъ Читинскаго острога. Француженка родомъ, пріѣхавшая въ Россію служить въ модномъ магазинѣ Диманси, веселая и кипуче-жизнерадостная, Полина Гебль совершенно добровольно послѣдовала въ Сибирь за декабристомъ И. А. Анненковымъ и тамъ обвѣнчалась съ нимъ. Не зная русскаго языка, не имѣя родныхъ въ Россіи и пользуясь услугами немногихъ знакомыхъ, она съ необычайной энергіей добилась разрѣшенія ѣхать въ Сибирь, разумно устроила всѣ свои дѣла, въ 18 дней доскакала отъ Москвы до Иркутска, преодолѣла цѣлый рядъ препятствій и, наконецъ, добилась своего—права жить вблизи любимаго человѣка, въ глуши Сибири. Это ли не образъ героини-подвижницы, надѣленной высшимъ паѳосомъ любви? Не мудрено, что Александръ Дюма сдѣлалъ ее героиней своего романа: «*Mémoires d'un maître d'armes*». И если мы преклоняемся передъ образами кн. Волконской и кн. Трубецкой, то не меньшаго уваженія заслуживаетъ и П. Е. Анненкова. Ея записки—это прежде всего отрывокъ (къ сожалѣнію, небольшой) изъ исторіи любящаго женскаго сердца, чрезвычайно интересно и живо рассказанный; но онѣ имѣютъ и важное историческое значеніе: онѣ даютъ много свѣдѣній о декабристѣ И. А. Анненковѣ, объ его арестѣ и заключеніи въ Петропавловской крѣпости, отправкѣ въ Сибирь и пребываніи тамъ, дополняютъ наши свѣдѣнія вообще о жизни тамъ декабристовъ; интересна также исторія хлопотъ Анненковой о разрѣшеніи ей ѣхать въ

Сибирь; наконецъ, очень цѣненъ въ бытовомъ отношеніи ея рассказъ о старухѣ-матери Анненкова и ея домѣ (главы VI—VIII). Записки Анненковой образовались путемъ записи ея рассказовъ О. И. Ивановою, ея дочерью, въ 1861 году, уже по возвращеніи Анненковыхъ въ Россіи. Такимъ образомъ это не дневникъ, ведущійся вслѣдъ за происходящими событіями, а мемуары, составленные черезъ 30—35 лѣтъ послѣ тѣхъ происшествій, о которыхъ въ нихъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь. Это заставляетъ при пользованіи ими, какъ первоисточникомъ, сопоставлять отдѣльныя ихъ указанія съ другими документами, не умаляя, однако, ихъ общей исторической цѣнности.

Записки Анненковой первоначально были напечатаны въ «Р. Старинѣ» (1888 г. № 1—5) со вступительной статьей и нѣкоторыми дополненіями М. И. Семевского, а также съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ документовъ (въ 1901 г., въ № 3 «Р. Старины» были даны нѣкоторыя дополненія къ этимъ документамъ). Въ настоящее время онѣ выпущены кн-вомъ «Прометей» отдѣльной книгой, при чемъ, однако, нигдѣ не указано, что это перепечатка уже извѣстнаго текста. Едва ли это удобно. Какъ значится на обложкѣ этой книги, въ ней должны быть вступительная статья и примѣчанія П. Е. Щеголева; въ силу какого-то превращенія ни того, ни другого въ книгѣ нѣтъ, если не считать перевода французскихъ фразъ текста, вынесенныхъ въ подстрочныя примѣчанія; въ текстѣ записокъ, печатавшемся въ «Р. Старинѣ», этого перевода не было, и, можетъ быть, онъ принадлежитъ г. Щеголеву, но ни въ чемъ другомъ его участія въ этомъ изданіи заподозрѣть нельзя. Издана книга небрежно, со значительнымъ количествомъ опечатокъ и пропусковъ знаковъ препинанія; при небольшихъ ея размѣрахъ—166 страницъ, цѣна въ 1 р. 50 к. должна быть признана высокой. Три портрета и двѣ иллюстраціи, помѣщенные въ книгѣ, выполнены очень посредственно. Именного указателя, какъ это принято дѣлать въ изданіяхъ подобнаго рода, въ книгѣ нѣтъ.

К. Сивковъ.

В. С. Марковъ, Къ исторіи раскола старообрядчества второй половины XIX столѣтія. Переписка проф. Н. И. Субботина, какъ матеріалъ для исторіи раскола и отношеній къ нему правительства (1865—1904). «Чтенія въ Имп. Общ. Истор. и Др. Росс.», 1915 г., кн. I. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго.

Это объемистое (болѣе 1000 стр.) «изслѣдованіе», какъ громко называетъ составитель свое сочиненіе, дѣлится на двѣ части: предисловіе, или «изслѣдованіе», и матеріалы. Центръ работы въ матеріалахъ, такъ какъ «изслѣдованіе» занимаетъ едва ли

¹/₆ часть и представляет простой пересказъ послѣдующихъ документовъ съ выводами и комментаріями, ничего общаго съ наукой не имѣющими. «Исслѣдованіе» имѣетъ цѣлью показать, преимущественно на основаніи помѣщаемой въ приложеніяхъ переписки проф. Московской Духовной Академіи Субботина, извѣстнаго «противораскольническаго» дѣятеля, и Побѣдоносцева, величіе этихъ двухъ «ратниковъ православной церкви и государства», борцовъ «противъ гнетущаго недуга церковной жизни—раскола».

И описывая эти приемы борьбы, авторъ слѣпо идетъ за мнѣніями авторовъ изучаемой имъ корреспонденціи. Въ результатѣ «исслѣдованіе» или вѣрнѣе предисловіе носитъ довольно обычный характеръ миссіонерскаго писательства. Останавливаться поэтому на «исслѣдованіи», разбирать его, возражать автору не имѣетъ никакого смысла—работа лишена элементарныхъ признаковъ научности, хотя и представлена въ Духовную Академію въ качествѣ диссертациі. Но нельзя не отмѣтить, что это «исслѣдованіе» издано въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. при Моск. университетѣ», притомъ подъ завѣдываніемъ проф. Любавскаго. На немъ поставленъ какъ бы штемпель ученаго общества и профессорскаго авторитета. Интересно было бы знать, неужели проф. Любавскій, докторъ русской исторіи согласенъ, съ той научной терминологіей, какую употребляетъ авторъ «исслѣдованія»: напр., «выкрестъ изъ жидовъ Карловичъ, ради гешефта онъ перешелъ въ расколъ»... Подобныя характеристики у г. Маркова встрѣчаются нерѣдко, затѣмъ идутъ аналогичныя сентенціи. Цитируя письмо Побѣдоносцева о невѣжествѣ интеллигенціи, г. Марковъ въ своемъ научномъ «исслѣдованіи» не приминетъ сдѣлать отступленіе и отъ себя сказать о невѣжествѣ интеллигенціи нашихъ дней. Въ чемъ же оно выражается, а въ томъ, напр., что общество Донскихъ Врачей въ Новочеркасскѣ въ іюнѣ 1912 г. пригласило на молебенъ и старообрядческаго «лжеепископа Геннадія». Или другая сентенція автора. Говоря о «дерзости» старообрядцевъ при Побѣдоносцевѣ, г. Марковъ приводитъ примѣръ, до чего дерзость дошла теперь, когда «могучая рука» Побѣдоносцева, въ свое время остановившая «колесо исторіи» и удержавшая безумный либерализмъ правительства, уже бездѣйствуетъ: о ужасъ! самая «безобразная» секта Θεодосѣевцевъ имѣетъ «дерзость» посылать всеподданнѣйшіе адреса и т. д. Можно, думается, ограничиться и этими примѣрами для характеристики тона и цѣнности выводовъ «исслѣдованія» г. Маркова. Еще одинъ курьезъ. «Исслѣдованіе» снабжено «подробнѣйшими примѣчаніями», какъ говоритъ авторъ. Это дѣйствительно такъ. Но иногда ученые при-

мѣчанія вызываютъ недоумѣніе, представляя подробныя выписки изъ энциклопедическаго словаря Брокгауза. Упоминается проф. Бильбасовъ—и сейчасъ же изъ словаря приводятся даты его рожденія и пр. Но курьезно то, что свѣдѣнія ограничиваются только свѣдѣніями словаря, хотя томъ словаря, откуда берутся даты, вышелъ 20 лѣтъ назадъ. И читатель съ удивленіемъ узнаетъ, что въ отдѣльномъ изданіи существуетъ только одна работа А. С. Пругавина: «Библиографія старообрядчества»... Въ ученой работѣ встрѣчаются и такіе курьезы: авторъ, напр., дѣлаетъ поясненіе, что законъ 3 мая 1883 г. о старообрядцахъ напечатанъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ». А въ «Сводѣ Законовъ?» Или о существованіи его не знаетъ г. Марковъ?

Приложенія значительно интереснѣе самого «изслѣдованія». Главное мѣсто среди документовъ занимаетъ переписка Побѣдоносцева и Субботина. Но и она, въ сущности, даетъ очень мало: она характерна, но мелочна. Передъ нами выпукло выступаетъ проф. Субботинъ, съ своимъ убогимъ міросозерцаніемъ—начетчика и доносителя по начальству. Этотъ обликъ Субботина, достаточно извѣстный всѣмъ, кто только знакомъ съ его дѣятельностью, лишній разъ подтверждается перепиской, безпристрастной выводъ изъ которой будетъ совсѣмъ иной, чѣмъ это дѣлаетъ г. Марковъ. Факты сами за себя говорятъ. У Субботина была одна крупная заслуга—опубликованіе документовъ первостепенной важности для исторіи какъ ранняго, такъ и позднѣйшаго старообрядчества. Научныя изслѣдованія же Субботина сами по себѣ имѣли столь же малое значеніе, какъ рецензируемая нынѣ работа его вѣрнаго послѣдователя—г. Маркова.

Это было тенденціозное начетчество *ad maiorem gloriam* господствующей церкви на почвѣ обвиненій въ антигосударственныхъ и антиправительственныхъ дѣяніяхъ силъ враждующихъ. Надо ли говорить, что означали эти обвиненія при старомъ режимѣ, т.-е. до 1905 года? Изъ переписки мы видимъ, что у Субботина есть свои агенты, которыхъ онъ скромно называетъ «корреспондентами»; свои агентурныя свѣдѣнія Субботинъ сообщаетъ Побѣдоносцеву, тотъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ результатѣ удастся «напасть на слѣдъ», какъ сообщаетъ Побѣдоносцевъ. «Примѣчайте» и сообщайте—просить оберъ-прокуроръ. И Субботинъ старался. Старался отыскивать крамолу не только въ старообрядствѣ. Но мы не будемъ останавливаться на этой дѣятельности Субботина, достаточно извѣстной: эти «извѣсты стараго времени подъячаго», какъ выразился свящ. Преображенскій, редакторъ «Прав. Обоз.», по поводу доносовъ Субботина на проф. Каптерева и его работу о патр. Никонѣ, отличались большой

примитивностью. Побѣдоносцевъ, пользуясь добытыми Субботинымъ данными въ своихъ цѣляхъ, напр., для составленія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, долженъ систематически удерживать своего подчасъ слишкомъ рьянаго помощника. Ему приходится напоминать, что «нынѣ (1884 г.) не тѣ времена, что были при Николаѣ, да при Филаретѣ Московскомъ», надо быть осторожными и Побѣдоносцевъ совѣтуетъ избѣгать полемики, чтобы не смущать невѣжественную публику и не раздражать «журнальных аспидовъ» и «либеральныхъ писакъ». Эта боязнь прессы чрезвычайно любопытна для Побѣдоносцева. Пусть онъ прикрываетъ эту боязнь фразами, что вся пресса «закуплена», что не стоитъ связываться съ «плюгавыми журналистами»,—боязнь сквозитъ слишкомъ очевидно: заявляя, что не стоитъ связываться съ плюгавой журналистикой, онъ тутъ же, однако, старается оказать на цензуру соотвѣтствующее давленіе. Въ устахъ Побѣдоносцева оказывается закупленной не только пресса, но и чуть ли не все правительство. Полиція закуплена «до верху»...

Читая переписку Побѣдоносцева съ Субботинимъ, переписку, длящуюся 24 года, назойливо встаетъ вопросъ: что же представлялъ изъ себя, въ сущности, Побѣдоносцевъ? Мизерность мысли въ перепискѣ этого, казалось бы, умнаго человѣка поражаетъ—подчасъ не отличить Субботина отъ Побѣдоносцева. Остается предполагать или полную неискренность вершителя церковныхъ дѣлъ эпохи Александра III, или поглощеніе принципами іезуитизма и ханжества его положительныхъ интеллектуальныхъ свойствъ. Во всякомъ случаѣ, изъ переписки двухъ «ратниковъ православной церкви и государства» не вынесешь впечатлѣнія, что «церковь есть живой организмъ, а не мертвящій трупъ, каково раскольничье сборище, на землѣ ползающее» (слова Побѣдоносцева).

Кромѣ переписки Субботина и Побѣдоносцева, въ приложеніи къ «изслѣдованію» г. Марнова даны нѣкоторые официальные документы и докладныя записки и пр., относящіяся до исторіи старообрядчества и отношенія къ нему правительственной власти. Въ заключеніи рядъ писемъ о. Пафнутія Овчинникова, «бывшаго лжеепископа Коломенскаго», перешедшаго въ 1865 г. въ господствующую церковь и затѣмъ вновь обратившагося въ старообрядчество. Чѣмъ же объяснить «невѣроятный фактъ», съ которымъ не можетъ помириться разсудокъ, что человѣкъ, «познавшій... ложь раскола»,... «измѣнилъ православію». «Ложное самооправданіе» Пафнутія—отвѣчаетъ г. Марковъ. Но, если бы авторъ потрудился прочесть критику, написанную Пафнутиемъ на брошюру Субботина «О сущности и значеніи раскола», изданную въ 1881 г.

по распоряженію Побѣдоносцева (передъ обсужденіемъ закона 3 мая 1883 г.), и могъ бы отнестись къ ней безпристрастно, тогда онъ понялъ бы, почему Пафнутій не удовлетворился господствующей церковью и вновь ушелъ къ «трупѣ». Авторъ «изслѣдованія» безапелляціонно говоритъ объ этой критикѣ, что она была «совершенно безплодной, разумѣется, работой: за недостаткомъ силъ и убѣдительности онъ наполнилъ свое сочиненіе бранью». Но въ дѣйствительности у автора не видно знакомства съ этой критикой: зарождается подозрѣніе—не говоритъ ли онъ о ней только съ чужихъ словъ. Въ дѣйствительности произведеніе Пафнута, вѣроятно написанное несамостоятельно, очень интересно. Вотъ его основное возраженіе Субботину: «Нѣтъ, господинъ ученый богословъ! Не *запретомъ и гоненіемъ* должно бороться, и въ особенности въ дѣлахъ религіознаго разномыслія, съ своимъ противникомъ, а *предоставленіемъ ему полной свободы вѣры и дѣйствій*»... Отрицаніе «свободы и равноправности всѣхъ религій», по мнѣнію Пафнута, убиваетъ религію. Побѣдоносцевъ, а за нимъ и Субботинъ, возмущались «отвлеченными принципами вѣротерпимости», Пафнутій ихъ считалъ «великими и благодатными началами». Эта разница въ міросозерцаніи и привела къ отпаденію отъ официальной церкви. Миссіонерскимъ умамъ это непонятно.

С. Мельгуновъ.

Константинъ Карловичъ Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель (12 янв. 1815—30 окт. 1897). Матеріалы для его біографіи и характеристики. Къ столѣтію со дня его рожденія. Изд. Попечительства Имп. Маріи Алекс. о слѣпыхъ. Пгр., 1915, т. I, с. IV+446+84; т. II, с. 482+1 нен.

Извѣстный государственный дѣятель эпохи имп. Александра II, К. К. Гротъ, родившійся сто лѣтъ назадъ и умершій сравнительно недавно (1897) въ возрастѣ почти 83 л., былъ младшимъ братомъ академика Я. К. Грота. Интересно отмѣтить, что дѣдъ Я. К. и К. К., Іоachimъ Гротъ попалъ въ Россію изъ Голштиніи въ связи съ русскимъ владычествомъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ (въ 1758 г.) сталъ секретаремъ русскаго губернатора ген.-аншефа бар. Н. А. Корфа. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1760 г. и здѣсь остался пасторомъ Екатерининской церкви въ Петербургѣ. Отецъ братьевъ Гротъ, 14 лѣтъ отъ роду, былъ избранъ въ число тѣхъ молодыхъ людей, которые были призываемы ко двору для практическаго упражненія в. кн. Александра и Константина Павловичей въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что, послѣ ранней смерти отца, чиновника министерства финансовъ, Константинъ Карловичъ

былъ принятъ въ Александровскій Царскосельскій пансіонъ, а затѣмъ и въ лицей, который онъ окончилъ по первому разряду въ 1835 г. Вся жизнь его—типичная бюрократическая карьера, довольно блестящая, особенно, если принять во вниманіе, что онъ обязанъ былъ всѣмъ—своимъ силамъ и способностямъ. Но она интересна и для насъ вслѣдствіе того направленія, котораго представителемъ онъ являлся всю жизнь, и тѣхъ качествъ, которыя онъ проявилъ при этомъ. Сперва секретарь при президентѣ гофъ-интендантской конторы гр. Кутайсовъ, онъ перешелъ съ послѣднимъ въ новообразованное министерство гос. имуществъ. Въ 1845 г. ему удалось перейти въ хозяйственный департаментъ мин. вн. дѣлъ, вице-директоромъ котораго былъ Н. А. Милютинъ. Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій Гротъ совершилъ безконечное число путешествій по Россіи для ревизіи учреждений, подвѣдомственныхъ департаменту. Это дало ему знаніе Россіи и ея административнаго устройства. Еще важнѣе оказалось для него то, что съ этого момента завязались у него связи съ тѣмъ кружкомъ сторонниковъ демократическаго цезаризма, который въ бюрократическихъ кругахъ называли въ концѣ 50-хъ гг. кружкомъ «константиновцевъ» и который группировался вокругъ в. к. Константина Николаевича и в. к. Елены Павловны. Друзьями Грота стали: Д. А. и Н. А. Милютины, баронесса Э. Ф. Раденъ, А. В. Головинъ и др., а также К. Д. Кавелинъ, В. А. Арцимовичъ, Ю. О. Самаринъ, Гр. Гр. Даниловичъ, М. М. Стасюлевичъ и др. Представителемъ либеральной бюрократіи и консервативно-либеральныхъ общественныхъ началъ и былъ К. К. Гротъ всю свою жизнь. Онъ былъ организаторомъ ремесленнаго и мѣщанскаго сословныхъ управленій при петербургской гор. думѣ.

Въ 1853 г., 38 л. отъ роду, Гротъ былъ назначенъ самарскимъ губернаторомъ. Дѣятельность его на этомъ посту, продолжавшаяся до 1861 г., навлекла на него ненависть двухъ крупнѣйшихъ силъ старой Россіи—дворянства и откупщиковъ. Первое ненавидѣло его, какъ сторонника освобожденія крестьянъ, какъ человѣка, который предавалъ гласности примѣры помѣщичьяго самовластия и жестокости. Вторые почувствовали въ немъ врага еще болѣе серьезнаго. Ибо, именно, К. К. Гротъ провелъ вскорѣ уничтоженіе откуповъ въ Россіи (1862 г.), борьбу съ которыми, на почвѣ законности, онъ началъ еще губернаторомъ. Его обликъ хорошо обрисовываетъ то обстоятельство, что онъ назначилъ членомъ отъ правительства въ самарскомъ крестьянскомъ комитетѣ Ю. О. Самарина, состоявшаго подъ надзоромъ полиціи. Не менѣе характерны и замѣчанія его по поводу борьбы съ рас-

коломъ (въ отчетѣ за 1857 г.), гдѣ онъ распространіе раскола приписывалъ, главнымъ образомъ, «корыстолюбію, недостойному образу дѣйствій и нуждѣ сельскаго духовенства», замѣчая при этомъ, что «духовныя лица остались при прежней системѣ безусловнаго притѣсненія раскола и дѣйствуютъ на нихъ попрежнему страхомъ наказанія и угрозами»...

Призванный въ комиссію Гос. Совѣта подъ предсѣдательствомъ Заблоцкаго-Десятовскаго о замѣнѣ откупной системы акцизомъ, К. К. сталъ директоромъ департамента податей и сборовъ въ министерствѣ финансовъ. Онъ создалъ и провелъ въ жизнь (1862) новую систему, несмотря на то, что ему пришлось столкнуться съ могущественными врагами. Довольно напомнить, что ему сочли возможнымъ предложить взятку въ 1.000.000 рублей за отказъ отъ борьбы, что въ этой борьбѣ ему удалось побѣдить министра финансовъ Княжевича, которому пришлось уйти. Чтобы оцѣнить значеніе реформы, имъ проведенной, довольно напомнить, что откупа существовали почти непрерывно полтора столѣтія; что—при 75 милл. всего населенія—откупщикамъ служила армія въ 280.000 чел. служащихъ; что доходы откупщиковъ превышали (ежегодно) 600 милліоновъ, а государственный бюджетъ былъ равенъ лишь 308 милліонамъ; что вся администрація сверху донизу была тоже «на откупѣ» у откупщиковъ; что Россія была размежевана на владѣтельные герцогства, вотчины откупщиковъ съ особою откупною, «корчемною» стражей, которая досматривала «щупами» багажъ ѣдущихъ, подбрасывала вино, дѣлала обыски и т. д. Питейныя конторы были серьезнѣйшими конкурентами государственной власти на мѣстахъ. Борьба съ пьянствомъ подавлялась мѣрами строгости во имя благоденствія откупщиковъ. Что откупъ былъ невыгоденъ казнѣ, видно изъ того, что за восемь лѣтъ управленія Гротомъ неокладными сборами казна получила 1.300.000.000 руб. сверхъ того, что могло бы быть получено при откупной системѣ. Намъ интересуется, конечно, то обстоятельство, что система акциза болѣе соответствовала раскрѣпощаемой Россіи, нежели откупа, тѣсно связанные съ крѣпостническимъ строемъ. Ударъ по карману, ударъ политическому и общественному вліянію заинтересованныхъ группъ былъ слишкомъ великъ, чтобы это прошло даромъ Гроту. Обвиненіе въ неблагонадежности было выдвинуто и противъ Грота, и противъ дѣятелей акцизнаго вѣдомства, и противъ чиновъ министерства финансовъ вообще. У императора Александра II уже тогда сложилось представленіе о неблагонадежности всего финансоваго вѣдомства. Однако, несмотря на то, что вице-директоръ департамента, Іосафатъ Огризко,

былъ сосланъ на 20 л. въ каторгу за его причастность къ польскому возстанію, самъ Гротъ сохранилъ довѣріе настолько, что въ 1864 г. временное управленіе министерствомъ было поручено ему, а не товарищу министра. Борьба съ независимостью акцизныхъ чиновниковъ выливалась и въ комическія формы: вспомнили о § 71 ст. 945 Уст. о службѣ и потребовали, чтобы всѣ акцизные сбрили бороду и усы. Требованіе это удалось таки осуществить въ 1869 г., уже послѣ ухода Грота съ поста директора. Не менѣе характерно для російскаго государственнаго быта и другое обстоятельство, связанное съ именемъ Грота: отмѣна запрещенія курить на улицахъ, проведенная имъ съ цѣлью увеличенія табачнаго акциза вопреки правительственнымъ опасеніямъ, что это потрясетъ дисциплину. Съ 1870 г. К. К. Гротъ былъ членомъ Госуд. Совѣта, при чемъ выступалъ противникомъ классической системы гр. Д. А. Толстого, защитникомъ немедленнаго осуществленія городской реформы, которую нѣкоторые пытались оттянуть до проведенія административной реформы вообще. Въ 1887 г. онъ энергично возражалъ противъ налога на заграничные паспорта, отмѣчая «карательный» характеръ этой мѣры.

Заинтересовавшись тюремнымъ дѣломъ, онъ выработалъ ту систему организаціи, которая была принята впоследствии; въ 1878 г. онъ былъ представителемъ Россіи и почетнымъ председателемъ тюремнаго конгресса въ Стокгольмѣ. При Лорисъ-Меликовѣ онъ сталъ, на правахъ министра, завѣдывающимъ тюремнымъ дѣломъ, но при Игнатьевѣ (1882) долженъ былъ уйти. Историкъ революціоннаго движенія съ интересомъ прочтетъ о посѣщеніи имъ Дома предварительнаго заключенія въ эпоху процесса 193-хъ и харьковскихъ «централовъ» (с. 266—275). Съ 1882 по 1884 г. онъ стоялъ во главѣ Вѣдомства учреждений Имп. Маріи, пытаясь внести порядокъ въ патріархальный и затхлый міръ этого конгломерата учреждений. Съ 1881 по 1895 г. онъ былъ представителемъ Совѣта попечительствъ о слѣпыхъ, создавши это благое дѣло. Авторы очерковъ, скрывшіе себя подъ инициалами, дали интересные матеріалы для его біографіи, но, видимо, обо многомъ они не рѣшились сказать, ссылаясь на то, что «слишкомъ остро еще чувствуются нѣкоторыя событія, въ которыхъ принималъ участіе» покойный.

Наиболѣе интересенъ I-й томъ, съ автобіографіей, дневникомъ 1847 г. (кое-какія данныя о бытѣ дореформенной Россіи и др.). Второй томъ посвященъ исключительно дѣятельности К. К. по оказанію помощи слѣпымъ. Издатели сдѣлали хорошее дѣло, выпустивши свой трудъ. Среди авторовъ отмѣтимъ А. Ѳ. Ко-

ни, К. Я. Грота, Я. Н. Колубовскаго, К. О. Лагуновичъ, К. А. Карафа-Корбуть.

Сергій Сватиковъ.

Временникъ Пушкинскаго Дома. 1914. Петроградъ, 1915, стр. X+139.

На страницахъ «Голоса Минувшаго» намъ уже приходилось отмѣчать первый выпускъ «Временника Пушкинскаго Дома» и оцѣнивать культурное значеніе этого учрежденія. Теперь передъ нами второй выпускъ «Временника», и знакомство съ нимъ еще больше укрѣпляетъ сочувствіе къ Дому Пушкина и къ этому изданію. Коллекціи автографовъ, документовъ и другихъ достопамятностей въ музеѣ все растутъ, а параллельно съ этимъ обогащается и содержаніе «Временника». Въ этомъ отношеніи второй выпускъ существенно отличается отъ перваго. Администрація дома, во главѣ съ акад. Н. А. Котляревскимъ и неутомимымъ пушкинистомъ Б. Л. Модзалевскимъ, рѣшила печатать во «Временникѣ» серіи тѣхъ документовъ, которые хранятся въ Домѣ. Во второмъ выпускѣ мы встрѣчаемъ цѣнную коллекцію писемъ Гончарова, съ обстоятельными примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго, важное біографическое письмо Гоголя къ императору Николаю I, съ примѣчаніями М. Л. Гофмана, записочка того же Гоголя къ Погодину, съ примѣчаніями Е. П. Казановичъ. Въ официальномъ отдѣлѣ напечатаны: списки жертвователей, описаніе рукописей, принадлежащихъ Дому (Б. Л. Модзалевскаго), дополненія къ описанію архива Добролюбова (В. Н. Княжнина). Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ Пушкина и указатель именъ.

Такимъ образомъ, «Временникъ» является не только формальнымъ отчетомъ, но и сборникомъ важныхъ литературныхъ матеріаловъ.

Н. Пиксановъ.

Проф. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное изданіе. Т. I (вып. 1—3). Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки (Ааронъ—Куликовъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Петроградъ. 1915. LXIX+436 стр. Ц. 6 руб.

Новую книгу С. А. Венгерова приходится разсматривать не отдѣльно, а въ связи съ цѣлымъ кругомъ другихъ предпріятій неутомимаго собирателя. На этомъ настаиваетъ самъ ея составитель въ своихъ весьма любопытныхъ вводныхъ статьяхъ; этого требуетъ и существо дѣла. Около тридцати лѣтъ тому назадъ

С. А. Венгеровъ задался цѣлью выполнить грандіозный планъ регистраціи всѣхъ русскихъ книгъ и писателей. Для осуществленія этой цѣли имъ былъ собранъ огромный литературный архивъ, описанію коего и посвящены упомянутыя вводныя статьи разбираемой книги. Въ составъ этого архива входитъ, прежде всего, собраніе *автобіографій* русскихъ писателей. Путемъ личныхъ сношеній, обращеній въ печати, случайныхъ полученій С. А. Венгерову удалось собрать до 3500 автобіографическихъ записокъ; среди нихъ имѣются обширныя рукописи, въ 40—50 страницъ, и если бы напечатать только этотъ матеріалъ, потребовалось бы пятнадцать томовъ по 500 страницъ каждый. Вторую группу матеріаловъ составляютъ *автографы* литературныхъ произведеній, которыхъ насчитывается до двухъ тысячъ номеровъ. Затѣмъ идутъ *письма* русскихъ писателей, въ количествѣ до 30 тысячъ. Особую коллекцію составляютъ *портреты и иллюстраціи* къ сочиненіямъ писателей; это «иконографическое собраніе» опредѣляется въ 30—35 тысячъ номеровъ. Но главную массу матеріаловъ литературнаго архива образуютъ библиографическія записи или «*картотека*», какъ называетъ это собраніе самъ С. А. Венгеровъ. Количество собранныхъ за тридцать лѣтъ библиографическихъ карточекъ и газетныхъ вырѣзокъ теперь, по приблизительному подсчету, равно почти двумъ милліонамъ. Здѣсь же надо прибавить, что къ литературному архиву С. А. Венгерова примыкаетъ его обширная библіотека, вмѣщающая до 20 тысячъ томовъ, среди коихъ не мало рѣдкостей и экземпляровъ съ автографами; въ библіотекѣ же хранится прекрасная коллекція фотографій съ рукописей Пушкина, въ своемъ родѣ единственная въ Россіи. Надъ собираніемъ всѣхъ этихъ цѣнныхъ матеріаловъ трудился не только самъ собственникъ архива, но и множество его помощниковъ, которыхъ онъ всегда умѣлъ привлекать къ дѣлу; за эти три десятка лѣтъ ихъ смѣнилось до 75 человекъ. Поэтому правъ С. А. Венгеровъ, когда говоритъ, что «такое собраніе, собственно, уже теряетъ характеръ частной коллекціи и превращается въ учрежденіе». Многіе специалисты по исторіи русской литературы и просвѣщенія обращались и обращаются къ венгеровскому архиву за справками и матеріалами, какъ въ любой изъ архивовъ общественныхъ. Разумѣется, этотъ архивъ не первый и не единственный въ Россіи; аналогично ему было собраніе П. А. Ефремова, равно какъ и нѣкоторыя другія частныя собранія; имѣются коллекціи болѣе цѣнныя по богатству автографовъ или строгости подбора и систематичности, но по своему объему собраніе С. А. Венгерова—единственное. И если бы онъ только собралъ то, о чемъ

говорилось выше, заслуга была бы велика. Но С. А. Венгеровъ придавалъ своему архиву всегда значеніе служебное, какъ средству для осуществленія другихъ предпріятій.

Опираясь на собранные матеріалы, онъ послѣдовательно предпринялъ три изданія: «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» (шесть томовъ, 1886—1904), «Русскія книги—съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ» (1896—1898, три тома) и «Источники словаря русскихъ писателей» (три тома, 1900—1914). Всѣ эти своды хорошо извѣстны широкому кругу изслѣдователей и любителей русской словесности; ихъ высокая полезность внѣ всякаго сомнѣнія, хотя ни одинъ изъ нихъ и не былъ до сихъ поръ доведенъ до конца. Теперь энергичный изслѣдователь предпринимаетъ новое изданіе. Оно тѣсно связано съ прежнимъ «Критико-біографическимъ словаремъ», который оборвался на первыхъ буквахъ,—но является совершенной переработкой прежняго, на основѣ тѣхъ новыхъ огромныхъ матеріаловъ, которые накопились въ венгеровскомъ архивѣ за послѣдніе годы. Матеріалъ такъ великъ, что прежде самого словаря понадобилось выпустить «Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ» съ первыми справками о нихъ. И вотъ яркія цифры, свидѣтельствующія о ростѣ біо-бібліографическихъ свѣдѣній: въ первомъ изданіи «Критико-біографическаго словаря» предполагалось умѣстить отъ *Аарона* до *Куликова* около 6000 именъ; въ «Источникахъ словаря» ихъ уже было 15735, а въ «Предварительномъ спискѣ»—32831. Конечно, такой огромный приростъ объясняется прежде всего чрезвычайнымъ внѣшнимъ ростомъ русской литературной производительности; но сказались здѣсь и результаты новыхъ усилій редактора и его сотрудниковъ. И если венгеровскій архивъ самъ по себѣ имѣетъ общественное значеніе, то начатое новое изданіе словаря писателей—тѣмъ болѣе. Всякій культурный русскій чловѣкъ пожелалъ бы ему счастливаго завершенія. Но и самъ редакторъ не скрываетъ отъ себя огромныхъ трудностей дѣла. Онъ вызываетъ ко всѣмъ причастнымъ къ литературѣ—о дополненіяхъ и исправленіяхъ къ публикуемому «Предварительному списку» и хотѣлъ бы создать для своего словаря «друзей и покровителей», которые обезпечили бы ему прочное будущее. Нижеслѣдующія замѣчанія являются откликомъ на эти пожеланія.

Для успѣшности дѣла важно опредѣлить степень его осуществимости. Въ этомъ отношеніи поучителенъ прежній опытъ С. А. Венгерова. И «Русскія книги», и «Критико-біографическій словарь» оборвался на первыхъ буквахъ потому, что ихъ составитель задался неосуществимыми цѣлями. Онъ самъ указываетъ,

что по своему размаху «Русскія книги» «занимаютъ совершенно изолированное мѣсто въ ряду европейскихъ библиографій, всегда ограничивающихся самыми элементарными данными»; въ «Словарѣ» же (перваго изданія) онъ «увлекся критическою частью своей задачи и вмѣсто сжатыхъ справокъ словарнаго типа сталъ давать статьи очень большія, подчасъ принимавшія характеръ настоящихъ монографій». Статья о Конст. Аксаковѣ, напр., заняла 120 страницъ. Явно, что дѣло должно было тогда потерпѣть крахъ. Важно было бы знать, какія задачи и границы ставятся новому словарю. Къ сожалѣнію, въ своемъ введеніи къ первому тому С. А. Венгеровъ не даетъ точно разработаннаго плана и смѣтъ предпріятія; мы узнаемъ только, что по его расчету изданіе возьметъ не менѣе 12-ти лѣтъ работы. Приходится судить о будущемъ только по первому тому «Предварительнаго списка», гдѣ, по замыслу, должны даваться только «первыя справки» о писателяхъ, а именно: фамилія, имя, отчество, родъ литературной дѣятельности, день и мѣсто рожденія и смерти, общественное положеніе. И вотъ простой подсчетъ показываетъ, что если для предварительнаго списка требуется три огромныхъ тома, то критико-біографическій словарь займетъ 40—50 томовъ, значитъ, будетъ стоить рублей 250—300. При наличности «Русскаго Біографическаго Словаря», «Новаго Энциклопедическаго Словаря» и другихъ подобныхъ изданій, куда біографіи русскихъ писателей входятъ непремѣнной составной частью, очевидно, что нашъ, да и всякій книжный рынокъ не выдержитъ такого грандіознаго предпріятія. При всемъ сочувствіи къ нему и къ его инициатору, надо сказать это прямо. Тѣмъ большее значеніе предаемъ мы «Предварительному списку», осуществимость коего внѣ всякаго сомнѣнія. Въ ближайшія десятилѣтія его изданіе едва ли повторится, поэтому онъ долженъ быть составленъ какъ можно тщательнѣе. Въ «Спискѣ», однако, имѣются пробѣлы, нежелательные въ такомъ изданіи. Редакція, напримѣръ, ввела въ алфавитъ нѣкоторые псевдонимы писателей, и это, конечно, очень полезно: читатель часто и не подозреваетъ, что извѣстная фамилія—просто вымышленный псевдонимъ, а единственный словарь псевдонимовъ русскихъ писателей (Карцева и Мазаева) страшно устарѣлъ. Но предстояло одно изъ двухъ: или совсѣмъ игнорировать псевдонимы (фамильные, конечно), или вводить ихъ съ исчерпывающей полнотой. Редакція поступила нерѣшительно: нѣкоторые псевдонимы ввела, большинство же осталось внѣ «Списка». Можно догадываться, что въ редакціи «Словаря» и «Списка» задача разработки русскихъ псевдонимовъ даже

не была поставлена со всею отчетливостью; объ этомъ свидѣтельствуютъ ошибки «Списка». На стр. 143 читаемъ: «Волжинъ, Борисъ, беллетристъ 30 гг.»—но, вѣдь, это псевдонимъ В. П. Бурнашева; на стр. 242: «Дикобразовъ, Тома, напечаталъ «Литературное завѣщаніе» (Спб. 1871)—это псевдонимъ Д. В. Аверкіева. Свѣрка «Списка» съ новыми специальными и провинціальными словарями писателей, повидимому, тоже не была проведена систематически; объ этомъ говорятъ многочисленныя пробѣлы. При бѣгломъ пересмотрѣ только одной буквы *К* мы могли отмѣтить слѣдующіе пропуски: Кажецкій, А. Ф., сотрудникъ «Нижегород. Земск. Газеты»; Калугинъ, В. Д., морской писатель; Капраловъ, Н. М., сотрудникъ педагогическихъ журналовъ; Кесаревъ, Е. В., духовный писатель; Корзинщиковъ, А. С.; Косачъ, Ольга Петровна (Олена Пчилка), извѣстная украинская писательница; Костырко-Стоцкій, Н. П., авторъ статей по физикѣ и математикѣ; Кочура, М. Н. (псевдонимъ—Михайло Одинокій), поэтъ и журналистъ; Красносамарскій, В. И., духовный писатель; Кукаркинъ, В. В., писатель по педагогич. вопросамъ; Куликовъ, А. Д., крестьянинъ-поэтъ, —и друг. Конечно, подобные пропуски не ложатся всей отвѣтственностью на редактора; онъ самъ называетъ способъ заготовленія сырыхъ матеріаловъ для своего архива «кустарнымъ», при чемъ часто приходилось прибѣгать къ содѣйствію молодежи, которая тутъ же и подучивалась пріемамъ библіографіи. За недостаткомъ мѣста не указываемъ здѣсь многихъ случайныхъ ошибокъ (напр., раздвоеніе одного и того же писателя).

Но сколько бы промаховъ не было, они никакъ не уменьшаютъ цѣнности новаго изданія и заслуги его организатора. Если бы предпріятіе завершилось, а мы горячо этого желаемъ, это было бы большимъ завоеваніемъ русской словесности.

Н. Пиксановъ.

Императорская Санктпетербургская Академія Художествъ. 1764—1914. Юбилейный справочникъ Имп. Ак. Худ. Составилъ С. Н. Кондаковъ. I. Часть историческая. Стр. IV+351+1; II. Часть біографическая. Списокъ русск. художниковъ. Составилъ С. Н. Кондаковъ. Стр. III+454+4 нenum. Со многими илл. въ текстѣ и на отд. листахъ.

Война помѣшала осуществленію многихъ плановъ, связанныхъ съ 1914—15 гг., въ томъ числѣ и юбилею полуторастолѣтняго существованія Академіи Художествъ. Предполагалось выпустить большую, въ нѣсколько томовъ, исторію Академіи съ участіемъ цѣлаго ряда историковъ искусства; говорили объ академикѣ Н. П. Кондаковѣ, бар. Н. Н. Врангелѣ и др. Объ

этой работѣ теперь, быть можетъ только до окончанія войны, ничего не слышно. Названное выше изданіе вышло въ роскошномъ видѣ на слоновой бумагѣ съ массой иллюстрацій, какъ «юбилейный справочникъ». Это названіе, по справедливости, должно быть приложено ко всему II-му и къ большей части I-го тома. Второй томъ посвященъ «списку русскихъ художниковъ», съ тою оговоркой, что здѣсь даны краткія біографическія свѣдѣнія о бывшихъ воспитанникахъ Академіи, притомъ, преимущественно, тѣ данныя о жизни и дѣятельности ихъ, которыя имѣютъ соприкосновеніе съ Академіей (о времени пребыванія въ Академіи, о полученныхъ художникомъ званіяхъ и наградахъ, о работахъ, отмѣченныхъ Академіей, и т. п.). Нельзя, конечно, удовлетвориться этими официальными данными, извлеченными изъ архива Академіи, но все же должно признать большую цѣнность труда С. Н. Кондакова и въ этомъ видѣ, ибо на протяженіи около 500 страницъ мелкаго шрифта имъ сообщены краткія біографическія свѣдѣнія о многихъ сотняхъ русскихъ художниковъ, имѣвшихъ то или иное соприкосновеніе съ Академіей. Цѣнность труда и въ томъ, что использованъ и переработанъ громадный архивный матеріалъ, и въ томъ, что дана канва грядущаго словаря всѣхъ русскихъ художниковъ. Впрочемъ, нужно добавить, что въ списокъ включены и тѣ изъ постороннихъ Академіи лицъ, которыя, работая самостоятельно въ той или другой области искусствъ, были удостоиваемы Академіей награжденія медалями или академическими званіями. Академія наша, какъ извѣстно, не всегда удостоивала тѣхъ, кого бы слѣдовало, своими званіями и наградами, и, такимъ образомъ, внѣ списка оказываются многіе русскіе художники. Но, все же, повторяю, въ предѣлахъ, официально поставленныхъ академическому біографу, онъ отлично исполнилъ свою задачу, и не его вина, что списокъ суховатъ. Во всякомъ случаѣ, это—богатый вкладъ въ литературу біографическихъ словарей.

Первый томъ разнообразіе по содержанію и, помимо краткаго историческаго очерка Академіи, даетъ справочный матеріалъ: 1) объ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Академіи (высш. худож. училищѣ, мстинской дачѣ), инструкціяхъ и правилахъ и т. п.; 2) о привилегіяхъ, уставахъ и штатахъ Академіи; 3) о художественныхъ училищахъ и т. п., находящихся въ вѣдѣніи Академіи; 4) объ учрежденіяхъ, съ которыми Академія входитъ въ сношенія вслѣдствіе общности задачъ или по возложенной на нихъ уставами обязанности обращаться къ ея содѣйствію; 5) о личномъ составѣ Академіи въ настоящемъ (1914) и въ прошломъ (1764—1914). Для насъ интересно, конечно, не всѣ эти

штаты, правила и инструкции, а историческій очеркъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ въ прошломъ. И здѣсь нельзя не назвать цѣнными официальныя данныя о разныхъ художественныхъ дѣятеляхъ прошлаго и современности. Нѣкоторыя данныя очень кратки, но выразительны. Напр. почетный членъ *Дюваль*—«ишпанскій первый министр» (съ 1763 г.), или же *Лаливъ*—«французскаго двора предводитель посольства» (съ 1766 г.). Историческій очеркъ, къ сожалѣнію, очень кратокъ, написанъ на основаніи, преимущественно, извѣстныхъ «Матеріаловъ для исторіи Ак. Худ.» Петрова, и посвященъ официальной исторіи Академіи и ея президентовъ. Даже въ этомъ краткомъ очеркѣ для справочника можно было бы дать болѣе цѣнный матеріалъ. Впрочемъ, весь большой трудъ, вложенный С. Н. Кондаковымъ въ разработку біографическихъ данныхъ о многихъ сотняхъ лицъ, прикосновенныхъ къ Академіи за 150 лѣтъ, дѣлаетъ его работу цѣннымъ справочнымъ матеріаломъ, къ которому придется постоянно обращаться и историкамъ русскаго искусства, и біографамъ отдѣльныхъ лицъ. *Сергій Сватиковъ.*

Г. Бѣмеръ. Иезуиты. Со введеніемъ и примѣчаніями Г. Моно. Перев. Н. Попова. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 456+VII.

Книга Бѣмера содержитъ исторію «Общества Іисуса» отъ его возникновенія и до XIX вѣка включительно. Быть можетъ, впервые дѣлается попытка объективно изучить тему, до сихъ поръ вызывавшую страстное отношеніе друзей и враговъ, породившую уже обширную литературу. Во всеоружіи обширнаго фактическаго матеріала, подвергаемаго критическому анализу, Г. Бѣмеръ изучаетъ біографію основателя ордена Иниго Лойолы, его обращеніе, призваніе учениковъ, анализируетъ его идеалы. Кратко, но основательно разобраны организація ордена и его конституціи. Съ особенной подробностью выясняется постепенное возвышеніе ордена и его миссіонерская дѣятельность въ Европѣ и внѣ ея. Послѣ того авторъ подводитъ итогъ, даетъ общую оцѣнку организаціи ордена въ періодъ его наибольшаго могущества и заключаетъ краткимъ очеркомъ упадка ордена въ XVIII вѣкѣ, его вырожденія, реорганизаціи и дѣятельности въ XIX вѣкѣ.

Строго-научный характеръ отличаетъ книгу на всемъ ея протяженіи, но нельзя не отмѣтить, что исторія первыхъ двухъ вѣковъ существованія ордена занимаетъ больше мѣста, чѣмъ исторія его въ XVIII и XIX вѣкахъ. Послѣднія главы крайне суммарны и менѣе объективны. Авторъ многое оставляетъ въ сто-

ронѣ: не говорить, напр., объ оппозиціи іезуитизму въ нѣдрахъ самой церкви и не дооцѣниваетъ исходъ культуркампфа въ Германіи. Книгѣ предшествуетъ обширное введеніе, принадлежащее перу, нынѣ покойнаго, крупнаго французскаго историка Габріеля Моно. Съ рѣдкимъ безпристрастіемъ Моно вводитъ читателя въ полный противорѣчій и яростной полемики вопросъ о научной трактовкѣ исторіи ордена. Искусной критикой положеній Мишле и Кине, мѣткимъ анализомъ памфлетной литературы, объективной оцѣнкой казуистики и морали іезуитовъ, ихъ пресловутой приспособляемости къ конфуціанству и браманизму—Моно во многомъ пополняетъ выводы Бёмера.

Солідная библиографія, приложенная къ книгѣ, сопровождается иногда краткой критической оцѣнкой.

Очень полезны также примѣчанія французскаго изданія, принадлежащія перу того же Моно.

Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ; досадные промахи (напр. 5 стр., 9—10 строки снизу) встрѣчаются рѣдко. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить неправильный переводъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, напр.: «Ленець»—вмѣсто «Лайнесъ»; «Рикки»—вм. «Риччи»; «Гиргенти»—вм. «Джирдженти»; «Пазмани»—вм. «Пацмани»; «Огильбэй»—вм. «Оджильбей», «Гезу»—вм. «Джезу»; «Носіи у Гибсона»—вм. «Исуса Навина у Гаваона» etc.

А. Васютинскій.

Судьба одной дворянской семьи во время террора. Записки А. дес-Ешероль. Съ введеніемъ В. И. Герье. Перев. съ франц. Е. И. Герье. М. 1914. Стр. 272.

Грустное дѣтство, развалъ семьи, бѣгство отца и братьевъ; смерть на гильотинѣ любимой тетки, лишенія во время скитальческой сиротской жизни и спокойное мѣсто воспитательницы при Вюртембергскомъ дворѣ подъ старость...—такова исторія жизни Александрины дес-Ешероль. Но судьба вдвинула эту жизнь въ мрачную эпоху террора, и маленькая дѣвочка близко отъ себя чувствовала дыханіе революціи. Позже она составила для своей племянницы воспоминанія, въ которыхъ живо описала все пережитое. Самое происхожденіе дѣвицы дес-Ешероль, обстоятельства жизни ея близкихъ и послѣдующая ея жизнь въ придворныхъ сферахъ—все это вмѣстѣ опредѣлило субъективный характеръ ея мемуаровъ, которые имѣютъ интересъ преимущественно бытовой и даютъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики житейской, будничной стороны террора. Явная предубѣжден-

ность автора записокъ заставляетъ съ большою осторожностью относиться къ фактамъ, имъ собираемымъ, тѣмъ болѣе, что, по собственнымъ словамъ дѣвицы des-Ешероль, ей «едва исполнилось въ то время 14 лѣтъ» и она «не понимала еще всей важности событій». Мрачное и свѣтлое чередуются въ изображеніи автора, несмотря на видимую враждебность къ «революціонному бѣсу» (стр. 80). И при всемъ желаніи выдѣлить исключительно мрачную сторону террора, какъ этого хотѣлъ бы ученый авторъ предисловія, выявляется и человѣчное отношеніе даже у тѣхъ, кого мемуаристка опредѣляетъ, какъ революціонныхъ злодѣевъ. При строгомъ критическомъ разборѣ, можно выдѣлить нѣсколько фактовъ, пригодныхъ для иллюстраціи общественнаго настроенія въ эпоху революціи.

Переводъ прекрасный: книга выходитъ вторымъ изданіемъ.

А. Васютинскій.

Г. Гунгеръ и Г. Ламеръ. Культура древняго Востока въ картинахъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. С. Сергѣева. Москва. Изд. «Фарось». Цѣна 1 р. 50 коп.

Довольно удачно подобранные составителями рисунки даютъ сравнительно полную и, главное, наглядную картину жизни древняго Востока. Поэтому, при дороговизнѣ большихъ атласовъ, книжка Гунгера и Ламера, которая содержитъ 193 рисунка, вполне можетъ служить пособіемъ при первыхъ шагахъ въ изученіи исторіи культуръ Египта, Вавилона и Ассиріи, Персіи и передней Азіи. Рисунки, какъ на это указываетъ также пояснительный текстъ, размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: А. Египетъ. I. Религія: а) храмы, б) божества, с) культъ. II. Государство: а) цари, б) война, с) управленіе, d) письмена. III. Частная жизнь: а) одежда, б) домъ, с) утварь, d) удовольствія, e) ремесла, f) смерть и гробница. В. Вавилонъ и Ассирія. I. Религія: а) божества, б) демоны, с) культъ, d) храмы. II. Государство: а) дворецъ, б) цари, с) охота, d) война. III. Частная жизнь: а) домъ, б) письмена, с) документы, утварь и украшенія, d) смерть и гробница. С. Культура Персіи и западной Передней Азіи. Къ сожалѣнію, нѣтъ полнаго единства въ выработкѣ двумя составителями плановъ отдѣльныхъ главъ и, очевидно, по этой же причинѣ нѣкоторые рисунки, по содержанію совершенно однохарактерные, попали въ разныхъ главахъ въ разные рубрики.

Текстъ весьма кратокъ и не даетъ обѣщаннаго въ витеватомъ вступленіи (Ламера). Это—главный недостатокъ книжки.

Впрочемъ, встрѣчаются также весьма досадныя опечатки: богиня Тоэрисъ (рис. 16) названа Терисъ, 30 династій Манеѳона (стр. 15) почему-то передѣланы въ 31, а Менесъ (стр. 14) величается «легендарнымъ царемъ Н. (sic!) Египта».

Ф. Баллодь.

Луи Гуртикъ. Франція. Всеобщая исторія искусствъ. Книгоиздательство «Проблемы Эстетики».

Книга Гуртика своимъ появленіемъ пополняетъ существенный пробѣлъ въ литературѣ по исторіи искусствъ. Несмотря на ту роль, которую суждено играть французскому искусству въ обще-европейскомъ, мы до сихъ поръ не имѣли самостоятельнаго и систематическаго обзора искусства Франціи въ его совокупности, въ его поступательномъ и непрерывномъ движеніи. Можетъ быть причина этого явленія объясняется тѣмъ, что французское искусство почти всегда было тѣсно связано съ жизнью и развитіемъ искусствъ остальной Западной Европы. Оно то захватываетъ гениемъ своей готики всѣ западно-европейскія страны, то вбираетъ въ себя извнѣ идеи и формы, идущія и съ сѣвера и съ юга, претворяетъ ихъ сообразно со своимъ вкусомъ, приспособляетъ для своихъ цѣлей, для новыхъ государственныхъ и общественныхъ формъ съ тѣмъ, чтобы черезъ два столѣтія вновь влиться широкою волною въ художественную жизнь Европы. Вслѣдствіе этого, «французское искусство не обнаруживаетъ того единства характера, которое такъ поражаетъ въ большинствѣ другихъ странъ. Въ Англіи, Германіи, Италіи, Голландіи, Испаніи искусство предстаетъ передъ нами, какъ созданіе одного племени и порой даже одного вѣка». Во Франціи же «исторія искусства обнимаетъ самые различные стили, одинаково самобытные... Оно отражало не столько неизмѣнный этнографическій типъ, сколько измѣчивыя формы общества. Если не всегда была французская «школа», то-есть большая семья художниковъ и извѣстнаго рода матерьяльное родство, основанное на общности пріемовъ, то всегда существовалъ французскій стиль, т.-е. духовное сходство произведеній, вдохновленныхъ однимъ и тѣмъ же коллективнымъ вкусомъ».

Гуртикъ отмѣчаетъ эти своеобразныя и оригинальныя черты французскаго художественнаго гения, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о переработкѣ имъ заимствованій извнѣ. По своимъ взглядамъ на задачи и значеніе исторіи искусствъ авторъ принадлежитъ къ направленію, которое признаетъ за нею самостоя-

тельное значеніе въ ряду другихъ историческихъ наукъ. Стоя на точкѣ зрѣнія самодовлѣющаго значенія не только искусства, но и его исторіи, онъ, въ противоположность Мутеру, съ большою осторожностью привлекаетъ вліянія внѣшнія или внутреннія, но входящаго—общественно-политическаго и литературнаго характера.

Придавая изложенію органическую цѣльность, эта точка зрѣнія требуетъ не только основательнаго знанія памятниковъ, умѣнія тонко ихъ анализировать, но и способности хорошо видѣть и чувствовать ихъ. Гуртикъ, можетъ быть, не вездѣ одинаковъ, но, несомнѣнно, обладаетъ этими качествами.—Несмотря на обширность и сложность предмета, несмотря на трудности сравнительно краткаго изложенія, оно всегда живо и интересно, особенно тамъ, гдѣ есть возможность въ одномъ очеркѣ охватить цѣлый періодъ, какъ, напр., глава, посвященная французской готикѣ. Характеристики и обобщенія сжаты, ясны и живы, отдѣльныя замѣчанія оригинальны, мысли эстетическаго характера всегда содержательны и интересны. Нѣсколько разбиваетъ стройность и цѣльность изложенія стремленіе автора дать не только картину послѣдовательной смѣны художественныхъ явленій и ихъ характерныхъ чертъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдѣлить въ нихъ участіе отдѣльных лицъ иногда съ индивидуальными особенностями. Отсюда большое сравнительно количество именъ, на долю которыхъ приходится иногда всего нѣсколько строкъ или даже словъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія характеристики, волею-неволею, обречены на сухость, но на ряду съ этимъ Гуртику удастся въ нѣсколькихъ строкахъ дать и вѣрную и образную характеристику (напримѣръ, характеристика Калло). Для болѣе или менѣе подготовленнаго читателя даже эти краткія характеристики могутъ быть очень цѣнны, приводя въ порядокъ разрозненные свѣдѣнія и воспоминанія, но читателю, обращающемуся впервые къ книгѣ Гуртика, какъ къ общему руководству, нужно внимательно слѣдить среди многихъ именъ и характеристикъ за основною мыслью автора и за главными теченіями, которыя хорошо намѣчены и освѣщены авторомъ. То, что современно намъ, вообще говоря, трудно поддается ретроспективному взгляду и включенію въ общую эволюцію; послѣднія же 4 десятилѣтія французскаго искусства, главнымъ образомъ живописи, періодъ широкихъ индивидуалистическихъ исканій въ области формъ, стиля и разрѣшенія декоративныхъ задачъ, представляютъ особыя трудности и по формальнымъ и по психологическимъ причинамъ. Поэтому страницы книги Гуртика, посвященные

этому періоду, уступаютъ предшествующимъ въ ясности и широтѣ положеній.

Несмотря на сжатость изложенія и мѣстами неизбежную конспективность, благодаря большому знанію предмета, живому отношенію къ нему, живости и ясности изложенія, книга Гуртика очень содержательна, читается легко, съ большимъ интересомъ и принадлежитъ къ лучшимъ книгамъ въ издательствѣ «Ars una—species mille». Это издательство задалось цѣлью снабжать образованную публику болѣе или менѣе популярными, но написанными серьезно и научно, руководствами по исторіи искусствъ и вопросамъ эстетики. Для этой цѣли были приглашены специалисты, большинство которыхъ пользуется заслуженною извѣстностью. Всѣ изданія выходятъ одновременно въ различныхъ европейскихъ странахъ. Въ Россіи переводъ изданій взяло на себя издательство «Проблемы эстетики». Переводъ «Эстетики» Гомона, изданный этимъ издательствомъ, исполненъ вполне хорошо; напротивъ, превосходно написанная книга Fromantain'a—«Les maîtres d'autrefois»—переведена совершенно неудачно; наконецъ, разбираемая книга Гуртика заслуживаетъ значительно лучшаго перевода. Мѣстами онъ неточенъ и даже ошибоченъ, измѣняя смыслъ настолько, что, даже при поверхностномъ знаніи предмета, эти ошибки бросаются въ глаза въ чтеніи, безъ свѣрки съ текстомъ. Такъ, напр., въ заключительныхъ строкахъ о неоклассицизмѣ (абзацъ 361 стр.) переводчикъ, видимо не представляя себѣ, о чемъ идетъ рѣчь, рѣшилъ «осмыслить» мѣсто по-своему и слово «aujourd'hui» передалъ «въ это время», и отъ этого этимъ «вольнымъ» переводомъ дѣйствительный смыслъ оказался совершенно искаженнымъ; между тѣмъ, мысль автора вполне ясна: хотя теперь (въ настоящее, а не во время Давида и его школы) малые мастера, въ родѣ Карла Верне и Буальи, возбуждаютъ, можетъ быть, больше интереса..., но «духъ революціи и имперіи живетъ все же въ творчествѣ Давида, а не въ произведеніяхъ Буальи»; и дальше слѣдуетъ, почему «въ это время» были властителями думъ, какъ разъ, Давидъ и его школа. Можно было бы отмѣтить невѣрную передачу и многихъ другихъ отдѣльныхъ выраженій и словъ, которая можетъ ввести читателя въ заблужденіе. Что касается рисунковъ, то они и во французскомъ изданіи могутъ имѣть значеніе главнымъ образомъ лишь, какъ напоминаніе, въ русскомъ же—нѣкоторыя клише совершенно неудовлетворяютъ даже и этой цѣли.

Е. Коршъ.

Изъ текущей литературы.

Древняя Русь въ новыхъ курсахъ.¹⁾

Одинъ за другимъ вышли въ послѣднее время курсы по древней русской исторіи двухъ представителей университетской науки — ректора харьковскаго университета Д. И. Багалъя и ректора московскаго университета М. К. Любавскаго. Несомнѣнно, въ подобныхъ курсахъ существуетъ дѣйствительная потребность. Достаточно вспомнить многочисленныя изданія «Лекцій» проф. С. Θ. Платонова, не говоря уже о необыкновенномъ успѣхѣ «Курса» проф. В. О. Ключевскаго. Но «Лекціи» С. Θ. Платонова все-таки лишь конспектъ, гдѣ вся исторія до конца XVI в. умѣщается на семи печатныхъ листахъ, а «Курсъ» В. О. Ключевскаго, при всей своей высокой талантливости, всего меньше подходитъ подъ категорію научнаго компендіума, такъ какъ авторъ останавливается лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ историческаго процесса этой эпохи и освѣщаетъ ихъ съ своеобразныхъ точекъ зрѣнія. Превосходные «Очерки русской культуры» П. Н. Миллюкова трактуютъ древнѣйшую эпоху лишь, какъ введеніе въ исторію великорусской жизни московскаго и имперскаго періода, не говоря о томъ, что вся внѣшняя политическая исторія остается внѣ ихъ плана. Съ этой точки зрѣнія появленіе курсовъ, подобныхъ нынѣшнимъ—вышедшимъ изъ-подъ руки опытныхъ изслѣдователей-преподавателей, конечно, можно только приветствовать. Въ особенности въ настоящее время. Въ дисциплинахъ, объединяющихся этимъ условнымъ названіемъ «древней русской исторіи», происходитъ весьма интересный и сложный внутренній процессъ. Расширяются рамки, открываются новые просвѣты и перспективы, происходитъ переоцѣнка старыхъ цѣнностей, устанавливаются новые отправные пункты, новыя точки зрѣнія. Все это совершается медленно, постепенно, понемногу пробиваясь въ старыя сложившіяся схемы университетскаго и школьнаго преподаванія. Университетскіе курсы, подобные упомянутымъ, служатъ не только интереснымъ показателемъ совершающейся эволюціи, но и облегчаютъ ее, протариваютъ ей дорогу, независимо даже отъ того, насколько они оказываются удачными. Даже отрицательныя стороны, самыя неудачи той или другой попытки

¹⁾ Д. И. Багалъй, заслуженный профессоръ. Русская исторія съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Пособіе къ лекціямъ высшей школы и руководство для учителей и самообразованія. Томъ 1-й. Княжеская Русь до Іоанна III. Москва, 1914. Стр. VIII+513. Цѣна 2 руб.

Проф. М. К. Любавскій. Лекція по древней русской исторіи до конца XVI вѣка. Москва, 1915, стр. IV+306+VI. Цѣна 2 р. 50 к.

приближаютъ къ осуществленію. цѣли—въ сжатой, убористой формѣ небольшого курса дать изложеніе весьма важной въ общественномъ и воспитательномъ смыслѣ дисциплины, соответствующее тѣмъ внутреннимъ измѣненіямъ, какія происходятъ въ ней,—не только новымъ результатамъ, но и новымъ теченіямъ научной мысли, еще не оформившимся, не кристаллизировавшимся окончательно.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ въ своей «Исторіи України-Руси», которой первые три тома были посвящены кіево-галицкому періоду (первый томъ вышелъ въ концѣ 1898 г.), я сдѣлалъ попытку расширить горизонты «древней русской исторіи», введя въ нее результаты и перспективы, открываемые археологіей и антропологіей, этнологіей и сравнительнымъ языкознаніемъ, съ другой стороны—сдвинуть ее съ мертвой точки лѣтописнаго канона, пользуясь результатами новой аналитической работы надъ лѣтописнымъ преданіемъ, начало которому положили замѣчательные труды ак. Шахматова, и другими научными результатами и матеріалами, не привлекавшимися раньше къ освѣщенію этой эпохи. Первый очеркъ этой работы я потомъ еще разъ переработалъ при новомъ изданіи, предпринятомъ въ 1904—5 гг. И мнѣ отрадно видѣть, что, несмотря на многообразныя препятствія, стоявшія на пути распространенія этой книги и ея идей, начиная съ необычнаго въ ученыхъ кругахъ украинскаго языка, на которомъ она была написана, и цензурнаго запрещенія, долго тяготѣвшаго на ней, и кончая специфическою атмосферою предубѣжденности, которою окружалась вообще украинская и въ частности моя научная дѣятельность,—онѣ все же, хотя медленно, иногда не прямыми, а окольными путями, изъ другихъ рукъ и безъ упоминанія моего имени, просачивались и просачиваются въ научную литературу и вносятъ, такъ сказать, мою каплю меда въ новыя соты обновляемой дисциплины. Съ другой стороны, то развитіе, которое получали въ трудахъ другихъ изслѣдователей принципы и положеніе, въ защиту которыхъ я выступалъ въ своемъ построеніи древнѣйшей эпохи, для меня самаго нерѣдко являлись чрезвычайно поучительными.

На обоихъ курсахъ, о которыхъ повелъ я рѣчь, новыя теченія исторической мысли отразились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходными, общими чертами, въ другихъ случаяхъ, конечно, преломились весьма различно, въ зависимости отъ направляющихъ собственныхъ занятій и интересовъ ихъ авторовъ. Проф. Багал'ѣй, напр., начавшій свою научную дѣятельность работами по древнѣйшей исторіи Кіевской Руси и позже занимавшійся археологіей Южной Россіи, хотя его историческія занятія передвинулись

въ позднѣйшую эпоху, XVII—XIX вѣка Слободской Украины,—особенно много вниманія въ своемъ курсѣ удѣлили археологiи; въ особенности археологiя классическая и скиѣско-сарматская, безусловно, заняла непропорціонально много мѣста въ его курсѣ, притомъ археологiя описательная—описанія раскопокъ, погребеній, найденныхъ предметовъ. (Вообще греческимъ колонiямъ Черноморья и скиѣскимъ древностямъ дано здѣсь слишкомъ много мѣста сравнительно съ тѣмъ значенiемъ, какое онѣ занимаютъ въ культурной эволюцiи восточно-славянскихъ племенъ,—даже сравнительно съ характеристикой культуры самихъ этихъ племенъ эпохи расселенiя и образованiя государства). Проф. Любавскiй, также включившiй въ свой курсъ обзоры первобытной и исторической культуры на территорiи позднѣйшаго славянскаго расселенiя и культурнаго состоянiя восточно-славянскихъ племенъ эпохи расселенiя, обошелся съ археологическимъ матеріаломъ гораздо экономнѣе; античной колонизацiи и культурѣ здѣсь, напротивъ, удѣлено даже слишкомъ много вниманiя по сравненiю съ скиѣско-сарматской. Наоборотъ, непроизводительно много посвящено вниманiя теорiямъ славянства скиѣовъ, сарматовъ и затѣмъ гунновъ; подробнаго разбора эти теорiи, давно сданныя въ архивъ, едва ли заслуживаютъ въ рамкахъ такого сравнительно небольшого курса. Скорѣе мы ожидали бы въ обоихъ курсахъ, гдѣ такъ много посвящается мѣста этому старому сожителству осѣдлаго и кочевого населенiя и влiянiя этого послѣдняго на славянскiя племена,—хотя краткаго упоминанiя о новой теорiи Пейскера. Какъ извѣстно, эта теорiя извѣчнаго тюрко-славянскаго симбиоза—порабощенiя осѣдлаго славянскаго населенiя кочевыми тюркскими и тюркизованными ордами, глубочайшимъ образомъ повлiявшаго на культурный и социальный бытъ славянства и исказившаго арiйскiя основы его жизни,—произвела сильнѣйшее впечатлѣнiе въ ученыхъ сферахъ и возбудила живѣйшую полемику. Я лично не считаю ее обоснованной (критикѣ ея я въ свое время посвятилъ довольно подробную статью въ львовскихъ «Запискахъ», т. 103), но она нашла немало сторонниковъ (между прочимъ ее раздѣлялъ и почившiй *Θ. Е. Коршъ*); и независимо отъ этого настолько остроумна и интересна, что на мой взглядъ гораздо больше заслуживаетъ того, чтобы на ней остановить вниманiе слушателя или читателя, чѣмъ, напр., теорiя славянства скиѣовъ.

Говоря объ этой послѣдней, слѣдовало, мнѣ кажется, сказать нѣсколько словъ и о теорiи славянства неvroвъ. Этотъ взглядъ раздѣляется и сейчасъ многими очень серьезными изслѣдователями и отнюдь не сланъ въ архивъ; онъ затрагиваетъ очень существенно

вопросъ о предѣлахъ скиѣскаго и (при его посредствѣ) античнаго вліянія на славянскія племена въ періодъ до расселенія и тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ этихъ вліяніяхъ, слѣдовало учесть и эту теорію.

Очень мало удѣлено мѣста въ обоихъ курсахъ готскому переселенію и готско-славянскимъ отношеніямъ. О движеніи готовъ къ Черному морю оба автора упоминаютъ въ нѣсколькихъ словахъ, а о Готскомъ государствѣ Германариха, борьбѣ готовъ съ гуннами и славянами не говорятъ вовсе. Я лично, опять-таки, очень критически отношусь къ готской легендѣ старыхъ и новыхъ временъ, къ толкованіямъ ея въ смыслѣ господства Германариха надъ восточной Европой, его столицѣ—Кіевѣ, и т. под. (см. мою Кіевскую Русь, § 77 и 78). Но отвергая эти поэтическія и ученыя украшенія едва ли можно пройти все это полнымъ молчаніемъ. Готско-славянскія отношенія, конечно, все еще не обслѣдованы достаточно. Но готско-славянскія культурныя и политическія взаимодѣйствія это несомнѣнный, реальный фактъ, который, вѣроятно, уяснить очень многое въ будущемъ въ культурной исторіи славянства вообще и въ особенности славянства восточнаго, и вводя кого-либо въ изученіе этой исторіи, нельзя обойти этого факта и открываемыхъ имъ перспективъ.

Къ лѣтописному преданію о началѣ Русскаго государства оба автора относятся болѣе или менѣе скептически; проф. Багалій—какъ умѣренный антинорманистъ, проф. Любавскій—какъ умѣренный норманистъ. Оба, на ряду съ изложеніемъ своихъ взглядовъ по этому вопросу, знакомятъ своихъ читателей съ исторіей этого вопроса и существующими воззрѣніями на него. Это, конечно, вполне умѣстно въ такомъ спорномъ и труднорѣшимомъ вопросѣ; но желательно, чтобы читатель былъ ознакомленъ опять-таки съ взглядами, имѣющими и посейчасъ научную цѣнность. Исторія вопроса отъ Байера и Ломоносова до Погодинско-Костомаровскаго диспута—это *plusquamperfectum*, въ такомъ небольшомъ курсѣ составляющій излишнюю роскошь. Совершенно достаточно начать съ 1860—70-хъ гг., съ Геденова, Иловайскаго, Томсена, Куника его послѣдняго періода («Наспій», «Извѣстія ал-Бекри»), оріенталистовъ, какъ Хвольсонъ, Гаркави—но зато ввести обязательно въ послѣднія стадіи развитія этого вопроса, связанныя съ именами Васильевскаго, Маркварта, Шахматова, представителей неонорманизма, какъ Вестбергъ, Браунъ, Тиандеръ и др. Но самое главное—чего не находимъ въ обоихъ новѣйшихъ курсахъ—необходимо выяснить слушателю или читателю положеніе вопроса о самой лѣтописной традиціи. Вѣдь въ этомъ существенное различіе между старшими поколѣніями изслѣдователей, принимавшими букву традиціи, и лишь

изоцрѣявшимися въ различныхъ толкованіяхъ ея, и новыми—уясняющими себѣ развитіе лѣтописныхъ теорій, комбинацію старыми книжниками сказаній и домысловъ, объяснявшихъ начало «Русской земли». Конечно, здѣсь далеко не все приведено въ ясность; но отношеніе къ лѣтописному тексту, его хронологіи, къ различнымъ редакціямъ у современнаго изслѣдователя во всякомъ случаѣ совершенно другое, чѣмъ было въ эпоху погодинскаго «Нестора», и это должно быть ясно читателю, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Уясненіе характера и происхожденіе лѣтописной традиціи существенно необходимо и для пониманія предлагаемой ею внѣшней исторіи кievской политической системы въ первые вѣка. Эта внѣшняя исторія, впрочемъ, въ обоихъ курсахъ сведена до минимума или и вовсе отсутствуетъ. У проф. Любавскаго прагматическое изложеніе дано только въ московскомъ періодѣ, предшествующій политическій процессъ весь расплывается въ изложеніи отдѣльныхъ сторонъ политико-общественной и культурной жизни. У проф. Багалѣя есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ княженіямъ и событіямъ X в. до Владиміра, затѣмъ рядъ очерковъ исторіи отдѣльныхъ земель-княжествъ. Но нѣтъ исторіи кievской политической системы, общаго политическаго процесса, въ которомъ развились и обособлялись постепенно отдѣльныя княжества-земли. А между тѣмъ многія явленія культурной и общественной жизни надлежащимъ образомъ уясняются только въ той исторической связи, въ которой они развиваются, встрѣчаясь и переплетаясь въ историческихъ узлахъ, создаваемыхъ эпохами. Съ Владиміровымъ крещеніемъ, на примѣръ, читатель этихъ курсовъ знакомится въ обзорѣ церковныхъ отношеній, и значеніе его въ исторіи христіанства на Руси ему будетъ ясно; но связь этого факта съ другими сторонами Владиміровой эпохи, его, напр., политическая подкладка; и значеніе въ общемъ комплексѣ измѣненій, сконцентрировавшихся въ этотъ знаменательный моментъ древнерусской жизни и сдѣлавшихъ его настоящей эпохой въ ея развитіи—останется для него невыясненнымъ. Уяснить эти измѣненія въ ихъ взаимной связи и совокупности можетъ лишь знакомство съ эпохой, какъ таковой.

Кстати, выясняя значеніе эпохи Владиміра Вел., по моему мнѣнію, слѣдовало бы ознакомить читателя и съ новою теоріею Геца. Конечно, его трудъ въ цѣломъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, какія возбудилъ первый томъ «Das russische Recht» смѣлымъ полетомъ мысли и тонкостью научнаго анализа—послѣдующіе томы чѣмъ дальше, тѣмъ меньше отличались этими качествами (см. мою критическую статью объ этой книгѣ, только теперь

вышедшую въ московскомъ украинскомъ изданіи «Науковий Збірник»). Но, во всякомъ случаѣ, его толкованіе лѣтописнаго текста о произведенной Владиміромъ реформѣ уголовныхъ взысканій, то значеніе, какое онъ придаетъ ей, какъ эпохѣ въ развитіи правовыхъ отношеній древней Руси, и то освѣщеніе, какое онъ придаетъ въ связи съ этимъ исторіи этихъ послѣднихъ, представляетъ значительный интересъ, и даже, не соглашаясь съ выводами, слѣдуетъ ознакомить съ ними читателя. Мнѣ кажется, что она представляетъ, во всякомъ случаѣ, больше интереса для нынѣшняго читателя, чѣмъ многіе взгляды, которые излагаютъ разсматриваемые курсы въ обзорахъ политическихъ и общественныхъ отношеній.

Изложеніе эволюціи общественнаго строя составляетъ наиболѣе сильную сторону курса проф. Любавскаго. Издавна специализировавшись въ области исторіи общественнаго строя и управленія вел. кн. Литовскаго, которой были посвящены его главные труды, проф. Любавскій и въ своемъ новомъ курсѣ съ особенною любовью обработалъ отдѣлы, посвященные общественной эволюціи—въ особенности періода удѣльнаго и московскаго. Зато внѣшнія событія излагаются имъ съ меньшимъ вниманіемъ, нежели въ курсѣ проф. Багалѣя; въ ихъ изложеніи у проф. Любавскаго встрѣчаются иногда прямые неточности.

При описаніи историческаго процесса XI—XIII вв. проф. Багалѣй посвящаетъ отдѣльные небольшіе обзоры каждой изъ земель-областей въ особенности. Это, конечно, совершенно правильный пріемъ, и обойтись безъ этихъ обзоровъ невозможно. Но необходимо сгруппировать въ этихъ обзорахъ все, что можетъ представить ихъ образы возможно выпукло и ярко, чтобы запечатлѣть въ представленіяхъ читателя ихъ индивидуальность. Проф. Багалѣй въ одномъ отдѣлѣ даетъ географическіе обзоры земель-областей, въ другомъ—обзоры ихъ исторіи; это раздробляетъ вниманіе и утомляетъ его. Необходимо собрать воедино географическія особенности и наиболѣе важныя черты мѣстной исторіи и все характерное въ области мѣстной культуры и политико-общественнаго строя. Это необходимо вѣдь и для уясненія всего характера этой эпохи. Общая схема общественнаго и политическаго строя и культурной жизни этой послѣдней вѣдь получается въ концѣ концовъ довольно искусственно, чрезъ отвлеченіе и обобщеніе наиболѣе общихъ и характерныхъ чертъ изъ жизни отдѣльныхъ областей. Но послѣдняя далеко не отличалась единствомъ формъ. Если не остановить вниманія читателя на отличіяхъ въ складѣ отдѣльныхъ земель и особенностяхъ тѣхъ путей, которыми шла и развивалась ихъ жизнь, то у него получается совершенно ложное впечатлѣніе о восточно-славянскомъ мірѣ

этой эпохи—о рядѣ земель съ приблизительно одинаковымъ устройствомъ, учрежденіями, культурною жизнью: земли представляются лишь географическимъ и административнымъ дѣленіемъ, въ родѣ нынѣшнихъ губерній, однообразно-построенныхъ на основаніи учрежденія о губерніяхъ. Въ концѣ концовъ можетъ получиться такое же фальшивое впечатлѣніе, какъ и о карамзинскомъ «государствѣ Россійскомъ» XII вѣка, разсматриваемомъ съ точки зрѣнія монархій XVIII в.

Что касается развитія областной жизни, то у проф. Любавскаго читатель встрѣчается съ изложеніемъ причинъ «политическаго и экономическаго разобщенія разныхъ частей Руси» (с. 108—9), которое можетъ вызвать не совсѣмъ точное представленіе объ этомъ процессѣ:

«Итакъ, русское населеніе къ концу XII вѣка сильно разобщилось географически. Теперь уже не было того единства, которое существовало раньше, когда большая часть его группировалась вдоль великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки. Одновременно съ тѣмъ оно должно было разобщиться и въ своихъ политическихъ и экономическихъ интересахъ. Прежде у русскаго населенія былъ одинъ главный врагъ—кочевники. Съ расселеніемъ въ сторону отъ Приднѣпровья и враги появились у разныхъ земель разные: Полоцкой землѣ, напр., мало было дѣла до половцевъ, но зато много хлопотъ съ литвою; Галицкой землѣ и Волынской приходилось имѣть дѣло главнымъ образомъ съ поляками, венграми и литвою» и т. д.

«Прежде у восточнаго славянства былъ одинъ общій экономическій интересъ, связанный съ торговлею по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки. Теперь эта торговля съ Византією и Востокомъ пришла въ упадокъ, и на первый планъ выдвинулась торговля съ западною Европою. Но эта торговля пошла уже разными путями: торговля Рязанской, Суздальской и Новгородской земель черезъ Волгу и рѣки озернаго края, торговля Черниговско-Сѣверской, Смоленской и Полоцкой земель—черезъ рѣки системы Днѣпра и Зап. Двины», и т. д.

Почтенный авторъ этимъ «разобщеніемъ русскаго населенія, происшедшимъ къ концу XII вѣка, и стоявшимъ въ связи съ нимъ разобщеніемъ его политическихъ и экономическихъ интересовъ» объясняетъ обособленіе земель и подчеркиваетъ, что «эти факторы недостаточно выдвинуты и оцѣнены въ наличной исторической литературѣ, которая главное вниманіе удѣляла въ данномъ случаѣ развитію княжескихъ отношеній и изъ нихъ выводила возродившійся на Руси партикуляризмъ».

Это не совсѣмъ точно, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что въ исторической литературѣ обособленіе земель не возводилось

исключительно къ княжескому партикуляризму. Размноженіе княжеской династіи и признаніе въ княжеской средѣ принципа отчинности, провозглашенное на Любечкомъ съѣздѣ, съ одной стороны, и ослабленіе энергіи сцѣпленія кievской политической системы и паденіе ея стараго центра съ другой, создали почву для компромисса—дали возможность исконнымъ центробѣжнымъ стремленіямъ осуществиться безъ разрыва съ династіей и княжеско-дружиннымъ строемъ. Но на то, что обособленіе земель-областей глубоко коренилось въ старыхъ основахъ племенной жизни, было указано очень давно; велась по этому вопросу и полемика; дѣлались поправки, указывавшія на вліяніе городскихъ, политическихъ центровъ на формированіе областей; привлекались и филологическія данныя для провѣрки того, насколько это областное дѣленіе соответствовало этнографической дифференціаціи. Такимъ образомъ внѣ вліянія «княжескаго партикуляризма» въ немъ усматривались причины гораздо болѣе глубокія, коренныя—и много болѣе древнія, чѣмъ XII вѣкъ. Тѣ факторы, на которые указываетъ проф. Любавскій, также отнюдь не были созданиємъ XII вѣка—и расселеніе восточно-славянскаго населенія внѣ сферы новгородско-кievскаго пути, и борьба съ иноплеменными сосѣдями и торговля сношенія въ различныхъ направленіяхъ. Не нужно упускать изъ виду, что «путь изъ Варягъ въ Греки» вовсе не имѣлъ такого монопольнаго значенія и въ X—XI вв. (значеніе новгородско-кievскаго пути несомнѣнно умышленно муссировано въ доступныхъ намъ редакціяхъ лѣтописи, въ связи съ тенденціями ея редакторовъ: новгородской и варяжской теоріями). А борьба съ Польшею для юго-западныхъ земель, или финскія и варяжскія отношенія для Новгорода, конечно, были ихъ насущными интересами и въ X—XI вв.,—не борьба съ кочевниками, въ которой они не участвовали.

Что обособленіе земель-областей, совершающееся въ XI—XII вв., и развитіе областной жизни не было, однако, однимъ торжествомъ партикуляризма; это нужно бы подчеркнуть какъ можно болѣе опредѣленно. Областной строй былъ компромиссомъ унитарныхъ теченій, созданныхъ единствомъ кievской политической системы, и центробѣжныхъ теченій, являвшихся наслѣдіемъ болѣе древней, до-кievской эпохи. Подъ покровомъ областной самостоятельности, въ рамкахъ обособленныхъ земель-государствъ внѣдряются въ толщу народной жизни элементы политическаго, культурнаго, національнаго единства, созданное кievской системой единство политическаго устройства, общественныхъ отношеній, права, искусства, книжности. Это единство, наблюдаемое позже, въ XV—XVI вв., въ земляхъ, далеко разошедшихся въ

своей политической и культурной жизни, принадлежавшихъ къ различнымъ восточно-славянскимъ народностямъ, несомнѣнно, является послѣдствіемъ не эпохи внѣшняго объединенія X—XI вв., когда проникновеніе еще не могло осуществиться, а именно эпохи обособленія и партикуляризма XII—XIII столѣтій.

Проходя черезъ призму изначальной племенной близости нѣкоторыхъ племенъ, сопутствуемой различіемъ или сходствомъ колонизаціонныхъ, политическихъ и культурныхъ условий, усиливавшихъ или видоизмѣнявшихъ первоначальныя связи племенного сродства, эти элементы единства, унаслѣдованные отъ кіевской политической системы, выявляли себя въ процессѣ формированія восточно-славянскихъ народностей — великорусской, бѣлорусской и украинской. Этому процессу оба курса посвящаютъ нѣсколько замѣчаній. Проф. Багалъій исходитъ изъ изначальной племенной близости, связывавшей старыя племена въ три восточно-славянскія группы (с. 232). Проф. Любавскій выдвигаетъ фактъ образованія группъ земель въ концѣ XII и началѣ XIII в., который онъ отмѣчаетъ какъ «новость политической жизни Руси конца XII и начала XIII в.» (послѣднее не совсѣмъ точно, такъ какъ подобныя группировки имѣли мѣсто и раньше, и отмѣченныя имъ группы начала XIII в. далеко не всѣ отличались болѣею прочностью сравнительно съ болѣе ранними). Онъ видитъ въ нихъ «тѣ народныя ядра, которымъ съ теченіемъ времени суждено было превратиться въ особыя политическія тѣла, въ государство Московское—великорусское и Литовское—бѣлорусско-малорусское» (с. 113). Но рѣшающее значеніе онъ приписываетъ въ этомъ отношеніи татарскому нашествію: оно «окончательно разъединило сѣверо-восточную и юго-западную Русь», и съ этимъ связывается «окончательное образованіе малорусской народности, которая съ теченіемъ времени покрыла племенное разнообразіе населенія въ юго-западной Руси». Этотъ процессъ представляется такимъ образомъ: «Основнымъ элементомъ этой народности сдѣлались тѣ племена, которыя наиболѣе уцѣлѣли въ юго-западной Руси послѣ татарскаго погрома. Какія же это племена? По соображенію съ сообщеніями начальной лѣтописи и позднѣйшими данными можемъ остановить наше предположеніе главнымъ образомъ на волынѣнахъ и Карпатской Руси (бѣлыхъ хорватахъ). Эти племена поглотили въ себѣ части другихъ племенъ, сбитыхъ кочевниками на западъ, прежде всего уличей и тиверцевъ, затѣмъ древлянъ и полянъ, быть можетъ и часть сѣверянъ, ассимилировали ихъ и претворили въ единую народность» (с. 150).

Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, въ нѣсколько лишь неопредѣленной и неясной формѣ такъ называемую теорію Погодина о перво-

начальномъ великорусскомъ населеніи Поднѣпровья, эмигрировавшемъ отсюда послѣ татарскаго нашествія и позже замѣщенномъ населеніемъ украинскимъ, пришедшимъ изъ карпатскихъ странъ. Теорія эта въ своей первоначальной редакціи и позднѣйшихъ изводахъ была неоднократно предметомъ критическаго разбора, выяснившемъ шаткость ея основаній и несогласимость съ несомнѣнными факторами исторіи колонизаціи юга. Но въ разныхъ смягченныхъ формахъ она продолжаетъ держаться—въ интересахъ старой исторической схемы, вытягивавшей въ одну хронологическую линію суздальско-владимірскую эпоху съ эпохой кievской. Вліяніе этой старой схемы, съ ея предпочтеніемъ преемственности дѣйствительнымъ фактамъ сосуществованія—такъ сказать, вертикальнаго сѣченія сѣченіямъ горизонтальнымъ, все-таки сказывается еще на обоихъ курсахъ, хотя и не въ равной мѣрѣ. Благодаря этому довольно слабо выступаютъ начальныя эпохи другихъ областей, кромѣ средняго Поднѣпровья: кривичскаго (новгородскаго) сѣверо-запада, поволжскаго востока, и наоборотъ, съ перенесеніемъ центра тяжести въ область суздальско-владимірскую, остается въ тѣни жизнь юга и запада послѣдующей эпохи.

Этимъ закончу свои замѣчанія по поводу этихъ курсовъ. На мелкихъ недосмотрахъ не останавливаюсь; вѣроятно они будутъ исправлены самими авторами при дальнѣйшихъ изданіяхъ, я же хотѣлъ остановиться пока только на нѣкоторыхъ болѣе общихъ вопросахъ.

Проф. М. Грушевскій.

Средневѣковый странствующій школяръ¹⁾.

Если мы сдѣлаемъ небольшую экскурсію въ область нѣмецкой литературы, то найдемъ, что, начиная съ эпохи романтизма, странствующій средневѣковый школяръ (golliard или baschant) становится излюбленнымъ литературнымъ образомъ. Клеменсъ Брентано, Іосифъ Викторъ Шеффель, Юліусъ Вольфъ, Георгъ Эберсъ и нѣкоторые другіе романисты и поэты болѣе или менѣе удачно использовали этотъ сюжетъ. Но никому не удалось превзойти правдивое и въ высокой степени художественное описаніе жизни средневѣкового школяра, какое мы находимъ у Іоганна Буцбаха, праотца студенческой поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и родоначальника нѣмецкаго историческаго романа.

Авторъ «Нодерогисоп'а», или «Хроники странствующаго школяра», Іоганнъ Будбахъ, принадлежалъ къ старшему поколѣнію нѣмецкихъ гуманистовъ ортодоксально-католическаго ла-

¹⁾ «Des Iohannes Butsbach Wanderbüchlein», Insel Bücherei, 1913 г.

гера. Онъ былъ сторонникомъ партіи церковныхъ реформъ. Во главѣ этой партіи стоялъ извѣстный реформаторъ бенедиктинскаго ордена, Iohann Tritemius, идеаломъ котораго было соединеніе набожности съ ученостью. Благодаря своей солидарности съ Tritemius'омъ, Будбахъ былъ вовлеченъ въ полемику съ гуманистами. Одинъ изъ изслѣдователей трудовъ Іоганна Будбаха, Д. Бекеръ, отмѣчаетъ, что хотя онъ и преклонялся передъ законченностью формы въ произведеніяхъ классическихъ авторовъ, но все же никакъ не могъ примириться съ ихъ языческимъ міросозерцаніемъ. Онъ боролся съ проявленіями язычества въ гуманизмѣ и выступалъ на защиту монашеской образованности. За это его зло высмѣяли въ своихъ «Письмахъ темныхъ людей», гдѣ онъ выведенъ подъ очень прозрачнымъ псевдонимомъ «Iohann Stabler aus Miltenberg». Живописный Miltenberg на Майнѣ былъ родиной Будбаха, а Stabler (произведено отъ Stab—посохъ) заключаетъ намекъ на его долгія скитанія, какъ объясняетъ D. Beker.

«Хроника странствующаго школяра» полна очарованія. Въ ней дана прелестная картинка нравовъ конца XV и начала XVI вѣка. Написанная по просьбѣ друга и родственника Будбаха, монаха казтеріанскаго монастыря, Филиппа Друнка, она представляетъ собой автобіографію: въ ней безхитростно передано пережитое. Отсюда и простой разговорный тонъ, дѣлающій это произведение XVI вѣка, написанное на латинскомъ языкѣ, не чуждымъ намъ. Оно ближе намъ, чѣмъ всѣ остальные ученые труды того же автора, которые, по словамъ D. Beker'a, являются доказательствомъ энциклопедичности его образованія.

Жизнь Іоганна Будбаха была полна невзгодъ и приключеній. Изъ-за безсердечнаго отношенія учителя школы въ Мильтенбергѣ родители рѣшили отдать его на попеченіе гостящаго въ ихъ городѣ варслага школяра, такъ называемаго Беан'а, который обѣщалъ имъ научить ихъ сына всѣмъ наукамъ. Но Будбаху не везло: его менторъ оказался бездѣльникомъ и пропойцей. Онъ нигдѣ не могъ ужиться, перекочевывалъ по югу Германіи изъ одной бурсы въ другую, а когда вышли всѣ деньги, данныя ему родителями Будбаха, онъ заставлялъ его побоями, и руганью попрошайничать и красть куръ и гусей по деревнямъ. Наконецъ, такая жизнь стала невмоготу Будбаху, и онъ бѣжалъ отъ своего мучителя въ Богемію, гдѣ былъ въ услуженіи у разныхъ господъ. Жизнь и нравы въ Богеміи его очень поразили. Онъ записалъ много мѣстныхъ народныхъ пословицъ и поговорокъ. Попутно, какъ подобаетъ клерику, онъ сѣтуетъ о хитрости, коварствѣ и лживости тамошнихъ женщинъ, ибо «жен-

ская натура неизмѣнна подѣ всѣми широтами и во всѣхъ странахъ», какъ онъ убѣдился. Онъ съ умиленіемъ относится къ молитвамъ гуситовъ въ Богеміи на ихъ родномъ языкѣ; вслѣдствіе глубокой религіозности для него «всегда святы слова Евангелія, въ какой бы формѣ они ни были бы переданы». Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Богеміи онъ бѣжитъ оттуда и не безъ приключеній возвращается въ свой родной городъ. Тѣмъ временемъ его отецъ умеръ, и отчимъ отвозитъ его въ Ашафенбургъ, гдѣ отдаетъ его на нѣкоторое время въ обученіе къ портному. Скоро Бупбахъ попадаетъ въ бенедиктинскій монастырь, гдѣ занимается шитьемъ одежды для монаховъ. Онъ не перестаетъ жаловаться товарищамъ по работѣ на свою горькую судьбу, не дающую ему возможности получить образованіе, о чемъ онъ мечталъ съ дѣтства. Тѣ совѣтуютъ ему пойти въ Девентръ и поступить въ тамошнюю школу. И вотъ, 27 лѣтъ отъ роду, идетъ Бупбахъ въ эту знаменитую школу и садится, несмотря на то, что онъ великовозрастный верзила, рядомъ съ маленькими школьниками и зубрить уроки. У него не было никакихъ средствъ къ жизни и потому ему приходится зарабатывать себѣ пропитаніе иглой. Но рвеніе къ наукамъ у него не ослабѣваетъ, и вотъ, благодаря природнымъ способностямъ и колоссальному прилежанію, онъ за 2 года успѣваетъ пройти курсъ за 6 классовъ. Ему не удалось закончить ученіе въ Девентрѣ, ибо пріѣхавъ вдругъ клерикъ, посланный аббатомъ монастыря въ Лаахъ. Монастырь нуждался въ монахахъ, знающихъ латинскій языкъ, и потому клерику было поручено пригласить нѣсколько учениковъ школы, желающихъ посвятить свою жизнь служенію Богу и изученію св. Писанія. Бупбахъ рѣшаетъ ѣхать въ Лаахъ и, 29 лѣтъ отъ роду, поступаетъ послушникомъ въ монастырь. Скоро новый послушникъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе и, несмотря на юные годы, уже въ 1507 г. его назначаютъ настоятелемъ монастыря.

Только 20 лѣтъ жилъ Бупбахъ въ Лаахѣ, но внушительный рядъ томовъ его произведеній какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, вызываетъ недоумѣніе, какъ могъ настоятель монастыря, столь обремененный многочисленными обязанностями, написать такъ много трудовъ, и лишь его собственное признаніе, что онъ достигъ этого, «воруя у дня часы отдыха, а у сна часы покоя», дѣлаетъ понятнымъ, откуда у него бралось еще время для занятій творчествомъ. Онъ много читаетъ античныхъ авторовъ, изучаетъ Св. Писаніе, занимается теологіей. Правда, послѣдствія такого образа жизни были ужасны. Его родственникъ, Филиппъ Дрункъ, писалъ, что «32-хъ лѣтъ отъ роду онъ былъ до

того блѣденъ и изможденъ, что глядѣлъ почти старикомъ». Съ 1515 года вплоть до послѣдовавшей въ 1526 г. смерти онъ не бралъ почти пера въ руки: такъ слабъ онъ былъ изъ-за своихъ болѣзней.

Благодаря «Хроникѣ странствующаго школяра», міровая литература обладаетъ единственнымъ въ своемъ родѣ историко-литературнымъ памятникомъ, ибо автобіографія Thomas Platter'a, относящаяся къ этой же эпохѣ, лишена той непосредственности, правдивости и почти дѣтской наивности, какой дышатъ страницы «Хроники».

С. Клейнеръ.

Виновата ли Бельгія въ своей судьбѣ? ¹⁾

Въ довольно уже богатую литературу о трагической судьбѣ Бельгіи книгой брюссельскаго ученаго, извѣстнаго профессора Ваксвейлера, изданной теперь въ Швейцаріи, сдѣланъ очень цѣнный вкладъ. То, что за послѣднее время писалось на большую бельгійскую тему, было, главнымъ образомъ, данью возмущенному чувству, носило преимущественно памфлетный характеръ. Книга же проф. Ваксвейлера совершенно иного жанра. Она написана, такъ сказать, «по-нѣмецки», «sächlich», безъ пафоса и восклицаній, съ обиліемъ всякихъ документовъ и фактическихъ данныхъ. Авторъ весьма корректенъ, у него не срываются рѣзкіе возгласы, — но эта сдержанность придаетъ особую силу книгѣ, она еще болѣе отгѣняетъ благородство чувства, руководившаго авторомъ.

Тема книги: «Виновна ли Бельгія въ своей судьбѣ?» — вызвана очень широко распространившимися слухами о томъ, что: 1) Бельгія была въ тайной сдѣлкѣ съ державами тройственнаго соглашенія, главнымъ образомъ съ Англіей и 2) что она воевала средствами, противорѣчащими международному праву. Своей книгой проф. Ваксвейлеръ даетъ убійственный отвѣтъ на всю эту поднятую противъ чести его народа кампанію.

«Нужно постоянно повторять истину, ибо ложь вокругъ насъ также проповѣдуется постоянно и не только одиночками, но и массой», — эти гётевскія слова, взятые авторомъ въ видѣ эпиграфа, характеризуютъ вполне цѣль книги и парируютъ возможные замѣчанія въ духѣ — «съ клеветниками не спорять».

Проф. Ваксвейлеръ въ очень сжатой и яркой формѣ даетъ читателямъ ясное представленіе о международно-политическомъ положеніи Бельгіи, характеризуя ее, какъ страну *нейтрализованную*, какъ государство, специально созданное быть «буферомъ» между Франціей и Германіей. Вѣчный нейтралитетъ Бельгіи въ

¹⁾ Hat Belgien sein Schicksal verschuldet? Von Prof. Dr. Emil Waxweiler, Direktor der Solvay Instituts an der Universität Brüssel. Verlag: Art. Institut Orell Füssli, Zürich, 1915. S. 276.

договоръ 1839 г. былъ скрѣпленъ подписями Англіи, Франціи, Россіи, Пруссіи, становившимися, такимъ образомъ, «гарантами» этого нейтралитета. Бельгія же, съ своей стороны, *обязана* защищать свой нейтралитетъ отъ попытокъ его нарушенія, съ чьей бы стороны онъ ни исходили, обязана содержать армію, строить крѣпости и т. п. Бельгія, такимъ образомъ, просто не въ правѣ была принять ультиматума Германіи,—это не избавило бы ее отъ войны на бельгійской территоріи, такъ какъ Англія и Франція имѣли бы тогда полное основаніе разсматривать Бельгію, какъ врага... Анализомъ ряда германскихъ документовъ, относящихся къ нарушенію бельгійскаго нейтралитета, проф. Ваксвейлеръ блестяще доказываетъ, что «заранѣе обдуманное намѣреніе» здѣсь не оставляетъ никакого сомнѣнія.

Очень подробно останавливается проф. Ваксвейлеръ на вопросѣ о якобы существовавшемъ тайномъ соглашеніи Бельгіи съ Франціей и Англіей. Особенно внимательно останавливается Ваксвейлеръ на «сенсационной» находкѣ нѣмцевъ въ Брюссельскомъ архивѣ военнаго министерства: черновикъ рапорта начальника бельгійскаго генеральнаго штаба о его разговорѣ съ англійскимъ военнымъ агентомъ. У насъ нѣтъ мѣста для достаточно обстоятельнаго пересказа всей этой исторіи. Отмѣтимъ лишь два небольшихъ штриха изъ обращенія нѣмцевъ съ этимъ документомъ. Начальникъ штаба доносилъ министру о своемъ разговорѣ въ 1906 г. съ англійскимъ военнымъ агентомъ на тему о возможномъ вторженіи Германіи въ случаѣ войны съ Франціей. Полк. Барнарднетонъ (агентъ) заявилъ, что тогда Англія придетъ на помощь Бельгіи, и посоветовалъ генеральному штабу проштудировать возможность подобной операціи. И вотъ, переводя теперь этотъ рапортъ, германскій офиціозъ *опускаетъ* слѣдующую фразу: «Вступленіе англичанъ въ Бельгію будетъ имѣть мѣсто лишь тогда, если бельгійскій нейтралитетъ будетъ нарушенъ Германіей». Далѣе, въ рапортѣ сказано: «Воен. агентъ настаивалъ на томъ, что нашъ разговоръ (conversation) долженъ быть абсолютно секретнымъ». Офиціозъ («Norddeutsche Allg. Ztg.») переводитъ «conversation» (разговоръ, бесѣда)—что по-нѣмецки должно обозначаться «Gespräch»—словомъ «Abkommen», означающимъ «соглашеніе» или, по-французски, «accord», «convention»...

Исключительный интересъ представляетъ глава V, въ которой рѣчь идетъ о германскомъ способѣ веденія войны. Какъ извѣстно, нѣмцы мотивировали свое поведеніе въ Бельгіи ея «нелойальностью», существованіемъ «франкъ-тирѣровъ» и т. п. Проф. Ваксвейлеръ совершенно уничтожаетъ всю фактическую часть обвиненій бельгійцевъ въ нарушеніи ими международнаго

права и показываетъ разборъ ряда германскихъ военныхъ руководствъ, что всѣ подвиги, сотворенные нѣмецкой арміей въ Бельгіи, являются лишь осуществленіемъ теоретической программы нѣмецкаго генеральнаго штаба.

Чтобы показать, что всѣ «обвиненія» противъ Бельгіи создались уже «заднимъ числомъ», съ цѣлью оправдать въ глазахъ общественнаго мнѣнія свое преступленіе, проф. Ваксвейлеръ приводитъ, со словъ бельгійскаго посланника въ Берлинѣ, барона Бэйана (Beuens), его разговоръ съ германскимъ министромъ иностр. дѣлъ фонъ-Яговымъ. Въ виду исключительнаго интереса этой бесѣды, мы приведемъ ее цѣликомъ, закончивъ ею разборъ книги, одной изъ лучшихъ по богатству содержанія «военныхъ» книгъ, вполне заслуживающей перевода на русскій языкъ.

Разговоръ происходилъ 3 августа утромъ, на другой день послѣ предъявленія ультиматума.—«Повѣрьте мнѣ,—сказалъ Яговъ,—Германія, скрѣпя сердце, рѣшила нарушить нейтралитетъ Бельгіи, и я лично выражаю глубочайшее сожалѣніе объ этомъ. Но что вы хотите? Для нашего государства это вопросъ существованія. Если нѣмецкія арміи не хотятъ быть раздавленными между молотомъ и наковальней, онѣ должны сначала сильнымъ ударомъ поразить Францію, чтобы затѣмъ ударить на Россію».—«Но,—замѣтилъ баронъ Бэйанъ,—вѣдь границы Франціи имѣютъ протяженіе вполне достаточное для того, чтобы избѣжать прохожденія черезъ Бельгію».—«Эти границы очень сильно укрѣплены. Въ концѣ концовъ, чего мы требуемъ отъ васъ? Только предоставленія намъ свободнаго прохода, неразрушенія желѣзныхъ дорогъ и туннелей и отдачи въ наше распоряженіе необходимыхъ укрѣпленій».—«Единственный допустимый на это отвѣтъ,—сейчасъ же возразилъ посолъ,—найти не трудно. Представьте себѣ, что Франція предъявила намъ ту же просьбу, и что мы на нее согласились. Не сказала ли бы тогда Германія, что мы совершили малодушное предательство?» Такъ какъ министръ не далъ никакого отвѣта на этотъ ясно сформулированный вопросъ, бар. Бэйанъ продолжалъ: «Скажите, пожалуйста, можете ли вы упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь? Не исполняли-ль мы въ теченіе $\frac{3}{4}$ вѣка по отношенію къ Германіи, равно какъ и къ остальнымъ нашимъ «гарантамъ», всѣ наши обязательства нейтралитета? Не давали-ль мы Германіи свидѣтельство своей лояльной дружбы? Какъ же хочетъ Германія вознаградить насъ за это? Превращеніемъ Бельгіи въ европейское поле битвы? Вѣдь извѣстно, что приносить съ собой современная война!»—«Нѣтъ,—отвѣтилъ ф.-Яговъ,—Германія ни въ чемъ не можетъ упрекнуть Бельгію, поведеніе которой было всегда абсолютно

корректнымъ». — «Признайте же, — продолжалъ посоль, — что Бельгія, безъ потери своей чести, не могла вамъ дать иного отвѣта, чѣмъ дала. Съ народами дѣло обстоитъ, какъ съ личностями, и для народовъ не существуетъ другого вида чести, чѣмъ для личности. Вы должны признать, — настаивалъ баронъ, — что отвѣтъ не могъ быть инымъ». Фонъ-Яговъ: «Я признаю это, какъ частное лицо, но какъ государственный секретарь я не въ правѣ выразить никакого мнѣнія»...

Раф. Григорьевъ.

Письмо въ редакцію.

Отъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Переживаемый нами моментъ не только глубоко интересенъ, но по широтѣ событий единственный въ исторіи. Незаинтересованныхъ въ происходящихъ предъ нами событіяхъ нѣтъ. Еще болѣе такой моментъ важенъ для будущаго историка. Въ немъ онъ найдетъ много матеріала для наблюдений и обобщеній. Результатъ предшествующей жизни Европы — настоящій моментъ является ключомъ для пониманія внѣшней и внутренней политики, социальныхъ отношеній, отдѣльныхъ личностей и т. д. И обязанность наша сохранить какъ можно больше фактовъ, документовъ, предметовъ, характеризующихъ и иллюстрирующихъ событія великой европейской войны. Наша обязанность дать будущему историку больше матеріала для всесторонняго и детальнаго изученія эпохи. Между тѣмъ много предметовъ, документовъ расходятся по частнымъ рукамъ, распыляются въ общей массѣ населенія и гибнутъ для будущаго. А часто мелкій штрихъ, малая деталь имѣетъ для историка важное значеніе.

Въ этихъ видахъ Общество Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ имѣетъ организовать музей современной войны и обращается ко всѣмъ съ просьбой содѣйствовать собиранію предметовъ, связанныхъ съ настоящимъ военнымъ временемъ. Общество обращается съ просьбой предоставить въ его музей вещи, документы, печатныя произведенія, отчеты благотворительныхъ учреждений, помогающихъ раненымъ, письма, картины, открытки, карты военныхъ дѣйствій и т. д.

Не ставя себѣ широкихъ задачъ, Общество особенно будетъ благодарно за предоставленіе предметовъ и др. памятниковъ, отражающихъ участіе въ современныхъ событіяхъ г. Казани, Казанской и приволжскихъ губерній. Общество считаетъ, что это его прямая задача, тѣмъ болѣе цѣнная, что участіе отдѣльныхъ мѣстностей обычно ускользаетъ отъ вниманія исторіи, ибо мало придаютъ значенія дѣятельности отдѣльныхъ мелкихъ ячеекъ.

Предсѣдатель Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ М. Хвостовъ.

Члены Совѣта Общества: Н. Петровскій, К. Харламовичъ, Л. Ильинскій, Н. Граціанскій, В. Огородниковъ, Н. Никольскій и А. Муравьевъ.

Редакторъ-издатель С. П. Мельгуновъ.

Т ВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

„Природа и Школа“.

Производство наглядных пособій

для начальной, средней и сельско-хозяйственной школъ.
Предметы для микроскопiи. Каталоги и проспекты бесплатно.

Москва. 1) Магази́нь: Воздвиженка, д. 11, тел. 28-95.
2) Мастерскія: Андроньевская площ., д. 7, тел. 1-86-43.

Складъ изданiй: Записная книжка и календарь для преподавателей, составленная членами «Природа и Школа» цѣна 50 к. и тетрадь Игнатъева и Соколова, Наблюдай природу, цѣна 30 к.

Ежемесячный, литературный, научный и политический журналъ

3-й годъ
изданiя.

„СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“

ПЕТРОГРАДЪ.

3-й годъ
изданiя.

Вышелъ №7—8 (Юльи Августъ).

Содержанiе: Король темнаго покоя.—Рабиндраната Тагора. Пер. съ англ. Зинаиды Венгеровой. II. ORIENTALIA Стихотворенiя—Марiэтты Шагинянъ. III. Изъ жизни Гл. Изв. Успенскаго. VI—X.—А. Иванчина-Писарева. IV. Русь. Стихотворенiе.—Сергiя Есенина. V. Лоси. Разсказъ.—Ив. Насаткина. VI. Докторъ. Разсказъ.—А. Писаревой. VII. Стихотворенiе.—Вл. Волькенштейна. VIII. Въ желѣзномъ тупикѣ.—Я. Тугендхольда. IX. Печатные органы интеллигенцiи изъ народа.—Л. Клейнборта. X. Путевыя замѣтки Александра Иванова, съ предисловіемъ Н. Машковцева. XI. Уроки современной войны.—А. Заблудовскаго. XII. Англо-Германскій конфликтъ въ изящной литературѣ.—В. Нерменцева. XIII. Роль кооперативовъ въ борьбѣ съ дороговизной.—Н. Чайковскаго. XIV. У евреевъ въ Литвѣ (Поѣздка по Литвѣ).—Н. Огановскаго. XV. Одна изъ ближайшихъ задачъ.—Н. Брюлловой-Шаскольской. XVI. Культурныя зависимости.—Григорiя Ландау. XVII. Дороговизна и недостатокъ.—I. Бикермана. XVIII. Иностранныя капиталы и культурныя возможности Сибири.—Дм. Илиискаго. XIX. Во имя національной защиты.—Я. Сахара. XX. Библиографiя. XXI. Книги, поступившія въ редакцію.

280 стр. текста; цѣна въ отдѣльной продажѣ 80 к. 1

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г. Съ достав. и пересыл. годъ 4 р. 6 мѣс. 2 р. 50 к. 3 мѣс. 1 р. 25 к. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ;** въ Главной конторѣ журнала Петроградъ, Загородный пр., 21, въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденiяхъ.

Отдѣльные номера продаются во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ за 60 коп. и высылаются изъ главной конторы журнала наложеннымъ платежомъ за 80 коп.

Издательница С. И. Чацкина.

IV. Критика и библиографія.

Н. К. Пиксановъ. Пушкинъ, т. VI, подъ редакціей С. А. Венгерова;
 В. И. Семевскій. Пушкинъ. Исторія пугачевского бунта. Подъ редакціей Н. Н. Фирсова. К. В. Сивковъ. Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. С. П. Мельгуновъ. В. С. Марковъ. Къ исторіи раскола старообрядчества второй половины XIX ст. С. Г. Сватиковъ. К. К. Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель. Н. К. Пиксановъ. Временникъ Пушкинскаго Дома. Н. К. Пиксановъ. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. Г. Сватиковъ. Имп. Санктпетербургская Академія Художествъ. А. М. Васютинскій. Г. Бемеръ. Іезуиты. А. М. Васютинскій. Судьба одной дворянской семьи во время террора. Записки А. des-Ешероль. Ф. Баллодъ. Гунгеръ и Ламеръ. Культура древняго Востока въ картинахъ. Е. Ф. Коршъ. Л. Гуртиксъ. Франція. Всеобщая исторія искусствъ. Изъ текущей литературы. М. С. Грушевскій. Древняя Русь въ новыхъ курсахъ. С. Клейнеръ. Средневѣковый странствующій школяръ. Р. Григорьевъ. Виновата ли Бельгія въ своей судьбѣ? 278

V. Рисунки.

Портретъ М. Л. Михайлова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ —

**ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,**

подъ редакціей *С. П. Мельникова и В. И. Семевскаго.*

(3-й годъ изданія).

Журналь посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Биографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналь **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 10 руб., на $\frac{1}{2}$ года 5 руб., за границу 12 руб., $\frac{1}{2}$ года 6 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка:

При подпискѣ 8 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюля 8 руб., 1 октября 2 руб.

— Перемѣна адреса 20 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб. 25 к., налож. плат. 1 р. 50 к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1). За 1914 г. по 8 р. На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1915 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Тип. Т-ва Рабушинскихъ. Москва.